

Гарриет Бичер-Стоу
Хижина дяди Тома

Гарриет Бичер-Стоу

ХИЖИНА
ДЯДИ ТОМА

Перевод В. ВАЛЬДМАН

ГЛАВА I,
в которой читатель знакомится с «гуманным» человеком

Однажды холодным февральским днем два джентльмена сидели за бутылкой вина в богато убранной столовой в городе Н., в штате Кентукки.¹ Прислуги в комнате не было, и они, близко придвинувшись друг к другу, по-видимому, обсуждали какое-то очень важное дело.

Удобства ради мы назвали их обоих джентльменами. Однако, строя говоря, один из них не совсем подходил под это определение. Он был невысокого роста, плотный, с грубыми чертами лица, а его развязный тон выдавал в нем человека низкого звания, который старается во что бы то ни стало пролезть в высшие круги общества. Одет он был крикливо. Пестрый жилет и лихо завязанный синий шейный платок в веселенькую желтую крапинку как нельзя более соответствовали его общему облику. Пальцы – толстые, заскорузлые – были унижены перстнями, на массивной золотой цепочке от часов висела целая связка больших разноцветных брелоков, которой он в пылу беседы то и дело поигрывал и брэнчал.

Речь этого человека не отличалась изысканностью и была уснащена такими грубыми выражениями, что, несмотря на все наше стремление к точности, мы не будем приводить их здесь.

Его собеседник, мистер Шелби, производил впечатление истинного джентльмена, а убранство и весь тон дома свидетельствовали о том, что хозяева его не только не стесняются в сред-

¹ Кентукки – самый северный из рабовладельческих, Южных штатов, расположенный на границе с Северными штатами, где уже начиналось движение за освобождение негров от рабства.

ствах, но живут на широкую ногу. Как мы уже упомянули, мужчины, сидевшие за столом, были заняты серьезным разговором.

– Мне бы хотелось уладить наше дело именно так, – сказал мистер Шелби.

– Нет, я вижу, мы с вами никогда не сторгуемся! Не могу, мистер Шелби, решительно не могу, – сказал его гость, поднимая рюмку с коньяком на свет.

– Позвольте, Гейли! Том стоит таких денег. Это незаурядный негр: надежный, честный, смысленный. Под его присмотром хозяйство у меня идет как часы.

– Честный, да честность-то негритянская! – усмехнулся Гейли, подливая себе коньяку.

– Нет! Честный без всяких оговорок. Том добрый, разумный, набожный негр. Он был принят в лоно церкви четыре года назад, и с тех пор я доверяю ему всё: деньги, дом, лошадей. Он у меня повсюду разъезжает один, и мне еще никогда не приходилось сомневаться в его порядочности и преданности.

– Многие толкуют, будто набожных негров вовсе не бывает на свете, а на мой взгляд, это неверно, – сказал Гейли в припадке откровенности и широко повел рукой. – В последней партии, которую я отвез в Орлеан нынешний год, был один негр. Вот гимны² распевал – просто заслушаешься! Как на молитвенном собрании! И такой покладистый, тихий... Я на нем неплохо заработал. Купил его по дешевке у одного человека, которому волей-неволей пришлось спускать все свое добро, и чистой прибылью у меня оказалось шестьсот долларов. Да что и говорить! Набожность, если только это настоящий товар, – вещь ценная в негре.

– Можете быть уверены, что у Тома это настоящий товар, – сказал мистер Шелби. – Да вот, посудите сами: прошлой осенью я послал его в Цинциннати по одному делу. Он должен был доставить мне оттуда пятьсот долларов. Говорю ему: «Том! Доверяю тебе, как христианину. Я знаю, что ты не обманешь своего хозяина». И он вернулся домой, в чем я ни минуты не сомневался. Нашлись низкие люди, которые подговаривали его: «Том, бежал бы ты в Канаду!» – «Нет, не могу, – ответил Том, – хозяин мне верит». Я только потом об этом узнал. Откровенно говоря, мне очень жаль расставаться с Томом. Он должен пойти в уплату всего моего долга, и вы так бы и посчитали, Гейли, будь в вас хоть капля совести.

– Свести во мне столько, сколько полагается нашему брату коммерсанту, то есть самая малость, – отшутился тот. – А друзьям я всегда готов услужить чем могу. Но вы слишком уж многого от меня захотели... слишком многого! – Он сокрушенно вздохнул и снова подлил себе коньяку.

– Так что же вы предлагаете, Гейли? – спросил мистер Шелби после неловкого молчания.

– А не найдется ли у вас какого-нибудь мальчишки или девчонки в придачу к Тому?

– Гм!.. Нет, лишних не найдется. И вообще только крайняя необходимость вынуждает меня на такую сделку. Мне очень неприятно продавать моих негров.

В эту минуту дверь открылась, и в столовую вошел очаровательный мальчик-квартирон³ лет четырех-пяти. Во всем его облике было что-то необычайно милое. Тонкие черные волосы обрамляли шелковистыми локонами круглое, в ямочках лицо; большие, полные огня, темные глаза с любопытством посматривали по сторонам из-под пушистых длинных ресниц. Нарядное, ладно сидевшее на нем платье из красно-желтой шотландки выгодно подчеркивало его яркую внешность, а забавная уверенность манер, сквозь которую все же пробивалась робость, свидетельствовала о том, что он привык ко всеобщему вниманию и баловству.

– Эй ты, черномазый! – сказал мистер Шелби и, свистнув, бросил мальчику веточку изюма. – Лови!

Тот со всех ног кинулся за подачкой под громкий смех своего хозяина.

– Поди сюда, черномазый, – скомандовал мистер Шелби.

Мальчик подбежал на зов, и хозяин погладил его по кудрявой головке и пощекотал ему

² Гимн – здесь: церковное песнопение.

³ Квартирон (от латинского слова «кварта» – четверть) – человек по деду или бабушке негритянского происхождения.

подбородок.

– Ну-ка, покажи джентльмену, как ты умеешь петь и плясать.

Мальчик затаил звучным, чистым голосом капризную негритянскую мелодию, сопровождая ее забавными и очень ритмичными движениями рук, ног и всего тела.

– Bravo! – крикнул Гейли, бросая ему дольку апельсина.

– А теперь покажи, как ходит дядюшка Каджо, когда у него разыгрывается ревматизм, – сказал мистер Шелби.

Гибкое тело мальчика мгновенно преобразилось: он сгорбился, скорчил унылую гримасу и, схватив хозяйскую трость, по-стариковски заковылял из угла в угол, то и дело сплевывая направо и налево.

– А теперь, черномазый, изобрази дедушку Элдера Робинса. Ну, как он поет псалмы?

Пухлая мордочка малыша вытянулась, и он с необычайной серьезностью затаил гнусавым голосом молитвенную мелодию.

Оба джентльмена расхохотались.

– Bravo, bravo! Ну и молодец! – воскликнул Гейли. – Уморительный мальчишка. А знаете что, – он вдруг хлопнул мистера Шелби по плечу, – подбросьте его мне в придачу к Тому – и дело с концом!

При этих словах дверь бесшумно отворилась, и в комнату вошла молодая – лет двадцати пяти – квартиронка.

Достаточно было перевести взгляд с этой женщины на мальчика, чтобы признать в ней его мать. Те же большие темные глаза с длинными ресницами, тот же волнистый шелк черных кудрей.

– Ты что, Элиза? – спросил хозяин, когда она остановилась и нерешительно взглянула на него.

– Простите, сэр, я ищу Гарри.

Мальчик подбежал к матери, показывая ей свою добычу, собранную в подол платяца.

– Вот он, можешь его увести отсюда, – сказал мистер Шелби.

Она подхватила ребенка на руки и быстро вышла из комнаты.

– Черт возьми! – с восхищением воскликнул работороговец, поворачиваясь к мистеру Шелби. – Да на такой красавице в Орлеане состояние нажить можно! У меня на глазах по тысяче долларов платили за женщин, которые вашей в подметки не годились.

– Я не собираюсь наживать состояние на Элизе, – сухо сказал мистер Шелби и, чтобы переменить тему разговора, откупорил новую бутылку вина и спросил собеседника, как оно ему нравится.

– Отменное, сэр! Первый сорт! – ответил работороговец, потом фамильярно похлопал мистера Шелби по плечу и добавил: – Ну, сколько вы хотите за эту красотку? Сторгуемся? Какая ваша цена?

– Она не продается, мистер Гейли, – сказал тот. – Оцените ее хоть на вес золота, моя жена все равно с ней не расстанется.

– Э-э, женщины всегда так говорят, потому что не знают цены золоту! А покажите им, сколько можно купить на такие деньги часиков, страусовых перьев и всяких там безделушек, и они сразу пойдут на попятный.

– Об этом даже и говорить не стоит, Гейли. Я сказал нет, значит нет, – твердо ответил Шелби.

– Ну, хоть мальчишку-то отдайте, – настаивал работороговец. – Сами видите, я за ценой не стою.

– Да зачем он вам понадобился? – воскликнул Шелби.

– А у меня есть один приятель, который занимается скупкой красивых мальчишек. Подрастет такой красавчик, он его и продаст на рынке. Это, конечно, предмет роскоши, их больше берут в лакеи. Товар дорогой, только богачам по карману. Зато какое украшение для ваших хором, когда красивый лакей и дверь открывает и за столом прислуживает! На них можно хорошо зарабатывать, а этот чертенок к тому же такой шустрый да голосистый – самый что ни на есть лучший

товар.

– Мне бы не хотелось его продавать, – задумчиво сказал мистер Шелби. – Дело в том, сэр, что, будучи человеком гуманным, я не могу отнимать ребенка у матери, сэр.

– Вот оно что! Да, я вас понимаю. С женщинами иной раз лучше не связываться. Пойдут слезы, вопли – неприятно! Очень даже неприятно! Но у меня, сэр, дело поставлено так, что обходится без этого. Отправьте-ка вы ее куда-нибудь на денек, а то и на недельку, и все обойдется тихо, спокойно. Вернется домой, а дело уж сделано. Ваша супруга подарит ей сережки, или новое платье, или еще какую-нибудь мелочь, вот она и утешится.

– Боюсь, что нет.

– Да будет вам! Не равняйте вы негров с белыми. Если правильно братья за дело, с них мигом все скатывает. Некоторые говорят, – доверчиво понизив голос, продолжал Гейли, – некоторые говорят, будто на нашей работе черствеешь душой. Что касается меня, так это неправда. Ведь многие что делают? Вырвут ребенка у матери из рук и выставляют его на продажу, а она тут же криком кричит. Я так не могу. Разве это дело? Одна порча товара. После этого некоторые женщины и работать не могут. Помню, была одна в Орлеане – писаная красавица, так ее до того довели, что совсем стала никудышная. Покупатель брал только одну мать, без ребенка, а она горячая была, настоящий порох. Вцепилась в своего малыша, несет невесть что, бьется. Даже вспомнить страшно! В конце концов мальчишку отняли, а ее посадили под замок. Ну, тут она вовсе рехнулась, а через неделю померла. Тысяча долларов – брошенные деньги, а почему? Потому что не умеют обращаться с таким товаром. Нет, сэр, добром скорее возьмешь. Это я по собственному опыту знаю. – Работорговец откинулся на спинку стула и с добродетельным видом скрестил руки на груди.

Разговор этот, по-видимому, представлял для Гейли немалый интерес. Не дождавшись ответа от мистера Шелби, который в раздумье чистил апельсин, он заговорил снова, будто не в силах противостоять стремлению к истине, побуждавшему его добавить еще несколько слов:

– Расхваливать самого себя не годится, но что верно, то верно. Про Гейли идет такая слава, будто у него что ни партия, то все негры как на подбор: сытые, гладкие, молодец к молодцу. И смертность меньше, чем у других. Вот что значит умело вести дела, сэр. У меня, сэр, все строится на гуманном обращении!

Мистер Шелби не нашелся что ответить на это и ограничился одним:

– Вот как?

– Меня, сэр, поднимали на смех, убеждали всячески. Что поделаешь: такие взгляды вещь редкая, но я, сэр, твердо их придерживаюсь, и, могу сказать, они еще ни разу меня не подвели. – И работорговец захохотал, довольный собственным остроумием.

Такое понимание принципов гуманности было настолько своеобразно и неожиданно, что мистер Шелби не мог не рассмеяться за компанию со своим гостем. Это еще более подзадорило Гейли, и он продолжал:

– Странное дело! Сколько я ни пытался вдолбить это людям в голову, все попусту. Взять хотя бы моего прежнего компаньона, Тома Локкера из Натчеза. Ведь неглупый был парень, а с неграми – сущий дьявол! И все из принципа, потому что на самом-то деле Том добрейшей души человек. Такая у него, видите ли, была система. Я, бывало, говорю ему: «Том! Если твои девчонки плачут-разливаются, какой смысл кричать на них и хлестать их бичом? Ничему это не поможет. Пусть, говорю, режут на здоровье. Природа! Тут уж ничего не поделаешь. Гони природу в дверь, она войдет в окно. Кроме того, им это только во вред – дурнеют они от слез. Ты бы лучше как-нибудь умаслил их, поговорил с ними поласковой. Подпусти немножко гуманности – жалеть не будешь, помяни мое слово. Это куда лучше действует, чем ругань да колотушки, и со временем всегда окупается, верно тебе говорю». Да разве ему вдолбишь! Столько перепортил товара, что пришлось мне с ним расстаться. А жаль, добрейшей души был человек и в делах смыслит.

– Следовательно, вы полагаете, что ваш способ ведения дел имеет некоторые преимущества по сравнению со способом Тома? – спросил мистер Шелби.

– Смею так думать, сэр. Была бы только возможность, а я всегда готов как-нибудь сгладить неприятные стороны нашего ремесла. Например, продажу ребят. Отправлю мать куда-нибудь,

чтобы не мешала – ведь вы сами знаете: с глаз долой, из сердца вон, – а когда дело сделано и назад его не повернешь, они волей-неволей свыкаются. Ведь это не белые, которые сызмальства знают, что жена должна жить при муже, а дети – при матери. Негр на это и не надеется – если, конечно, его правильно воспитать, – значит, он и разлуку переносит легче.

– В таком случае, боюсь, что мои воспитаны неправильно, – сказал мистер Шелби.

– Может статья. У вас в Кентукки портят негров. Вы с ними по-доброму, а им эта доброта боком выходит. Сами посудите: какая у негра доля? Мыкаться по белу свету, переходить из рук в руки. А вы носитесь с ним, всячески его ублажаете. Глядишь, он и размечтался не по чину. Каково ему потом придется? Я даже так скажу: на тех плантациях, где другие негры горланят песни да гогочут, словно одержимые, ваши негры чахнут. Мы все, мистер Шелби, думаем каждый про себя, что поступаем правильно, и, по-моему, я со своими неграми обращаюсь, как они того заслуживают.

– Завидная уверенность! – Мистер Шелби чуть заметно пожал плечами, явно испытывая чувство неловкости от таких разглаговльствований.

– Ну-с, – спросил Гейли после долгой паузы, во время которой они оба щелкали орехи, – как же вы решите?

– Я подумаю и поговорю с женой, – ответил Шелби. – И вот вам мой совет, Гейли: если вы хотите уладить это дело по своему же способу, то есть как можно тише, – никому ничего не рассказывайте. Не то слухи разойдутся повсюду, и тогда не оберешься хлопот. Увезти кого-нибудь из моих негров не так просто, как вам кажется.

– Ну конечно! Молчок, молчок! Но мне все-таки хочется поскорее покончить с этим делом – уж очень я тороплюсь, – произнес Гейли, поднимаясь со стула и надевая пальто.

– Хорошо, зайдите сегодня вечером часов в шесть-семь, и я дам вам окончательный ответ, – сказал мистер Шелби.

И работорговец с поклоном вышел из комнаты.

– С каким удовольствием спустил бы я этого самоуверенного наглеца с лестницы! – пробормотал мистер Шелби, как только Гейли закрыл за собой дверь. – Но он знает, что все преимущества на его стороне. Если бы мне кто сказал раньше, что я когда-нибудь продам Тома одному из этих гнусных работорговцев, я бы ответил: «Разве твой слуга пес, что ты так поступаешь с ним?» А теперь, видно, ничего другого не придумаешь. И мальчуган Элизы... Предвижу, какой у меня будет из-за него неприятный разговор с женой – из-за него и Тома. Н-да, вот что значит влезть в долги. Этот субъект прекрасно знает, что я у него в руках, и не упустит случая прижать меня.

Самые мягкие формы рабства можно наблюдать, пожалуй, в штате Кентукки. Те, кому приходилось посещать кентуккийские поместья и видеть благодушное отношение тамошних хозяев и хозяек к невольникам, а также горячую преданность некоторых невольников к своим господам, может статья, поверят поэтической легенде о «патриархальном» укладе жизни в тех местах и тому подобным сказкам. Но на самом деле эти отношения омрачает зловещая тень – тень закона. Покуда в свете закона эти человеческие существа, наделенные сердцем и способностью чувствовать, не перестанут быть вещами, собственностью того или иного владельца, покуда разорение, какое-нибудь несчастье, промах в делах или смерть доброго хозяина будут обрекать их на горе и непосильный труд, до тех пор вы не найдете в рабстве, даже там, где оно обходится без жестокостей, ни одной хорошей, ни одной хоть сколько-нибудь привлекательной черты.

Мистер Шелби принадлежал к тому типу людей, каких немало на белом свете. Он был добродушен, мягок, снисходителен к окружающим, и его негры не могли пожаловаться на тяжелую жизнь. Однако за последнее время Шелби много и довольно безрассудно играл на бирже, наделал больших долгов, и теперь его векселя, выданные на довольно крупные суммы, попали в руки Гейли. Эта небольшая справка должна служить ключом к предыдущему разговору.

Что касается Элизы, то, подойдя к дверям столовой, она уловила несколько слов, из которых ей легко было заключить, что гость – работорговец и хочет купить кого-то у ее хозяина.

Выйдя в коридор, она хотела подслушать их дальнейшую беседу, но ей пришлось поспешить на зов хозяйки. И все же Элиза была почти уверена, что работорговец предложил мистеру

Шелби продать ему ее мальчика. Неужели это ей только послышалось? Сердце замерло у нее в груди, потом бешено заколотилось, и она так крепко прижала к себе Гарри, что мальчик с удивлением посмотрел ей в лицо.

– Милочка, что с тобой сегодня? – спросила Элизу миссис Шелби, когда та опрокинула умывальный кувшин, уронила рабочую корзинку и, наконец, сама того не замечая, подала хозяйке длинную ночную сорочку вместо шелкового платья, которое ей было приказано достать из гардероба.

Элиза вздрогнула.

– О миссис! – проговорила она, подняв на нее глаза, потом расплакалась и, всхлипывая, упала в кресло.

– Элиза, милая! Что случилось? – воскликнула миссис Шелби.

– О миссис, миссис! К хозяину приходил работорговец, они сидели в столовой и разговаривали. Я сама слышала.

– Вот дурочка! Ну и что же из этого?

– Миссис! Неужели хозяин продаст моего Гарри? – И бедняжка откинулась на спинку кресла, не в силах сдержать судорожные рыдания.

– Продаст Гарри? Какие глупости! Будто ты не знаешь, что твой хозяин не ведет никаких дел с южными работорговцами и не продает своих слуг, разве только они выйдут из повиновения. Вот дурочка! Да кто захочет купить твоего Гарри? Ах ты глупенькая! Сама в нем души не чаешь и думаешь, что все от него в таком же восторге. Ну, перестань плакать и застегни мне платье. Вот так! А теперь уложи мне волосы, заплети их в косы, как я тебя учила, и не смей больше подслушивать под дверями.

– Миссис, а вы не дадите своего согласия, если, если...

– Какой вздор! Разумеется, нет! Что это за разговоры! Ведь не стала бы я продавать своих детей! И твоего тоже не продам. Нет, в самом деле, Элиза, ты уж слишком возомнила о Гарри! Стоит только человеку переступить порог, и тебе уж кажется, что он пришел покупать твоего малыша.

Успокоенная уверенным тоном хозяйки, Элиза ловко и проворно одела ее, посмеиваясь над своими недавними страхами.

Миссис Шелби была женщина незаурядная, наделенная большим умом и сердцем. Доброта и великодушие подкреплялись в ней религиозностью и твердостью убеждений, которым она неукоснительно следовала в жизни. Мистер Шелби, человек безразличный к вопросам религии, тем не менее уважал и ценил твердость взглядов жены и, может быть, даже немного побаивался ее. Он не мешал ей заботиться о слугах, учить их, наставлять добру, хотя сам не принимал в этом никакого участия. Ему, видимо, думалось, что набожности и доброты жены хватит с избытком на них обоих.

После разговора с работорговцем его больше всего угнетала мысль, как сообщить жене о заключенной сделке и как отразить горячие возражения и настойчивые просьбы, которые он несомненно встретит с ее стороны.

Миссис Шелби не подозревала о денежных затруднениях мужа и, полагаясь только на мягкость его характера, вполне искренне отмела в сторону подозрения Элизы. Больше того: этот разговор даже не заставил ее призадуматься, и, готовясь к поездке в гости, она ни разу не вспомнила о нем.

ГЛАВА II

Мать

Элиза с малых лет воспитывалась у своей хозяйки, которая очень любила и баловала ее.

Путешественники, попавшие в Южные штаты Америки, вероятно подмечали своеобразное изящество, мягкость голоса и манер, присущие многим кварталонкам и мулаткам.⁴ В кварталон-

⁴ Мулат – человек, один из родителей которого был негр.

ках эти природные качества к тому же часто сочетаются с ослепительной красотой и обаятельностью.

Когда Элиза стала взрослой девушкой, миссис Шелби выдала ее замуж за наделенного недюжинными способностями молодого мулата, по имени Джордж Гаррис, раба из соседнего поместья.

Хозяин отдал этого молодого человека на фабрику мешков, где природный ум и находчивость помогли Джорджу выдвинуться на первое место среди рабочих. Он изобрел машину для трепания конопли, что, принимая во внимание отсутствие технической выучки у изобретателя, свидетельствовало о его большом таланте.

Своей привлекательной внешностью и обходительностью Джордж завоевал всеобщую любовь на фабрике. Но поскольку перед лицом закона этот одаренный молодой мулат был не человеком, а всего лишь вещью, он находился во власти грубого, ограниченного и деспотичного хозяина. Услышав об изобретении Джорджа, принесшем ему такую славу, сей джентльмен отправился посмотреть на своего умного раба. Владелец фабрики принял его с распростертыми объятиями и поздравил с тем, что ему принадлежит такой ценный невольник.

Мистера Гарриса провели по всей фабрике. Джордж с гордостью показал ему свою машину и держался так свободно и так поразил хозяина своей красотой и мужественностью, что тот не мог не почувствовать собственного ничтожества. Как смеет его раб беспрепятственно всюду разгуливать, выдумывать какие-то машины и на правах равного беседовать с господами! Надо положить этому конец. Взять его отсюда немедленно, поставить на полевые работы, и тогда посмотрим, будет ли он по-прежнему задирать нос!

Представьте же себе удивление фабриканта и всех, кто работал с Джорджем, когда хозяин вдруг потребовал причитающееся мулату жалованье и заявил о своем намерении увести его домой.

– Как же так, мистер Гаррис? – запротестовал фабрикант. – Для нас это полная неожиданность!

– Ну и что ж такого? Ведь он принадлежит мне!

– Мы готовы увеличить ему жалованье, сэр.

– Дело не в этом, сэр. У меня нет никакой необходимости посылать своих людей работать на стороне.

– Но, сэр, он ведь словно создан для этой работы!

– Весьма возможно. А для той, на которую его ставил я, видно не создан?

– Ведь Джордж изобрел машину! – вмешался в разговор один из мастеров, и весьма некстати.

– Ах, машину! Машину, которая сберегает труд? Кому же еще изобрести такую штуку, как не ему! Уж тут насчет негров можете быть спокойны. Они большие любители сберегать свой труд. Нет, пусть собирается домой.

*К величайшему удивлению владельца фабрики мистер Гаррисс...
заявил о своем намерении забрать Джорджа с собой.*

Джордж в оцепенении слушал, как решалась его судьба по воле человека, противиться которому было невозможно. Он стоял, сложив руки на груди, сжав губы, но в душе его бушевал вулкан, огненной лавой разливавшийся по жилам. Он тяжело дышал, глаза его сверкали, словно раскаленные угли. Еще секунда – и последовал бы взрыв негодования, но доброжелательный фабрикант вовремя тронул Джорджа за руку и сказал вполголоса:

– Не спорь, уезжай, а потом мы тебя как-нибудь выручим.

Это не ускользнуло от внимания деспота: он понял, о чем идет речь, даже не разобрав слов, и решил во что бы то ни стало проявить хозяйскую власть над своей жертвой.

Джорджа увезли домой и определили на самую черную работу. Он молчал, он не проронил ни одного непочтительного слова, но его сверкающие глаза и беспокойно нахмуренный лоб говорили сами за себя и служили неоспоримым доказательством того, что человека нельзя сделать вещью.

Элиза встретила с Джорджем и стала его женой в те счастливые времена, когда он работал на фабрике. Фабрикант благоволил к Джорджу и предоставлял ему полную свободу. Миссис Шелби со свойственной женщинам страстью к сватовству всецело одобряла этот брак, радуясь, что ее хорошенькая любимица нашла себе такую подходящую пару. Их обвенчали в парадной

гостиной Шелби. Хозяйка сама убрала пышные волосы невесты флёрдоранжем⁵ и накинула на нее подвенечную фату, которой вряд ли когда-нибудь приходилось украшать более очаровательную головку. На этом торжестве не было недостатка ни в белых перчатках, ни в пирогах, ни в вине, ни в гостях, превозносивших и невесту и хозяйку, осыпавшую ее своими милостями.

Первые два года Элиза часто виделась с мужем, и счастье их нарушила только смерть двух младенцев, которых она горячо любила и оплакивала так горько, что миссис Шелби даже мягко журила ее за это, с чисто материнской заботливостью стараясь обуздать страстную натуру молодой женщины и наставить ее на путь покорности воле божьей.

Однако после рождения Гарри Элиза постепенно утешилась и нашла душевный покой. Ее измученное сердце раскрылось навстречу этому крохотному существу, раны зажили, и она снова обрела счастье, длившееся до тех пор, пока ее мужа не увели насильно с фабрики и не вернули на ферму, под власть его законного владельца.

Недели через две после ухода Джорджа фабрикант, верный своему слову, посетил мистера Гарриса в надежде, что тот перестал гневаться, и, не скупясь на доводы, пытался уговорить его отпустить молодого мулата на прежнюю работу.

– Не тратьте лишних слов, – упрямо ответил мистер Гаррис. – Я сам умею вести свои дела, сэр.

– Боже меня упаси в них вмешиваться, сэр! Я только думаю, что в ваших же интересах отпустить к нам Джорджа на тех условиях, которые мы вам предлагаем.

– Я прекрасно вас понимаю! Думаете, никто не заметил, как вы тогда переглядывались и перешептывались? Меня не проведешь, сэр! Мы живем в свободной стране, сэр! Джордж принадлежит мне, и я волен делать с ним что угодно. Вот так-то!

Последняя надежда Джорджа угасла. Впереди его ждала жизнь, полная нудного, непосильного труда, отягченная вдобавок всеми мелкими придирками и унижениями, какие только может измыслить озлобившийся деспот.

ГЛАВА III Муж и отец

Миссис Шелби уехала в гости. Стоя на веранде, Элиза унылым взглядом провожала удаляющуюся коляску, как вдруг плеча ее коснулась чья-то рука. Она быстро повернула голову, и ее красивые глаза радостно вспыхнули.

– Это ты меня напугал, Джордж? Как я рада тебе! Миссис уехала до вечера. Пойдем ко мне и поговорим на свободе.

С этими словами Элиза провела Джорджа в соседнюю с верандой маленькую, чисто прибранную комнатку, где она обычно занималась шитьем и всегда могла услышать зов хозяйки.

– Как я рада! Что же ты не улыбнешься? Посмотри на Гарри – правда, он вырос? (Мальчик стоял рядом, цепляясь за материнскую юбку, и застенчиво поглядывал на отца из-под спутанных кудрей.) И такой стал красавчик! – Элиза откинула сыну волосы со лба и поцеловала его.

– Лучше бы ему не родиться на свет божий! – с горечью воскликнул Джордж. – И ему и мне!

Удивленная и напуганная такими словами, Элиза опустилась на стул, прижалась головой к плечу мужа и залилась слезами.

– Не надо, Элиза! Прости, что я тебя огорчаю, бедняжка моя! – нежно сказал он. – Прости... Зачем мы с тобой встретились?! С другим ты была бы счастлива.

– Джордж, Джордж! Как ты можешь так говорить? Что случилось? Ведь до сих пор мы были счастливы.

– Да, мы были счастливы, дорогая, – сказал Джордж. Потом, посадив Гарри на колени, он пристально посмотрел в прекрасные темные глаза мальчика и обеими руками провел по его

⁵ Флёрдоранж – белые цветы померанца, которыми принято было украшать прическу и платье невесты.

длинным кудрям. – Вылитая мать! А ты, Элиза, красивее и лучше всех женщин на свете. Но зачем мы с тобой узнали друг друга?!

– Не надо так говорить, Джордж!

– Что нас ждет, Элиза? Несчастье, одно несчастье! Моя жизнь горька, как полынь. Я гибну. Я жалкий, несчастный раб, который и тебя потянет за собой на дно. Какой смысл стремиться к чему-то, добиваться знаний? Какой смысл жить? Поскорее бы лечь в могилу – и всё!

– Это грешно, Джордж! Я знаю, как тебе было тяжело расстаться с фабрикой, и хозяин у тебя жестокий, но потерпи, может быть...

– «Потерпи»? – перебил ее Джордж. – Разве я мало терпел? Разве я сказал хоть слово, когда он ни с того ни с сего взял меня с фабрики, где все были так добры ко мне? Весь мой заработок шел ему, до последнего цента, и никто не скажет, что я плохо работал.

– Да, это ужасно... Но ведь он, как-никак, твой хозяин.

– Мой хозяин! А кто его поставил надо мной хозяином? Вот что нейдет у меня из ума. Какое он имеет право распоряжаться мной? Я такой же человек, как он. Нет, не такой, а лучше! Я больше его смыслю в делах. Я читаю быстрее, пишу чище. И всем этим я обязан только самому себе, а никак не хозяину. Я научился грамоте против его воли. Какое же он имеет право превращать меня в ломовую лошадь, отнимать у меня возможность заниматься делом – делом, которое ему не по разуму? Ведь теперешний мой труд под стать только скотине! Он хочет, чтобы я смирился, хочет унижить меня и нарочно посылает на самую тяжелую, самую черную работу.

– Джордж! Не пугай меня! Что с тобой? Ты никогда так не говорил! Я боюсь! Ты задумал что-то страшное! Я все понимаю, но сдержи себя, Джордж, ради меня... ради Гарри!

– Я долго сдерживался и долго терпел, но мне тяжелее день ото дня. Сил человеческих нет выносить такую жизнь! Он не упускает случая, чтобы оскорбить меня, поиздеваться надо мной. Мне думалось так: хорошо, буду работать, буду молчать, а свободное время употреблю на занятия, на чтение книг. Но он видит, что я справляюсь с работой, и подбавляет все больше и больше. «Хоть ты и молчишь, – говорит, – а в тебе сидит дьявол, и этого дьявола надо вывести на чистую воду». Ну что ж, недалек тот день, когда мой дьявол сорвется с цепи, да только он об этом первый пожалеет!

– О господи! Что же нам делать? – с тоской в голосе сказала Элиза.

– Вот, например, вчера, – продолжал Джордж. – Я грузил камни на телегу, а сын хозяина, молодой мистер Том, стоит рядом и щелкает плетью. Лошадь шарахается. Я попросил его перестать, вежливо попросил – ничего не помогает. Опять прошу, и вдруг он давай меня хлестать. Я удержал его за руку, а он закричал, начал лягаться и кинулся к отцу с жалобой, будто я его ударил. Тот разъярился: «Сейчас ты узнаешь, кто твой хозяин!» Привязал меня к дереву, наломал прутьев и говорит мистеру Тому: «Бей его, пока не устанешь». А тот рад стараться... Когда-нибудь припомнят они этот день! – Молодой мулат нахмурился и так сверкнул глазами, что его жена испуганно вздрогнула.

– Кто поставил надо мной этого человека – вот что я хочу знать!

– А я, – грустно проговорила Элиза, – я всегда думала, что должна во всем повиноваться своим хозяевам.

– Ты – другое дело. Они растили тебя, как собственного ребенка, кормили, одевали, баловали, обучали грамоте. Это дает им какие-то права. А ведь я знал одни побои, одни колотушки и брань и радовался, когда обо мне забывали. Разве я в долгу перед своим хозяином? Он получил сполна за мое содержание, получил во сто крат больше, чем следовало. Нет, довольно терпеть! Довольно! – воскликнул Джордж, сжимая кулаки.

Элиза молчала. Ей никогда еще не приходилось видеть мужа в таком гневе.

– А твой подарок – бедный маленький Карло! – снова заговорил Джордж. – Эта собачонка была моим единственным утешением. Карло спал со мной, днем не отходил от меня ни на шаг, а глаза какие были умные, словно все понимает. Так вот. На днях я собрал у кухни разных объедков и кормлю его, а хозяин увидел и говорит: «За мой счет кормишь! Если все мои негры заведут себе собак, это мне не по карману будет». Велел привязать ему камень на шею и утопить в пруду.

– Джордж! И ты согласился?

– Я? Как бы не так! Впрочем, все обошлось без меня. Они с Томом бросили несчастного Карло в воду и закидали его камнями, а он так жалобно на меня смотрел, будто спрашивал: «Что же ты не спасаешь?..» Опять меня били – за то, что отказался топить. А, пускай бьют! Когда-нибудь хозяин поймет, что таких, как я, палкой не смиришь. И пусть остерегается, не то ему плохо придется!

– Что ты задумал, Джордж? Не бери греха на душу! Положись на господу-бога, и он избавит тебя от мучений.

– Я не такой добрый христианин, как ты, Элиза. Мое сердце полно злобы. Я не могу положиться на бога, раз он допускает такую несправедливость.

– Нельзя терять веру, Джордж! Моя хозяйка говорит – даже в самые тяжелые дни мы должны верить, что господь делает все нам на благо.

– Хорошо так говорить людям, которые нежатся на мягких диванах и разъезжают в каретах! На моем месте они запели бы другую песенку. Я бы рад быть хорошим, добрым, да не выходит. Сердце во мне горит, не могу смириться. И ты не смиришься, когда я скажу тебе то, что надо сказать. Ты еще всего не знаешь.

– Боже мой! О чем ты?

– А вот о чем. Последнее время хозяин несколько раз принимался говорить, что напрасно он позволил мне жениться на стороне, что мистер Шелби и все его друзья ему ненавистны – они гордецы и не хотят с ним знаться, а я будто бы набрался гордости от тебя. Он грозил, что не будет больше отпускать меня сюда, а женит на ком-нибудь из наших. Я сначала принимал это за пустые угрозы, но вчера он приказал мне взять в жены Мину и перебраться к ней в хижину, а если я не соглашусь, он продаст меня на Юг.

– Да ведь ты обвенчан со мной, нас венчал священник, как белых! – простодушно сказала Элиза.

– А разве ты не знаешь, что раб не может жениться? В нашей стране закон его не защищает. Если хозяин захочет разлучить нас, мне тебя не удержать. Вот почему я говорю: зачем мы встретились, зачем я родился на свет божий! Нам с тобой и нашему несчастному ребенку было бы лучше вовсе не родиться. Может быть, и его ждет та же участь!

– Ну что ты! Мой хозяин такой добрый!

– Да, но кто знает, как все сложится дальше? Он может умереть, и тогда Гарри продадут. Какая нам радость, что сын у нас такой красивый и умный? Говорю тебе, Элиза: каждая минута счастья, которую дает тебе ребенок, отольется потом слезами. Нам не сберечь такое сокровище.

Эти слова поразили Элизу в самое сердце. Перед ее мысленным взором встал работорговец. Бледная, еле переводя дыхание, она выглянула на веранду, куда убежал ее мальчик, которому наскучил серьезный разговор родителей. Сейчас он с торжествующим видом скакал там верхом на трости мистера Шелби. Элиза чуть было не рассказала мужу о своих опасениях, но вовремя сдержалась.

«Нет! Довольно с него горя, – подумала она. – Я ничего ему не скажу. Да это всё пустые страхи. Миссис никогда нас не обманывает».

– Так вот, Элиза, – с горечью проговорил Джордж, – крепись, моя дорогая... и прощай, я ухожу.

– Уходишь, Джордж? Куда?

– В Канаду, – ответил он, расправляя плечи. – И я тебя выкуплю, как только доберусь туда. Это наша единственная надежда. Я выкуплю и тебя и сына. Клянусь, что выкуплю!

– Боже мой! А если тебя поймут, Джордж!

– Не поймут. Живым я не дамся. Умру или добьюсь свободы!

Наложить на себя руки?

– Это не понадобится. Они сами меня убьют, потому что продать себя я не позволю.

– Джордж! Не бери греха на душу, хотя бы ради меня! Не губи ни себя, ни других! Искушение велико, но не поддавайся ему. Если ты решил бежать, беги, только будь осторожен! Моли

господа, чтобы он помог тебе!

– Подожди, Элиза! Послушай, как я решил. Хозяин послал меня с письмом к мистеру Симзу, который живет за милю отсюда. Он, наверное, рассчитывает, что я зайду к тебе, расскажу обо всем, и радуется – ведь ему лишь бы досадить «этим Шелби». Я вернусь домой печальный, смиренный – понимаешь? – будто всему конец. У меня уже почти все готово, есть и люди, которые мне помогут, и через неделю другую меня хватятся и не найдут. А теперь прощай, – закончил Джордж и, взяв Элизу за руки, долго смотрел ей в глаза.

Они стояли молча. Потом несколько сказанных напоследок слов, горькие слезы, рыдания – так прощаются люди, когда их надежда на новую встречу тоньше паутины. И вот муж и жена расстались.

ГЛАВА IV

Вечер в хижине дяди Тома

Дядя Том жил в маленькой бревенчатой хижине, стоявшей возле самого господского дома. Перед хижинкой был разбит небольшой садик, где, окруженные всяческой заботой, каждое лето произрастали клубника, малина и много других ягод и овощей. Большие ярко-оранжевые бегонии и ползучие розы, переплетаясь между собой, почти скрывали от глаз бревенчатый фасад хижины. Однолетние ноготки, петунья и вербена тоже находили себе уголок в этом саду и распускались пышным цветом, к вящему удовольствию и гордости тетушки Хлои.

А теперь, читатель, войдем в самую хижину.

Ужин в господском доме закончен, и тетушка Хлоя, которая в качестве главной поварахи руководила его приготовлением, предоставила уборку и мытье посуды младшим кухонным чинам и удалилась в свои собственные уютные владения «покормить старика». Следовательно, вы можете не сомневаться, что это она стоит у очага, наблюдая за сковородой, на которой что-то шипит, и время от времени с озабоченным видом поднимая крышку кастрюли, откуда несутся запахи, явно свидетельствующие о наличии там чего-то вкусного. Лицо у тетушки Хлои круглое, черное и так лоснится, будто оно смазано яичным белком, как чайные сухарики ее собственного приготовления. Эта пухлая физиономия, увенчанная свеженакрахмаленным клетчатый тюрбаном, сияет спокойной радостью, не лишенной, если уж говорить начистоту, оттенка некоторого самодовольства, как и подобает женщине, заслужившей славу первой кулинарки во всей округе.

Тетушка Хлоя была поварихой по призванию, по сердечной склонности. Завидев ее, каждая курица, каждая индюшка, каждая утка на птичьем дворе впадала в тоску и думала о своей близкой кончине. А тетушка Хлоя действительно была до такой степени поглощена мыслями о всевозможных начинках, о жаренье и паренье, что появление этой женщины не могло не навести ужаса на любую склонную к размышлениям птицу. Ее изделия из маисовой муки – всякие там оладьи, пышки, лепешки и прочее, всего не перечислишь – представляли собой неразрешимую загадку для менее опытных кулинарок, и у тетушки Хлои только бока ходили от смеха, когда она, полная законной гордости, рассказывала о бесплодных попытках какой-нибудь своей товарки подняться на высоту ее искусства.

Приезд гостей в господский дом, приготовление парадных обедов и ужинов пробуждали все душевные силы тетушки Хлои, и ничто так не радовало ее глаз, как зрелище дорожных сундуков, горой наваленных на веранде, ибо они предвещали ей новые хлопоты и новые победы.

Но сейчас тетушка Хлоя заглядывает в кастрюлю, и за этим занятием мы и оставим ее до тех пор, пока не дорисуем нашей картины.

В одном углу хижины стоит кровать, аккуратно застеленная белым покрывалом, перед ней – ковер, довольно солидных размеров, свидетельствующий о том, что тетушка Хлоя не последний человек в этом мире. И ковер и кровать, возле которой он лежит, и весь этот уголок окружены особым уважением и, по возможности, охраняются от набегов и бесчинств малышей. По сути дела, уголок тетушки Хлои служит не больше не меньше как гостиной. У другой стены хижины видна еще одна кровать, не столь пышная и, по-видимому, предназначенная для спанья. Стена над очагом украшена многоцветными литографиями на темы из священного писания и портре-

том генерала Вашингтона,⁶ исполненным в столь самобытной живописной манере, что сей славный муж был бы немало удивлен, если б ему пришлось увидеть такое свое изображение.

В тот вечер, который мы описываем, на простой деревянной скамье в углу хижины сидели двое курчавых мальчиков с блестящими темными глазами и лоснящимися круглыми рожицами. Они с интересом наблюдали за первыми попытками самостоятельного передвижения крохотной девочки, кои, как это всегда бывает, состояли в том, что она становилась на ноги, секунду пыталась сохранить равновесие и шлепалась на пол, причем каждое ее падение бурно приветствовалось зрителями, как нечто из ряда вон выходящее.

Перед очагом стоял стол, явно страдавший застарелым ревматизмом, на столе была постлана скатерть, а на ней красовались весьма аляповатые чашки, тарелки и другие принадлежности вечерней трапезы. За этим столом сидел лучший работник мистера Шелби, дядя Том, которого мы должны обрисовать читателю с возможно большей полнотой, поскольку он будет главным героем нашей книги. Дядя Том – человек рослый, могучий, широкий в плечах, с лицом сосредоточенно умным, добрым и благодушным. Во всем его облике ощущается большое чувство собственного достоинства, доверчивость и душевная простота.

Дядя Том сидел, устремив внимательный взгляд на лежащую перед ним грифельную доску, на которой он медленно и терпеливо выводил буквы под наблюдением мистера Джорджа – веселого, живого мальчика тринадцати лет, несомненно отдающего себе полный отчет в солидности своего положения как наставника.

– Не так, дядя Том, не так, – быстро проговорил Джордж, увидев, что дядя Том старательно выводит задом наперед букву «Е». – Это получается цифра "3".

– Ах ты, господи! Да неужто? – сказал дядя Том, восхищенно глядя, как молодой учитель проворно пишет одну за другой букву «Е» и цифру «3» для его вразумления. Потом он взял грифель и с тем же терпением принялся писать дальше.

– А белые за что ни возьмутся – у них все спорится! – сказала тетушка Хлоя, поднимая вилку с кусочком сала, которым она смазывала сковородку, и с гордостью глядя на молодого хозяина. – Вот уж мастер писать, читать! А как вечер, так к нам – и нас учит. До чего же любопытно, прямо заслушаешься!

– А до чего же я проголодался! – сказал Джордж. – Торт еще не скоро будет готов?

– Скоро, мистер Джордж, скоро, – ответила тетушка Хлоя, приподымая крышку и заглядывая в кастрюлю. – Ишь, как подумянился – чистое золото! Уж за меня можете быть спокойны. Вот недавно миссис велела Салли испечь торт. Пусть, говорит, учится. А я говорю: «Да ну вас, миссис! Смотреть тошно, когда добро зря переводят. Вы полюбуйте, как он у нее поднялся: с одного боку – ни дать ни взять, мой башмак. Да ну вас!» – говорю.

Выразив этим последним восклицанием все свое презрение к неопытности Салли, тетушка Хлоя быстро сняла крышку с кастрюли и открыла взорам присутствующих великолепно выпеченный торт, которого не постыдился бы любой городской кондитер. Этот торт, по-видимому, должен был служить главным козырем тетушки Хлои, и теперь она всерьез принялась за приготовления к ужину.

– Моз, Пит! Марш отсюда, черномазые! Полли, душенька моя, подожди немножко, мама свою дочку тоже покормит. Теперь, мистер Джордж, уберите книги, садитесь как следует с моим стариком, а я мигом подам колбасу и наложу вам полные тарелки оладьев.

– Меня ждали домой к ужину, – сказал Джордж, – но я не такой простачок, знаю, где лучше.

– Ну еще бы вам не знать, душенька вы моя! – воскликнула тетушка Хлоя, накладывая ему на тарелку гору оладьев. – Ваша старая тетушка всегда вам припасет самый лакомый кусочек. Да ну вас совсем! Еще бы вам не знать! – И с этими словами окончательно развеселившаяся тетушка Хлоя ткнула Джорджа пальцем в бок, после чего снова подскочила к очагу.

⁶ Джордж Вашингтон (1732–1799) – главнокомандующий американскими войсками в войне с Англией за независимость (1775–1783). После этой войны Джордж Вашингтон стал первым президентом Соединенных Штатов Америки.

– А теперь примемся за торт, – произнес Джордж, лишь только сковорода прекратила свою бурную деятельность, и взмахнул большим ножом над сим произведением кулинарного искусства.

– Побойтесь бога, мистер Джордж! – в ужасе воскликнула тетушка Хлоя, схватив его за руку. – Резать мой торт таким огромным ножом! Да вы его сомнете, всю красоту испортите! У меня для этого есть особый ножик – старый, тоненький. Вот, возьмите. Ну что? Точно в пух вошел! Теперь ешьте на здоровье. Лучше этого торта нигде не сыщете.

– А Том Линкен говорит, – с полным ртом забормотал Джордж, – Том Линкен говорит, что их Джинни стряпает лучше тебя.

– Да разве Линкены чего-нибудь стоят по сравнению с нашими хозяевами! – презрительно ответила тетушка Хлоя. – Люди они почтенные, простые, ничего не скажешь, но что касается всяких там премудростей, так где им! Посадите-ка вы мистера Линкена рядом с мистером Шелби! А миссис Линкен? Разве она может войти в гостиную эдакой павой, как моя хозяйка? Да ну вас совсем! Что вы мне рассказываете об этих Линкенах! – И тетушка Хлоя вскинула голову, твердо уверенная в своем знании света.

– Да ты сама говорила, что Джинни неплохая стряпуха! – не унимался Джордж.

– Правильно, – ответила тетушка Хлоя, – я могла так сказать. Джинни умеет стряпать по-просту, без затей. Кукурузные лепешки спечет, хлебы поставит. Оладьи у нее получаются не бог весть какие, но есть можно. Зато уж если надо приготовить что-нибудь позатейливее... Господи помилуй, да разве ей справиться! Она и пироги печет – что верно, то верно, – а какая у них верхняя корочка? Сумеет она замесить тесто, чтобы оно как пух было, во рту таяло? Когда мисс Мери выдавали замуж, Джинни показала мне, какой она испекла свадебный пирог. Мы с ней подружились, вы сами это знаете, и я, конечно, ни единым словом не обмолвилась, а сама-то думаю – я бы из-за такого пирога целую неделю глаз не сомкнула. Тоже – пирог, называется!

– А по-моему, Джинни осталась очень довольна своим пирогом, – сказал Джордж.

– Довольна? Ну еще бы! Потому она мне и похвасталась им, что не знает, какие бывают настоящие-то пироги. А что с Джинни спрашивать? Разве она виновата? В таком уж доме живет. Ах, мистер Джордж, цены вы не знаете своей семье и своему воспитанию! – Тетушка Хлоя вздохнула и с чувством закатила глаза.

– Зато я знаю цену нашим пирогам и пудингам, – сказал Джордж. – Спроси Тома Линкена, как я перед ним задираю нос.

Тетушка Хлоя плюхнулась на стул и залилась веселым смехом, потешаясь над остроумной шуткой своего молодого хозяина. Слезы катились по ее глянцевиным черным щекам, время от времени она переводила дух, хлопала мистера Джорджа по плечу, тыкала его пальцем в бок, говорила: «Да ну вас совсем, да вы меня уморите, как бог свят уморите!», называла его проказником и заливалась смехом все раскатистее и громче, так что Джордж под конец счел свое остроумие крайне опасным и решил впредь шутить с осторожностью.

– Значит, вы ему напрямик так и сказали? Уж эта молодежь, чего она только не придумает! И нос перед ним задираете? Ох, мистер Джордж, вы и мертвого рассмешите!

– Да, да, так напрямик и заявил: «Том, – говорю, – не мешало бы тебе попробовать пирогов нашей тетушки Хлои. Вот объедение-то!»

– А правда, жалко, что он не пробовал, – сказала тетушка Хлоя, чье доброе сердце сразу разжалобила столь горькая участь Тома. – Пригласите его как-нибудь к обеду, мистер Джордж. С вашей стороны это будет очень хорошо.

– Я хочу позвать Тома как-нибудь на будущей неделе, – сказал Джордж. – А уж ты постарайся, тетушка Хлоя. Пусть удивляется. Мы его так накормим, что он долго не забудет нашего угощения.

– Хорошо, хорошо! – обрадовалась тетушка Хлоя. – Уж я вас не подведу, вот увидите. Каких мы только обедов не устраивали! Боже ты мой! Помните, я испекла большой-пребольшой пирог с курятиной, когда у нас был генерал Нокс? Мы с миссис в тот день чуть не повздорили. С этими леди иной раз такое начинает твориться, что только руками разводишь. Человек занят важным делом, настроился серьезно, волнуется, а они шагу тебе не дают ступить, во все готовы

вмешаться. Вот и моя миссис: то так мне велит, то эдак. Наконец сил моих больше не стало! «Миссис, – говорю, – поглядите вы на свои белые ручки да на тонкие пальчики все в кольцах. Ни дать ни взять, лилии в капельках росы! А у меня вон какие ручищи – словно черные обрубки. Так как же, по-вашему? Кому господь положил печь пироги, а кому сидеть в гостиной?» Вот я как осмелела, мистер Джордж!

– А что мама сказала? – спросил тот.

– Что сказала? Знаете, какие у нее глаза? Большие, красивые. Промелькнула в них усмешка, и, слышу, говорит: «Хорошо, тетушка Хлоя, пусть будет по-твоему», и ушла к себе в гостиную. Меня бы за такую смелость оттрепать надо, но уж какая я есть, такая и есть – не люблю, когда мне мешают на кухне.

– А тот обед удался на славу, я помню, все его похваливали, – сказал Джордж.

– Похваливали? А вы думаете, я не стояла за дверью, не видела, как генералу три раза подкладывали пирога на тарелку? А он ест и приговаривает: «У вас просто замечательная повариха, миссис Шелби!» Ох! Как я тогда жива осталась!.. А генерал, он понимает, что такое хороший стол, – горделиво продолжала тетушка Хлоя. – Почтенный человек. Их семья одна из самых знатных в старой Виргинии.⁷ Он не хуже меня знает толк в пирогах, а в них, мистер Джордж, не всякий разбирается. Я тогда еще подумала: «Ну, генералу все тонкости известны».

К этому времени Джордж достиг той степени насыщения, когда уже кусок не идет в горло, и поэтому он наконец-то соизволил заметить две курчавые головки и две пары горящих глаз, которые с жадностью следили с другого конца комнаты за тем, что делается у стола.

– Моз, Пит, получайте! – крикнул Джордж, бросив им по большому куску торта. – Вам, наверное, тоже хочется? Тетушка Хлоя, накорми их.

Гость и хозяин пересели в уютный уголок поближе к очагу, а тетушка Хлоя, нажарив еще целую гору оладьев, посадила малютку на колени и начала совать кусочки по очереди то ей, то себе, то Мозу и Питу, которые предпочитали поедать свою порцию, катаясь по полу, щекоча друг друга и время от времени хватая сестренку за ноги.

– Да ну вас совсем! – покрикивала на шалунов мать и, когда возня принимала слишком буйный характер, беззлобно пинала их ногой под столом. – Белые в гости пришли, а им хоть бы что! Перестать сию же минуту! Сидите смиренно, не то спущу я вас на одну пуговицу ниже, дайте только мистеру Джорджу уйти.

Трудно сказать, что означала эта страшная угроза; во всяком случае, ее зловещая неопределенность не произвела никакого впечатления на малолетних грешников.

– Фу ты, господи! – воскликнул дядя Том. – Им бы целый день веселиться, угомона на них нет.

Тут оба мальчугана вылезли из-под стола и, все перемазанные патокой, кинулись целовать сестренку.

– Да ну вас совсем! – крикнула мать, отстраняя рукой их курчавые головы. – Приклеитесь друг к дружке, потом вас не разлепишь. Марш к колодцу, умойтесь как следует!

И она сопроводила свои слова довольно увесистым шлепком, который исторг лишь новый взрыв смеха у малышей, кубарем выкатившихся за дверь.

– Видали когда-нибудь таких негодников? – бладушно спросила тетушка Хлоя и, взяв старенькое полотенце, плеснула на него воды из треснувшего чайника и стала смывать патоку с лица и рук малютки.

Натерев дочку до блеска, она посадила ее Тому на колени, а сама занялась уборкой посуды. Девочка тут же начала тянуть отца за нос, царапать ему лицо и – что доставляло ей особенное удовольствие – запускать свои пухлые ручонки в его курчавую шевелюру.

– Ишь, озорница! – сказал Том, держа дочку на вытянутых руках, потом встал, посадил ее себе на плечо и давай прыгать и приплясывать с нею по комнате.

Мистер Джордж махал платком, Моз и Пит, уже успевшие вернуться, бегали за ними, ревя, как всамделишные медведи, и под конец тетушка Хлоя заявила, что они своей возней «совсем ее

⁷ Виргиния – соседний с Кентукки штат, расположенный на территории, раньше других заселенной европейцами.

без головы оставили». Поскольку эта хирургическая операция производилась здесь ежедневно, заявление тетушки Хлои нисколько не умерило всеобщего веселья, и тишина наступила в хижине лишь тогда, когда все накричались, набегались и натанцевались до полного изнеможения.

– Ну, кажется, уgomонились, – сказала тетушка Хлоя, выдвигая на середину комнаты низенькую кровать на колесиках. – Моз и ты, Пит, ложитесь спать...

* * *

Пока все это происходило в хижине работника, в доме хозяина разыгрывалась совсем другая сцена.

Работорговец и мистер Шелби сидели в той же столовой, за тем же столом, на котором возле чернильницы лежали какие-то бумаги.

Мистер Шелби подсчитывал пачки денег и одну за другой передавал их работорговцу.

– Все правильно, – сказал тот, в свою очередь пересчитав деньги, – а теперь проставьте свою подпись.

Мистер Шелби торопливо придвинул к себе купчую,⁸ подписал ее и отодвинул в сторону вместе с деньгами. Ему, видимо, хотелось поскорее покончить с неприятным делом. Гейли вынул из своего потрепанного саквояжа лист пергаментной бумаги и, просмотрев его, передал мистеру Шелби, который потянулся за ним, стараясь не выдать своего нетерпения.

– Ну, вот и покончили, – сказал работорговец, вставая из-за стола.

– Да, покончили, – в раздумье проговорил мистер Шелби и, глубоко вздохнув, повторил: – Покончили!

– А вы как будто вовсе и не рады, – удивился работорговец.

– Гейли, – сказал мистер Шелби, – я надеюсь, вы будете помнить, что дали мне честное слово не продавать Тома в неизвестные руки.

– Да вы сами только что это сделали, сэр, – сказал работорговец.

– Как вам известно, меня вынудили к этому обстоятельства, – высокомерно ответил Шелби.

– И меня могут вынудить, – сказал работорговец. – Да ладно, я уж постараюсь подыскать вашему Тому местечко получше. А что касается хорошего обращения, так на этот счет можете не беспокоиться. Чего другого, а жестокости во мне, благодарение создателю, и в помине нет.

Памятуя прежние доводы, которые Гейли приводил в доказательство своей гуманности, мистер Шелби не очень-то был обнадежен его заверениями, но так как ни на что другое рассчитывать ему не приходилось, он молча проводил работорговца из комнаты и, оставшись один, закурил сигару.

ГЛАВА V

показывает, как одушевленная собственность относится к перемене хозяев

Мистер и миссис Шелби ушли к себе в спальню. Сидя в большом кресле, мистер Шелби просматривал дневную почту, а его жена стояла перед зеркалом и расчесывала волосы, которые ей так искусно уложила накануне Элиза. Увидев побледневшее лицо и запавшие глаза своей служанки, миссис Шелби отпустила ее в тот вечер раньше обычного и велела ложиться спать. И сейчас, причесываясь на ночь, она вдруг вспомнила их недавний разговор и спросила мужа небрежным тоном:

– Да, кстати, Артур, кто этот неотесанный субъект, которого вы сегодня привели к обеду?

– Его зовут Гейли, – ответил Шелби и беспокойно задвигался в кресле, не поднимая головы от письма.

– Гейли? А кто он такой и что ему здесь понадобилось?

⁸ Купчая, или купчая крепость, – документ о покупке имущества.

- Я вел с ним кое-какие дела, когда был последний раз в Натчезе, – сказал мистер Шелби.
- И на этом основании он теперь считает себя своим человеком в нашем доме и напрашивается к обеду?
- Нет, я сам его пригласил. Надо было подписать счета.
- Он работорговец? – спросила миссис Шелби, подметив смущенный тон мужа.
- Откуда вы это взяли, дорогая? – сказал Шелби и взглянул на нее.
- Да, собственно, ниоткуда. Просто вспомнила, как Элиза прибежала ко мне после обеда, расстроенная, вся в слезах, и уверяла, будто бы она слышала, что работорговец предлагал вам продать ее мальчика. Такая чудачка!
- Она слышала? – повторил мистер Шелби и несколько минут не отрывал глаз от письма, не замечая, что держит его вверх ногами.

- «Рано или поздно это выяснится, – думал он, – лучше уж признаться сейчас».
- Я отругала Элизу, – продолжала миссис Шелби, расчесывая волосы, – и сказала, что вы никогда не ведете дел с подобными людьми. Ведь вам и в голову не придет продавать наших негров, особенно в такие руки.
- Да, Эмили, – сказал ее муж, – до сих пор не приходило. Но теперь дела мои так повернулись, что ничего другого не придумаешь. Кое-кого придется продать.
- Этому человеку? Немыслимо! Мистер Шелби, да вы шутите!
- К сожалению, нет, – сказал Шелби. – Я решил продать Тома.
- Как! Нашего Тома? Доброго, преданного негра, который служит вам с детских лет! Мистер Шелби! Вы же обещали освободить его, мы с вами столько раз говорили ему об этом! В та-

ком случае, меня ничто не удивит, меня не удивит даже, если вы захотите продать Гарри, единственного сына несчастной Элизы. – В словах миссис Шелби слышались и негодование и горечь.

– Хорошо, Эмили, узнайте же все до конца. Я решил продать Тома и Гарри. И не понимаю, почему вы считаете меня каким-то извергом! Другие делают это чуть ли не ежедневно.

– Но почему вам понадобилось продавать именно их? Мало ли у нас других негров, если уж надо кого-то продать?

– Потому что за них дают самую высокую цену – вот почему. Вы правы, можно было бы выбрать кого-нибудь еще. Этот человек предлагал мне большие деньги за Элизу. Вас это устраивает?

– Негодяй! – воскликнула миссис Шелби.

– Я даже не стал его слушать, щадя ваши чувства. Отдайте мне справедливость хотя бы в этом.

– Простите меня, – сказала миссис Шелби, овладев собой. – Я напрасно погорячилась. Но это так неожиданно! Позвольте мне хотя бы замолвить слово за этих несчастных Том негр, но сколько в нем благородства, сколько преданности! Я уверена, мистер Шелби, что если б это понадобилось, он отдал бы за вас жизнь.

– Да, знаю. Но зачем об этом говорить? Я не могу поступить иначе.

– Давайте пойдем на жертвы. Пусть часть лишений падет и на меня. О, мистер Шелби! Я всегда старалась – старалась ото всей души, как и подобает христианке, выполнять свой долг по отношению к этим несчастным, бесхитростным существам, которые всецело зависят от нас. Я окружала их заботами, наставляла добру, следила за ними. Вот уже сколько лет они делятся со мной своим горем, своими радостями. Подумайте сами: разве я смогу смотреть в глаза нашим неграм, если ради какой-то ничтожной выгоды мы продадим бедного Тома – прекрасного, безгранично верящего нам человека, и отнимем у него все, что он любит и ценит! Я учила каждого из них быть хорошим семьянином, мужем, отцом, учила детей почитать родителей. Так неужели же теперь мы открыто признаем, что деньги для нас превыше родственных уз, как бы они ни были священны! А Элиза! Сколько я наставляла ее, учила быть хорошей матерью. Что же мне сказать ей, если вы отнимете у нее Гарри и продадите его человеку, лишенному всяких принципов, всякой морали! Разве она будет мне верить после этого?

– Мне очень больно огорчать вас, Эмили, очень больно, – сказал мистер Шелби. – Я уважаю ваши чувства, хотя, не скрою, разделять их с вами полностью не могу. Но поверьте моему слову – все это бесполезно. Я не в состоянии поступить иначе. Мне не хотелось говорить вам об этом, Эмили, но в двух словах дело обстоит так: продать придется или этих двоих, или решительно все. Другого выхода нет. К Гейли попали мои векселя, и если я не расплачусь с ним, он пустит нас по миру. Я ухищрялся как мог, собрал все деньги, какие у меня были, взял в долг – только что не просил подаяния, но для полного расчета надо продать Тома и Гарри. Мальчик приглянулся Гейли, он потребовал, чтобы я продал его, и только на этом условии согласился уладить наши дела. Я тут ни в чем не волен. Вы принимаете так близко к сердцу продажу этих двух негров, но каково будет, если нам придется расстаться со всем, что у нас есть?

Эти слова потрясли миссис Шелби. Она подошла к туалетному столику, закрыла лицо руками, и из ее груди вырвался стон:

– Проклятие божие лежит на рабстве, и оно поражает как рабов, так и господ. И я, безумная, думала, что мне удастся исправить это страшное зло! Какой грех владеть рабами при наших законах! Я всегда это чувствовала, всегда, еще с детских лет. Но меня увлекала мысль, что рабовладельчество можно как-то скрасить добротой, вниманием к неграм, что рабство покажется нашим невольникам лучше свободы! Ну не безумие ли это!

– Эмили! Я вижу, вы стали настоящей аболиционисткой!⁹

– Аболиционисткой? Ах, если бы аболиционисты знали о рабстве то, что знаю о нем я, тогда они могли бы об этом говорить с большим основанием. Нет, нам нечему у них научиться. Меня всегда тяготило то, что у нас есть рабы. Я считаю, что этого не должно быть!

⁹ Аболиционист – участник движения за освобождение негров, возникшего в XIX веке в Северных штатах.

– Следовательно, вы расходитесь во мнениях со многими набожными и умными людьми, – сказал мистер Шелби. – Вспомните последнюю воскресную проповедь.

– Я не желаю слушать такие проповеди, и таким проповедникам в нашей церкви тоже не место. Священники не в силах бороться со злом так же, как и мы, но зачем же они оправдывают его! Это всегда казалось мне противным здравому смыслу. И я почти уверена, что вам тоже не понравилась последняя воскресная проповедь.

– Да, – сказал Шелби, – откровенно говоря, служители божий иной раз заходят гораздо дальше нас, бедных грешников. Мы со многим вынуждены мириться, на многое вынуждены смотреть сквозь пальцы, но когда женщины или священники перестают считаться с моралью и с благопристойностью, это уже никуда не годится. Я надеюсь, моя дорогая, что теперь вы убедились, насколько такой шаг необходим, – убедились, что лучшего выхода из положения найти нельзя.

– Да, да, – произнесла миссис Шелби, рассеянно трогая свои золотые часы. – У меня нет крупных драгоценностей, – в раздумье продолжала она. – Но, может быть, вы возьмете вот эти часики? В свое время они стоили дорого. Я пожертвовала бы всем, что у меня есть, лишь бы спасти ребенка Элизы... хотя бы его одного.

– Мне очень больно, Эмили, что это вас так расстраивает, – сказал Шелби, – но теперь уже ничем не поможешь. Дело сделано, купчие крепости подписаны, и Гейли увез их с собой. Благодарите бога, что все обошлось сравнительно благополучно. Этот человек мог разорить нас. Если б вы знали Гейли так, как знаю его я, вы бы поняли, что мы были на волосок от гибели.

– Неужели он настолько непреклонен?

– Жестоким Гейли назвать нельзя, но он человек холодный, толстокожий, печется только о своей выгоде, ни перед чем не останавливается и неумолим, как смерть. Если ему посулить хорошие деньги, он продаст родную мать, притом не желая старушке никакого зла.

– И этот негодяй стал хозяином нашего доброго Тома и ребенка Элизы!

– Да, моя дорогая, мне самому трудно примириться с этим. К тому же Гейли торопится и хочет взять их завтра. Я велю оседлать себе лошадь рано утром и уеду, чтобы не встречаться с Томом. А вы тоже уезжайте куда-нибудь и возьмите с собой Элизу. Пусть все это будет сделано без нее.

– Нет, нет! – воскликнула миссис Шелби. – Я не хочу быть пособницей в таком жестоком деле! Я пойду к несчастному Тому – да поможет ему господь в его горе! Пусть они, по крайней мере, почувствуют, что хозяйка на их стороне. А об Элизе мне даже подумать страшно. Да простит нас бог! Чем мы навлекли на себя эту беду?!

Мистер и миссис Шелби не подозревали, что их разговор могут подслушать.

К супружеской спальне примыкала маленькая темная комнатка, дверь которой выходила в коридор. Когда миссис Шелби отпустила Элизу на ночь, молодая мать, сама не своя от волнения, вспомнила про эту комнатку. Она спряталась там и, прижавшись ухом к щели в стене, не пропустила ни слова из предыдущего разговора.

Но вот голоса хозяев затихли. Элиза крадучись вышла в коридор. Бледная, дрожащая, с окаменевшим лицом и сжатыми губами, она совсем не походила на прежнее кроткое, застенчивое существо.

Осторожно прошла она по коридору, замедлила на минуту шаги у двери в спальню хозяев и скользнула к себе. Ее тихая, чистенькая комнатка помещалась на одном этаже с хозяйскими покоями. Здесь, у этого залитого солнцем окна, Элиза часто сидела за шитьем, напевая вполголоса; на этой полочке стояли ее книги и безделушки – рождественские подарки миссис Шелби; в шкафу и комодке хранились ее скромные наряды. Короче говоря, этот уголок Элиза считала своим домом и жила в нем счастливо. И тут же на кровати спал ее ребенок. Его длинные кудри в беспорядке рассыпались по подушке, яркие губы были полуоткрыты, маленькие пухлые ручки лежали поверх одеяла, и улыбка, словно солнечный луч, озаряла сонное детское личико.

– Бедный мой, бедный! – прошептала Элиза. – Продали тебя! Но ты не бойся, мать не даст своего сыночка в обиду!

Ни единой слезы не капнуло на эту подушку. В такие минуты сердце скупое на них. Оно ис-

ходит кровью и молчит. Элиза взяла клочок бумаги и карандаш и второпях написала следующее:

«О миссис! Дорогая миссис! Не корите меня, не обвиняйте меня в неблагодарности. Я слышала ваш разговор с мистером Шелби. Я попытаюсь спасти своего ребенка. Вы не осудите меня за это! Да вознаградит вас бог за вашу доброту».

Сложив листок вдвое и надписав его, она подошла к комоду, собрала в узелок кое-что из детской одежды и накрепко привязала его носовым платком к поясу. И такова сила материнской любви, что даже в этот страшный час Элиза не забыла сунуть в узелок две-три любимые игрушки сына, а пестрого попугая отложила в сторону, чтобы позабавить мальчика, когда он проснется. Ей не сразу удалось его разбудить, но вот он проснулся, сел на кровати и, пока мать надевала капор и шаль, занялся своей игрушкой.

– Мама, куда ты идешь? – спросил мальчик, когда Элиза подошла к кровати, держа в руках его пальто и шапочку.

Она нагнулась над ним и так пристально посмотрела ему в глаза, что он сразу насторожился.

– Тс! – шепнула Элиза. – Громко говорить нельзя, не то нас услышат. Злой человек хочет отнять у мамы ее маленького Гарри и унести его темной ночью. Но мама не отдаст своего сыночка. Она сейчас наденет на него пальто и шапочку и убежит с ним, и тот страшный человек их не поймает.

С этими словами она застегнула на нем пальто, взяла его на руки, снова приказала молчать и, открыв дверь, бесшумно вышла на веранду.

Ночь была холодная, звездная, и мать плотнее закутала ребенка, который, словно онемев от смутного страха, крепко цеплялся за ее шею.

Большой старый ньюфаундленд Бруно, спавший в дальнем конце веранды, встретил шаги Элизы глухим ворчаньем. Она тихо окликнула его, и пес, ее давнишний баловень и приятель, сейчас же замахал хвостом и отправился за ними следом, хотя ему явно было невдомек, что может означать столь неурочная ночная прогулка. Его, видимо, тревожили неясные сомнения в ее благопристойности, потому что он часто останавливался, бросал тоскливые взгляды то на Элизу, то на дом и, поразмыслив, снова брел дальше. Через несколько минут они подошли к хижине дяди Тома, и Элиза тихонько постучала в окно.

– Господи помилуй, кто там? – вздрогнув, сказала тетушка Хлоя и быстро откинула занавеску. – Да никак это Лиззи? Одевайся, старик. И Бруно тоже сюда приплелся. Пойду открою ей.

Тетушка Хлоя распахнула дверь, и свет сальной свечи, которую поспешил зажечь Том, упал на измученное, с дико блуждающими глазами лицо беглянки.

– Храни нас господь! Лиззи, на тебя смотреть страшно! Что с тобой? Заболела?

– Дядя Том, тетушка Хлоя, я убегаю... Надо спасти Гарри. Хозяин продал его.

– Продал! – в один голос воскликнули те, в ужасе подняв руки.

– Да, продал, – твердо повторила Элиза. – Я спряталась в темной комнатке рядом со спальней и слышала, как хозяин сказал миссис Шелби, что он продал моего Гарри и вас, дядя Том. Завтра утром работорговец возьмет вас обоих, а хозяин уедет из дому на это время.

Слушая Элизу, Том стоял как во сне. Руки у него так и остались воздетыми к небу, глаза были широко открыты. А когда смысл этих слов постепенно дошел до него, он рухнул на стул и уронил голову на грудь.

– Боже милостивый, сжался над нами! – сказала тетушка Хлоя. – Неужели это правда? Чем же он провинился, что хозяин продал его?!

– Он ни в чем не провинился, дело не в этом. Мистеру Шелби не хочется продавать их, а миссис... вы знаете ее доброе сердце. Я слышала, как она заступалась, просила за нас. Но хозяин сказал, что теперь ничего нельзя поделать. Он задолжал этому человеку, и этот человек держит его в руках. Если не расплатиться с ним, тогда надо будет продавать все имение и всех негров и уезжать отсюда. От этого человека не отделаешься. Я сама слышала, как хозяин говорил, что выбора у него нет – или продать Тома и Гарри, или лишиться всего остального. Ему жалко вас... а миссис! Если бы вы ее слышали! Нехорошо я с ней поступаю, но иначе я не могу.

– Старик, – сказала тетушка Хлоя, – а ты что же не уходишь? Хочешь дожидаться, когда те-

бя увезут вниз по реке, туда, где негров морят голодом и непосильной работой? Да я бы лучше умерла! Время есть – беги вместе с Лиззи. С твоим пропуском тебя никто не остановит. Вставай, я сейчас соберу тебе вещи.

Том медленно поднял голову, обвел печальным, но спокойным взглядом хижину и сказал:

– Нет, я никуда не пойду. Пусть Элиза уходит – это ее право. Кто осудит мать? Но ты слышала, что она сказала? Если меня не продадут, тогда все пойдет прахом... Ну что ж, пусть продают, я стерплю это. – Судорожный вздох вырвался из его могучей груди. – Хозяин всегда мог положиться на меня. Я не обманывал его, я никогда не пользовался своим пропуском без надобности и никогда на это не решусь. Пусть продадут одного меня, чем разорять все имение. Хозяина нечего винить, Хлоя. Он не оставит тебя с несчастными...

Том повернулся к кровати, посмотрел на курчавые головы ребятишек, и силы оставили его. Он откинулся на спинку стула и закрыл лицо руками. Тяжкие, хриплые рыдания сотрясали его грудь, крупные слезы, стекая по пальцам, капали на пол.

– Еще два слова, – сказала Элиза с порога. – Я виделась с мужем сегодня днем, тогда еще никто ничего не знал. Моего Джорджа довели до того, что он больше не может терпеть и решил бежать. Постарайтесь увидеть его и скажите ему, почему я ухожу. Скажите, что я попытаюсь найти дорогу в Канаду, и если мы никогда больше не увидимся... Заприте Бруно, – добавила она, – не то он побежит за мной.

Короткое, сдержанное прощание, скупые слезы, последние напутствия... и, прижав к груди своего растерянного, испуганного ребенка, Элиза бесшумно скользнула за дверь.

ГЛАВА VI Побег обнаружен

Накануне вечером, после своего затянувшегося спора, мистер и миссис Шелби заснули не сразу и на следующее утро встали позднее обычного.

– Не понимаю, почему Элиза так задержалась? – сказала миссис Шелби, уже не в первый раз дергая звонок.

Мистер Шелби точил бритву, стоя перед зеркалом. Вскоре дверь открылась, и в спальню вошел мальчик-негр с водой для бритья.

– Энди, – обратилась к нему миссис Шелби, – постучись к Элизе и скажи ей, что я уже три раза звонила. Бедняжка! – со вздохом добавила она вполголоса.

Через несколько минут Энди вернулся, тараща глаза от изумления.

– Миссис! У Лиззи все ящики открыты, вещи валяются как попало. Не иначе, как она удра-ла.

Мистер и миссис Шелби мгновенно догадались о случившемся. Он воскликнул:

– Значит, Элиза что-то подозревала и решила убежать!

– Дай бог, чтобы это было так! – сказала она.

– Миссис Шелби, вы говорите вздор. В каком я окажусь положении? Гейли видел, что мне не хочется продавать ребенка, и заподозрит меня в соучастии. Тут задета моя честь! – И он быстро вышел из комнаты.

В течение следующих пятнадцати минут в доме не прекращалась беготня; хлопали двери, из-за них выглядывали лица всех оттенков. И только один человек, который мог бы рассказать кое-что о случившемся, хранил молчание. Это была главная повариха, тетушка Хлоя. На ее всегда таком веселом лице лежало облако тяжелого раздумья. Она не говорила ни слова и продолжала жарить оладьи к завтраку, будто не видя и не слыша царившей вокруг суматохи.

На балюстраде веранды уже сидели рядком – ни дать ни взять, вороны на жердочке – человек десять черномазых бесенят, которым во что бы то ни стало хотелось первыми увидеть, как примет чужой хозяин свалившуюся на него беду.

– Вот разозлится-то! – сказал Энди.

– А ты послушай, как он ругаться будет! – подхватил маленький Джейк.

– У-ух, здорово ругается! – сказала курчавая Менди. – Я вчера слышала, когда они обеда-

ли. Я все слышала: забралась в чулан, где миссис держит большие кувшины, и ни словечка не пропустила.

И Менди, которая вдумывалась в чужие слова не больше, чем котенок, напустила на себя необычайно умный вид и горделиво прошла по веранде, совсем забыв упомянуть о том обстоятельстве, что хотя она и была в указанное время в чулане, но почивала там мирным сном, свернувшись клубочком между кувшинами.

Когда наконец Гейли подъехал к дому, в сапогах и при шпорах, дурные вести посыпались на него со всех сторон. Маленькие бесенята, торчавшие на веранде, не обманулись в своих ожиданиях и восторженно выслушали поток брани, которой разразился чужой хозяин. Они с хохотом увертывались от его хлыста и затем повалились в кучу на увядшем газоне у веранды, крича во все горло и отчаянно дрыгая ногами.

– Только попадитесь мне, дьяволята! – пробормотал Гейли сквозь зубы.

– Пока что не попались! – крикнул Энди, торжествуя взмахнув рукой, и, когда незадачливый работороговец отошел на приличное расстояние, скорчил ему вслед зверскую гримасу.

– Это что же у вас творится, Шелби! – сказал Гейли, без доклада входя в гостиную. – Удрала чертовка вместе с мальчишкой?

– Мистер Гейли, здесь находится миссис Шелби! – ответил тот.

– Прошу прощения, сударыня! – Гейли слегка поклонился, не меня свирепого выражения лица. – Но я еще раз повторяю: странные вести мне приходится слышать, сэр! Неужто это верно?

– Сэр, – сказал мистер Шелби, – если вам угодно побеседовать со мной, будьте любезны соблюдать приличия, как это подобает джентльмену. Энди, прими у мистера Гейли шляпу и хлыст! Садитесь, сэр. Да, сэр, к моему величайшему сожалению, эта молодая женщина, вероятно, подслушала наш разговор или же узнала о нем от кого-нибудь и сегодня ночью скрылась вместе с ребенком.

– Ну, не ждал я от вас такого надувательства! – сказал Гейли.

– Как прикажете понимать ваши слова, сэр? – Мистер Шелби круто повернулся к нему. – Для тех, кто сомневается в моей честности, у меня есть только один ответ.

Работороговец струсил и сказал уже совсем другим тоном:

– Каково же терпеть порядочному человеку, когда его так подводят!

– Мистер Гейли, – продолжал Шелби, – я вполне понимаю вашу досаду и только поэтому и прощаю вам такое бесцеремонное появление в моей гостиной. Тем не менее считаю своим долгом заявить, что я не позволю подозревать себя в столь неблагоприятном поступке и бросать тень на мое честное имя. Более того: я окажу вам всяческую помощь при розыске беглецов. Мои лошади, невольники – все к вашим услугам. Короче говоря, Гейли, – добавил он, сразу вернувшись к своей обычной приветливости, – советую вам не терять хорошего расположения духа и позавтракать вместе с нами, а там мы обсудим, что предпринять дальше.

Миссис Шелби поднялась, сказала, что не сможет быть за завтраком, и, поручив почтенной горничной-мулатке подать джентльменам кофе, вышла из комнаты.

– Ваша хозяйка меня что-то невзлюбила, – сказал Гейли с неуклюжей фамильярностью.

– Я не привык, чтобы о моей жене говорили в таком развязном тоне, – сухо ответил мистер Шелби.

– Прошу прощения. С вами и пошутить нельзя! – И Гейли заключил свои слова деланным смешком.

– Не всякая шутка приятна, – возразил Шелби.

«Ишь, как осмелел с тех пор, как рассчитался со мной! – буркнул про себя Гейли. – Не узнать со вчерашнего дня!»

Весть о судьбе Тома вызвала такую тревогу среди его братьев, какой не вызвало бы в придворных кругах падение премьер-министра. Ни в доме, ни на полях ни о чем другом не говорили. Побег Элизы – случай небывалый в поместье – тоже немало способствовал всеобщему волнению.

Черный Сэм, заслуживший такое прозвище потому, что он был намного темнее всех здешних негров, обсуждал эти события главным образом с точки зрения собственного благополучия,

а его прозорливость в подобных делах могла бы оказать честь любому белому политикану в Вашингтоне.¹⁰

– Не было бы счастья, да несчастье помогло, вот оно как случается, – провозгласил Сэм, поддернул штаны и, приладив к подтяжкам длинный гвоздь вместо оборванной пуговицы, остался весьма доволен собственной изобретательностью. – Да, не было бы счастья, да несчастье помогло, – повторил он. – Вот теперь Тому по шапке – значит, вместо него поставят другого негра. А почему, скажем, не меня? Том везде разъезжал. Башмаки начищены, пропуск в кармане – сам черт ему не брат. А почему теперь Сэму не покрасоваться на его месте? Вот я что хочу знать.

– Эй, Сэм! Сэм! Хозяин велит оседлать Билла и Джерри! – прервал его рассуждения Энди.

– Что там еще стряслось?

– А ты разве не знаешь, что Лиззи убежала со своим малышом?

– Другим рассказывай! – с бесконечным презрением ответил Сэм. – Я раньше тебя узнал. За кого ты меня принимаешь, за несмышлениша?

– Ладно, ладно! Ты слушай, что хозяин велел. Седлай лошадей, и мы с тобой поедem вместе с мистером Гейли ловить Лиззи.

– Вот это я понимаю! Теперь Сэм понадобился. Сэм будет самым главным негром. Уж я ее поймаю, будьте уверены. Хозяин увидит, какой Сэм молодец!

– Подожди, Сэм! – осадил его Энди. – Ты сначала подумай хорошенько. Ведь миссис-то не хочет, чтобы Лиззи поймали. Она тебе задаст.

– Э-э! – протянул Сэм, выпучив глаза. – Откуда ты это взял?

– Сам слышал, что миссис говорила сегодня утром, когда я подавал хозяину воду для бритья. Она послала меня посмотреть, почему Лиззи не идет на звонок, а я прибежал обратно и докладываю: «Нет ее, удрала!» Она как услышала, так и вскрикнула: «Дай-то бог!» А хозяин ух как рассердился и стал ее отчитывать: «Миссис Шелби, вы говорите вздор!» Да он перед ней не устоит! Я-то знаю, как дальше будет. Ее сторону всегда лучше держать.

Черный Сэм почесал свою кудлатую голову, которая хоть и не была богата умом, зато обладала неким качеством, необходимым для политиканов всех мастей и обличий и называемым попросту умением определять «куда ветер дует». Поэтому он помолчал минутку, снова подтянул штаны, что, по-видимому, помогало ему думать, и наконец сказал:

– Вот уж правда, не знаешь, где найдешь, где потеряешь! А я-то думала, что миссис весь свет готова обыскать, лишь бы найти Лиззи!

– И правильно, – сказал Энди. – А все-таки ты, негр, дальше своего носа ничего не видишь. Миссис не хочет, чтобы мальчишка Лиззи попал в руки этому мистеру Гейли. Вот в чем дело-то!

– Э-э! – снова протянул Сэм.

– Я тебе больше скажу, – продолжал Энди. – Ты поторапливайся с лошадьми, миссис про тебя уже спрашивала. Довольно лясы точить!

Услышав это, Сэм засуетился и вскоре лихо подлетел к дому. Он спрыгнул с седла на полном скаку и круто завернул лошадей к коновязи. Игривый жеребчик мистера Гейли вздрогнул и заплясал на месте, натягивая поводья.

– Хо-хо! – крикнул Сэм. – Не бойсь! – Его черная физиономия так и засияла лукавством. – Сейчас я тобой займусь.

Рядом с коновязью рос огромный бук, и земля под ним была усеяна колючими трехгранниками буковых орешков. Сэм поднял один такой орешек, подошел к жеребчику и стал оглаживать его, будто стараясь успокоить. Потом, поправив для виду седло, он незаметно сунул под него трехгранную колючку с таким расчетом, что как только пугливый жеребчик почувствует тяжесть всадника, эта колючка сразу же даст о себе знать, не причинив лошадке особого вреда.

– Вот! – сказал Сэм, весьма довольный собой, и закатил глаза. – Готово дело!

В эту минуту на балконе появилась миссис Шелби. Она подозвала его поближе и сказала:

– Где ты пропадаешь, Сэм? Я уж Энди за тобой посылала. Собирайся, поедешь с мистером

¹⁰ Вашингтон – столица Соединенных Штатов Америки.

Гейли. Помоги ему, покажи дорогу, только смотри, Сэм, береги лошадей. На прошлой неделе Джерри немного прихрамывал, так ты их не очень гони.

Последние слова миссис Шелби проговорила вполголоса, но очень внушительным тоном.

– Я, миссис, понятливый, – сказал Сэм, многозначительно вращая глазами. – Вы за лошадей не беспокойтесь...

– Знаешь, Энди, – продолжал он, вернувшись под буквое дерево, – если лошадка этого джентльмена начнет артачиться, когда он на нее сядет, пусть этому другие дивятся, а я не удивлюсь. Иной раз, Энди, с лошадками еще не то случается. – И Сэм ткнул Энди в бок.

– Э-э! – сказал Энди, мгновенно сообразив в чем дело.

– Знаешь что, Энди? Миссис хочет оттянуть время. Это всякий дурак поймет. Ну что ж, я ей немножко помогу. Так вот, если эти кони сорвутся с привязи и помчат куда-нибудь к лесу, чужой хозяин не скоро отправится в путь-дорогу.

Энди ухмыльнулся.

– Так вот, Энди, – продолжал Сэм, – допустим, что жеребчик мистера Гейли вдруг начнет артачиться. Что мы с тобой сделаем? А мы бросимся на помощь и уж поможем мистеру Гейли, будьте покойны!

Тут оба они запрокинули головы и, прыснув со смеху, начали прищелкивать пальцами и приплясывать, вне себя от восторга.

В эту минуту на веранде появился Гейли. Сменив гнев на милость после нескольких чашек очень хорошего кофе, он улыбался, говорил что-то, и, судя по всему, расположение духа у него было сносное.

Сэм и Энди напялили на голову пучки из пальмовых листьев, служившие им панамы, и кинулись со всех ног к коновязи «помогать чужому хозяину».

Пальмовые листья на голове у Сэма топорщились вверх и вниз, словно воинственный убор какого-нибудь вождя с островов Фиджи. Панама Энди тоже была без полей, и ее обладатель, ловко прилепнув тулью ладонью, с довольным видом посмотрел по сторонам, будто спрашивая: «А что? Скажете, плохо?»

– Ну, ребята, – обратился к ним Гейли, – пошевеливайтесь! Времени терять нечего!

– Ни минуточки не потеряем, – сказал Сэм, левой рукой подавая Гейли поводья, а правой поддерживая стремя, в то время как Энди отвязывал двух других лошадей.

Как только Гейли коснулся седла, горячий жеребчик взвился на дыбы и сбросил своего хозяина на мягкую сухую траву. Сэм с громкими воплями кинулся вперед, протянул руку к поводу, но вышеупомянутые пальмовые листья, как назло, угодили жеребчику в глаза, что отнюдь не способствовало успокоению его нервов. Он опрокинул и Сэма, негодуяще фыркнул, потом наподдал задними ногами и поскакал галопом к дальнему концу лужайки, сопровождаемый Биллом и Джерри, которых Энди, согласно уговору, не преминул отвязать, да еще заулюлюкал им вслед.

Поднялась невообразимая суматоха. Сэм и Энди с криками бегали из стороны в сторону, собаки лаяли, Майк, Моз, Менди, Фенни и прочие малолетние обитатели здешних мест визжали, хлопали в ладоши и без устали носились взад и вперед, путаясь у всех под ногами.

Серый жеребчик Гейли, конь резвый, норовистый, с большим азартом принял участие в этом спектакле. Имея в своем распоряжении окруженную со всех сторон лесом лужайку чуть ли не в полмили длиной, он испытывал огромное удовольствие, убеждаясь, что преследователей можно подпускать к себе совсем близко, а потом фыркать, брать с места галопом и нестись по тропинке в глубь леса. У Сэма не было ни малейшего намерения ловить лошадей раньше времени, но усилия, которые он прилагал к их поимке, казались со стороны поистине героическими. Его панама из пальмовых листьев мелькала во всех тех местах, где лошадям не грозило никакой опасности быть пойманными. Он кидался туда со всех ног с криками: «Вот она! Держи! Лови!» и тем самым только способствовал усилению всеобщей суматохи.

Гейли бегал взад и вперед, бранился, изрыгал проклятия, топал ногами. Мистер Шелби тщетно пытался руководить с балкона действиями Энди и Сэма, а миссис Шелби, стоя у окна своей комнаты, то заливалась смехом, то недоумевала, в глубине души догадываясь об истинной

подоплеке всей этой кутерьмы.

Наконец около полудня победоносный Сэм появился верхом на Джерри, ведя на поводу лошадь Гейли. Жеребчик был весь в мыле, но его горящие глаза и широко раздутые ноздри свидетельствовали о том, что дух свободы еще не угас в нем.

– Поймал! – торжествующим голосом крикнул Сэм. – Если б не я, до сих пор бы ловили, а вот я словчился, поймал!

– Ты поймал! – не слишком любезно буркнул Гейли. – Не будь тебя, ничего бы такого не случилось!

– Да господь с вами, сударь! – сокрушенно воскликнул Сэм. – А я-то старался, бегал! Ведь с меня семь потов сошло!

– Ладно, ладно! – сказал Гейли. – Три часа из-за тебя потерял, растяпа! Ну, довольно дурака валять, поехали!

– Что вы, сударь! – взмолился Сэм. – Вы так и нас и лошадей уморите. Мы еле на ногах держимся, а лошади все в мыле. Неужто вы, сударь, захотите уехать без обеда? И лошадку вашу, сударь, надо почистить – глядите, какая она грязная! А Джерри хромает. Миссис забранится, если мы в таком виде отправимся... Да вы не сомневайтесь, сударь, мы Лиззи поймаем. Какой она ходок!

Миссис Шелби с удовольствием прослушала весь этот разговор и решила, что теперь настала пора выступить и ей. Она спустилась на веранду, выразила Гейли свое сожаление по поводу происшедшего и стала уговаривать его остаться обедать, уверяя, что на стол будет подано незамедлительно.

Гейли не оставалось ничего другого, как проследовать в гостиную, что он и сделал с довольно кислой физиономией, а Сэм, скорчив немыслимую гримасу ему вслед, с важным видом повел лошадей на конный двор.

– Видал, Энди? Нет, ты видал? – сказал Сэм, зайдя за конюшню, после того как лошади были привязаны. – Как он ругался, приплясывал, топал ногами, – ну просто загляденье! А я сам себе говорю: «Ругайся, ругайся, старый черт! Сейчас, – говорю, – тебе лошадку подавать или пождешь, когда поймаем?» Ох, Энди! Забыть его не могу!

И оба они, привалившись к стене конюшни, захохотали во все горло.

– Ты бы видел, как он на меня стрельнул глазами, когда я подвел лошадь. Убил бы на месте, будь его воля! А я стою как ни в чем не бывало – смиренный, зная ничего не знаю, ведать не ведаю.

– Видел, видел! – сказал Энди. – И хитер же ты, Сэм! Настоящая лиса!

– Что верно, то верно, – согласился Сэм. – А миссис стояла у окна и смеялась. Я заметил, а ты?

– Где там заметить – я носился как угорелый! – сказал Энди.

– Вот видишь, Энди, – сказал Сэм, не спеша принимаясь чистить лошадь Гейли. – Я человек замечательный, потому что такая у меня привычка – все замечать. Это очень важно Энди. И я тебе тоже советую: развивай в себе эту привычку с молодости. Ну-ка, подними ей ногу, Энди. Так вот, Энди, некоторые негры бывают замечательные, а некоторые нет. В этом вся и разница. Разве я не заметил с утра, куда ветер дует? Разве я не заметил, чего нашей миссис надобно, хотя она ни словом об этом не обмолвилась? Значит, я, Энди, замечательный. Ничего не поделаешь – талант! У разных людей и таланты разные – у одних больше, у других меньше, но усердием многого можно добиться.

– Если б я тебе не шепнул кое-что сегодня утром, не был бы ты таким замечательным негром, – усмехнулся Энди.

– Энди, – сказал Сэм, – ты мальчик смысленый, далеко пойдешь. Я тебя, Энди, всегда рад похвалить и ничего не вижу в том зазорного, если позаимствую кое-что у такого, как ты. Каждый из нас может дать промах, Энди, так чего же зря нос задирать? А теперь, Энди, пойдем к дому. Чует мое сердце, что сегодня миссис велит накормить нас повкуснее!

ГЛАВА VII

Борьба матери

Невозможно представить себе человеческое существо, более жалкое и одинокое, чем Элиза, когда она направила свои шаги прочь от хижины дяди Тома.

Страдания мужа и опасность, подстерегавшая его ежеминутно, опасность, грозившая ребенку, – все это слилось в ее сознании с гнетущим ощущением риска, которому подвергалась она сама, покидая родное гнездо и лишаясь защиты любимой и уважаемой покровительницы. Ее терзала и разлука с местами, с которыми она так сжилась, – с усадьбой, знакомой с детства, с деревьями, под которыми она играла, с рошей, куда в прежние счастливые времена молодой муж водил ее гулять. Все это вставало теперь перед ней в холодном, ясном свете звезд и словно упрекало ее, спрашивая: куда же ты бежишь из такого дома? Но сильнее всех этих сожалений была материнская любовь, граничившая в минуту такой страшной опасности чуть ли не с безумием.

Гарри был уже большой мальчик, и Элиза обычно водила его за руку. Но сейчас ее пугала даже мысль о том, чтобы выпустить сына из своих объятий, и, быстро шагая по дороге, она судорожно прижимала его к груди.

Подмерзшая земля похрустывала у Элизы под ногами, и она вздрагивала от этих звуков. Слетающие с ветвей листья, колеблющиеся тени заставляли трепетать сердце несчастной женщины, заставляли ее ускорять шаги. Она сама не понимала, откуда у нее берется столько сил, ибо каждый новый приступ страха словно удесятерил их, а ноша ее казалась ей легкой, как перышко.

Гарри спал. Он разгулялся было после необычного ночного пробуждения, но мать не давала ему вымолвить ни слова, обещая спасти его, если только он будет молчать, и мальчик затих, обвив ручонками ее шею, а когда сон стал одолевать его, спросил:

– Мама, мне нельзя спать?

– Можно, родной, спи, спи.

– А если я усну, он меня не отнимет у тебя?

– Нет, что ты! – воскликнула мать, побледнев еще больше, и ее темные глаза вспыхнули.

– Правда, не отнимет?

– Нет, нет! – повторила она, сама испугавшись своего голоса – таким чужим он ей показался.

Мальчик устало склонил голову на плечо матери и скоро уснул. Какой пыл, какая сила сквозили в каждом движении Элизы, чувствовавшей у себя на шее теплые ручки и безмятежное дыхание сына! Нежное прикосновение доверчиво прильнувшего к ней ребенка пронизывало ее словно электрическим током.

Границы усадьбы, аллея, роща промелькнули как во сне, а Элиза все шла, не убавляя шага, не задерживаясь ни на минуту, и розовые рассветные лучи застали ее на широкой проезжей дороге, далеко от знакомых мест.

Со своей хозяйкой она не раз бывала в гостях у родственников Шелби, живших в маленьком поселке Т., на берегу реки Огайо, и хорошо знала эту дорогу. Дойти туда, перебраться на другой берег – вот как рисовался ей неясный план побега.

Когда на дороге стали появляться проезжие – верхом и в тележках, – Элиза с быстротой соображения, свойственной человеку в минуту опасности, поняла, что ее торопливый шаг и взволнованный вид могут заинтересовать посторонних людей и возбудить в них подозрения. Поэтому она спустила ребенка с рук, оправила на себе платье и капор и пошла медленнее, стараясь соблюдать спокойствие и чинность. Элиза успела запасть на дорогу пирожками и яблоками и теперь с их помощью подгоняла ребенка. Время от времени она вынимала яблоко из узелка, катила его по дороге, и мальчик со всех ног бежал за ним. Эта уловка помогла им одолеть не одну милю.

Вскоре они подошли к густому лесу, где журчал чистый ручеек. Гарри уже начинал жаловаться на голод и жажду, и Элиза перебралась вместе с ним через изгородь, села на землю за большой камень так, чтобы никто не увидел их с дороги, и развязала узелок с завтраком. Гарри

удивился и опечалился, видя, что мать ничего не ест, и, обняв ее одной рукой за шею, стал совать ей в рот пирожок, но Элиза не могла проглотить ни куска – спазмы душили ее.

– Не надо, Гарри! Мама не станет есть, пока не успокоится за тебя. Мы сейчас пойдем дальше, дальше... к реке. – И она снова вывела его на дорогу и снова заставила себя идти спокойно, не торопясь.

Места, в которых ее знали, остались далеко позади. Теперь, если случайно и встретится знакомый человек, он не подумает, что она убежала от своих хозяев, доброта которых была всем хорошо известна. А чужой, глядя на их светлую кожу, вряд ли сразу заподозрит в ней и Гарри негритянскую кровь.

Около полудня они подошли к чистенькой ферме, и Элиза решила отдохнуть там немного и купить еды себе и ребенку, ибо чем дальше уходила она от опасности, тем больше и больше спадало страшное нервное напряжение и тем сильнее давали себя знать голод и усталость.

Хозяйка фермы, женщина добродушная, разговорчивая, обрадовалась случаю поболтать с гостьей и приняла на веру слова Элизы, сказавшей, что тут неподалеку у нее живут друзья и она хочет погостить у них с недельку.

За час до захода солнца Элиза, усталая, но по-прежнему полная решимости, вошла в поселок Т. Первый взгляд несчастной матери был обращен к реке, на другом берегу которой ее ждала свобода.

Уже наступала весна, река вздулась, течение было бурное. Огромные льдины, крутясь, плыли по мутной воде. В этом месте извилистый берег штата Кентукки дугой вдавался в реку. В узком проливе образовались заторы. Льдины громоздились одна на другую, и этот барьер, напоминавший огромный зыбкий плот, заполнял собой почти все пространство между обоими берегами.

Элиза сразу поняла, что о пароме нечего и думать, и, отойдя от реки, вошла в стоявшую на берегу небольшую гостиницу.

Хозяйка, хлопотавшая у плиты, на которой что-то шипело и жарилось, услышала нежный и жалобный голос Элизы и выпрямилась, не выпуская вилки из рук.

– Вам что? – спросила она.

– Скажите, есть тут паром или лодка? Мне нужно попасть в Б., на тот берег.

– Какие там лодки! Они теперь уже не ходят, – ответила женщина, но, заметив удрученный вид Элизы, спросила: – Вам надо на ту сторону? Кто-нибудь заболел? Вы торопитесь?

– У меня ребенок в опасности, – сказала Элиза. – Я узнала об этом только вчера вечером и сегодня весь день была в дороге, думала попасть на паром.

– Вот беда-то! – воскликнула женщина, материнское сердце которой сразу откликнулось на чужое горе. – Не могу вам не посочувствовать... Соломон! – крикнула она, выглянув в окно.

В дверях небольшого сарая появился человек в кожаном фартуке и с очень грязными руками.

– Слушай, Сол, – обратилась к нему женщина, – повезут сегодня ящики на тот берег?

– Говорят, опасно очень, но все-таки хотят попробовать, – ответил Сол.

– Здесь есть один фермер, который собирался ехать в Огайо с овощами, если только река позволит. Он придет сюда ужинать, так что советую вам подождать его... Какой у вас хорошенький мальчик! – добавила она, протягивая Гарри пирожок.

Усталый, измученный ребенок расплакался.

– Бедняжка ты мой! Он никогда столько не ходил, а я ему и поспать не дала! – вздохнула Элиза.

– Уложите его в этой комнате, – сказала женщина, открывая дверь в маленькую спальню, где стояла удобная кровать.

Элиза положила на нее усталого мальчика, взяла его ручки в свои и не отходила от него до тех пор, пока он не заснул. О своем отдыхе она и не думала. Мысль о погоне жгла ее огнем, побуждая идти дальше, и она с тоской смотрела на угрюмую, бурную реку, которая лежала между ней и свободой.

А теперь мы на время покинем Элизу и посмотрим, что делают ее преследователи.

* * *

Хотя миссис Шелби и обещала не задерживать обеда, но, как говорит старая поговорка, «один в поле не воин». Соответствующее распоряжение было отдано в присутствии Гейли и доведено до сведения тетушки Хлоя. Однако сия важная особа, выслушав по меньшей мере пятерых юных посланцев, вместо ответа сердито фыркнула, вскинула голову и продолжала свое дело с необычной для нее медлительностью и кропотливостью.

По каким-то непонятным причинам у всей прислуги создалось впечатление, что хозяйка не будет очень сетовать на задержку, и приходилось только удивляться, сколько всяких помех замедляло ход дела! Одно злосчастное существо ухитрилось опрокинуть соус, и соус пришлось делать заново с должной тщательностью и с соблюдением сложнейших правил его изготовления. Тетушка Хлоя не сводила с него глаз, еле-еле помешивая в кастрюле ложкой, и на все просьбы поторопиться строго отвечала, что «она не собирается подавать на стол недоваренный соус по милости тех, кому понадобилось кого-то ловить». Другой из ее подручных упал с ведром, и к колодцу пришлось идти второй раз. Третий пролил масло. Время от времени на кухню прибегал кто-нибудь и, хихикая, сообщал, что «мистер Гейли сам не свой, не сидится ему на стуле, ходит взад и вперед, то в окно взглянет, то на веранду выбежит».

– И поделом! – негодовала тетушка Хлоя. – Сейчас сам не свой, а дальше ему еще хуже будет, если не образумится. Когда-нибудь спросится с него за все грехи, посмотрим, что он тогда запое!

– Быть ему в аду, это как пить дать! – сказал маленький Джейк.

– Туда ему и дорога, – мрачно подтвердила тетушка Хлоя. – Сколько сердец из-за него кровью обливаются!

Тетушку Хлою, пользовавшуюся большим уважением на кухне, всегда слушали с открытым ртом, и теперь, когда обед был уже подан на стол, все внимали на свободе ее словам и по мере сил участвовали в беседе.

– Гореть такому на вечном огне! Ведь правда? – сказал Энди.

– Вот бы полюбоваться, как это будет! – воскликнул Джейк.

– Дети! – раздался голос.

И, услышав его, все вздрогнули. Это был дядя Том, который, остановившись в дверях, слушал их разговор.

– Дети, – повторил он, – вы сами не знаете, о чем говорите «Вечность» – страшное слово, дети мои. О ней и думать нельзя без ужаса. Вечные мучения! Этого никому нельзя пожелать.

– Такие кровопийцы не в счет, – сказал Энди. – Им, злодеям, все этого желают.

– Сама природа против них вопиет, – сказала тетушка Хлоя. – Разве они не продают младенцев, не отрывают их от материнской груди? И постарше ребятешек тоже продают, те плачут, цепляются за материнскую юбку, а этим извергам хоть бы что – отнимут у матери и продадут. А разве им не приходилось разлучать жену с мужем? – тетушка Хлоя всхлипнула. – Ведь это все равно, что жизни человека лишить. Им-то горя мало – веселятся, вино пьют, трубочку покуривают. Если и сатане до них дела нет, так зачем он тогда нужен! – Она закрыла лицо клетчатым передником и заплакала навзрыд.

– Священное писание говорит: молись за врагов своих, – сказал дядя Том.

– Молись за врагов? – воскликнула тетушка Хлоя. – Нет! Это мне не по силам. Не могу я за них молиться!

– Ты говоришь, Хлоя, «сама природа против них вопиет». Да, природа сильна в нас, но милость господня преодолет и ее. Ты только подумай, какая у него душа, у этого человека, и благодари бога, что он сотворил тебя иной. Да пусть меня продадут еще десять раз, только бы мне не иметь его грехов на совести!.. Хорошо, что хозяин никуда не уехал сегодня, – продолжал Том. – Мне было бы очень тяжело перенести это, тяжелее, чем то, что меня продали. Правда, ему-то легче бы уехать. А каково мне? Ведь я его с детских лет знаю... Все-таки повидались мы с ним, и теперь я покорился воле божьей. Хозяин наш ничего другого не мог поделаться и рассу-

дил правильно. Боюсь я только, как бы тут без меня не пошло все прахом. Ведь он не станет приглядывать за каждой мелочью, входить во все, как я входил. Народ у нас неплохой, только очень уж беспечный. Вот я о чем тревожусь.

В эту минуту раздался звонок, и Тома позвали в гостиную.

– Том, – ласково начал мистер Шелби, – я хочу, чтобы ты знал следующее: если тебя не окажется на месте, когда этот джентльмен за тобой придет, мне придется уплатить ему тысячу долларов неустойки. Сегодня он займется другими делами, и ты волен располагать собой. Можешь отлучиться куда угодно.

– Спасибо, хозяин, – сказал Том.

– Запомни это хорошенько, – ввязался в разговор работороговец, – и не вздумай надуть мистера Шелби. Если ты убежишь, я с него все до единого цента взыщу. Говорю ему: не доверяйте неграм, негр – что твой угорь: секунда – и выскользнул из рук. Да он меня не слушает.

– Хозяин, – сказал Том, выпрямившись, – мне шел девятый год, когда старая миссис поручила мне вас, а вам тогда и годика не было. «Вот, – говорит, – Том, это твой маленький хозяин, береги его». И теперь я вас спрашиваю: разве Том хоть когда-нибудь обманывал своего хозяина, хоть когда-нибудь позволил себе послушаться его?

Мистер Шелби был глубоко взволнован, слезы выступили у него на глазах.

– Друг мой, – сказал он, – видит бог, ты говоришь правду, и будь у меня хоть малейшая возможность, я бы не продал тебя ни за какие деньги.

– Верь мне, Том, – сказала миссис Шелби, – как только я скоплю нужную сумму, мы тебя немедленно выкупим... Сэр, – обратилась она к Гейли, – хорошенько разузнайте человека, которому вы будете продавать Тома, и известите меня, к кому он попадет.

– Непременно извещу, – ответил работороговец. – А может, через годик привезу вашего Тома в целости и сохранности обратно и предложу вам же.

– Мы купим его, и вы на этом хорошо заработаете, – сказала миссис Шелби.

– Ну что ж, мне все равно, кому бы ни продать, лишь бы себе не в убыток. Жить-то надо, сударыня! У нас у всех это первая забота.

Миссис и мистера Шелби корбила наглая развязность работороговца. Чем ярче проявлялись грубость и бессердечие этого человека, тем сильнее сжималось сердце миссис Шелби при мысли о том, что ему, быть может, удастся поймать Элизу с ребенком, и тем усерднее пускала она в ход разные женские уловки, стараясь во что бы то ни стало задержать его. Она любезно улыбалась, поддакивала ему, непринужденно болтала – одним словом, делала все, чтобы время текло незаметно.

Ровно в два часа Сэм и Энди подвели к веранде лошадей, которых утренние скачки, по всей видимости, только освежили и подбодрили.

Сэм, подкрепившись сытным обедом, был полон рвения и готовности сразу пуститься в погоню. Когда Гейли подошел к коновязи, Сэм, не скупясь на слова, стал хвастаться перед Энди, что при его участии «дело выгорит».

– Ваш хозяин собак не держит? – в раздумье спросил Гейли, ставя ногу в стремя.

– Да у нас их целая свора! – воскликнул Сэм. – Вон видите, Бруно – зверь, а не пес. И у негров почти у каждого по собачке.

Гейли презрительно фыркнул и добавил еще несколько весьма нелестных слов по адресу вышеупомянутых животных, на что Сэм пробормотал:

– Что вы их зря обижаете?

– А ищек, с которыми негров выслеживают, у вашего хозяина нет? Впрочем, что спрашивать, я и сам это знаю.

Сэм прекрасно его понял, но продолжал прикидываться простачком.

– У наших собак чутье хоть куда. Вам, верно, таких и надо. Правда, они не натасканы выслеживать негров, но собаки хорошие, их только науськать надо как следует. Бруно! – Он свистнул огромному ньюфаундленду, и тот радостно бросился на его зов.

– Поди ты к черту! – сказал Гейли, садясь в седло. – Ну ладно, пошевеливайся!

Сэм выполнил это приказание, ухитрившись незаметно ткнуть Энди пальцем в бок. Тот так

и прыснул со смеху, отчего Гейли пришел в ярость и замахнулся на него хлыстом.

– Удивляюсь я тебе, Энди, – степенно проговорил Сэм. – Дело такое серьезное, а ты все хи-хи да ха-ха-ха! Эдакие помощники мистеру Гейли не нужны.

– Поедем напрямик к реке, – решительно сказал работорговец, когда они выехали на границу поместья. – Я этих беглых негров знаю: они все к подпольной дороге¹¹ тянутся.

– Правильно! – воскликнул Сэм. – Мистер Гейли без промаха в самую цель бьет! Теперь я вот что вам скажу: к реке можно проехать и по старой дороге и проселком. Как мистер Гейли решит?

Энди в простоте душевной с удивлением воззрился на Сэма, впервые слыша о таком факте из области географии, но тут же горячо подтвердил его слова.

– Мне думается, – продолжал Сэм, – что Лиззи выбрала старую дорогу, потому что там не таклюдно.

Гейли, человек опытный и привыкший опасаться всяческих подвохов, все же попался на эту удочку.

– Вам, пожалуй, поверишь, лгунам бессовестным... – сказал он после минутного размышления.

Неуверенный, задумчивый тон, которым были произнесены эти слова, так развеселил Энди, что он отъехал немного в сторону и весь затрясся от беззвучного хохота, рискуя, того и гляди, свалиться с седла. Но ни один мускул не дрогнул на физиономии Сэма, и он продолжал с серьезной миной взирать на Гейли.

– Дело ваше, сударь. Если решите ехать проселком, так и поедем. Нам, сударь, все равно. Пожалуй, оно и вернее будет, как поразмыслишь.

– Разумеется, она выбрала безлюдную дорогу, – продолжал Гейли размышлять вслух, не обращая внимания на Сэма.

– Да кто ее знает, – сказал Сэм. – Женщины чудной народ. Поди угадай, что у них на уме! Думаешь, так сделают, а глядишь, все получилось шиворот-навыворот. Они от природы такие. Если вы рассчитываете, что она пошла старой дорогой, поезжайте по другой, тогда наверняка найдете. Я лично думаю, что Лиззи старую дорогу и выбрала, значит, нам надо сворачивать на проселок.

Это глубокомысленная оценка всей женской половины рода человеческого не расположила Гейли к выбору проселка. Он решительно заявил, что надо ехать старой дорогой, и спросил Сэма, когда они до нее доберутся.

– Добраться-то недолго, – ответил Сэм, подмигнув Энди одним глазом. Потом добавил: – Но я думал, думал, и, по-моему, нам этой дорогой ехать не стоит. Я там никогда не бывал. Она безлюдная, еще заплутаемся, не приведи господь.

– И все-таки поедем по ней, – сказал Гейли.

– Вот я еще что вспомнил: говорят, она перегорожена у речки. Верно, Энди?

Энди сказал, что тоже никогда не ездил этой дорогой и знает о ней только понаслышке. Короче говоря, добиться от него путного ответа не удалось.

Гейли, привыкший отыскивать правду где-то посредине между преподносимыми ему выдумками, остановил свой выбор на старой дороге. Он решил, что Сэм сболтнул о ней ненароком, а потом спохватился и, не желая подводить Элизу, всячески изворачивается, лишь бы уговорить его ехать другим путем.

Поэтому, как только Сэм показал ему старую дорогу, он поскакал по ней в сопровождении обоих негров.

Дорога эта действительно вела к реке, но после того, как проложили новый проселок, ею никто не пользовался. Первые несколько миль по ней еще можно было ехать, но дальше она

¹¹ Подпольная дорога. – В 1850 году в США был издан закон, обязывавший население Северных штатов выдавать беглых рабов их владельцам. После этого беглецы стали пробираться в Канаду по «подпольной дороге», то есть скрываясь в домах у людей, которые, в нарушение закона, давали им приют и переправляли с одной «станции» на другую до самой границы.

упиралась в огороженные поля и фермы. Сэм прекрасно знал об этом, а Энди на самом деле не подозревал о существовании старой дороги, ибо на его памяти по ней уже никто не ездил. Поэтому он с должной покорностью трусил за Гейли и лишь изредка принимался стонать и жаловаться, что теперь Джерри окончательно собьет себе ногу.

– Вы лучше помалкивайте, – сказал Гейли. – Меня не проведешь! Все равно с этой дороги не сверну, сколько бы вы ни скулили.

– Ваше дело хозяйское, – покорно ответил Сэм и так многозначительно подмигнул Энди, что тому стоило больших трудов удержаться от нового взрыва веселья.

Сэм был настроен чрезвычайно бодро. Он крутился по сторонам, притворяясь, что высматривает беглянку, и то ухитрялся увидеть «чей-то капор» на вершине какого-нибудь холма вдалеке, то спрашивал Энди: «Не Лиззи ли бежит вон по той ложбине?» Все свои замечания Сэм принаравливал к самым неровным и каменистым местам дороги, где погонять лошадей было почти невозможно, и таким образом не давал Гейли ни минуты покоя.

Через час всадники галопом спустились с крутого косогора к большому сараю. На дворе возле него не было ни души, по-видимому, все обитатели фермы работали в поле. Но так как сарай стоял как раз посередине дороги, было ясно, что в этом направлении их путешествие можно считать оконченным.

– Что я вам говорил, сударь? – сказал Сэм с видом оскорбленной невинности. – Вы человек не здешний, наших мест не знаете, а мы здесь родились и выросли.

– Мерзавец! – крикнул Гейли. – Ты знал, что здесь нет проезда!

– А разве я вам этого не говорил? Да ведь вы и слушать меня не захотели! А я предупреждал: сударь, дорога перегорожена, там ни пройти, ни проехать. Спросите Энди, он все слышал.

Сэм был прав – спорить не приходилось, и незадачливому Гейли не оставалось ничего другого, как подавить свою досаду и повернуть обратно.

Вследствие всех этих задержек погоня достигла поселка на берегу реки Огайо минут через сорок после того, как Элиза уложила Гарри спать в маленькой придорожной гостинице. Она стояла у окна, глядя в противоположную от Сэма сторону, но ему достаточно было одного взгляда, чтобы узнать ее. Гейли и Энди ехали сзади. В эту критическую минуту Сэм ухитрился сделать так, что у него снесло ветром панаму, и он громко крикнул. Услышав знакомый голос, Элиза отпрыгнула в глубь комнаты; всадники проскакали мимо окна и остановились у входной двери.

Тысячу жизней прожила Элиза в один этот миг. Дверь спальни выходила прямо на реку. Она схватила ребенка и бросилась вниз по ступенькам. Работорговец увидел ее уже у самого берега, спрыгнул с седла и, окликнув Сэма и Энди, кинулся в погоню за ней, словно гончая за оленем. Элизе казалось, что ее ноги еле касаются земли; секунда – и она уже подбежала к самой воде. Преследователи были совсем близко. Полная той силы, которая появляется у человека, доведенного до отчаяния, Элиза дико вскрикнула и в один прыжок перенеслась через мутную, бурлящую у берега воду на льдину. Такой прыжок можно было сделать только в припадке безумия, и, глядя на нее, Гейли, Сэм и Энди тоже невольно вскрикнули и взмахнули руками.

Спотыкаясь, делая страшные прыжки... Элиза несется дальше и дальше...

Огромная зеленоватая льдина накренилась и затрещала, но Элиза не задержалась на ней. Громко вскрикивая, она бежала все дальше и дальше, прыгала через разводья, скользила, спотыкалась, падала... Туфли свалились у нее с ног, чулки были разорваны, исцарапанные ступни оставляли кровавые следы на льду. Но она ничего не замечала, не чувствовала боли и очнулась лишь тогда, когда увидела перед собой смутно, словно во сне, противоположный берег и человека, протягивающего ей руку.

– Смелая вы женщина! – сказал этот человек.

Элиза признала в нем фермера, жившего недалеко от ее прежнего дома.

– Мистер Симз, спасите... умоляю вас... спрячьте меня! – крикнула она.

– Позвольте! – сказал тот. – Да ведь вы у Шелби живете!

– Моего ребенка... сына... продали! Вон его хозяин! – и она показала на другой берег. – Мистер Симз, у вас тоже есть сын!

– Да, есть! – сказал он с грубоватой лаской в голосе, помогая ей взобраться на крутой берег. – Кроме того, вы храбрая женщина, а я люблю таких вот отчаянных.

Поднявшись вместе с Элизой на берег, Симз остановился и сказал:

– Я бы рад вам помочь, да мне некуда вас спрятать. Могу только посоветовать: идите вон туда, – и он показал на большой белый дом, стоявший немного в стороне от главной улицы по-

селка. – Туда идите, там живут добрые люди. Им не впервой, они всем помогают и вас из любой беды выручат.

– Да благословит вас бог! – с чувством сказала Элиза.

– Пустяки! – ответил Симз. – Есть о чем говорить!

– Сэр! Вы никому про меня не расскажете?

– Да будет вам, конечно не расскажу! За кого вы меня принимаете! Ну, счастливого пути.

Свобода вам досталась не даром, и никто у вас ее не отнимет, помяните мое слово!

Молодая женщина прижала ребенка к груди и быстрыми шагами пошла прочь от берега. Симз долго смотрел ей вслед.

– Шелби, наверно, сказал бы, что добрые соседи так не поступают. А что мне было делать? Если какая-нибудь из моих негритянок сбежит и попадетсЯ ему на глаза, пусть оплатит мне той же монетой. Не охотник я смотреть, как на человека спускают собак, а он бежит из последних сил, задыхается. Да вообще, с какой стати я буду ловить чужих невольников?

Так рассуждал этот бедный, невежественный житель штата Кентукки, не разбиравшийся толком в законах своей страны и поступивший по совести, чего вряд ли можно было бы от него ожидать, если б он занимал более высокое положение в обществе и был бы человеком более осведомленным.

Гейли стоял как вкопанный, наблюдая за этой сценой, а когда Элиза скрылась из виду, он обратил недоуменно-вопрошающий взгляд на Сэма и Энди.

– Вот это здорово! – воскликнул Сэм.

– Дьявол, что ли, вселился в эту женщину? – растерянно проговорил Гейли. – Как дикая кошка прыгала!

– Ну, сударь, надеюсь, туда вы нас не пошлете? – сказал Сэм, почесывая голову. – Я скакать по льдинам не берусь, уж не взыщите. – И он захихикал.

– Ты еще посмейся у меня! – рявкнул на него работорговец.

– Ох, сударь, сил моих больше нет! – И, дав себе волю, Сэм расхохотался во все горло. – Уж больно смешно было смотреть – прыг, скок... льдины трещат... плюх, плюх! шлеп! Дальше бежит! И какая ловкая! – Сэм, а с ним заодно и Энди так покатывались со смеху, что их даже слеза прошибла.

– Как бы вам сейчас не захныкать! – крикнул работорговец, замахиваясь на них хлыстом.

Увернувшись от удара, они с криком бросились бежать вверх по берегу к лошадям.

– Всего вам хорошего, сударь! – степенно сказал Сэм. – Миссис, наверно, давно уж беспокоится о Джерри. Мы мистеру Гейли больше не нужны. Миссис никогда бы нам не позволила гнать лошадей по тому мостику, по которому бежала Лиззи.

Сэм ткнул Энди кулаком в бок, и они поскакали прочь, заливаясь хохотом, отголоски которого ветер еще долго доносил до Гейли.

ГЛАВА VIII

Спасена

Элиза перебежала на берег штата Огайо, когда начали спускаться сумерки. Она сразу скрылась в седом вечернем тумане медленно поднимавшемся над рекой, а разлив и ледоход представляли собой непреодолимое препятствие для ее преследователя. Раздосадованный Гейли повернулся и медленно побрел к гостинице, раздумывая, что же предпринять дальше. Хозяйка впустила его в маленькую комнатку, где стоял стол, покрытый блестящей черной клеенкой, и несколько стульев с высокими спинками. Пол был устлан ковриком, сшитым из лоскутов, над очагом, в котором еле теплился огонь, стояли на полочке ярко размалеванные гипсовые статуэтки Гейли сел на неуклюжую длинную скамью у очага и погрузился в размышления о суетности человеческих надежд и человеческого счастья.

– Дался же мне этот мальчишка! – бормотал работорговец. – Остался теперь в дураках по его милости! – И он отпустил по своему адресу такой набор проклятий, что мы, повинувшись чувству благопристойности, не будем приводить их здесь, хотя они были вполне им заслужены.

Громкий, резкий голос у дверей гостиницы прервал самобичевание Гейли, и он подошел к окну.

– Ах, черт возьми! Вот удача то! Правду люди говорят – судьба. Неужто это Том Локкер!

Гейли быстро распахнул дверь. У стойки, в углу комнаты, стоял детина огромного роста и очень широкий в плечах. На нем была куртка из буйволовой кожи мехом наружу, придававшая его и без того свирепой физиономии нечто звероподобное. Необузданная жестокость сквозила во всем его облике. Если читатель способен вообразить бульдога, разгуливающего на задних лапах в куртке и шляпе, он получит полное представление об этом человеке. Его спутник был полной противоположностью ему. Маленький, щуплый, он напоминал движениями кошку, а его насто-роженность и явную пронырливость еще больше подчеркивали пронзительный взгляд черных глаз, длинный лисий нос и темные волосы, нахальными вихрами торчавшие надо лбом.

Великан налил полстакана виски и выпил его залпом. Маленький стал на цыпочки, повертел головой, словно принюхиваясь к бутылкам, и наконец дрожащим, тоненьким голосом заказал себе порцию мятной. Получив стакан, он бросил на него самодовольный взгляд, видимо, уверенный в правильности своего выбора, и стал потягивать мятную маленькими, осторожными глотками.

– Ну и подвезло мне! Какая приятная встреча! Здравствуй, Локкер! – сказал Гейли, подходя к стойке с протянутой рукой.

– Вот черт! – последовал вежливый ответ. – Как ты сюда попал, Гейли?

Его спутник, которого звали Мэркс, мгновенно отнял стакан ото рта и, вытянув шею, устался на незнакомца – ни дать ни взять, кошка, когда она собирается сцапать сухой лист или какой-нибудь другой движущийся предмет.

– До чего же я тебе рад, Том! У меня такая беда стряслась! Помогай! Вся надежда на тебя одного.

– Ну конечно! – буркнул тот. – Уж если ты кому рад, значит, это неспроста, значит что-нибудь понадобилось. Ну, говори, в чем дело?

– Это твой приятель? – спросил Гейли, недоверчиво глядя на Мэркса. – Наверно, компаньон?

– Да. Познакомься, Мэркс. Это тот самый, с кем я работал в Натчезе.

– Очень рад, – сказал Мэркс, протягивая Гейли свою длинную, сухую, как птичья лапа, руку. – Имею честь видеть мистера Гейли?

– Он самый, сэр, – ответил работороговец. – А теперь, джентльмены, по случаю такой счастливой встречи разрешите вас угостить. Эй ты, любезный, – обратился он к человеку за стойкой, – подай-ка нам горячей воды, сахару, сигар и побольше живительной влаги. Сейчас закатим здесь пир на весь мир.

И вот свечи зажжены, огонь в очаге пылает, и трое наших почтеннейших джентльменов восседают за столом, на котором выставлены все перечисленные выше угощения, способствующие дружеской беседе.

Гейли весьма трогательно описал свои неудачи. Локкер хмуро молчал и слушал его внимательно. Мэркс хлопотал над приготовлением пунша по собственному рецепту, но время от времени отрывался от этого занятия и совал свой острый подбородок и нос чуть ли не в самое лицо Гейли, стараясь не проронить ни одного слова. Конец рассказа, видимо, доставил ему огромное удовольствие, ибо он затрясся от беззвучного смеха, скривив свои тонкие губы.

– Выходит, здорово вас надули! Хи-хи-хи! И как все чисто сделано!

– Одни хлопоты с этими мальчишками! – вздохнул Гейли.

– Да-а! Вырастить бы такую породу женщин, которые не любили бы своих детенышей! Вот это было бы усовершенствование! – И Мэркс сопроводил свою шуточку легким смешком.

– Вот именно! – сказал Гейли. – И чего они так за них цепляются, ей-богу, не понимаю! Ведь им с этими ребятами одно горе. Уж, кажется, отделались от такой обузы, и слава богу. Так нет! И ведь, глядишь, заморыш какой-нибудь, ни цента не стоит, а им такие будто еще милее.

– Передайте-ка мне горячую воду, мистер Гейли, – сказал Мэркс. – Да, сэр, с вами нельзя не согласиться. Когда я еще занимался торговлей, попалась мне раз одна негритянка – здоровая, рослая и к тому же смышленная, а мальчишка у нее был хворый какой-то, горбатый, что ли, не знаю. Я отдал его одному человеку задаром – рискни, мол, может, что и заработаешь. Мне и в голову не пришло, что мать будет так убиваться. А вы бы посмотрели, что она вытворяла! Мальчишка больной, капризный, казалось бы – одно мучение с ним, а она в нем души не чает. И притворства тут никакого не было – плачет-разливается, места себе не находит, будто одна-одинешенька осталась на всем белом свете. Смех смотреть! Да, женщины народ нудной, от них

всего можно ждать.

– У меня тоже был такой случай, – подхватил Гейли. – Прошлым летом купил я на Красной реке одну негритянку с ребенком. Ребенок был ничего – смазливенький, глаза такие живые, блестящие, и, представьте себе, оказался слепой. Ничего не видит! Ну, думаю, сплавлю это сокровище куда-нибудь, и уже сговорился сменить на бочонок виски, а попробовал взять его у матери, ну куда там – сушая тигрица, и не подступишься. А дело было у пристани, мы еще не отчалили, и вся моя партия была без кандалов. Так как вы думаете, что она сделала? Вскочила на кипу хлопка, точно кошка, и выхватила нож у одного матроса. Все от нее шарахнулись кто куда, а потом она поняла, что все равно не убежишь, и прямо вниз головой и кинулась в реку вместе с ребенком – только их и видели.

Том Локкер, слушавший их рассказы с плохо скрываемым презрением, громко фыркнул.

– Растяпы вы оба! У меня негритянки таких штук не проделывают.

– Да ну! Как же ты с ними справляешься? – живо спросил Мэркс.

– Как справляюсь? А вот как. Скажем, покупаю я негритянку, и если при ней ребенок, которого можно продать, я тычу ей кулаком в нос и говорю: «Вот, видала? Попробуй только пискнуть, избыю нещадно. Чтоб я от тебя ни слова, ни полслова не услышал. Ребенок, – говорю, – мой, а не твой, и ты о нем забудь. Я его продам при первом же удобном случае, и не вздумай тут буяннить, не то пожалеешь, что на свет божий родилась». Уверю вас, они прекрасно понимают, что со мною шутки плохи, и молчат, как рыбы. А если какая-нибудь вдруг начнет голосить... – Мистер Локкер стукнул кулаком по столу, заменив этим выразительным жестом недосказанные слова.

– Убедительно, что и говорить! – сказал Мэркс и, ткнув Гейли пальцем в бок, захихикал. – Ну и штучка наш Том! Хи-хи-хи! Он какого угодно безмозглого негра образумит. Да, Том, если ты и не сам дьявол, так родным братцем ему приходишься.

Том выслушал эту похвалу с подобающей скромностью, а Мэркс тут же обратился к Гейли:

– Так чего же вы от нас хотите? Чтобы мы поймали вашу беглянку?

– Мне на нее наплевать, она не моя, а Шелби. Все дело в мальчишке. Дурак я был, что связался с этим чертенком!

– А ты всегда был дураком, – буркнул Локкер.

– Ну-ну, Том, брось грубить! – сказал Мэркс и облизнул губы. – Насколько я понимаю, мистер Гейли предлагает нам выгодное дельце. Помолчи минутку, я сам обо всем договорюсь, это по моей части. Итак, мистер Гейли, что это за женщина? Какая она?

– Красивая, цвет кожи светлый, хорошего воспитания. Я бы за нее ни восьмисот, ни тысячи долларов не пожалел – и то бы неплохо на ней заработал.

– Цвет кожи светлый, красивая и хорошо воспитана, – повторил Мэркс, и его нос, рот и черные глазки пришли в движение. – Слушай, Локкер, а ведь это соблазнительно! Давай возьмемся. Поймаем их обоих, мальчишку, конечно, вернем мистеру Гейли, а мать отвезем в Новый Орлеан и продадим. Плохо ли!

Локкер, слушавший своего приятеля с открытым ртом, щелкнул зубами, словно собака, которой достался кусок мяса, и погрузился в размышления.

– Дело обстоит так, – сказал Мэркс, обращаясь к Гейли и помешивая свой пунш: – здесь, на реке, очень покладистые судьи. Они нам палок в колеса не будут вставлять. Том мастер по кулачной части, зато когда надо присягнуть в чем-нибудь, тут уж на сцену выступаю я. Разоденусь в пух и прах, сапоги начищу и явлюсь в суд. Вы бы посмотрели, как у меня это получается! – воскликнул он, сияя от гордости. – Сегодня я мистер Твикем из Нового Орлеана, завтра плантатор, только что приехавший с Жемчужной реки, где у меня до семисот негров, а то еще назовусь дальним родственником Генри Клея или какого-нибудь другого почтенного джентльмена из Кентукки. Таланты бывают разные. Например, когда нужно пустить в ход кулаки, лучше Тома этого никто не сделает, но приврать он не умеет – не выходит это у него. А вот если понадобится присягнуть в чем угодно и кому угодно и скорчить при этом постную физиономию, то на это я дока, лучшего во всей стране не найдете! Я в любую щелку пролезу, даже если бы судьи у нас были построже. Иной раз просто обидно становится, что нет у них настоящей строгости, – слыш-

ком уж легко все дается, никакого удовольствия не получаешь.

Том Локкер, который, как мы уже отметили, не отличался быстротой соображений, вдруг перебил разглагольствования Мэркса, с такой силой ударив своим тяжелым кулаком по столу, что зазвенела вся посуда.

– Согласен! – крикнул он.

– Господь с тобой, Том, зачем же стаканы бить! – сказал Мэркс. – Прибереги свой кулак до поры до времени, он тебе еще понадобится.

– Позвольте, джентльмены, а как будет со мной? Я получу свою долю прибыли? – спросил Гейли.

– А то, что мы поймаем мальчишку, этого мало? – сказал Локкер. – Чего тебе еще нужно?

– Да ведь я, как-никак, предлагаю вам выгодное дело, это чего-нибудь да стоит... Ну, скажем, десять процентов, за вычетом расходов.

– Что? – заорал Локкер и выругался, стукнув по столу кулачищем. – Будто я тебя не знаю, Ден Гейли! Хочешь меня надуть? Нет, в самом деле, даром, что ли, мы с Мэрксом ловим беглых негров в угоду таким вот белоручкам! Как же, держи карман! Женщина будет наша, а если ты начнешь скандалить, то мы и мальчишку себе заберем. Кто нам помешает? Ты нас навел на след? Навел. Значит, теперь шансы равные. Если вы с Шелби вздумаете пуститься за нами в погоню, воля ваша – ищите ветра в поле.

– Ну хорошо, хорошо, пусть будет по-твоему, – заторопился перепуганный Гейли. – Верните мне только мальчишку. Ты, Том, меня никогда не обманывал, я твоему слову верю.

– Еще бы не верить! – сказал Том. – Я не такой, как ты, слезу пускать не люблю, но что касается деловых расчетов, так тут я самого дьявола не обману. Как сказал, так и сделаю, и ты прекрасно это знаешь, Ден Гейли.

– Правильно, Том, правильно, я то же самое говорю. Ты мне только пообещай, что через неделю мальчишка будет у меня, и сам назначь место, куда за ним приехать. Больше мне ничего не нужно.

– Зато мне нужно, – сказал Том. – Я ведь недаром вел с тобой дела в Натчезе. Это мне наука была: если поймал угря, держи его крепко. Так вот, раскошеливайся, изволь выложить пятьдесят долларов, иначе не видать тебе твоего мальчишки. Я знаю, как с тобой уговариваться.

– Вот это уж напрасно, Том, – сказал Гейли. – Ведь у тебя чистой прибыли будет тысяча долларов, а то и тысяча шестьсот.

– Ты почему знаешь? Может, у нас своих дел на целый месяц хватило бы! А теперь мы все бросим и начнем всюду рыскать, искать твоего мальчишку и в конце концов не найдем. Ты сам знаешь, легко ли женщину поймать. А если не поймаем, что тогда? Заплатишь ты нам хоть сколько-нибудь? Как бы не так! Нет-нет, выкладывай пятьдесят долларов! Если наше дело выгорит и себя оправдает, получишь их обратно. Если нет, это пойдет нам за труды. Правильно я рассудил, Мэркс?

– Конечно, правильно, – примирительным тоном сказал тот. – Пятьдесят долларов будет в виде залога. Хи-хи-хи! Мы законники – ничего с нами не поделаешь. Зачем ссориться? Давайте по-хорошему. Мистер Гейли, скажите, куда вам доставить мальчишку, и Том так и сделает. Верно, Том?

– Если я его найду, приезжай за ним в Цинциннати. Он будет на пристани, у бабки Белчер, – сказал Локкер.

Мэркс вынул из кармана засаленную пачку бумаг, достал из нее листок и, уставившись в него своими острыми черными глазками, начал читать вполголоса:

– «Барнс, округ Шелби, негр Джим... триста долларов, доставить живым или мертвым... Эдварде, Дик и Люси – муж и жена, – за поимку шестьсот долларов. Негритянка Полли с двумя детьми – шестьсот долларов... Столько же за одну ее голову». Я смотрю, какие у нас есть дела, сможем ли мы взяться за ваше... Локкер, – сказал он после паузы, – этими давно пора заняться. Поручим их Адамсу и Спрингеру.

– Сдерут втридорога, – ответил Том.

– Я сам с ними поговорю. Они в этом деле новички, и запрашивать им не годится. – Мэркс

снова взялся за свой список. – Все три поимки легкие... пристрелить на месте или показать под присягой, что они пристрелены, больше ничего не требуется. За такую безделицу можно посчитать подешевле. А с другими время терпит. – И он сложил бумагу. – Теперь перейдем ближе к делу. Итак, мистер Гейли, вы видели, как эта женщина перебежала через реку?

– Как вас сейчас вижу.

– И человека, который помог ей взобраться на берег? – спросил Локкер.

– Тоже видел.

– Ее, по всей вероятности, где-нибудь спрятали, – сказал Мэркс. – Но где? Вот вопрос. Ну, Том, слово за тобой.

– Чего тут раздумывать? Надо сегодня же переправиться на тот берег, – ответил Том.

– Да ведь лодки-то нет, – возразил Мэркс. – Ледоход очень сильный, Том. Опасно!

– Я знать ничего не желаю! Хочешь не хочешь, а переправиться надо, – отрезал Локкер.

– Ах ты боже мой! – засуетился Мэркс. – Как же быть... – Он подошел к окну. – Темно, ни зги не видно... Том...

– Короче говоря: ты струсил, Мэркс? Тебе, видно, хочется посидеть здесь денек-другой, пока эту женщину не переправят по подпольной дороге до Сандаски?¹²

– Ничуть я не струсил, – сказал Мэркс, – только...

– Только что?

– Как быть с переправой? Ведь лодок сейчас не найдешь.

– Здешняя хозяйка говорила, что вечером лодка будет, – какому-то человеку понадобилось на ту сторону. Нам во что бы то ни стало надо к нему пристроиться, – сказал Том.

– Собаки у вас хорошие? – спросил Гейли.

– Собаки-то замечательные, – ответил Мэркс, – да какой от них толк? Ведь у вас ее вещей не осталось, на след навести нечем?

– Кое-что есть, – торжествующе заявил Гейли. – Она второпях забыла свою шаль на кровати. Шаль и капор.

– Нам везет! – сказал Локкер. – Давай их сюда.

– Только как бы ее собаки не изувечили, – спохватился Гейли.

– Гм, действительно! – сказал Мэркс. – В Мобайле наши собачки чуть не загрызли одного негра. Едва успели их оттащить.

– Это не годится. Ведь такой товар за красоту и ценится.

– Правильно, – согласился Мэркс. – Да и то сказать, в Северных штатах с собаками вообще делать нечего. С ними хорошо работать здесь, на плантациях, где беглому негру никто не помогает.

– Ну-с, так, – сказал Локкер, вернувшись от стойки после разговора с хозяином гостиницы, – лодка будет, этот человек пришел. Значит, Мэркс...

Сей храбрый муж бросил унылый взгляд на уютную комнату, которую приходилось покидать, но все же покорно встал с места. Гейли перекинулся с Локкером несколькими словами относительно дальнейшего, с явной неохотой вручил ему пятьдесят долларов, и почтенная компания разошлась.

Наши благовоспитанные читатели, пожалуй, будут недовольны, что мы вводим их в такую компанию, но это предрассудок, с которым не мешает поскорее расстаться, ибо охота за беглыми неграми занимает теперь место среди самых почтенных профессий в Америке и почитается гражданской доблестью. Если же все огромное пространство между Миссисипи и Тихим океаном превратится в рынок, где торгуют человеческими телами и душами, а живой товар сохранит свою тягу к передвижению, работорговцы и охотники за беглыми рабами, того и гляди, приобщатся к нашей аристократии.

* * *

¹² Сандаски – город на озере Эри, южный берег которого принадлежит США, а северный – Канаде.

Пока в гостинице разыгрывалась эта сцена, Энди и Сэм, оба в блаженном состоянии духа, возвращались домой.

Сэм ликовал, выражая свой восторг дикими воплями, гиканьем и резкими телодвижениями и жестами. Он то перевертывался в седле задом наперед, лицом к хвосту лошади, то, отчаянно гикнув, садился как следует и начинал строго отчитывать Энди за непрерывный хохот и дурачества, а потом, ухватившись за бока, принимался хохотать сам, да так громко, что гул шел по лесу. Все эти проделки не мешали им скакать во весь опор, и в одиннадцатом часу вечера на усыпанной гравием дорожке, ведущей к веранде, послышалось цоканье подков. Миссис Шелби подбежала к перилам:

– Это ты, Сэм? А где остальные?

– Мистер Гейли остался отдохнуть в гостинице. Он ужасно устал, миссис.

– А Элиза, Сэм?

– Она на том берегу Иордана, в земле Ханаанской,¹³ если дозволено так выразиться.

– Что ты говоришь, Сэм! – прерывающимся голосом воскликнула миссис Шелби, чувствуя, как у нее подкашиваются ноги от ужаса, ибо она истолковала слова Сэма по своему.

– Да, да, миссис Шелби, господь защищает своих рабов. Лиззи перебралась через реку в Огайо, да так быстро, словно сам господь перевез ее туда на огненной колеснице, запряженной двумя конями.

В присутствии хозяйки благочестие Сэма не знало границ, и он особенно охотно черпал свои сравнения и образы из библии.

– Сэм, пойдی сюда, – сказал мистер Шелби, выходя на веранду. – Расскажи все толком. Успокойтесь, Эмили! – Он обнял жену за талию. – Вы вся дрожите. Ну зачем эта излишняя чувствительность!

– Излишняя чувствительность? Разве я не женщина, не мать? Разве мы оба не отвечаем перед богом за несчастную Элизу? Господи, прости нам этот грех!

– Какой грех, Эмили? Мы поступили так, как нам повелевал долг.

– А меня терзает чувство вины, – сказала миссис Шелби, – и никакие доводы рассудка не могут победить его.

– Энди! Поворачивайся живей, черномазый! – крикнул Сэм. – Отведи лошадей на конюшню. Слышишь, хозяин меня зовет? – И через минуту он появился в дверях гостиной, держа в руках свою панаму из пальмовых листьев.

– Ну, Сэм, рассказывай все по порядку, – сказал мистер Шелби. – Где Элиза?

– Я, хозяин, сам, своими глазами, видел, как она перебежала по льдинам в Огайо. И так ловко, мы просто диву дались. Чудо, да и только! А какой-то человек помог ей взобраться на берег, это я тоже видел, а больше ничего нельзя было разглядеть, потому что туман.

– Это что-то невероятное, Сэм! Можно ли перебежать реку по льдинам!

– Можно ли? Да без божьей помощи этого нипочем не сделать! Ведь как все было? Мы трое – мистер Гейли, я и Энди – подъехали к маленькой гостинице на самом берегу. Я ехал немного впереди – сил моих не было, так мне хотелось поймать Лиззи! Ну вот, поравнялся я с гостиницей и вдруг вижу – она у окна стоит, на всем виду, а те нагоняют меня, уж совсем близко. Тут, как назло, шляпа у меня слетела, я как закричу – мертвого можно было разбудить таким криком. Ну, конечно, Лиззи услышала и метнулась от окна, а мистер Гейли тут как тут, у самой двери. Она выбежала на улицу – и прямо к берегу. Мистер Гейли увидал ее и ну кричать. Тогда мы все втроем – мистер Гейли, я и Энди – кинулись в погоню за Лиззи. А она уж у самой реки. Течение у берега быстрое, разводье широкое, а за ним сплошные льдины, будто большой остров, и крутятся, одна на другую лезут. Мы Лиззи почти догнали, я уж думал, схватит он ее, и вдруг она как взвизгнет да как перемахнет через разводье на льдину и дальше припустилась! Прыг-прыг, сама вскрикивает, лед под ней скрипит, потрескивает, а она, словно коза, скачет. Господи ты боже мой! Я сроду не видал, чтобы женщина на такое была способна!

¹³ Слова «на том берегу Иордана, в земле Ханаанской» были поняты миссис Шелби как сообщение о том, что Элиза умерла.

Миссис Шелби сидела бледная от волнения и молча слушала Сэма.

– Слава создателю! Элиза жива! – воскликнула она. – Но что с ней будет дальше?

– Господь не оставит ее, – сказал Сэм, благочестиво закатывая глаза. – Миссис всегда нас учила, что все мы – орудие в руках господина. Если б я не подчинился сегодня его воле, мистер Гейли успел бы десять раз поймать Лиззи. А кто упустил утром лошадей и гонялся за ними до самого обеда? Кто уговорил мистера Гейли дать пять миль крюку? Не будь меня, он бы живо ее сцапал, как собака енота. А я исполнял волю божью.

– Как бы тебе не пожалеть об этом, друг мой любезный! Я не потерплю, чтобы мои люди так обращались с джентльменами! – сказал мистер Шелби, напустив на себя строгий вид.

Но негра так же трудно обмануть напускной суровостью, как и ребенка. Его не проведешь. Негр прекрасно чувствует притворство. И Сэма ничуть не огорчил этот выговор, хотя он сразу же соорудил покаянную мину и слушал хозяина, скорбно поджав губы.

– Верно, все верно. Я нехорошо поступил, каюсь. Ясное дело, нельзя потакать такому бесчинству. Я сам это понимаю. Но несчастного негра иной раз просто подмывает на нехорошие дела, особенно когда он видит, как такие вот люди, вроде мистера Гейли, начинают куражиться. Да и какой он джентльмен! Мы настоящих джентльменов с малолетства привыкли видеть, нас не обманешь!

– Хорошо, Сэм, – сказала миссис Шелби. – Поскольку ты признаешь свою вину, разрешаю тебе сходить к тетушке Хлое и попросить у нее холодной ветчины, оставшейся от обеда. Вы с Энди, наверно, проголодались.

– Никогда не забуду вашей доброты, миссис, – сказал Сэм, наспех отвесил ей поклон и удалился.

Как мы уже намекали раньше, Сэм обладал одним прирожденным даром, который сослужил бы ему хорошую службу, если б он подвизался у нас на политическом поприще, а именно – даром извлекать для себя пользу из любых жизненных обстоятельств и обращать их на возвеличение и прославление собственной персоны. Так было и на сей раз: ублажив хозяев своей набожностью и смирением, он лихо нахлобучил набекрень панаму и проследовал во владения тетушки Хлои с намерением всласть покрасоваться на кухне.

«Пусть послушают меня эти негры, – говорил он самому себе. – Такого им порасскажу, что у них глаза на лоб полезут!»

Следует отметить, что больше всего на свете Сэм любил сопровождать своего хозяина на всякие политические сборища. Пристроившись где-нибудь на изгороди или забравшись на дерево, он упивался речами ораторов, а потом, окружив себя толпой чернокожих собратьев, тоже приехавших сюда вместе с хозяевами, удивлял и восхищал их шутовским пересказом всего слышанного, умудряясь сохранять при этом полную серьезность и даже торжественность. Нередко бывало так, что к чернокожим слушателям Сэма присоединялись и белые, и их смех и подмигиванье доставляли огромное удовольствие нашему краснобаю. Сэм считал ораторское искусство своим призванием и никогда не упускал случая блеснуть им.

Между Сэмом и тетушкой Хлоей с давних пор существовала вражда или, если угодно, некоторый холодок в отношениях. Но поскольку Сэм считал необходимым подкрепиться, перед тем как выступать с речами, он решил на сей раз выказать свое миролюбие. Ему было хорошо известно, что приказание миссис Шелби будет исполнено в точности, но почему бы не расположить к себе исполнителя хозяйской воли? От этого можно только выиграть. Он предстал перед тетушкой Хлоей исполненный необычайно трогательного смирения и покорности судьбе, наставшей на него неисчислимы муки за помощь ближнему, и, подробно объяснив ей, зачем хозяйка прислала его сюда, тем самым признал владычество тетушки Хлои на вверенной ее попечениями кухне.

Эта уловка подействовала. Ни один простодушный, исполненный добродетелей гражданин не поддавался так легко на заигрывания хитрого политика, пустившегося во все тяжкие во время предвыборной кампании, как поддалась тетушка Хлоя на лесть Сэма. Будь он блудным сыном,¹⁴ его и то не окружили бы такой поистине материнской заботой, таким радушием. Не

¹⁴ Блудный сын – по-библейскому преданию, человек, раскаявшийся после беспутных скитаний и вернувшийся к

прошло и нескольких минут, как перед гордым, счастливым Сэмом появилась большая оловянная миска, полная всяческих лакомств, скопившихся на кухне за последние три дня. Сочные ломти ветчины, золотистые куски маисовых лепешек, горбушки пирогов, куриные крылышки, потроха, ножки – все это представляло собой весьма живописную смесь, и Сэм, в сдвинутой набекрень панаме, с царственным видом восседал за столом, не забывая своими милостями пригласившегося справа от него Энди.

Кухня была полна друзей-приятелей Сэма, которые сбежали сюда со всей усадьбы послушать, чем кончился этот полный событий день. Пробил долгожданный час! Слава наконец-то осенила Сэма! Он рассказывал о своих подвигах, всячески приукрашивая их. Рассказ сопровождался оглушительным хохотом, который подхватывала и мелюзга, набившаяся во все углы кухни и даже лежавшая на полу. Но сам рассказчик хранил полную невозмутимость посреди всего этого шума и гама и только изредка закатывал глаза да уморительно подмигивал слушателям, не сбиваясь с возвышенного и поучительного тона своего повествования.

– Итак, сограждане, – провозгласил под конец Сэм, взмахнув куриной ножкой, – теперь вы сами убедились, как приходится хитрить человеку, который решил стать на защиту всех вас – да, всех вас, ибо тот, кто посягнет на одного из нас, посягает на весь наш народ. И любому работягу, который будет тут рыскать и зариться на наших людей, придется иметь дело со мной. Я стану на его пути. Придите ко мне, братья мои! Сэм постоит за вас, Сэм будет защищать ваши права до последнего вздоха...

– погоди, Сэм, да ведь ты еще сегодня утром собирался помочь мистеру Гейли изловить Лиззи, а теперь сам себе перечишь! – перебил его Энди.

– послушай моего совета, Энди, – с необычайным высокомерием сказал Сэм, – не берись судить о том, что тебе не по разуму. Вы, мелюзга, народ безвредный, но где вам разбираться в принципах!

Энди виновато умолк, сраженный непонятым словом «принципы», которое произвело не менее сильное впечатление и на его сверстников, находившихся в кухне. А Сэм продолжал:

– Во мне заговорила совесть, Энди. Когда я решил изловить Лиззи, мне думалось, что хозяин этого хочет. А у хозяйки, оказывается, на уме было совсем другое. Вот тут-то совесть во мне и заговорила, потому что держать сторону хозяйки всегда выгоднее. А человек я верный, от своих принципов никогда не отступаю, и совесть у меня есть. – С этими словами Сэм поднес к рту куриную шейку. – Какой толк в принципах, если их не придерживаться! Получай, Энди, косточку, я ее не дочиста обглодал.

– Ладно, ладно, – сказала тетушка Хлоя, – не мешало бы тебе еще один принцип иметь: ложиться спать вовремя и не держать здесь людей до утра! Ну, малыши, марш отсюда мигом, не то каждый по затрещине получит.

– Негры! – провозгласил Сэм, милостиво взмахнув панамой. – Примите мое благословение. Расходитесь по домам и не грешите.

И, удостоенное этим напутствием, собрание покинуло кухню.

ГЛАВА IX, из которой следует, что сенатор – всего лишь человек

Сидя у камина, веселый огонь которого играл на ковре уютной гостиной и поблескивал на чашках и сверкающем чайнике, сенатор¹⁵ Берд снимал сапоги, готовясь сунуть ноги в красивые новые туфли, вышитые ему женой, пока он ездил на сессию сената. Миссис Берд, олицетворение безмятежного счастья, следила, как прислуга накрывает на стол, и то и дело обращалась с назиданиями к детворе, предающейся тем проказам и шалостям, от которых нет покоя матерям с са-

отцу, который был так рад его возвращению, что не знал, чем угостить.

¹⁵ Сенатор – член сената, законодательного собрания. В США есть кроме общего для всей страны сената, в Вашингтоне, также отдельные сенаты в каждом штате. Мистер Берд был членом сената штата Огайо.

мого сотворения мира.

– Том, оставь дверную ручку!.. Мери, Мери! Не тяни кошку за хвост – ей больно! Джим, нельзя лазить на стол! Друг мой, как хорошо, что ты дома! Мы тебя совсем не ждали сегодня! – воскликнула она, улучив наконец-то минутку, чтобы поговорить с мужем.

– Да, да! Я решил – дай-ка съезжу домой хоть на одну ночь, отдохну как следует. Устал ужасно, и голова болит.

Миссис Берд покосилась на стоявший в шкафу пузырек с камфорным маслом, явно собираясь прибегнуть к его помощи, но муж остановил ее:

– Нет, Мери, не пичкай меня лекарствами. Чашка горячего ароматного чаю, немножко домашнего уюта – вот все, что мне нужно. Да, нелегкая жизнь у законодателей!

И сенатор улыбнулся, словно ему было приятно думать, что он приносит себя в жертву родине.

– А что у вас там делается, в сенате? – спросила его жена, когда чаепитие кончилось.

Маленькая миссис Берд обычно не утруждала себя заботами о сенатских делах, мудро решив, что у нее достаточно своих собственных. Поэтому мистер Берд удивленно поднял брови и сказал:

– Да ничего особенного.

– А правда, что сенат принял закон, запрещающий давать кров и пищу несчастным беглым неграм? Я давно об этом слышу, но мне все как-то не верится – неужели такой закон можно утвердить?

– Что с тобой, Мери? Ты вдруг стала интересоваться политикой!

– Вздор! Мне никакого дела нет до вашей политики, но это, по-моему, неслыханная жестокость! Я надеюсь, друг мой, что вы его не пропустили.

– Сенат действительно принял закон, запрещающий оказывать содействие невольникам, которые бегут из Кентукки. За последнее время аболиционисты так осмелели, что в Кентукки начинают серьезно беспокоиться, и мы, как добрые христиане, должны что-то предпринять у себя в штате, чтобы положить конец всем этим волнениям.

– Так неужели же нам нельзя будет приютить этих горемык хотя бы на одну ночь, покормить их, дать им что-нибудь из старой одежды и отправить дальше.

– Нельзя, моя дорогая. В этом и заключается «помощь и содействие беглым неграм».

Миссис Берд была женщина скромная, застенчивая, с голубыми глазами, нежным, как персик, цветом лица и певучим, мягким голосом. Но отвагой она не блистала. Индюк средних размеров мог обратить ее в бегство своим кулдыканьем, а дворовой собаке достаточно было только оскалить зубы, чтобы одержать над ней полную победу. Муж и дети составляли для миссис Берд весь мир – мир, которым она управляла больше уговорами и лаской, чем приказаниями. Только одно могло вывести ее из себя – жестокость; всякое проявление жестокости вызывало в ней приступы гнева, казалось бы несовместимые с ее на редкость кротким характером. Не было матери более снисходительной и доброй, и все же сыновья благоговейно хранили в памяти тот день, когда она расправилась с ними без всякой пощады за то, что они в компании с соседними озорными мальчишками забросали камнями беззащитного котенка.

Миссис Берд, зардевшись румянцем, что очень шло к ней, поднялась с места, твердыми шагами подошла к мужу и сказала весьма решительным тоном:

– Джон, признайся мне откровенно: ты тоже считаешь этот закон справедливым?

– А если я скажу «да», Мери, ты меня не убьешь?

– Ну, этого я от тебя не ожидала! Неужели ты голосовал за него?

– Голосовал, мой очаровательный политик!

– И тебе не стыдно? Какой возмутительный, позорный закон! Я первая нарушу его, дайте только срок. До чего же мы дожили, если женщина не может накормить и обогреть несчастного, изголодавшегося человека только потому, что он раб и всю свою жизнь знал одни лишь гонения!

– Подожди, Мери, выслушай меня. Я понимаю твои чувства, дорогая, и еще больше люблю тебя за такую отзывчивость. Но прислушайся к голосу рассудка. Пойми, что сентименты¹⁶ здесь

¹⁶ Сентименты – чувствительность.

неуместны. Речь идет об очень серьезных вопросах. Ради спокойствия общества мы должны поступиться соображениями личного порядка.

– Все это вздор, Джон! Можешь поучать меня хоть до утра, все равно я с тобой не соглашусь. Скажи мне вот что: ты способен прогнать от своих дверей голодного, иззябшего человека только потому, что он беглый невольник? Ну, скажи, способен?

Если говорить всю правду, так придется признать, что, к несчастью, наш сенатор был от природы человек очень добрый и отзывчивый и отказывать людям, нуждающимся в помощи, было совсем не в его привычках. Жена прекрасно знала это и, следовательно, вела атаку на незащищенные позиции. Таким образом, ему не оставалось ничего другого, как прибегнуть к испытанным средствам, которые только для того и существуют, чтобы оттянуть время. Он сказал «гм!», несколько раз кашлянул, вынул из кармана платок и стал протирать очки. Миссис Берд, убедившись в безвыходном положении противника, без зазрения совести воспользовалась своим преимуществом.

– Хотела бы я посмотреть, как ты это сделаешь, Джон, очень хотела бы! Например, как ты прогонишь женщину, которая постучится к тебе зимой, в стужу и вьюгу. А может быть, ты удержишь ее и отправишь в тюрьму? Это на тебя так похоже!

– Слов нет, долг тягостный... – с расстановкой начал мистер Берд.

– Долг? Джон, зачем ты так говоришь! Наш долг совсем не в этом. Пусть хозяева обращаются со своими неграми получше, тогда они никуда не убегут. Если бы у меня – упаси боже! – были рабы, я бы за них не беспокоилась: кому хорошо живется, тот не станет думать о побеге, уверяю тебя. А если негр все-таки убежит, так он, несчастный, натерпится такого страха, так будет голодать и холодать, что незачем еще натравливать на него всех и каждого. Нет, я вашему закону не подчинюсь!

– Мери, Мери, дорогая моя! Выслушай меня, надо рассуждать здраво!

– Ты знаешь, Джон, как я не люблю пускаться в рассуждения, да еще по такому поводу. Вы, политики, вечно мудрите, а лишь дойдет до дела, так сами же отказываетесь от своих мудрствований. Точно я не вижу тебя насквозь, Джон! Ты сам чувствуешь, что сенат принял несправедливый закон, и не будешь ему подчиняться.

В эту критическую минуту их черный слуга, старый Каджо, приоткрыл дверь в гостиную и попросил миссис пройти на кухню. Наш сенатор, почувствовав некоторое облегчение, проводил жену взглядом, в котором сочетались досада и лукавый смешок, уселся в кресло и взялся за газету.

Но вскоре за дверью послышался взволнованный голос миссис Берд:

– Джон, Джон! Выйди сюда на минутку!

Отложив газету в сторону, сенатор прошел в кухню и остановился на пороге, изумленный зрелищем, открывшимся его глазам.

Хрупкая молодая женщина в изорванном, обледенелом платье лежала в глубоком обмороке на двух составленных рядом стульях. Она была без туфель, от чулок остались одни лохмотья, из свежих ран на ступнях сочилась кровь. Черты ее лица явно говорили о принадлежности к гонимой расе, но кто мог остаться равнодушным к их скорбной, трогательной красоте! Холодная, мертвенная неподвижность этого лица заставила сенатора вздрогнуть. Он стоял молча, затаив дыхание. Его жена и единственная их черная служанка, тетушка Дина, хлопотали над несчастной женщиной, стараясь привести ее в чувство, а старик Каджо держал на коленях маленького мальчика и, сняв с него башмаки и чулки, растирал ему озябшие ножки.

– Сердце разрывается, на нее глядя! – сказала тетушка Дина. – Видно, как попала в тепло, так сразу и сомлела. А ведь когда вошла на кухню, будто и ничего была, говорит: «Нельзя ли у вас погреться?» Я только собиралась спросить, откуда они с малышом пришли, а она вдруг возьми да и упади замертво. Руки нежные, сразу видно – черной работы не знали.

– Бедняжка! – с состраданием сказала миссис Берд, вдруг поймав на себе растерянный взгляд больших темных глаз.

И тут же выражение ужаса исказило мертвенно бледное лицо женщины. Она приподнялась

на своем ложе и крикнула:

– Гарри! Где он... его поймали?

Услышав голос матери, мальчик соскочил с колен Каджо и потянулся к ней.

– Он здесь! Он здесь! – воскликнула женщина. – Спасите нас! Спасите! – В этих словах, обращенных к миссис Берд, звучало беспредельное отчаяние. – Его отнимут у меня!

– Не бойтесь, вас здесь никто не тронет, – твердо сказала миссис Берд. – Вам ничто не грозит.

– Да благословит вас бог! – прошептала женщина, закрыла лицо руками и зарыдала.

А мальчик, видя, что мать плачет, взобрался к ней на колени.

Наконец участие и ласка, на которые мало кто был так способен, как миссис Берд, успокоили несчастную. Она легла на широкую скамью у очага, где ей наскоро постлали постель, и вскоре забылась тяжелым сном, обняв усталого, крепко спящего ребенка, ибо как ни уговаривали ее положить мальчика отдельно, она отказалась от этого наотрез и даже во сне прижимала его к груди.

Супруги вернулись в гостиную и почему-то не захотели возобновлять прерванный разговор. Миссис Берд взялась за свое вязанье, а мистер Берд развернул газету и сделал вид, что углубился в чтение.

– Любопытно, кто она такая? – после долгого молчания сказал он.

– Вот проснется, отойдет немножко, тогда все узнаем, – ответила миссис Берд.

– Послушай, жена... – снова начал мистер Берд, подняв голову от газеты.

– Да?

– Может, ей будет впору какое-нибудь твое платье, если его отпустить, расставить немного? Она, кажется, выше тебя?

По губам миссис Берд скользнула улыбка, и она ответила:

– Там будет видно.

Снова наступило молчание, и мистер Берд снова нарушил его:

– Послушай, жена...

– Ну, что еще?

– Тот теплый плащ, которым ты меня укрываешь, когда я ложусь вздремнуть после обеда... отдай его, он ей тоже пригодится.

В эту минуту Дина заглянула в гостиную и сказала, что женщина проснулась и хочет поговорить с хозяйкой.

Мистер и миссис Берд направились в кухню вместе с двумя старшими мальчиками – малышкой к этому времени уже уложили спать.

Женщина сидела на скамье у очага, устремив тоскливый, неподвижный взгляд на огонь. От ее прежнего лихорадочного волнения не осталось и следа.

– Вы хотели меня видеть? – мягко спросила миссис Берд. – Надеюсь, вам лучше теперь? Бедняжка!

Ответом ей послужил долгий, прерывистый вздох. Женщина подняла на нее свои темные глаза, и в этом взгляде было столько печали и мольбы, что миссис Берд прослезилась.

– Не бойтесь, мы ваши друзья. Расскажите мне, откуда вы пришли и что вам надо.

– Я прибежала из Кентукки.

– Когда? – мистер Берд решил сам приступить к расспросам.

– Сегодня.

– Как же вы сюда попали?

– Перешла по льду.

– По льду! – хором воскликнули все.

– Да, по льду, – медленно повторила женщина. – Господь помог мне, потому что за мной гнались, другого выхода у меня не было.

– Господи боже! Миссис, – вскрикнул Каджо, – ведь лед тронулся, вода так и бурлит!

– Я знала это! – испуганно, сверкнув глазами, заговорила женщина. – И все-таки побежала. Я ни на что не надеялась, не думала, что доберусь до берега, но мне было все равно – либо

бежать, либо умереть.

– Вы невольница? – спросила ее мистер Берд.

– Да, сэр. Мой хозяин в Кентукки.

– Он плохо обращался с вами?

– Нет, сэр, он очень хороший человек.

– Значит, во всем виновата хозяйка?

– Нет, нет, сэр! Кроме добра, я от нее ничего не видела.

– Так что же заставило вас убежать из такого дома и подвергнуть свою жизнь опасности?

Женщина пристально посмотрела на миссис Берд, и от ее острого взгляда не ускользнула, что та в глубоком трауре.

– Скажите, – начала она вдруг, – вы понимаете, что значит потерять ребенка?

Такого вопроса никто не ждал, и он задел незажившую рану, ибо всего лишь месяц назад супруги Берд похоронили крошку-сына.

Мистер Берд круто повернулся и отошел к окну, миссис Берд залилась слезами, но потом, совладав с собой, сказала:

– Почему вы об этом спрашиваете? Да, у нас умер мальчик.

– Тогда вы поймете меня. Я потеряла двоих, одного за другим... их могилки остались там, в Кентукки, и это мой единственный сын. Я не отпускаю его от себя ни на шаг. Он моя гордость, моя утеха. И они хотели отнять его у меня... Продать на Юг! Вы только подумайте! Продать ребенка, который никогда не отлучался от матери! Разве с этим можно примириться? Разве можно пережить такое горе? Я убежала ночью, как только узнала, что все бумаги уже подписаны и мой сын продан. За мной снарядили погоню. Они были совсем близко – тот, кто купил Гарри, и двое работников моего хозяина. Я прыгнула с берега на лед, и как мне удалось перебежать на эту сторону – не знаю... помню только, какой-то человек протянул мне руку, помог взобраться на берег.

Рассказывая все это, женщина не плакала. Слезы у нее давно иссякли. Зато те, кто слушал этот рассказ, откликнулись на него всем сердцем, каждый по-своему.

Оба мальчика сначала принялись шарить по карманам в поисках носовых платков, которых, как всем известно, никогда там не оказывается, потом уткнулись матери в колени и разревелись, утирая глаза и нос ее платьем. Миссис Берд закрыла лицо платком, тетушка Дина, не вытирая слез, катившихся по ее черным щекам, громко причитала: «Господи! Смилуйся над нами!», а старик Каджо усиленно прижимал обшлага к глазам, строил невероятные гримасы и время от времени подхватывал причитания тетушки Дины. Наш сенатор, будучи человеком государственным, не мог плакать подобно простым смертным, и поэтому ему пришлось повернуться ко всем спиной, устремить взгляд в окно, откашливаться, протирать очки и громко сморкаться, что показалось бы весьма подозрительным внимательному наблюдателю, если бы таковой оказался в комнате.

– Как же вы говорили, что у вас был добрый хозяин? – вдруг воскликнул он, проглотив слезы, подступившие к горлу.

– И всегда буду так говорить! Они оба добрые, но посудите сами: у хозяина были большие долги, и он каким-то образом оказался во власти одного человека и должен был во всем ему подчиниться. Я слышала, как они говорили об этом с хозяйкой и как она заступалась за меня, но хозяин сказал ей, что бумаги уже подписаны и теперь ничего нельзя поделать. И тогда я взяла сына и убежала из дому. Я все равно не смогу жить без него, это мое единственное сокровище.

– А разве у вас нет мужа?

– Есть, но у него другой хозяин – злой, жестокий. Он не пускал мужа ко мне и день ото дня мучил его все больше и больше, грозил продать на Юг. С ним-то я, вероятно, уж никогда не увижусь.

Поверхностный наблюдатель мог бы подумать, что женщина относится с полным безразличием к разлуке с мужем – так спокойно она обо всем этом рассказывала. Но глубокая тревога, таившаяся в ее больших темных глазах, свидетельствовала о другом.

– Куда же вы теперь пойдете, бедняжка? – спросила миссис Берд.

– В Канаду... я только не знаю, где она. Это очень далеко отсюда? – И женщина доверчиво взглянула на миссис Берд.

– Несчастливая! – вырвалось у той.

– Наверно, очень далеко?

– Гораздо дальше, чем вы себе представляете, – сказала миссис Берд. – Но мы постараемся помочь вам. Дина, постели ей у себя в комнате, к утру мы что-нибудь придумаем. А вы не тревожьтесь, милочка, спите спокойно.

Миссис Берд и ее муж вернулись в гостиную. Она села в качалку и стала медленно покачиваться, задумчиво глядя в камин. Мистер Берд шагал по комнате и бормотал себе под нос:

– Гм! Гм! Вот положение!

Наконец он остановился перед женой и сказал:

– Вот что, друг мой, ей придется уйти отсюда сегодня же ночью. Этот работороговец явится к нам завтра утром, по свежим следам. Будь она одна – полбеда, переждала бы как-нибудь, пока он не уедет, но ведь ребенка не удержишь: высунет голову в окно или в дверь – и конец. В каком я окажусь положении, если их найдут здесь? Нет! Ее надо отправить отсюда сегодня же ночью.

– Ночью! Да как же так? Куда?

– Я знаю куда, – сказал сенатор, в раздумье берясь за сапоги.

Натянув один до половины, он обнял обеими руками колено и погрузился в глубокие размышления.

– Да, что и говорить, дело не из приятных! – И он снова потянул сапог за ушки, надел его, потом, взявшись за другой, стал сосредоточенно изучать узор на ковре. – А помочь надо, пропади они все пропадом! – Второй сапог был быстро надет, и сенатор подошел к окну.

Миссис Берд была женщина деликатная – женщина, которая никогда бы не позволила себе кольнуть кого-нибудь и сказать с упреком: «Ага! Что я вам говорила!» И сейчас, хотя для нее не было тайной, какой оборот приняли мысли мужа, она благоразумно молчала, сидя в качалке, и ждала, когда ее повелитель соблаговолит поделиться с ней своими соображениями.

– Видишь ли, в чем дело, – заговорил наконец мистер Берд, – один мой старый клиент, Ван-Тромп, отпустил всех своих рабов на волю, уехал из Кентукки и купил себе усадьбу милях в семи отсюда, вверх по реке. Она стоит в лесу, и туда без нужды никто не заглядывает, да и найти ее не так-то легко. Там эта женщина будет в полной безопасности. Но вся беда в том, что ночью ее туда никто не довезет, кроме меня.

– Почему? А Каджо? Ведь он прекрасный кучер.

– Да, верно, но реку придется дважды переезжать вброд, и второй переезд очень опасен. А я сотни раз проезжал там верхом и хорошо помню это место. Словом, делать нечего. Пусть Каджо часам к двенадцати подаст лошадей – только осторожно, без лишнего шума, – и я отвезу ее сам. Потом он доставит меня до ближайшей гостиницы, где можно захватить трехчасовой дилижанс на Колумбус,¹⁷ и все будет шито-крыто, точно я прямо из дому туда и приехал. А утром меня увидят на заседании... Но как же я буду себя чувствовать там после всего этого! А, ладно, делать нечего!

– Ты прислушался к голосу сердца, Джон, – сказала миссис Берд, кладя свою крохотную белую ручку на руку мужа. – Ведь я знаю тебя лучше, чем ты сам себя знаешь.

На глазах у маленькой женщины блеснули слезинки, и она была так хороша в эту минуту, что сенатор подумал: «Какой же я, должно быть, умный человек, если мною восторгается такое очаровательное существо!» Теперь ему оставалось только пойти и распорядиться насчет экипажа. Впрочем, дойдя до двери, он остановился, снова подошел к жене и заговорил нерешительно:

– Не знаю, как ты к этому отнесешься, Мери, но у нас в комодке лежит столько вещей нашего... нашего маленького Генри. – И, сказав это, мистер Берд быстро повернулся и закрыл за собой дверь.

Его жена вошла в комнатку рядом со спальней, зажгла свечу на комодке, достала из шкатулки ключ, вставила его в замочную скважину верхнего ящика и задумалась. Оба мальчика, кото-

¹⁷ Колумбус – столица штата Огайо.

рые, как водится, следовали за матерью по пятам, молча уставились на нее.

Миссис Берд медленно выдвинула ящик комода. Там лежали курточки всевозможных фасонов, груды передников, чулок и даже пара протертых до дыр башмачков, завернутых в бумагу. Рядом с башмачками – игрушечная лошадка, тележка, волчок и мячик – всё памятные вещи, столько раз облитые материнскими слезами. Миссис Берд опустила на стул и, закрыв лицо ладонями, горько заплакала. Слезы текли у нее меж пальцев и капали в открытый ящик. Наплакавшись вволю, она подняла голову и начала торопливо отбирать из комода самые простенькие, самые крепкие вещи и связывать их в узел.

Миссис Берд открыла гардероб, достала оттуда два-три платья и присела к своему рабочему столику, вооружилась иглой, ножницами и наперстком и, следуя совету мужа, принялась переделывать эти скромные наряды. Работа затянулась допоздна, и когда старинные часы, стоявшие в углу, пробили полночь, она услышала у дверей негромкий стук колес.

– Мери, – сказал мистер Берд, входя в гостиную с перекинутым через руку плащом, – пойди разбуди ее. Пора ехать.

Миссис Берд наспех сложила приготовленные вещи в маленький сундучок, заперла его на ключ и, поручив мужу отнести вещи в коляску, отправилась в комнату тетушки Дины.

Не прошло и нескольких минут, как Элиза с ребенком на руках появилась на крыльце в плаще, капоре и шали – подарках ее благодетельницы. Мистер Берд быстро усадил их обоих в коляску, миссис Берд проводила отъезжающих до самой подножки. Элиза высунулась из окна и протянула руку, такую же прекрасную и нежную, как та, которая была протянута ей. Большие темные глаза молодой матери не отрывались от миссис Берд, губы ее дрогнули, но она ничего не смогла сказать и, откинувшись на сиденье, закрыла лицо руками. Дверца захлопнулась, и коляска отъехала от крыльца.

Последнее время в этих местах шли дожди, а мягкой, рыхлой почве Огайо нужно не так уж много влаги, чтобы превратиться в невылазную грязь. В благословенных уголках Запада¹⁸ дороги мостят нестругаными бревнами, уложенными в ряд, одно к другому, и заваленными сверху землей, дерном – всем, что попадет под руку. Счастливые обитатели тамошних мест, считая такие дороги проезжими, немедленно пускаются по ним в путь. С течением времени дожди размывают землю и дерн, бревна ложатся вкривь и вкось, а колеи и ухабы заполняются жидкой черной грязью.

По такой-то дороге путешествует сейчас и наш сенатор, предаваясь на досуге размышлениям о моральности своего поступка, насколько это возможно при данных обстоятельствах, ибо коляска его то и дело подскакивает на рытвинах, утопает в грязи, а ему самому и женщине с ребенком приходится кое-как приспособливаться к тряске и принимать самые неожиданные позы, когда их швыряет из стороны в сторону. Вот, кажется, окончательно застряли! Каджо понукает лошадей, несколько тщетных рывков, сенатор теряет последнее терпение... и вдруг коляска становится на все четыре колеса. Потом передние ныряют в новую рытвину, седоки валятся вперед, шляпа бесцеремонно лезет сенатору на уши, на нос, и ему кажется, что его загасили, точно свечу колпачком. Ребенок плачет. Каджо обращается к лошадям с вдохновенными речами, а они бьют задом, налегают на постромки и кидаются то вправо, то влево под непрестанное щелканье кнута. Еще один толчок – теперь увязают задние колеса. Сенатора, женщину и ребенка швыряет на заднее сиденье. Он задевает локтем ее капор, она попадает обеими ногами в его шляпу, которая почему-то очутилась на полу. Но вот трясину проехали, и лошади останавливаются, тяжело нося боками. Сенатор отыскивает свой головной убор, женщина поправляет съехавший на затылок капор, успокаивает ребенка, и они мужественно готовятся к новым испытаниям.

Проходит еще несколько минут; коляска по-прежнему ныряет по рытвинам и время от времени то заваливается набок, то вздрагивает вся до основания. Наконец седоки начинают поздравлять себя с тем, что дела их не так уж плохи. И вдруг еще один сильный рывок... они поднимаются во весь рост и с необыкновенной быстротой снова опускаются на сиденье; коляска

¹⁸ Запад, или Средний Запад – район США в северной части бассейна реки Миссисипи, примерно до впадения в нее реки Огайо.

останавливается, снаружи происходит какая-то возня, и Каджо распахивает дверцу:

– Вот беда-то, сэр! Увязли! Просто и не знаю, как мы отсюда выберемся. Придется жерди подкладывать.

Повергнутый в отчаяние, сенатор выходит из экипажа, осторожно нащупывая, куда бы ступить. Одна нога у него немедленно уходит в бездонные глубины, он пытается вытащить ее, теряет равновесие, падает в грязь и, поднявшись с помощью Каджо, являет собой весьма плачевное зрелище.

И только глубокой ночью забрызганная сверху донизу коляска переезжает вброд реку и останавливается у дверей большой фермы.

Чтобы разбудить ее обитателей, понадобилось немало терпения и настойчивости. Наконец почтенный хозяин открыл им дверь. Это был огромный детина, шести с лишним футов роста, одетый в красную фланелевую рубашку. Взлохмаченная копна светлых волос и многодневная щетина, мягко выражаясь, не очень-то располагали в его пользу. Несколько минут он стоял со свечой в руке и, хмуро насупившись, таращил глаза на наших путешественников. Сенатор долго толковывал ему, что от него требуется, и, воспользовавшись такой задержкой, мы представим читателю этого человека.

Джон Ван-Тромп был когда-то одним из крупных плантаторов и рабовладельцев в штате Кентукки. Природа наделила его не только гигантским ростом и силой, но и добрым сердцем, и система рабовладения, одинаково позорная как для угнетаемых, так и для угнетателей, никогда не была ему по душе. Наконец наступил день, когда сердце Джона сбросило с себя тягостные оковы. Он вынул из стола бумажник, съездил в Огайо, купил участок хорошей, плодородной земли, дал вольную всем своим рабам, усадил их со всем скарбом в повозки и отправил устраиваться на новом месте, а сам подыскал себе ферму в глуши, вверх по реке, и с чистой совестью поселился там в полном уединении.

– Вы не откажетесь приютить несчастную женщину с ребенком, которая спасается от погоны? – спросил его сенатор.

– Не откажусь, – твердо ответил честный Джон.

– Так я и думал, – сказал сенатор.

– Пусть только сюда кто-нибудь сунется, мы им окажем достойную встречу. – Добряк расправил свои могучие плечи. – У меня семеро сыновей, каждый шести футов роста, и они тоже маху не дадут. Передайте этим смельчакам наше почтение и скажите им, что мы готовы принять их в любую минуту. – И Джон запустил пальцы в густую шевелюру и разразился хохотом.

Измученная, еле живая от усталости Элиза вошла в кухню, держа на руках забывшегося тяжелым сном ребенка. Великан осветил свечкой ее лицо, сочувственно хмыкнул и распахнул дверь в маленькую спальню рядом с кухней. Пройдя туда следом за Элизой, он зажег еще одну свечу, поставил ее на стол и только тогда заговорил:

– Вот что я скажу, милая: бояться тебе нечего, пусть за тобой кто угодно приходит – меня врасплох не застанут! – И он показал на ружья, висевшие над камином. – Не поздоровится тому, кто вздумает здесь самочинствовать, это всем в округе известно. Так что спи спокойно, будто тебя мать в колыбели качает.

Писаная красавица! – сказал он, оставшись наедине с сенатором.

Тот в двух словах поведал ему историю Элизы.

– Эх! Ну что ты скажешь! Вот горе-то! – разжалобился добряк. – Охотятся за бедняжкой, как за ланью! А ведь от хорошей матери ничего другого и требовать нельзя. Ей-богу, как услышу о таком безобразии, так еле себя сдерживаю, чтобы не наговорить чего-нибудь непотребного. – И Джон вытер глаза громадной, покрытой веснушками ручищей. – Поверите ли, уважаемый, я годами не ходил в церковь, не мог слушать, как там вещают, будто библия оправдывает рабство.¹⁹ А человек я неученый, спорить со священниками не берусь.

Говоря все это, Джон откупоривал бутылку шипучего сидра и теперь поставил ее на стол.

¹⁹ В рабовладельческих штатах духовенство, поддерживая правящий класс, использовало в проповедях Библию для внушения неграм покорности и смирения.

– Оставайтесь-ка у меня до утра, – предложил он радушно. – Я сейчас подниму свою старуху, она вам живо постель приготовит.

– Благодарю вас, друг мой, – сказал сенатор. – Я хочу попасть на дилижанс, мне надо в Колумбус.

– Ну что ж, если так, я вас немножко провожу, покажу вам другую дорогу. Та, по которой вы ехали, уж очень плохая.

Джон оделся и с фонарем в руке зашагал впереди коляски сенатора, выводя ее на дорогу, проходившую за фермой. Прощаясь с добрым Джоном, сенатор сунул ему бумажку в десять долларов.

– Это ей, – сказал он.

– Ладно, – так же коротко ответил Джон.

Они обменялись рукопожатием и расстались.

ГЛАВА X Товар отправлен

Серое, морозящее дождем февральское утро заглянуло в хижину дяди Тома и осветило лица, омраченные гнетущей скорбью. На маленьком столике перед очагом была разостлана подстилка для глажения, на спинке стула висели две грубые, но чистые рубашки только что из-под утюга, третья лежала перед тетушкой Хлоей. Она старательно разглаживала каждую складку, каждый рубец, то и дело утирая слезы, ручьем катившиеся у нее по щекам.

Том сидел у стола, подперев голову рукой, перед ним лежала раскрытая библия. Муж и жена хранили молчание. Час был ранний, и ребятишки еще спали, прижавшись друг к другу на своей низенькой деревянной кровати.

Том, который, как истый сын своего несчастного народа, всем сердцем был привязан к семье, встал из-за стола, молча подошел к кровати и долго смотрел на детей.

– Последний раз, – сказал он.

Тетушка Хлоя, не говоря ни слова, продолжала водить утюгом по выглаженной на славу рубашке, потом вдруг отставила его в сторону, упала на стул и заплакала навзрыд.

– Покориться воле божьей! Да как тут быть покорной? Хоть бы мне знать, куда тебя увезут, в какие руки ты попадешь! Миссис говорит: года через два выкупим. Господи милостивый, да разве оттуда возвращаются! Там людей замучивают насмерть! Слышала я, что с ними делают на этих плантациях!

– Господь вездесущ, Хлоя, он не оставит меня и там.

– Он вездесущ, но иной раз по его воле творятся страшные дела, – сказала тетушка Хлоя. – И этим ты хочешь меня утешить!

– Я в руках божьих, – продолжал Том. – Возблагодарим его хотя бы за то, что продали меня, а не тебя с детьми. Здесь вас никто не обидит. Я один приму на себя все муки, а господь поможет мне претерпеть их.

Он говорил с трудом, голос у него обрывался, и все же эти слова были полны мужества и твердой решимости.

– Нет, это несправедливо! Почему хозяин продал тебя? – не унималась тетушка Хлоя. – Ведь ты сторицей окупил бы его долги. Он который год обещает тебе вольную и до сих пор не дал. Может, сейчас ему нелегко, но я чувствую, что так нельзя с тобой поступать. И не пробуй разуверить меня в этом. Кто преданней ему, чем ты, кто пекся о его делах больше, чем о своих собственных, забывал ради него и жену и малых детей! Подумать только! Ты сердцем к нему привязан, а он тебя продает, чтобы выпутаться из долгов! Бог ею за это накажет!

– Хлоя, если ты любишь меня, не говори так! Может, мы с тобой последний раз вместе. И хозяина не надо задевать ни одним дурным словом, Хлоя. Ведь я принял его от старой миссис с рук на руки, когда он был еще мальчиком. И ничего нет удивительного, что я думаю о нем денно и ночью, а ему... где ему думать о бедном Томе! Господа привыкли, чтобы о них заботились. А ты сравни нашего хозяина с другими: у кого мне бы жилось так хорошо, где бы со мной так об-

ращались, как здесь? Если б мистер Шелби заранее знал, что дела у него обернутся плохо, он не продал бы меня. В это я твердо верю.

– Нет, тут что-то не так, – упрямо твердила тетушка Хлоя, руководствуясь присущим ей чувством справедливости. – Не знаю, кого в этом винить, но тут что-то не так.

– Обрати мысли свои к господу, Хлоя. Помимо его воли ни один волос не упадет с нашей головы.

– Так-то оно так, да что-то не нахожу я в этом утешения, – вздохнула она. – Впрочем, что проку говорить! Сейчас пирог будет готов, позавтракаешь... кто знает, когда тебе еще придется вкусно поесть.

Если вы хотите понять, как тяжело приходилось неграм, которых продавали на Юг,²⁰ вспомните, что этот народ способен на сильные чувства. Негр привязывается к родным местам, он любит свой дом, свою семью. Добавьте к этому все ужасы, которые таятся для него в неизвестности; не забудьте также, что он с детских лет трепещет при одной только мысли: «Тебя продадут на Юг!» В его глазах это самое страшное наказание – страшнее порки, страшнее каких угодно пыток.

Один священник, живший среди беглых негров в Канаде, рассказывал нам, что многие из них оставили сравнительно добрых хозяев и не побоялись совершить побег, сопряженный со столькими опасностями, лишь бы не оказаться проданными на Юг. Страшась этой участи, которая вечно грозит и ему, и его жене, и его детям, негр, существо кроткое, робкое, обретает мужество, терпит голод, стужу и смело идет навстречу страданиям и жестокой каре, неминуемой при поимке.

Клубы пара поднимались над столом – скромный завтрак был подан. Миссис Шелби освободила тетушку Хлою от работы на господской кухне, и бедняжка собрала последние силы, чтобы приготовить этот прощальный пир: зарезала лучшую курицу, испекла мужу его любимый пирог и расставила у очага несколько кувшинов с разными соленьями и маринадами, которые извлекались на свет божий только в самых торжественных случаях.

– Смотри, Пит! – возликовал Моз. – Какой у нас сегодня завтрак! – И он схватил кусок курятины с блюда.

Тетушка Хлоя залепила ему звонкую пощечину.

– Ну что это такое! Несчастный отец последний раз дома завтракает, а они только и думают, что о еде!

– Хлоя! – мягко упрекнул ее Том.

– Сил моих больше нет! – крикнула она, пряча лицо в передник. – Голова идет кругом, сама не знаю, что делаю!..

Мальчишки стояли как вкопанные и молча поглядывали то на отца, то на мать, а малютка уцепилась за ее юбку и подняла крик, властно требуя чего-то.

– Ну, вот и все! – Тетушка Хлоя вытерла глаза и подхватила девочку на руки. – Больше не буду. Садитесь к столу. Лучшую курицу сегодня зажарила. Ешьте, ребята. Бедненькие! Досталось им от матери!

Повторять это приглашение дважды не понадобилось. Мальчуганы принялись уписывать за обе щеки стоявшие перед ними яства, что оказалось весьма кстати, так как без их помощи завтрак, пожалуй, остался бы почти нетронутым.

– Теперь надо собрать твои вещи, – сказала тетушка Хлоя, быстро убирая со стола. – Он, наверно, все потребует. У таких извергов руки загребушие, знаю я их. Вот в этот угол кладу фланель, на случай, если ревматизм тебя будет мучить. Смотри береги ее: потеряешь, другой тебе никто не даст. Вот здесь старые рубашки, сверху – две новые. Носки я ночью надвязала, внутрь кладу моток шерсти для штопки. Господи! Да кто же тебе штопать будет! – И тетушка Хлоя, не в силах превозмочь свое горе, уронила голову на сундучок и залилась слезами. – Подумать только, здоров ли он, болен – некому будет о нем позаботиться! А от меня покорности тре-

²⁰ В Южных штатах, расположенных по нижнему течению Миссисипи, рабский труд использовался на хлопковых плантациях, и жизнь рабов была намного тяжелее, чем в центральных штатах.

буют!

Мальчики, управившись со всем, что было подано к завтраку, теперь призадумались над происходящим. Увидев, что мать плачет, а отец сидит понурившись, они захныкали и начали тереть глаза кулаками. Дядя Том посадил дочку на колени и предоставил ей полную свободу развлекаться. Малютка царапала ему лицо, дергала его за волосы и весело хохотала, предаваясь восторгу, причины которого были известны только ей.

– Радуйся, бедняжка, радуйся! – сказала тетушка Хлоя. – Придет и твой час. Продадут когда-нибудь и твоего мужа, а может, и тебя. Сыновья наши вырастут – и того же дождутся. Зачем же нам, неграм, обзаводиться семьей после этого?

Но тут один из мальчиков перебил ее, крикнув:

– Хозяйка сюда идет!

– Нечего ей тут делать! Все равно она ничем не поможет, – сказала тетушка Хлоя.

Миссис Шелби вошла в хижину. Тетушка Хлоя нахмурила брови и молча подала ей стул. Миссис Шелби ничего не заметила – ни стула, ни того, как его подали. Лицо у нее было бледное, взволнованное.

– Том, – сказала она, – я пришла... – и вдруг осеклась, обвела глазами стоявшую перед ней безмолвную семью, упала на стул и, закрыв лицо платком, зарыдала.

– Миссис, господь с вами! Да что это вы! – Тетушка Хлоя не выдержала, расплакалась сама, а за ней и все остальные.

– Друг мой, – заговорила наконец миссис Шелби, – я ничего не могу тебе дать – деньги у тебя все равно отберут. Но верь мне, я не буду терять тебя из виду и выкуплю при первой же возможности, а до тех пор полагайся на бога.

В эту минуту мальчики увидели за окном мистера Гейли.

Дверь распахнулась настежь, и работорговец появился на пороге. Он был сильно не в духе после проведенной в седле ночи и неудачных попыток поймать свою жертву.

– Ну, негр, готов? – крикнул Гейли, но, увидев миссис Шелби, снял шляпу и сказал: – Ваш покорный слуга, сударыня.

Тетушка Хлоя опустила крышку сундучка, перевязала его веревкой и, поднявшись на ноги, устремила на работорговца гневный взгляд своих темных глаз, в которых слезы словно превратились в искры.

Том покорно встал навстречу новому хозяину и взвалил на плечо тяжелый сундучок. Жена с дочкой на руках пошла проводить его, мальчики, плача, побрели следом за ней.

Миссис Шелби остановила Гейли и горячо заговорила с ним о чем-то, а тем временем семья уже подошла к стоявшей у веранды тележке. Вокруг нее собралась толпа – все негры, и стар и млад, пришли проститься со своим товарищем. Тома уважали в усадьбе, как старшего, и его горю сочувствовали все, а особенно женщины.

– Хлоя, а нам, видно, тяжелее расставаться с ним, чем тебе, – сказала сквозь слезы одна негритянка, глядя на окаменевшее в суровом спокойствии лицо тетушки Хлои.

– Я свои слезы давно выплакала, – ответила та, бросив угрюмый взгляд на подхитившего к тележке работорговца. – Не хочу убиваться на глазах у этого изверга.

– Садись! – крикнул Гейли, пробираясь сквозь толпу негров, которые хмуро поглядывали на него.

Том сел в тележку, и Гейли, вытащив из-под сиденья тяжелые кандалы, надел их ему на ноги.

Приглушенный ропот пронесся в толпе, а миссис Шелби крикнула с веранды:

– Мистер Гейли, это совершенно излишняя предосторожность, уверяю вас!

– Как знать, сударыня. Я здесь уже пострадал на пятьсот долларов. Хватит с меня и этого.

– Чего еще от него ждать! – с негодованием сказала тетушка Хлоя.

А мальчики, которые только сейчас поняли, какая участь уготована их отцу, уцепились за юбку матери и заплакали во весь голос.

– Жаль, мистера Джорджа нет дома, так я с ним и не попрощаюсь, – сказал Том.

Джордж отправился в соседнее поместье погостить день-другой у приятеля и, выехав ран-

ним утром, не подозревал о беде, постигшей их верного слугу.

– Передайте от меня поклон мистеру Джорджу, – с чувством сказал Том.

Гейли стегнул лошадь, и Том, до последней минуты не отрывавший печального взгляда от родных мест, скрылся за поворотом дороги.

Мистера Шелби тоже не было дома. Не желая присутствовать при тяжелой заключительной сцене этой драмы, он уехал по делам в надежде, что к его возвращению все будет кончено.

Том и Гейли тряслись по пыльной дороге, минуя одно знакомое место за другим. Наконец усадьба осталась позади, начался проселок. Проехав по нему с милю, Гейли остановился около кузницы, достал из тележки пару наручников и велел кузнецу переделать их.

– Они ему немного малы, – пояснил он, указывая на Тома.

– Господи! Да ведь это негр мистера Шелби, Том! Неужто его продали? – спросил кузнец.

– Продали, – ответил Гейли.

– Быть этого не может! Никогда бы не поверил! – воскликнул кузнец. – Да зачем же ему наручники? Ведь такого честного, хорошего негра...

– Вот именно, – перебил его Гейли. – Хороший негр только и глядит, как бы удрать от хозяина. Дураку какому-нибудь, бездельнику или пьянице на все наплевать, им даже нравится ездить с места на место, а дельному негру это нож острый. Такого не мешает заковать. Ноги-то при нем – возьмет да и убежит.

– Н-да, – сказал кузнец, роясь в ящике с инструментами, – для наших кентуккийских негров хуже ничего быть не может, чем южные плантации. Попал туда – и верная смерть.

– Это правда, мрут они там, как мухи. То ли климата не переносят, то ли от какой другой причины, но убыль в них большая, спрос на такой товар никогда не падает, – сказал Гейли.

– А ведь как подумаешь, жалко становится! Зашлют на какую-нибудь сахарную плантацию хорошего, смирного негра вроде Тома, и конец ему.

– Ну, Тому жаловаться не на что. Я обещал Шелби получше его пристроить. Продам в услужение в какую-нибудь почтенную семью. Привыкнет к климату, не помрет от лихорадки – и хорошо. Чего же еще негру желать?

– А жена и дети у него дома остались?

– Подумаешь! Других заведет, – сказал Гейли.

Том грустно сидел у кузницы, слушая этот разговор, и вдруг до него донеслось быстрое цоканье подков. Не успел он прийти в себя от неожиданности, как Джордж вскочил в тележку и бросился ему на шею, плача и приговаривая сквозь слезы:

– Это подло, подло! Пусть не оправдываются, все равно подло! Какой позор! Будь я взрослым, тебя не посмели бы продать! Я не допустил бы этого!

– Мистер Джордж! Вот радость-то! – сказал Том. – А я уже думал, что уеду и не попрощаюсь с вами... И выразить не могу, как я рад!

Том двинул ногой, и взгляд Джорджа упал на его кандалы.

– Какой позор! – воскликнул мальчик, всплеснув руками. – Я изобью этого негодяя! Я...

– Не надо, мистер Джордж! Этим вы мне не поможете, а он только пуще озлобится. И говорите потише, прошу вас.

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Но какая подлость! Почему мне никто ничего не сказал? Почему за мной не послали? Если б не Том Линкен, я так ничего бы и не узнал. Ну и попало же им от меня!

– Напрасно вы так погорячились, мистер Джордж.

– Я не мог молчать. Ведь это же подлость! Слушай, дядя Том, – таинственно зашептал он, поворачиваясь спиной к кузнице, – я подарю тебе мой доллар!

– Что вы, мистер Джордж! Разве я могу принять такой подарок! – сказал Том растроганным голосом.

– Примешь, примешь! Я посоветовался с тетушкой Хлоей, и она велела мне просверлить в нем дырку и продеть в нее шнурок. Ты будешь носить мой доллар на шее так, чтобы этот негодяй ничего не заметил... Нет, как хочешь, Том, а я его все-таки поколочу – мне после этого полегчает!

– А мне будет еще тяжелее, мистер Джордж. Не надо, прошу вас.

– Ну, раз уж ты просишь, так и быть, – сказал Джордж, надевая Тому шнурок на шею. – Вот! Теперь застегни куртку... и смотри не потеряй, а как взглянешь на него, так помни всякий раз, что я тебя разыщу и привезу обратно домой. Мы с тетушкой Хлоей уже все обсудили. Я ей сказал: «Не беспокойся, тетушка Хлоя. Я допеку отца и поставлю на своем».

– Мистер Джордж, зачем вы так говорите!

– Да я ничего плохого не сказал, дядя Том.

– Мистер Джордж, вспомните, как вас любят, и будьте хорошим сыном! Заботьтесь о матери. Верьте мне, мистер Джордж, много прекрасного господь дает нам дважды, но мать у нас одна и другой не будет. Живите хоть до ста лет, мистер Джордж, все равно второй такой женщины, как ваша матушка, вы никогда не найдете. Любите ее, будьте ей утешением и сейчас и когда подрастете. Обещаете мне, мистер Джордж?

– Обещаю, дядя Том, – ответил мальчик.

– Будьте настоящим человеком, не обманите моих надежд, и пусть родители не услышат от вас ни одного дерзкого слова. Вы не обижаетесь, что я так говорю, мистер Джордж?

– Что ты, что ты, дядя Том! Разве ты можешь посоветовать плохое!

– Ведь я старше вас, – ласково продолжал Том, большой, сильной рукой поглаживая мальчика по кудрявой голове. – Я знаю, задатки у вас хорошие. А сколько благ вам дано, мистер Джордж! Вы и читать умеете и писать. Вот вырастаете и станете ученым человеком, и все, кто ни есть у нас на плантации, и ваши родители будут гордиться вами! Берите пример с отца и с матери – он добрый хозяин, а она женщина богобоязненная – и следуйте им во всем.

– Я постараюсь, Том, верь мне! – воскликнул мальчик. – А ты не горюй. Я верну тебя домой и отстрою твою хижину заново – мы только сегодня утром говорили об этом с тетушкой Хлоей, – и у тебя будет гостиная, а на полу в гостиной ковер. Дай только мне вырасти! Подожди, дядя Том, доживешь и ты до хороших дней!

В эту минуту Гейли вышел из кузницы с кандалами в руках.

– Слушайте, сударь, – надменно обратился к нему Джордж, спрыгнув с тележки, – я расскажу родителям, как вы обошлись с дядей Томом!

– Рассказывайте на здоровье! – ответил Гейли.

– И не стыдно вам торговать людьми и заковывать их в цепи, точно скот! Неужели вас совесть не мучает!

– Покуда вы, благородные господа, будете их покупать, я с вами на равной ноге, – ответил Гейли. – Что покупка, что продажа – одно другого стоит.

– Я не буду ни продавать, ни покупать негров, когда вырасту, – сказал Джордж. – Я раньше гордился тем, что моя родина Кентукки, а теперь мне стыдно и вспомнить об этом! – Он выпрямился в седле и посмотрел по сторонам, словно проверяя, произвели ли его слова должное впечатление на штат Кентукки. – Ну, прощай, дядя Том, и не унывай, крепись!

– Прощайте, мистер Джордж. Да хранит вас бог! – сказал Том, с любовью и восхищением глядя на него. – В Кентукки такие наперечет, – добавил он, когда открытое мальчишеское лицо скрылось у него из виду.

Джордж ускакал, а Том смотрел ему вслед до тех пор, пока стук копыт не затих вдали. Последнее виденье, последний отзвук родного дома! Но на груди у него – там, где ее коснулись детские пальцы, – осталось тепло. Он поднял руку и прижал драгоценный доллар к сердцу.

– Ну, Том, давай договоримся, – сказал Гейли, бросая в тележку наручники: – будешь со мной по-хорошему, и я с тобой буду по-хорошему. Я своих негров зря не обижаю. Все для них делаю, что могу. Так вот, не вздумай со мной плутовать. Я ваши негритянские плутни назубок знаю. Если негр смиренный и не пытается улизнуть, ему у меня хорошо. А нет – пусть сам на себя пеняет.

Том постарался уверить Гейли, что он и не думает о побеге. В сущности, работорговец напрасно расточал красноречие, ибо куда же может убежать человек, у которого ноги закованы в тяжелые железные кандалы? Но мистер Гейли поначалу всегда угощал свой новый товар такими краткими проповедями, в полной уверенности, что это вселяет в негров бодрость и избавляет его

самого от лишних неприятностей.

А теперь мы на время расстанемся с Томом и займемся другими героями нашего повествования.

ГЛАВА XI, в которой у невольника появляются вольные мысли

Дождливый день уже близился к вечеру, когда к дверям маленькой гостиницы в городке Н. в штате Кентукки подъехал путешественник. В зале глазам его предстало обычное для таких заведений весьма разношерстное общество, переживающее здесь непогоду. Заметнее всего в нем были поджарые, рослые кентуккийцы в охотничьих куртках. По своему обыкновению, они чуть не лежали на стульях, а их ружья, патронташи, сумки, собаки и егеря-негритята заполняли все углы и закоулки. Справа и слева от камина в не менее свободных позах сидели два джентльмена – оба длинноногие, оба в шляпах, оба в забрызганных грязью сапогах, каблуки которых величественно покоились на каминной доске. Мы должны уведомить читателя, что завсегда и здешних гостиниц отдают предпочтение именно этой позе, так как она, по-видимому, благоприятствует возвышенному образу мыслей.

Хозяин, стоявший за стойкой, подобно большинству своих земляков, был тоже человек поджарый, рослый, с густой шевелюрой, которую еле-еле прикрывал высоченный цилиндр.

В этой комнате все были в головных уборах, причем сии эмблемы человеческого величия – будь то фетровая или засаленная касторовая шляпа, плетенка из пальмовых листьев или какой-нибудь наимоднейший шапокляк²¹ – воплощали в себе самые характерные черты своих обладателей. У одних шляпы лихо сидели набекрень – это были весельчаки, народ бойкий, душа нараспашку; другие нахлобучивали их на нос – с такими шутки плохи, сразу видно, люди серьезные, упрямые; если шляпа сдвинута на затылок, значит, владелец ее намерен смотреть в оба, чтобы ничего не упустить из поля зрения. Ну, а простаки обходились со своими головными уборами как придется, лишь бы держались на макушке.

Негры в широченных штанах и чрезмерно узких рубашках бестолку сновали взад и вперед, хотя вид у них был такой, будто они готовы перевернуть все вверх дном в угоду хозяину и постояльцам. Добавьте к этой картине огромный камин, веселое пламя, с ревом рвущееся в трубу, распахнутые окна и дверь, сильный сквозняк, от которого пузырятся ситцевые занавески, и вы получите полное представление о прелести кентуккийских гостиниц.

В такой-то живописной обстановке очутился наш путешественник. Это был тщательно одетый, небольшого роста, почтенный старичок с добродушной круглой физиономией и несколько суетливыми манерами. Он сам внес в гостиницу свой чемодан и зонтик, наотрез отказавшись от помощи обступивших его слуг. Войдя в зал, новоприбывший опасливо огляделся по сторонам, выбрал местечко поближе к огню, задвинул свои пожитки под стул и, опустившись на него, устремил недоверчивый взгляд на джентльмена, который сидел, водрузив ноги на каминную доску, и так энергично поплевывал направо и налево, что это кого угодно могло обеспокоить, а тем более человека щепетильного и несколько слабонервного.

– Как дела, любезнейший? – спросил вышеупомянутый джентльмен и в виде приветствия пустил в сторону нового гостя смачный плевков.

– Благодарю вас, недурно, – ответил тот, еле увернувшись от столь сомнительного знака внимания.

– Что новенького? – продолжал джентльмен, вынимая из кармана плитку жевательного табаку и большой охотничий нож.

– Да как будто ничего.

– Употребляете? – и он великодушно протянул собеседнику чуть ли не половину плитки.

– Нет, благодарю вас, мне это вредно, – ответил тот и отодвинул свой стул подальше от

²¹ Шапокляк – складная (на пружинках) мужская шляпа в форме цилиндра.

камина.

– Неужто вредно? – джентльмен нисколько не смутился отказом и отправил угощение себе в рот, чтобы пополнить иссякающий запас табачной жижи.

Почтенный старичок всякий раз вздрагивал, когда длинноногий сосед плевал в его сторону. Тот наконец заметил это, нимало не обиделся и, изменив точку прицела, подверг бомбардировке каминные щипцы, да с таким искусством, с которым впору было бы вести осаду целого города.

– Что там такое? – спросил почтенный старичок, заметив, что несколько человек столпилось около большой афиши, наклеенной на стене.

– Негра разыскивают, – коротко ответили ему.

Мистер Вилсон – назовем его теперь по фамилии – встал, задвинул чемодан с зонтиком дальше под стул, вынул из кармана очки и стал неторопливо прилаживать их на нос. Когда эта операция была закончена, он прочитал следующее:

«Убежал от нижеподписавшегося молодой мулат Джордж. Рост – шесть футов, кожа светлая, волосы каштановые, вьющиеся. Сметливый, говорит складно, грамотный. Вероятно, будет выдавать себя за белого. На спине и на плечах – глубокие рубцы Клеймен в правую руку литерой «Г». За поимку живым – вознаграждение в 400 долларов. Столько же, если будут представлены убедительные доказательства, что он убит».

Почтенный старичок внимательно прочитал это объявление, бормоча вполголоса каждое слово. Длинноногий субъект, ведший осаду каминных щипцов, опустил ноги на пол, вытянулся во весь свой огромный рост, подошел к объявлению и всадил в него полный заряд табачной жижи.

– Вот я какого мнения об этом, – кратко пояснил он и вернулся на прежнее место.

– Что это вы, любезнейший? – удивился хозяин.

– Повстречайся я с тем, кто это писал, и его бы угостил точно так же, сказал длинноногий, преспокойно отрезая кусок табаку от плитки. – Поделом болвану, что от него негры бегают. Имеет отличного невольника, и до чего его довел! Такие объявления – позор для Кентукки. Вот что я обо всем этом думаю, если угодно знать.

– Правильно, правильно! – поддержал его хозяин.

– У меня у самого есть негры, сэр, – продолжал длинноногий, – и я им сколько раз говорил «Ребята, хотите бежать, бегите хоть сию минуту. Задерживать вас никто не будет». Пусть знают это, тогда у них всякая охота пропадет бегать. Мало того у меня на всех моих рабов вольные заготовлены, на тот случай, если со мной какая-нибудь беда стряется, и об этом они тоже знают. И верьте мне, сударь, ни у кого другого негры так не работают, как у меня. Сколько раз я посылал их в Цинциннати с табунами жеребят стоимостью долларов по пятьсот, и они каждый раз возвращались обратно и все деньги мне привозили, до последнею доллара. И в этом нет ничего удивительного. Когда обращаешься с негром, как с собакой, добра от него не жди, а если он видит от тебя человеческое отношение, то и работать будет, как порядочный человек. – И честный скотопромышленник подкрепил свои слова метким плевком, угодившим прямо в камин.

– Вы совершенно правы, друг мой, – сказал мистер Вилсон. – Этот мулат, о котором здесь говорится, действительно личность незаурядная. Он лет шесть работал у меня на фабрике мешков и считался лучшим мастером, сэр. Какие у него способности! Изобрел машину для трепания конопли. Ею пользуются и на других фабриках. Его хозяин взял на нее патент.

– И, наверно, наживается на этом патенте, – перебил его скотопромышленник, – а своему рабу ставит клеймо на правую руку! Эх, будь на то моя воля, я бы сам его заклеил, пусть ходит с такой отметиной!

– Эти ваши смысленные да грамотные негры – народ дерзкий, потому их и клеймят, – вмешался в их разговор грубоватый с виду человек, сидевший в дальнем конце комнаты. – Вели бы себя тихо да мирно, ничего бы такого не было.

– Другими словами, господь создал их людьми и превратить их в скотину не так то легко, – сухо сказал длинноногий.

– От толковых негров хозяевам одно беспокойство, – продолжал тот, не замечая насмешки, явно сквозившей в словах собеседника. – На что они используют свои способности и таланты? Только на то, чтобы вас же надувать. Были у меня такие умники, да я подумал-подумал и продал их на Юг – все равно в конце концов сбегут.

На этом их разговор прервался, так как у двери гостиницы остановился изящный двухместный экипаж, в котором сидел прекрасно одетый джентльмен с кучером-негром.

Как и полагается бездельникам, коротающим в гостинице дождливый день, гости буквально ели глазами новоприбывшего. Они сразу почувствовали в нем что-то необычное. Высокий рост, оливково-смуглая кожа, выразительные карие глаза, тонкий нос с горбинкой, вьющиеся

иссиня-черные волосы, прекрасная линия рта, стройная фигура – все это придавало ему сходство с испанцем. Он спокойно вошел в залу, снял шляпу, отвесил всем общий поклон, кивком головы указал слуге, куда поставить вещи, и, подойдя к стойке, назвал свое имя: Генри Батлер из Оклендса в округе Шелби. Потом повернулся и равнодушно пробежал глазами объявление.

– Джим, – сказал он своему слуге, – помнишь того молодчика в Бернани? Как будто его приметы.

– Верно, хозяин, – ответил Джим. – Вот только не знаю, как насчет клейма.

– Ну, руки его я не разглядывал. – Молодой человек зевнул и, обратившись к хозяину гостиницы, потребовал себе отдельную комнату. – Мне нужно написать несколько писем, – пояснил он.

Хозяин был само подобострастие. Человек семь негров обоего пола, старых и молодых, словно стая куропаток, кинулись вверх по лестнице, толкаясь, падая, наступая друг другу на ноги, в едином порыве услужить новому постояльцу, а он преспокойно сел на стул и вступил в разговор с человеком, который оказался рядом с ним.

С тех пор как незнакомец вошел в залу, фабрикант мистер Вилсон не переставал приглядываться к нему с тревожным любопытством. Ему казалось, что он когда-то встречался с этим человеком, но когда именно и где? Всякий раз, как незнакомец заговаривал, улыбался, менял позу, мистер Вилсон вздрагивал и косился на него, но большие темные глаза незнакомца смотрели так холодно, с таким безразличием, что он немедленно отводил взгляд в сторону. Наконец фабрикант сразу все вспомнил и уставился на незнакомца не только с изумлением, но даже с ужасом. Тот встал и подошел к нему.

– Мистер Вилсон, если не ошибаюсь? – сказал он и протянул фабриканту руку. – Прошу прощения, но я вас не узнал сначала. Вы меня, по-видимому, помните... Батлер из Оклендса, округ Шелби.

– Да... да, как же, – залепетал мистер Вилсон, словно во сне.

В эту минуту к ним подошел негр-итенок и сказал, что комната господину готова.

– Джим, позаботься о вещах, – небрежно бросил молодой джентльмен слуге, потом добавил, обращаясь к мистеру Вилсону: – Я бы хотел побеседовать с вами по одному делу. Если вас не затруднит, пройдемте ко мне.

Мистер Вилсон молча последовал за ним. Они поднялись по лестнице и вошли в большую комнату, по которой взад и вперед носились слуги, заканчивая уборку. В камине уже потрескивал жаркий огонь.

Когда наконец они остались одни, молодой человек не спеша запер дверь, опустил ключ в карман, повернулся и, скрестив руки на груди, посмотрел мистеру Вилсону прямо в лицо.

– Джордж! – воскликнул тот.

– Да, Джордж.

– Неужели это ты?

– Я хорошо замаскировался, – с усмешкой сказал молодой человек. – Настой из ореховой скорлупы придал моей коже аристократически смуглый оттенок, волосы у меня покрашены. Как видите, никакого сходства с тем, кого разыскивают по объявлению.

– Джордж! Ты затеял опасную игру. Послушайся моего совета, брось...

– Я сам за себя отвечаю, – с той же горделивой усмешкой сказал молодой человек.

Заметим мимоходом, что по отцу Джордж был белый. От матери он унаследовал только желтоватый оттенок кожи да прекрасные темные глаза. Достаточно ему было слегка подкрасить лицо и волосы, и он превратился в настоящего испанца. А прирожденное изящество манер и благородство осанки помогли ему без труда разыграть эту дерзкую роль – роль джентльмена, путешествующего со своим слугой.

Мистер Вилсон, человек добрый, но до чрезвычайности осторожный и беспокойный, шагал взад и вперед по комнате, раздираемый желанием помочь Джорджу и боязнью преступить закон. Он рассуждал вслух:

– Итак, Джордж, ты совершил побег, ушел от своего законного хозяина. Ничего удивительного в этом нет. И в то же время, Джордж, меня огорчает твой поступок... да, весьма огор-

чает. Я считаю своим долгом сказать тебе это.

– Что же тут огорчительного, сэр? – спокойно спросил Джордж.

– Да ведь ты идешь против законов своей родины!

– Моей родины! – с горечью воскликнул молодой человек. – Я обрету родину только в могиле... и поскорее бы мне лечь в нее!

– Что ты, Джордж, что ты! Грешно так говорить. У тебя жестокий хозяин, слов нет... Да что там толковать – он поступает с тобой возмутительно. Я его не защищаю... и все же ты меня огорчил, Джордж. Ты совершил дурной, очень дурной поступок. Надо принимать все, что посылает нам провидение, Джордж.

Молодой человек стоял, высоко подняв голову, скрестив руки на широкой груди, и горькая усмешка кривила его губы.

– Мистер Вилсон, допустим, что индейцы возьмут вас в плен, разлучат с женой и детьми и заставят до конца дней ваших мотыжить для них землю. Вы тоже сочтете своим долгом покориться этой участи? Да вы умчесь от них на первом же попавшемся коне и скажете, что этого коня вам послало само провидение. Разве не так?

Старичок слушал его, широко открыв глаза. Не обладая умением спорить, он все же на сей раз превзошел мудростью некоторых завзятых спорщиков, которым не мешало бы знать, что если человеку нечего возразить, пусть лучше обойдет трудный вопрос молчанием. И теперь он попросту вернулся к прежним своим уговорам и продолжал их, поглаживая зонтик и расправляя на нем каждую складочку:

– Ты знаешь, Джордж, мое дружеское отношение к тебе. Все, что я говорю, я говорю для твоего блага. Так вот, по-моему, ты подвергаешь свою жизнь страшной опасности. Такое дело вряд ли удастся. Если ты попадешься, что тогда будет? Над тобой надругаются, избыют тебя до полусмерти и продадут на Юг.

– Мистер Вилсон, я все знаю, – сказал Джордж. – Да, опасность велика, но... – Он распахнул плащ: за поясом у него торчали два револьвера и длинный охотничий нож. – Видите? Я готов ко всему. На Юг меня не удастся продать. Если дойдет до этого, я сумею отвоевать себе хотя бы могилу – шесть футов земли, которые у меня никто не отнимет.

– Бог знает, что ты говоришь, Джордж! Я просто в отчаянии! Неужто тебе ничего не стоит пойти наперекор законам своей родины?

– Вот вы опять о моей родине, мистер Вилсон! Родина есть у вас, а у людей, рожденных, подобно мне, в неволе, ее нет. На какие законы мы можем полагаться? Они издавались без нашего участия, они не имеют к нам никакого касательства, нас никто не спрашивал, согласны мы с ними или нет. Эти законы способствуют нашему угнетению, нашему бесправию, только и всего.

В голове у мистера Вилсона, как в кипе хлопка, царила уютная, пушистая мягкость и полная путаница. Он жалел Джорджа от всего сердца, он даже смутно понимал чувства, волновавшие молодого мулата, но считал своим долгом упорно твердить одно и то же и наставлять его на путь истинный.

– Это нехорошо, Джордж. Послушай дружеского совета, выбрось вредные мысли из головы. Человеку в твоём положении нельзя позволять себе такое вольнодумство. – Мистер Вилсон сел к столу и в расстройстве чувств принялся сосать ручку зонтика.

– Мистер Вилсон, – сказал Джордж, смело сядя против него, – посмотрите на меня. Вот я сижу за одним столом с вами, такой же человек, как вы. Посмотрите на мое лицо, на мои руки, на мое тело. – И молодой мулат горделиво выпрямился. – Чем я хуже других людей? А теперь выслушайте меня, мистер Вилсон. Моим отцом был один из ваших кентуккийских джентльменов, и он не дал себе труда распорядиться, чтобы после его смерти меня не продали заодно с собаками и лошадьми на покрытие его долгов. Я видел, как мою мать и шестерых моих сестер и братьев пустили с аукциона. Их распродали у матери на глазах одного за другим, в разные руки. Я был самый младший. Она валялась в ногах у моего теперешнего хозяина, умоляла его купить нас обоих, чтобы ей не расставаться хоть с последним ребенком, а он ударил ее тяжелым сапогом. Я сам это видел, сам слышал, как она кричала и плакала, когда он привязал меня к седлу и повез к себе в усадьбу.

– А что было потом?

– Потом к нему же попала и моя старшая сестра. Она была скромная, хорошая девушка, а лицом красавица – вся в мать. Я сначала обрадовался, думаю – хоть один близкий человек будет около меня. Но радость моя продолжалась недолго. Сэр! Однажды ее наказали плетьюми. Я стоял за дверью, все слышал и ничем не мог ей помочь. А потом к хозяину явился торговец, мою сестру вместе с партией скованных цепями рабов угнали на невольный рынок в Орлеан, и больше я о ней ничего не знаю. Шли годы... я рос, как собака, без отца, без матери, без братьев и сестер. Ни единой родной души рядом... Некому о тебе позаботиться. На мою долю выпадали одни побои, одна брань. Я голодал. Поверите ли, сэр, для меня были лакомством кости, которые бросали собакам. И все же, когда мне, ребенку, слезы мешали заснуть по ночам, я плакал не от голода, не от перенесенных побоев, а от тоски по матери, по родным. Ведь меня никто не любил. Я не знал покоя, душевного тепла. Не слышал ни одного доброго слова, пока не попал к вам на фабрику. Мистер Вилсон, вы обласкали меня, вам я обязан тем, что умею писать, читать, что я чего-то добился в жизни. Бог свидетель, благодарность моя не знает границ! Потом, сэр, я встретил свою будущую жену. Вы видели ее, вы помните, какая она красавица. Когда она призналась, что любит меня, когда мы стали мужем и женой, я себя не помнил от счастья. Моя Элиза не только красавица – у нее, сэр, чистая, прекрасная душа... Что же было потом? А потом хозяин явился на фабрику, оторвал меня от работы, от друзей, от всего, что мне дорого, и втоптал своего раба в грязь. За что? За то, видите ли, что негр забыл, кто он такой, а если забыл, ему надо напомнить об этом! И, наконец, он стал между нами – между мужем и женой – и приказал мне оставить Элизу и взять в жены другую женщину. И ваши законы дают ему право на это! Мистер Вилсон, подумайте! Ведь все, что разбило сердце моей матери, моей жены и мое собственное, – все делалось по вашим законам. Никто в Кентукки не помыслил бы назвать это произволом. И вы говорите, что я престопаю законы моей родины! У меня ее нет, сэр, так же как нет отца. Но я найду родину! А ваша мне не нужна. Отпусти меня с миром – вот все, что я от нее требую! Но пусть только кто-нибудь посмеет стать на моем пути... этим людям несдобровать! Я буду драться за свою свободу до последней капли крови!

Джордж говорил со слезами на глазах, порывисто взмахивая рукой, и то шагал взад и вперед по комнате, то снова садился к столу. Добрый старик, к которому была обращена эта речь, не выдержал – извлек из кармана желтый шелковый платок и принялся усердно сморкаться.

– Будь они все прокляты! – вдруг воскликнул он. – Я всегда считал их негодьями! Действуй, Джордж, действуй! Но будь осторожен, дружок, смотри, не пускай в ход оружия до тех пор, пока... во всяком случае, не торопись стрелять. А где твоя жена, Джордж? – Он встал и взволнованно заходил по комнате.

– Убежала, сэр, убежала вместе с ребенком, а куда – не знаю... Должно быть, на Север. И встретимся ли мы с ней, одному богу известно.

– Убежала? От таких добрых хозяев? Быть того не может!

– Добрые хозяева иногда запутываются в долгах, а законы нашей родины позволяют им отнять ребенка у матери и продать его, чтобы расплатиться с кредиторами, – с горечью сказал Джордж.

– Так-так, – пробормотал добрый старик, роясь в кармане. – Я, кажется, поступаю против своих убеждений, ну и пусть! Вот, Джордж, – и он протянул ему пачку ассигнаций.

– Мистер Вилсон! Друг мой, не надо! – сказал Джордж. – Вы уже столько для меня сделали, а это может навлечь на вас неприятности. Я не нуждаюсь в деньгах, на дорогу мне хватит.

– Возьми, Джордж, возьми. Деньги лишними не бывают, если они добыты честным путем. Не отказывайся, Джордж, прошу тебя.

– Хорошо, сэр, но только с одним условием: я верну вам этот долг, как только смогу.

– А теперь скажи мне: сколько тебе еще придется путешествовать в таком виде? Надеюсь, что недолго и недалеко. Ты неузнаваем, но все-таки это слишком опасно. А слуга твой, откуда он взялся?

– Это верный человек. Он убежал в Канаду больше года назад и там узнал, что хозяин в отместку ему высек его старуху мать. И теперь Джим вернулся обратно, чтобы увезти ее с собой,

если удастся.

– Она с ним?

– Нет еще. Джим бродил около усадьбы, все ждал удобного случая, но пока безуспешно. Теперь он довезет меня до Огайо, сдаст с рук на руки друзьям, которые в свое время помогли ему, и потом вернется обратно за матерью.

– Как это опасно! – ужаснулся мистер Вилсон.

Джордж выпрямился, и надменная улыбка скользнула по его губам.

Старик, не скрывая своего удивления, оглядел молодого мулата с головы до ног.

– Джордж, что с тобой стало? Ты и держись и говоришь совсем по-другому.

– Я теперь свободный человек! – гордо ответил Джордж. – Да, сэр! Больше никто не услышит от меня слова «хозяин»... Я свободен!

– Берегись, Джордж! А что, если тебя поймают?

– Если дойдет до этого, мистер Вилсон, так в могиле мы все свободны и все равны.

– Я просто диву даюсь твоей смелости, – сказал мистер Вилсон. – Приехать в ближайшую гостиницу!..

– Да, это настолько смело, что никому и в голову не придет искать меня здесь. Погоня уйдет вперед. Джим из другого округа, его в наших местах не знают. Да о нем уж и думать перестали – это дело давнее. А меня, надеюсь, по объявлению не задержат.

– А клеймо?

Джордж снял перчатку, показал свежие рубцы на руке и презрительно проговорил:

– Это прощальный дар мистера Гарриса. Недели две назад он вдруг решил поставить мне клеймо. «Как бы, – говорит, – ты не убежал». Красиво, правда? – молодой человек снова натянул перчатку.

– Кровь стынет в жилах, как подумаешь, чем ты рискуешь! – воскликнул мистер Вилсон.

– У меня кровь стыла не один год, а теперь она кипит, – сказал Джордж. – Так вот, сэр, – продолжал он после минутного молчания, – ваши удивленные взгляды могли выдать меня, и я решил поговорить с вами начистоту. Завтра чуть свет я уезжаю и надеюсь провести следующую ночь уже в Огайо. Буду путешествовать днем, буду останавливаться в лучших гостиницах, садиться за общий стол вместе с господами. Итак, прощайте, сэр. Если вам скажут, что я пойман, знайте: меня уже нет в живых.

Джордж стоял неподвижно, как скала. Добрый старик крепко пожал горделиво протянутую ему руку, опасливо огляделся по сторонам, взял свой зонтик и вышел из комнаты.

Молодой человек в раздумье смотрел на закрывшуюся за стариком дверь. Потом быстро шагнул вперед, открыл ее, видимо повинувшись какой-то новой мысли, и сказал:

– Мистер Вилсон, еще на одно слово.

Старик вошел в комнату. Джордж снова повернул ключ в замке и несколько минут стоял, нерешительно глядя себе под ноги. Наконец он с видимым усилием поднял голову и заговорил:

– Мистер Вилсон, я рассчитываю на ваше доброе сердце.

– А что такое, Джордж?

– Вы были правы, сэр. Я подвергаю свою жизнь большой опасности. Если со мной что-нибудь случится, никто меня не пожалеет, – он тяжело дышал и говорил с трудом. – Зароют в землю, как собаку, а на другой день даже не вспомнят, что был такой... никто не вспомнит, кроме моей несчастной жены. Она-то, бедняжка, будет горевать, плакать... Мистер Вилсон, если бы вы согласились как-нибудь передать ей вот эту булавку! Это ее рождественский подарок. Верните его ей и скажите, что я до последнего вздоха любил ее. Вы исполните мою просьбу? – И он повторил еще раз: – Исполните?

– Разумеется, разумеется! – дрогнувшим голосом проговорил старик, и глаза его наполнились слезами.

– И передайте ей мою последнюю волю, – продолжал Джордж: – если сможет, пусть пробирается в Канаду. Как бы она ни любила свою добрую хозяйку и свой дом, возвращаться туда ей нельзя, ибо рабство ничего, кроме горя, нам не даст. Пусть вырастит нашего сына свободным человеком, тогда ему не придется страдать, как мне. Передайте ей это, мистер Вилсон!

– Передам, Джордж, будь спокоен. Но я верю, что ты не погибнешь! Мужайся, не падай духом и уповай на господа бога! Я от всего сердца...

– А разве бог есть?! – с отчаянием в голосе воскликнул Джордж, перебив старика на полуслове. – Мне столько пришлось испытать в жизни, что я уже не верю в него. Вы, белые, не знаете, каково нам живется. Если бог существует, то только для вас, а мы – разве мы чувствуем над собой его руку?

– Не надо... не надо так говорить! – чуть не плача взмолился мистер Вилсон. – Не давай воли таким мыслям. Господь поможет тебе, и все будет хорошо, верь мне!

– Спасибо вам, друг мой, за эти слова, я не забуду их.

ГЛАВА XII

Некоторые сведения об одном «почтенном» ремесле

Мистер Гейли и Том не спеша продолжали путь, погруженные каждый в свои мысли.

Удивительное дело, о каких разных вещах могут думать люди, сидя рядом в одной тележке! Органы чувств у них одинаковые, одни и те же картины проносятся перед их глазами, а в мыслях у них нет ничего общего.

Вот взять хотя бы мистера Гейли. Сначала он раздумывал о своем новом невольнике – о его росте, о ширине его груди, плеч, о том, за сколько его можно будет продать, если он не спадет с тела, о мужчинах, женщинах и детях, которые войдут в партию для следующего аукциона, и о рыночной цене на них. Затем Гейли вспомнил о своей доброте – ведь другие сковывают негров по рукам и по ногам, а он надевает своим кандалы только на ноги. Вот у Тома руки свободны и останутся свободными, пока он ведет себя как следует. И Гейли испустил вздох: «До чего же люди неблагодарны! Ведь кто его знает, этого Тома, – может, он не чувствует такого благоденствия!» Сколько раз ему, Гейли, приходилось расплачиваться за то добро, которое он делал этим неграм!

Что же касается Тома, то он повторял мысленно любимые места из библии и находил в них утешение и поддержку.

Через некоторое время работороговец вынул из кармана пачку газет и с интересом принялся изучать объявления. Грамотей Гейли был небольшой, и когда ему приходилось читать, он бормотал слова нараспев, точно проверяя, не обманывает ли его зрение. И сейчас он медленно, по слогам, разбирал следующее:

«Продажа с торгов! Негры!

По судебному решению, во вторник, 20 февраля, в городе Вашингтоне,²² штат Кентукки, у здания суда будут продаваться негры:

Агарь – 60 лет;

Джон – 30 лет,

Бен – 21 года;

Саул – 25 лет;

Альберт – 14 лет.

Торги назначены для удовлетворения кредиторов и наследников мистера Джесса Блетчфорда, эсквайра.

Судебные исполнители

Сэмюэл Моррис,

Томас Флинт».

– Этих не мешает посмотреть, – сказал Гейли, обращаясь к Тому за неимением других со-

²² Вашингтон – город с таким названием есть почти в каждом штате.

беседников. – Я, видишь ли, хочу подобрать хорошую партию. У тебя будет приятная компания, Том. Значит, первым делом поедем в Вашингтон. Я займусь там делами, а тебя на это время отправлю в тюрьму.

Том покорно выслушал это приятное известие и только подумал: «У этих обреченных людей, вероятно, тоже есть жены и дети, и они не меньше меня горюют, разлучившись с ними». Надо сказать также, что брошенные мимоходом слова Гейли о тюрьме никак не могли произвести отрадного впечатления на Тома, который всегда гордился своей честностью. Как бы там ни было, день прошел, и вечер застал Тома и Гейли в Вашингтоне, где они с удобством устроились на ночлег – один в гостинице, другой в тюрьме.

На следующее утро, часам к одиннадцати, у здания суда собралась пестрая толпа. В ожидании торгов люди – каждый сообразно своим вкусам и склонностям – курили, жевали табак, поплеывали направо и налево, бранились, беседовали. Негры, выставленные на продажу, сидели в стороне и негромко переговаривались между собой. Женщина, по имени Агарь, была типичная африканка. Изнурительный труд и болезни, по-видимому, состарили ее прежде времени. Она почти ничего не видела, руки и ноги у нее были скрючены ревматизмом. Рядом с этой старухой стоял ее сын Альберт – смысленный на вид мальчик четырнадцати лет. Он единственный остался от большой когда-то семьи, членов которой одного за другим продали на Юг. Мать цеплялась за сына дрожащими руками и с трепетом взирала на тех, кто подходил осматривать его.

– Не бойся, тетушка Агарь, – сказал ей самый старший из негров. – Я попросил за тебя мистера Томаса, он обещал, если можно будет, продать вас одному хозяину.

– Кто говорит, что я никуда не поеду? – забормотала старуха, поднимая трясущиеся руки. – Я и стряпухой могу быть, и судомойкой, и прачкой. Почему такую не купить по дешевке? Ты им так и скажи. – И добавила настойчиво: – Так и скажи им.

Гейли протолкался сквозь толпу, подошел к старому негру, открыл ему рот, посмотрел зубы, заставил его встать, выпрямиться, нагнуться и показать мускулатуру. Потом перешел к следующему и проделал то же самое с ним. Наступила очередь мальчика. Гейли ощупал ему руки, осмотрел пальцы и приказал подпрыгнуть, проверяя его силу и ловкость.

– Он без меня не продается, – заволновалась старуха. – Нас вместе надо покупать. Смотрите, хозяин, какая я крепкая! Я еще вам долго послужу.

– На плантациях-то? – сказал Гейли, смерив ее презрительным взглядом. – Как бы не так! – Он отошел в сторону, удовлетворенный осмотром, заломил шляпу набекрень, сунул руки в карманы и, попыхивая сигарой, стал ждать начала торгов.

– Ну, что вы о них скажете? – обратился к нему какой-то человек, видимо, не полагаясь на правильность собственной оценки.

– Я буду торговать тех, что помоложе, да мальчишку, – сказал Гейли и сплюнул.

– Мальчишка и старуха идут вместе.

– Еще чего! Кому нужны эти мощи? Она только даром хлеб будет есть.

– Значит, вы ее не возьмете?

– Нашли дурака! Старуха вся скрюченная, полуслепая, да к тому же, кажется, из ума выжила.

– А некоторые все-таки покупают таких. С виду будто и рухлядь, а на самом деле выносливые, крепкие.

– Нет, – сказал Гейли, – мне такого добра даром не надо.

– Жалко разлучать старуху с сыном: она, кажется, души в нем не чаает. Может, ее по дешевке пустят?

– Швыряйтесь деньгами, если у вас есть лишние. Мальчишку можно продать на плантации, а со старухой возиться – благодарю покорно, даже в подарок ее не приму.

– Ох, и будет же она убиваться!

– Это само собой, – спокойно сказал работорговец.

На этом их разговор закончился, так как толпа загудела навстречу аукционисту, суетливому приземистому человечку, деловито пробиравшемуся на свое место. Старая негритьянка охнула и обеими руками обхватила сына.

- Не отходи от матери, сынок, держись ко мне поближе, тогда нас продадут вместе.
- Я боюсь, мама, а вдруг не вместе! – сказал мальчик.
- Не может этого быть, сынок. Если нас разлучат, я умру! – вне себя от волнения проговорила старуха.

Аукционист потребовал тишины и громовым голосом объявил, что торги начинаются.

Аукционист зычным голосом попросил толпу податься назад и объявил о начале торгов. Дело пошло без заминки. Негры продавались один за другим и по хорошим ценам, что свидетельствовало о большом спросе на этот товар. Гейли купил двоих.

– Ну-ка, юнец, – сказал аукционист, дотрагиваясь молоточком до Альберта, – встань, пройдишь, покажи себя.

– Поставьте нас вместе... вместе... Будьте так добры, сударь! – забормотала старуха, крепко уцепившись за сына.

– Убирайся! – грубо крикнул аукционист, хватая ее за руку. – Ты пойдешь напоследок. Ну, черномазый, прыгай! – И с этими словами он подтолкнул Альберта к помосту.

Сзади послышался тяжкий стон. Мальчик оглянулся, но останавливаться ему было нельзя, и, смахнув слезы со своих больших черных глаз, он вспрыгнул на помост.

Глядя на его прекрасное, гибкое тело и живое лицо, покупатели стали наперебой набавлять

цену. Он испуганно озирался по сторонам, прислушиваясь к выкрикам. Наконец аукционист ударил молоточком. Мальчик достался Гейли. Его столкнули с помоста навстречу новому хозяину. На секунду он остановился и посмотрел на мать, которая, дрожа всем телом, протягивала к нему руки.

– Сударь, купите и меня, богом вас заклинаю... купите! Мне без него не жить!

– У меня тоже долго не протянешь, – сказал Гейли. – Отстань! – и повернулся к ней спиной.

Со старухой покончили быстро. Ее купил за бесценок собеседник Гейли. Толпа стала расходиться.

Негры, сжившиеся друг с другом за долгие годы, окружили несчастную мать, которая так убивалась, что на нее жалко было смотреть.

– Последнего не могли мне оставить! Ведь хозяин столько раз обещал, что уж с ним-то меня не разлучат! – горестно причитала она.

– Уповай на господу бога, тетушка Агарь, – грустно сказал ей старик негр.

– А чем он мне поможет?! – вскрикнула она с рыданием в голосе.

– Не плачь, мама, не плачь! – утешал ее сын. – Ты досталась хорошему хозяину, это все говорят.

– Да бог с ним, с хозяином! Альберт, сынок мой... последний, единственный! Как же я без тебя буду?

– Ну, что стали? Возьмите ее! – сухо сказал Гейли. – Все равно она своими слезами ничего не добьется.

Старые негры, действуя и силой и уговорами, оторвали несчастную от сына и повели к повозке ее нового хозяина.

– Ну-ка, идите сюда, – сказал Гейли, подталкивая купленный товар.

Потом он вынул из кармана наручники, надел их на негров, пропустил через кольца длинную цепь и погнал всех троих к тюрьме.

Несколько дней спустя Гейли благополучно погрузил свои приобретения на пароход, ходивший по реке Огайо. Эти негры должны были положить начало большой партии, которую он и его подручные намеревались составить по пути.

Пароход «Красавица река», вполне достойный той прекрасной реки, в честь которой он был назван, весело скользил вниз по течению. Над ним сияло голубое небо, по его палубе, наслаждаясь чудесной погодой, разгуливали расфранченные леди и джентльмены. Все пассажиры чувствовали себя прекрасно, все были оживлены – все, кроме рабов Гейли, которые вместе с прочим грузом поместились на нижней палубе и, по-видимому, не ценя предоставленных им удобств, сидели тесным кружком и тихо разговаривали.

– Ну как, молодцы? – сказал Гейли, подходя к ним. – Надеюсь, вы тут развлекаетесь, чувствуете себя неплохо? Кукситься я вам не позволю. Гляди веселей! Нет, в самом деле! Будете со мной по-хорошему, и я у вас в долгу не останусь.

«Молодцы» хором ответили ему неизменным «да, хозяин», которое уже много лет не сходило с уст несчастных сынов Африки. Впрочем, вид у них был далеко не веселый. Они любили своих жен и детей, матерей и сестер, тосковали о потерянных семьях, и «глядеть веселей» им было не так-то легко.

– Моя жена, бедная, и не знает, что со мной случилось, – сказал один из этих «молодцов» (обозначенный в списке как «Джон – 30 лет»), кладя Тому на колено свою закованную руку.

– Где она живет? – спросил Том.

– Неподалеку отсюда, у хозяина одной гостиницы, – ответил Джон и добавил: – Хоть бы разок ее повидать, пока жив!

Том тяжело вздохнул и попробовал, как мог, утешить несчастного.

А наверху, в салоне, царили мир и уют. Там сидели отцы и матери, мужья и жены. Веселые, нарядные, как бабочки, дети резвились между ними.

– Мама, знаешь, – крикнул мальчик, только что прибежавший снизу, – на нашем пароходе едет работорговец, везет негров!

– Несчастные! – вздохнула мать не то горько, не то с возмущением.

– О чем это вы? – спросила ее другая леди.

– На нижней палубе едут невольники, – ответила та.

– И они все закованы, – сказал мальчик.

– Какое позорное зрелище для нашей страны! – воскликнула третья леди.

– А мне кажется, можно многое сказать и за и против рабства, – вступила в разговор изящно одетая женщина, сидевшая с рукодельем у открытых дверей своей каюты. Ее дочка и сын играли тут же. – Я была на Юге, и, доложу вам, неграм там прекрасно живется. Вряд ли они могли бы так жить на свободе.

– Вы правы до некоторой степени, – ответила леди, слова которой вызвали это замечание. – Но надругательство над человеческими чувствами, привязанностями – вот что, по-моему, самое страшное в рабстве. Например, когда негров разлучают с семьями.

– Да, это, конечно, ужасно, – сказала изящная дама, разглядывая оборочки на только что законченном детском платье. – Но такие случаи, кажется, не часты.

– Увы, слишком часты! – с жаром воскликнула ее собеседница. – Я много лет жила в Кентукки и Виргинии и столько там всего насмотрелась! Представьте себе, сударыня, что ваших детей отняли у вас и продали в рабство.

– Как же можно сравнивать наши чувства и чувства негров! – сказала та, разбирая мотки шерсти, лежавшие у нее на коленях.

– Следовательно, вы их совсем не знаете, сударыня, если можете так говорить! – горячо воскликнула первая леди. – Я среди них выросла. И поверьте мне, эти люди способны чувствовать так же, как мы, если не глубже.

Ее собеседница проговорила, зевнув:

– В самом деле? – и, выглянув в иллюминатор, в виде заключения повторила: – А все-таки в неволе им лучше.

– Сам господь бог судил африканцам быть рабами и довольствоваться своим положением, – сказал солидного вида джентльмен в черном священническом одеянии.

Тем временем «Красавица река» продолжала свой путь. Пассажиры развлекались кто как мог: мужчины беседовали друг с другом, гуляли по палубе, читали, курили, женщины занимались рукодельем, дети играли.

На третий день, когда пароход остановился у пристани одного небольшого городка в Кентукки, Гейли сошел на берег, так как у него были здесь кое-какие дела.

Том, которому кандалы не мешали понемножку двигаться, стоял у борта, рассеянно глядя вдаль. И вдруг он увидел Гейли, быстро шагавшего к причалу в сопровождении какой-то негритянки. Она была очень прилично одета и несла на руках маленького ребенка. За ней шел негр с небольшим сундучком. Оживленно переговариваясь со своим носильщиком, женщина поднялась по трапу на пароход. Зазвонил колокол, машины охнули, закашлялись, и «Красавица река» отчалила от пристани.

Новая пассажирка пробралась между ящиками и тюками, загромождавшими нижнюю палубу, нашла себе место и весело защебетала, играя с ребенком.

Гейли прошелся раза два по всему пароходу, потом спустился вниз, сел рядом с женщиной и начал что-то говорить ей вполголоса.

Вскоре Том заметил, что она изменилась в лице и стала взволнованно спорить с работорговцем.

– Не верю, ни одному вашему слову не верю! – донеслось до него. – Вы меня обманываете.

– Не веришь? А вот посмотри, – сказал Гейли, протягивая ей какую-то бумагу. – Это купчая, вот тут внизу подпись твоего хозяина. Я за тебя немалые деньги заплатил.

– Не мог хозяин так меня обмануть! Не верю! Не верю! – повторила женщина, волнуясь все больше и больше.

– Попроси любого грамотного человека – пусть тебе прочтут... Будьте любезны, – обра-

тился Гейли к проходившему мимо пассажиру, – прочитайте нам, что тут написано. Она мне не верит.

– Это документ о продаже негритянки Люси с ребенком, – сказал тот. – Подпись «Джон Фосдик». Составлено по всей форме.

Горестный плач женщины привлек к ней всеобщее внимание, вокруг нее собралась толпа. Гейли в нескольких словах объяснил, в чем дело.

– Хозяин сказал, что я поеду в Луисвилл и меня возьмут поварихой в ту же гостиницу, где работает мой муж. Это его собственные слова. Не мог же он лгать мне! – говорила женщина.

– Да он продал тебя, бедняжка, тут и сомневаться нечего, – сказал ей добродушного вида джентльмен, читая купчую. – Продал – и дело с концом!

– Тогда не стоит больше об этом говорить, – отрезала женщина, сразу овладев собой.

Она прижала ребенка к груди, села на ящик, повернувшись ко всем спиной, и устремила безучастный взгляд на реку.

– Ну, кажется, обойдется, – сказал работороговец. – Видно, не из плаксивых, с характером.

Женщина сидела совершенно спокойно, а в лицо ей ласково, словно сочувствуя материнскому горю, дул летний ветерок, которому все равно, какое овеять чело – белое или черное. Она видела золотую под солнцем рябь на воде, слышала доносившиеся со всех сторон довольные, веселые голоса, но на сердце у нее лежал камень. Ребенок прыгал у матери на коленях, гладил ей щеки, лепетал что-то, словно стараясь вывести ее из задумчивости. И вдруг она крепко прижала его к груди, и материнские слезы одна за другой закапали на головку бедного несмышленища. А потом женщина мало-помалу успокоилась и снова принялась нянчить его.

Десятимесячный мальчик, не по возрасту крупный и живой, скакал, вертелся во все стороны, не давая матери ни минуты покоя.

– Славный малыш! – сказал какой-то человек и остановился перед ними, засунув руки в карманы. – Сколько ему?

– Десять месяцев с половиной, – ответила мать.

Человек свистнул, привлекая внимание мальчика, и протянул ему леденец, который тот схватил обеими ручонками и отправил в рот.

– Забавный! Все понимает! – Человек свистнул еще раз и, обойдя палубу, увидел Гейли, который сидел на груди ящиков и курил.

Он чиркнул спичкой и, поднося ее к сигаре, сказал:

– Недурная у вас негритянка, любезнейший.

– Да, как будто в самом деле ничего, – подтвердил Гейли и пустил кольцо дыма.

– На Юг ее везете?

Гейли кивнул, попыхивая сигарой.

– Думаете продать там?

– Мне дали большой заказ на одной плантации, – сказал Гейли. – Она, говорят, хорошая повариха. Пристроится там на кухне или пойдет собирать хлопок. Пальцы у нее длинные – в самый раз. Так или иначе, а такой товар не продешевлю. – И он снова сунул сигару в рот.

– А кому нужен ребенок на плантации?

– Да я его продам при первом же удобном случае, – сказал Гейли и закурил вторую сигару.

– Цена, вероятно, будет невысокая? – спросил человек, усаживаясь на ящик.

– Там посмотрим, – сказал Гейли. – Мальчишка хоть куда – крупный, упитанный, не ущипнешь!

– Это все правильно, да ведь пока его вырастишь! Сколько забот, расходов...

– Чепуха! Какие там особенные заботы? Растут себе и растут, как щенята. Этот через месяц уж бегать будет.

– Есть одно место, куда его можно отправить на воспитание. Там у стряпухи на прошлой неделе мальчишка утонул в лохани, пока она вешала белье. Вот бы к ней его и пристроить.

Некоторое время оба курили молча, так как ни тому, ни другому не хотелось первому заговорить о самом главном. Наконец собеседник Гейли нарушил молчание:

– Ведь больше десяти долларов вы за этого мальчишку не запросите? Вам, так или иначе,

надо сбыть его с рук.

Гейли покачал головой и весьма выразительно сплюнул.

– Нет, нет, не подходит, – сказал он, не вынимая изо рта сигары.

– А сколько же вы хотите?

– Я, может, себе его оставлю или отдам куда-нибудь на воспитание, – сказал Гейли. – Мальчишка смазливый, здоровенький. Через полгода цена ему будет сто долларов, а через год-другой и все двести. Так что сейчас меньше пятидесяти. И смысла нет просить.

– Что вы, любезнейший! Это курам на смех!

Гейли решительно мотнул головой.

– Ни цента не уступлю.

– Даю тридцать, – сказал незнакомец, – и ни цента больше.

– Ладно! – И Гейли сплюнул еще более решительно. – Поделим разницу – сорок пять долларов последняя цена.

Незнакомец минуту подумал и сказал:

– Ну что ж, идет.

– По рукам! – обрадовался Гейли. – Вам где сходить?

– В Луисвилле.

– В Луисвилле? Вот и прекрасно! Мы подойдем туда в сумерках. Мальчишка будет спать, а вы его потихоньку... так, чтобы обошлось без рева... и дело в шляпе. Я лишнего шума не люблю. Слезы, суматоха – ну к чему это?

И после того как несколько ассигнаций перешло из бумажника покупателя в бумажник продавца, последний снова закурил сигару.

Был ясный, тихий вечер, когда «Красавица река» остановилась у луисвиллской пристани. Женщина сидела, прижав спящего ребенка к груди. Но вот кто-то крикнул: «Луисвилл!», она встрепенулась, положила сына между двумя ящиками, предварительно подстлав под него свой плащ, и побежала к борту в надежде, что среди слуг из местной гостиницы, глазеющих на паром, будет и ее муж. Она перегнулась через поручни, пристально вглядываясь в каждое лицо на берегу, и столпившиеся сзади пассажиры загородили от нее ребенка.

– Пора! – шепнул Гейли, передавая спящего малыша его новому хозяину. – Только не разбудите, а то раскричится. Не оберешься хлопот с матерью.

Тот осторожно взял свою покупку и вскоре затерялся с ней в толпе на берегу.

Когда паром, кряхтя, отдуваясь и пофыркивая, отвалил от пристани и начал медленно разворачиваться, женщина вернулась на прежнее место. Там сидел Гейли. Ребенка не было.

– Где... где он? – растерянно забормотала она.

– Люси, – сказал работорговец, – ты его больше не увидишь, так и знай. Все равно на Юг с ребенком ехать нельзя, а я продал твоего мальчишку в хорошую семью, там ему будет лучше, чем у тебя.

Полный муки и безграничного отчаяния взгляд, который бросила на него женщина, мог бы смутить кого угодно, только не Гейли. Он давно привык к таким взглядам, к искаженным мукой темным лицам, к судорожно стиснутым рукам, прерывистому дыханию и считал, что в его ремесле без этого не обойдешься. Сейчас ему важно было только одно: поднимет женщина крик на весь паром или нет, ибо Гейли терпеть не мог лишнего шума и суеты.

Но женщина не стала кричать. Удар обрушился на нее слишком внезапно.

Она как подкошенная упала на ящик, устремив вперед невидящий взгляд, руки ее бессильно повисли вдоль тела. Людские голоса, непрерывный грохот машин доносились до ее слуха точно сквозь сон. Раненое сердце не могло исторгнуть ни стоны, чтобы облегчить невыносимую боль. Внешне она была совершенно спокойна.

Работорговец, обдумав положение, счел нужным выказать приличествующее случаю участие.

– Знаю, Люси, знаю, на первых порах тяжело, – сказал он. – Но ведь ты у нас умница, не будешь попусту убиваться. Что же тут поделаешь, иначе нельзя!

– Перестаньте, хозяин, не надо! – сдавленным голосом проговорила она.

– Ты умница, Люси, – продолжал работорговец, – я тебя в обиду не дам, подыщу тебе хорошее местечко на Юге. Ты там и другого мужа себе найдешь. Такой красавице...

– Оставьте меня, хозяин, не говорите со мной!

И в этих словах послышалось столько боли и тоски, что Гейли подумал: «Нет, тут никакими уговорами не поможешь» и решил отступить от нее.

Он встал, а женщина повернулась к нему спиной и с головой закуталась в плащ.

Работорговец прохаживался по палубе, то и дело останавливаясь и поглядывая на нее.

«Убивается... но хоть не голосит, и то хорошо, – рассуждал он сам с собой. – Ничего, отойдет, со временем все образуется».

Том был свидетелем этой сделки, и ему с самого начала было ясно, чем она кончится. Сердце его обливалось кровью при виде несчастной женщины, при виде этой живой страдающей вещи, равной, согласно американским законам, тем ящикам с товарами и кипам хлопка, на которых она лежала теперь, точно сломанная тростинка.

Он подсел к ней, пытаясь хоть как-нибудь утешить ее, но она только стонала в ответ на его увещания.

Настала ночь – спокойная, величавая ночь, сияющая множеством прекрасных золотых звезд. Но далекое небо безмолствовало, от него нельзя было ждать ни помощи, ни даже сочувствия. Веселые, оживленные голоса умолкли один за другим; все уснуло на пароходе, и в наступившей тишине было явственно слышно журчанье волны у борта. Том лежал на ящиках; изредка до него доносились глухие причитания несчастной женщины:

– Что же я теперь буду делать? Боже мой, боже! Помогите мне!

Но потом и эти звуки стихли.

Среди ночи Том проснулся, будто от толчка. Темная тень промелькнула между ним и бортом, и он услышал всплеск воды. Этот всплеск никого не потревожил, кроме него. Он поднял голову – место, где лежала женщина было пусто! – потом встал, осмотрелся по сторонам... ее нигде не было! Несчастное, истерзанное сердце наконец-то нашло покой, а волны, сомкнувшиеся над ним, как ни в чем не бывало покрывались рябью и весело журчали.

Работорговец проснулся чуть свет и тут же отправился посмотреть на свой живой товар. Настала теперь его очередь растерянно осматриваться по сторонам.

– Куда она девалась? – спросил он Тома.

Том, давно убедившийся, что в таких случаях лучше молчать, решил не делиться с работорговцем своими подозрениями.

– Не могла же она сойти ночью на берег! Я на каждой остановке просыпался и сам за ней следил. В таких делах ни на кого нельзя полагаться.

Это признание было обращено к Тому, как будто оно могло заинтересовать его. Но Том молчал.

Работорговец обшарил пароход от носа до кормы, искал между ящиками, тюками, бочками, заглянул даже в машинное отделение – все напрасно.

– Слушай, Том, не таись, – сказал он, оставив наконец свои бесплодные поиски, – ты все знаешь. Нечего вилать, меня не проведешь. Я же смотрел и в десять часов, и в полночь, и между часом и двумя – она была здесь, вот на этом самом месте. А в четыре ее и след простыл! Ты же рядом лежал, значит, все видел. Ну, не отпирайся!

– Вот что я вам доложу, хозяин, – сказал Том, – под утро я услышал сквозь сон, будто мимо меня кто-то проскользнул. А потом вода сильно всплеснула. Тут я проснулся, гляжу – женщины нет. Вот и все, больше я ничего не знаю.

Услышав это, работорговец не испугался, даже не удивился, ибо, как мы уже говорили, он был человек привычный, не чета нам. Грозное присутствие смерти и то не заставило его содрогнуться. По роду своего почтенного ремесла он сталкивался со смертью не раз и был с ней на короткой ноге, хоть и считал, что эта злая старуха сплошь и рядом портит ему всю коммерцию. Так и теперь – ничего другого от него не слышали, кроме проклятий по адресу негритянки и жалоб на свою незадачливость: «Так, пожалуй, за всю поездку ни цента не заработаешь!»

Короче говоря, Гейли считал себя несправедливо обиженным судьбой, но помочь горю не

мог, ибо женщина ушла от него в такой штат, который никогда не выдает беглецов, какие бы строгие законы этого ни требовали. Крайне раздосадованный, он вынул из кармана записную книжку и внес погибшее человеческое существо под рубрику «убытки».

ГЛАВА XIII В поселке квакеров²³

Теперь перед нами открывается тихая, мирная картина. Представьте себе просторную кухню – стены ее свежeweыбелены, пол навощен, на нем ни соринки, широкая плита покрыта черной краской; начищенная до блеска посуда наводит на мысль о разных вкусных вещах; зеленые деревянные стулья сверкают лаком. А вот маленькая качалка с подушкой, сшитой из пестрых шерстяных лоскутков, рядом – другая, побольше; ее широкие ручки так и манят в свои гостеприимные объятия, суля отдых на мягком пуховом сиденье. И в этой качалке, с шитьем в руках, покачивается наша старая приятельница – Элиза. Да, это она, похудевшая, бледная. Тихая грусть таится под сенью ее длинных ресниц и в складке губ. Нежное сердце молодой женщины не только закалилось, но и повзрослело под тяжестью горя, и когда по временам она поднимает глаза на сына, который, словно тропическая бабочка, носится взад и вперед по кухне, в этом взгляде чувствуется непоколебимая воля и решимость – то, чего у нее не было в прежнюю, счастливую пору жизни.

Рядом с Элизой сидит женщина в белоснежном чепце и сером платье строгого квакерского покроя; она держит на коленях миску и перебирает в ней сушеные фрукты. Этой женщине можно дать лет пятьдесят пять, а то и все шестьдесят, но у нее одно из тех лиц, которые время только красит – круглое, румяное, напоминающее своей свежестью покрытый пушком спелый персик. Чуть посеребренные годами волосы гладко зачесаны назад с высокого чистого лба. Большие карие глаза излучают ясный, мягкий свет – загляните в них, и вы увидите, какое верное, доброе сердце бьется у нее в груди. Сколько воспевалась и воспевается красота юных девушек! Почему же никто не замечает обаяния старости? Тех, кого увлечет эта тема, мы отсылаем к нашему доброму другу Рахили Хеллидэй. Пусть посмотрят на нее сейчас, пока она сидит в своей маленькой качалке. Качалка эта имеет привычку скрипеть и попискивать – то ли от схваченной в молодости простуды, то ли от астмы, а может быть, и просто от расстроенных нервов. Легкое «скрип-скрип» раздается непрестанно, и всякому другому креслу никто бы не простил таких звуков. Но старый Симеон Хеллидэй считает, что это настоящая музыка, а для детей поскрипыванье материнской качалки дороже всего на свете.

– Значит, Элиза, ты все еще не оставила мысли о Канаде? – спросила Рахиль, неторопливо перебирая сушеные персики.

– Нет, – твердо ответила та. – Я больше не могу здесь задерживаться.

– Ну, доберешься ты до Канады, а там что будешь делать? Надо и об этом подумать, дочь моя.

Как естественно прозвучали эти слова в устах Рахили Хеллидэй! Так же естественно, как и слово «мать», с которым к ней так часто обращались.

У Элизы задрожали руки, две-три слезинки упали на ее рукоделье, но она ответила не менее твердо:

– Я ни от какой работы не откажусь. Что-нибудь найдется.

– Ты можешь жить здесь сколько тебе угодно.

– Благодарю вас! Но... – Элиза показала глазами на Гарри. – Я не сплю по ночам. Я не знаю ни минуты покоя! – И она добавила, вздрогнув: – Вчера мне приснилось, будто бы тот человек вошел во двор.

– Бедняжка! – сказала Рахиль, смахивая слезы. – Только напрасно ты так тревожишься. В нашем поселке еще ни разу никого не изловили, и тебя не поймают.

²³ Квакеры (или «друзья») – религиозная секта, распространенная в Англии и в Северной Америке.

В эту минуту дверь открылась, и в комнату вошла маленькая, пухлая, румяная, как спелое яблочко, женщина. На ней тоже было скромное темно-серое платье с батистовой косынкой, завязанной крест-накрест на груди.

– Руфь Стедмен! – воскликнула Рахиль, радостно поднимаясь навстречу гостье. – Ну, как ты поживаешь? – И она взяла ее за обе руки.

– Хорошо, – сказала Руфь, снимая темный капор и стряхивая с него пыль носовым платком.

Под капором обнаружился чепец, сидевший весьма легкомысленно на ее круглой головке, несмотря на все старания пухлых маленьких рук образумить его. Несколько непокорных кудряшек выбились из-под чепца, и с ними тоже пришлось повозиться, прежде чем они согласились лечь на место. Проделав все это, гостья, которой было лет двадцать пять, отвернулась от зеркала, видимо, очень довольная собой, что было вполне понятно, ибо кто же останется недовольным, глядя на такое веселое, добродушное, пышущее здоровьем существо!

– Руфь, это Элиза Гаррис, а вот ее сынок, о котором я тебе рассказывала.

– Очень рада вас видеть, Элиза! – сказала Руфь, пожимая ей руку, словно старой, долгожданной подруге. – Так это ваш мальчуган? А я принесла ему гостинец. – И она протянула Гарри выпеченный сердечком пряник.

Мальчик робко взял его, исподлобья глядя на Руфь.

– А где твой малыш? – спросила Рахиль.

– Сейчас появится. Я как вошла, твоя Мери выхватила его у меня и побежала с ним в сарай показывать ребятишкам.

Не успела она договорить, как Мери, румяная девушка, с большими, унаследованными от матери карими глазами, вбежала в кухню с ребенком на руках.

– Ага! Вот он! – воскликнула Рахиль, принимая от нее малыша. – Как он хорошо выглядит и какой стал большой!

– Растет не по дням, а по часам, – сказала Руфь.

Она сняла с сына голубой шелковый капор и множество самых разнообразных одежек, потом обдернула на нем платьице, расправила все складочки, чмокнула его и спустила на пол – собраться с мыслями. Малыш, по-видимому, привыкший к подобному обращению, сунул палец в рот и задумался о своих делах, а его мамаша уселась в кресло, вынула из кармана длинный чулок в белую и синюю полоску и проворно заработала спицами.

– Мери, налила бы ты, голубушка, воды в чайник, – мягко сказала мать.

Мери сбегала к колодцу и, вернувшись, поставила чайник на плиту, где он вскоре замурлыкал и окутался паром, являя собой символ гостеприимства и домашнего уюта. Те же самые руки, повинувшись мягким указаниям Рахили, поставили на плиту и кастрюлю с персиками.

Сама же Рахиль положила на стол чисто выскобленную доску, подвязала передник и спокойно, без всякой суеты, принялась делать печенье, предварительно сказав Мери:

– Ты бы попросила Джона, голубушка, ошипать курицу.

И Мери мгновенно исчезла.

Вскоре к их компании присоединился Симеон Хеллидэй – человек высокий, статный, в темной куртке, темных штанах и в широкополой шляпе.

– Здравствуй, Руфь, – ласково проговорил он, пожимая своей широкой рукой ее маленькую пухлую ручку. – Как твой Джон?

– Мои все здоровы, и Джон в том числе, – весело ответила Руфь.

– Ну, что нового, отец? – спросила Рахиль, ставя печенье в духовку.

– Питер Стеббинс сказал мне, что сегодня к вечеру он будет на месте с друзьями, – ответил Симеон, многозначительно подчеркнув последнее слово.

– Вот как! – воскликнула его жена и задумчиво посмотрела на Элизу.

– Ваша фамилия Гаррис – правильно я запомнил? – спросил Симеон.

Рахиль быстро взглянула на мужа, когда Элиза, испугавшись, не появилось ли где-нибудь объявление о ее розыске, дрожащим голосом ответила:

– Да.

– Мать! – позвал Симеон жену и вышел на крыльцо.

– Ты что, отец? – спросила она, вытирая на ходу белые от муки руки.

– Ее муж здесь, в поселке, и будет у нас сегодня ночью, – сказал Симеон.

– Да что ты, отец! – воскликнула Рахиль, просяив от радости.

– Верно тебе говорю! Питер ездил вчера на нашу станцию, и там его ждали старуха и двое мужчин. Один из них назвался Джорджем Гаррисом, и, судя по тому, что он о себе рассказывал, это и есть муж Элизы. Питеру он очень понравился. Неглупый, говорит, и красивый. Как ты думаешь, сейчас ей сказать?

– Посоветуемся с нашей Руфью, – предложила Рахиль. – Руфь, поди-ка сюда!

Та отложила вязанье и мигом очутилась на крыльце.

– Руфь, ты только подумай! – сказала Рахиль. – Отец говорит, что муж Элизы прибыл с последней партией и ночью будет у нас!

Эти слова были встречены взрывом восторга. Молоденькая женщина так и подпрыгнула на месте, громко захлопав в ладоши, и два локона опять выбились у нее из-под чепчика.

– Тише, дорогая, тише! – мягко остановила ее Рахиль. – Посоветуй лучше, сказать ей об этом или повременить?

– Сейчас! Сию же минуту! И не думай откладывать! Да будь это мой Джон, как бы я радовалась! – И она взяла Рахиль за руки. – Пойди с ней в спальню, а я присмотрю за жарким.

Рахиль вернулась на кухню, где Элиза сидела за шитьем, и, открыв дверь в маленькую спальню, сказала:

– Поди сюда, дочь моя, мне надо поговорить с тобой.

Кровь прилила к бледным щекам Элизы. Она поднялась, задрожав от предчувствия беды, и взглянула на Гарри.

– Нет, нет! – воскликнула Руфь, кидаясь к ней. – Не бойтесь, Элиза! Вести хорошие. Идите, идите! – И, ласково подтолкнув Элизу к двери, она подхватила Гарри на руки и принялась целовать его. – Скоро увидишь отца, малыш! Понимаешь? Твой отец приехал! – повторяла Руфь глядевшему на нее во все глаза мальчику.

А за дверью спальни происходила иная сцена. Рахиль Хеллидэй привлекла к себе Элизу и сказала:

– Дочка! Господь смилостивился над тобой: твой муж порвал оковы рабства.

Сердце у Элизы бурно заколотилось, она вспыхнула, потом побледнела как полотно и, чувствуя, что силы оставляют ее, опустила на стул.

– Мужайся, дитя мое, – сказала Рахиль, кладя руку ей на голову. – Он среди друзей, и сегодня ночью его приведут сюда.

– Сегодня... сегодня! – повторяла Элиза, сама не понимая, что говорит.

В голове у нее все спуталось, заволокло туманом, и она потеряла сознание.

* * *

Очнувшись, Элиза увидела, что лежит в постели, укрытая одеялом, а маленькая Руфь растирает ей руки камфорой. Она открыла глаза с ощущением блаженной истомы во всем теле, как человек, сбросивший с плеч тяжкий груз. Нервное напряжение, сковывавшее ее с первой минуты побега, теперь исчезло, и молодая женщина наслаждалась непривычным чувством безмятежного покоя. Все еще словно во сне, она увидела, как приотворилась дверь в соседнюю комнату, увидела там стол с белоснежной скатертью, накрытый к ужину; услышала сонливую песенку закипающего чайника... Руфь то и дело подходит к столу, ставит на него блюдо с пирогом, разные соленья, варенья, сует Гарри вкусные кусочки, гладит по головке, перебирает пальцами его длинные кудри. Рахиль – дородная, статная – останавливается у ее кровати, оправляет одеяло, подушки, и большие карие глаза этой женщины словно лучатся солнечным теплом. А вот муж Руфи. Руфь бросается ему навстречу, взволнованно шепчет что-то, показывая на ту комнату, где лежит она, Элиза. Потом все садятся за стол – вон Руфь с малышом, вон Гарри на высоком стульчике рядом с Рахилью. До Элизы доносятся их негромкие голоса, мелодичный звон чайных ложек... все это снова сливается с ее дремотой, и она погружается в такой глубокий сон, какого

не знала после той страшной ночи, когда холодные звезды смотрели на нее, бежавшую из дому с сыном на руках. И во сне она видит перед собой чудесную страну – страну, полную мира и тишины. Зеленеющие берега, сверкающие на солнце воды, островки, чей-то дом... дружеские голоса говорят ей, что это ее дом, и она видит в нем своего ребенка, свободного, счастливого. Она слышит шаги мужа... все ближе, ближе, вот он обнимает ее, она чувствует, как его слезы каплют ей на лицо... и просыпается. Это не сон! На дворе уже давно стемнело. Ребенок спокойно спит, у кровати горит свеча, а ее муж склонился над ней и рыдает, уткнувшись лицом в подушку.

* * *

На следующее утро Рахиль поднялась чуть свет и занялась приготовлением завтрака, окруженная своей детворой, которая беспрекословно подчинялась ее ласковым «сбегай туда-то, голубчик», «сделай то-то, голубушка».

Когда Джордж, Элиза и маленький Гарри вышли на кухню, их встретили так сердечно, что они даже растерялись.

Все сели завтракать, а Мери, стоя у плиты, жарила оладьи и, когда они покрывались золотистой, румяной корочкой, подавала их на стол.

Джордж впервые сидел, как равный, за одним столом с белыми, и сначала ему было не по себе. Но вскоре чувство смущения и неловкости рассеялось, как туман, в мягких лучах непритворной сердечности добрых хозяев.

– Отец, а что, если ты опять попадешься? – спросил Симеон-младший, намазывая маслом оладью.

– Ну что ж, заплачу штраф, только и всего, – спокойно ответил Хеллидэй.

– А вдруг тебя посадят в тюрьму?

– Неужто вы с матерью не управитесь без меня на ферме? – с улыбкой сказал он.

– Мать с чем угодно управится, – ответил мальчик.

– Я надеюсь, сэр, что у вас не будет никаких неприятностей из-за нас, – встревожился Джордж.

– Не бойся, Джордж, – успокоил его Симеон. – День ты побудешь здесь, а вечером, часов в десять, Финеас Флетчер отвезет вас всех дальше, на нашу следующую станцию. Погоня близка, нельзя терять ни минуты.

– Если так, зачем же откладывать до вечера? – спросил Джордж.

– Днем ты в полной безопасности: здесь все друзья, и, в случае чего, нас предупредят. А ехать лучше ночью, это мы знаем по опыту.

ГЛАВА XIV

Евангелина

Косые лучи заходящего солнца бросают золотые блики на трепетный камыш, на высокие сумрачные кипарисы, увитые траурно-темными гирляндами мха, и дрожат на широкой, как море, глади реки, по которой идет тяжело груженный пароход.

Загроможденный сверху донизу кипами хлопка, собранного на многих плантациях, он кажется издали квадратной серой глыбой. Нам придется долго бродить по его тесным закоулкам в поисках Тома. Но мы найдем его – вот он сидит на верхней палубе в самом уголке, потому что здесь тоже тесно от хлопка.

Хороший отзыв, который дал своему невольнику мистер Шелби, и на редкость безбидный, кроткий характер Тома внушили доверие даже такому человеку, как Гейли.

Сначала работороговец целыми днями не спускал с него глаз, а по ночам не разрешал спать без кандалов, но мало-помалу, видя его безропотную покорность, он отменил строгости, и Том, отпущенный, так сказать, на честное слово, мог свободно ходить по всему пароходу.

Матросы и грузчики не скупилась на доброе слово тихому, услужливому негру, который никогда не отказывался помочь им в трудную минуту и работал иной раз по несколько часов

кряду с такой же охотой, как и у себя дома, в Кентукки. Когда же помощь Тома была не нужна, он отыскивал укромное местечко среди кип хлопка и погружался в чтение библии. За этим занятием мы и застаем его сейчас.

Последние сто миль до Нового Орлеана уровень Миссисипи выше окружающей местности, и она катит свои мощные воды меж наносных валов в двадцать футов вышиной. С пароходной палубы, точно с башни плавучего замка, можно видеть окрестности на многие мили вокруг. Перед глазами Тома, как на карте, расстилалась плантация за плантацией, и теперь он ясно представлял себе ту жизнь, которая ждала его в недалеком будущем.

Он видел вдали невольников, гнувших спину на полях, видел их лачуги, сбившиеся кучкой на почтительном расстоянии от великолепных господских домов и парков. И по мере того как эти картины проплывали мимо, его бедное неразумное сердце все больше тосковало по ферме в Кентукки, осененной тенистыми буками, по просторном, полном прохлады хозяйском доме и маленькой хижине, увитой бегонией и розами. Он видел перед собой знакомые с детских лет лица товарищей, видел свою хлопотунью жену, занятую приготовлением ужина, слышал заливистый смех разыгравшихся ребятишек, щебетанье малютки, скачущей у него на коленях. И вдруг все это исчезло. Перед ним снова тянулись камыши, кипарисы, хлопковые плантации, в ушах снова раздавался грохот машин, и он вспоминал, что прежняя жизнь ушла от него навсегда.

В такую минуту вы бы взяли за перо и послали бы весточку жене и детям. Но Том не умел писать – почта для него все равно что не существовала, и ему ничто не могло смягчить боль разлуки с близкими – ни теплое слово, ни привет из родного дома. Поэтому нет ничего удивительного,

тельно, что слезы капают у него из глаз на страницу, по которой он терпеливо водит пальцем, медленно переходя от слова к слову. В былые дни дети мистера Шелби, а чаще всех Джордж, читали Тому вслух эту книгу, и он отмечал в ней любимые места, чтобы сразу находить их, и теперь каждое из этих мест напоминало ему дом, семью, а сама библия была единственным, что осталось у него от прежней жизни.

Среди пассажиров на пароходе был богатый и знатный джентльмен из Нового Орлеана, по имени Сен-Клер. Он путешествовал с дочерью – девочкой лет шести, за которой присматривала немолодая леди, очевидно, их родственница.

Девочка постоянно попадалась Тому на глаза, ибо ее, вероятно, так же трудно было удержать на одном месте, как солнечный луч или летний ветерок. А увидев эту крошку, на нее нельзя было не заглядеться.

Представьте себе детскую фигурку, в которой нет и следа ребяческой неловкости, личико, пленяющее не столько совершенством черт, сколько выражением мечтательной задумчивости, легкие, как облако, золотисто-каштановые волосы, глубокий, одухотворенный взгляд синих глаз, оттененных густыми, длинными ресницами, – представьте себе все это, и вы поймете, что выделяло дочь Сен-Клера среди других детей и заставляло взрослых оглядываться и смотреть ей вслед, когда она порхала среди них по всему пароходу.

Нередко Ева задумчиво и печально проходила мимо группы закованных в цепи мужчин и женщин.

Отец и наставница только и знали, что бегать за ней. Но стоило им поймать ее, как она снова исчезала, точно летнее облачко. Ей прощалось все, и, пользуясь этим, девочка носилась где вздумается. Белое платьице легкой тенью появлялось в самых неожиданных местах, оставаясь все таким же свежим и чистым. Не было такого уголка на пароходе, где не раздавались бы легкие шажки этой феи, где не мелькнула бы ее золотистая головка.

Разгибая усталую спину, кочегар ловил взгляд ее широко открытых глаз, устремленных сначала на яростное пламя топки, потом – с ужасом и жалостью – на него, словно ему грозила страшная опасность. Штурвальный улыбался, глядя в окно рубки, где, как на картине, появлялась на миг ее фигурка. При виде этой девочки по хмурым лицам скользили необычно мягкие улыбки, суровые голоса слали ей вслед благословения. А когда она бесстрашно подбегала к опасным местам, черные от сажи, мозолистые руки протягивались к ней со всех сторон, оберегая каждый ее шаг.

Том с интересом наблюдал за девочкой, ибо негры, со свойственной им добротой и впечатлительностью, всегда тянутся ко всему чистому, детскому. У него было наготове множество бесхитростных приманок для нее. Он умел выпиливать крохотные корзинки из вишневых косточек, вырезать забавные рожицы из орехов, делать прыгунчиков из бузиновой мякоти, а уж что касается свистулек всех сортов, так другого такого мастера, как Том, не нашлось бы на всем свете. Его карманы были полны всяких интересных вещиц, которые в свое время предназначались для хозяйских детей, и теперь он извлекал эти сокровища одно за другим, стараясь с их помощью завязать знакомство и дружбу с девочкой.

На первых порах малютка дичилась, и приручить ее было не так-то легко. Она усаживалась, словно канарейка, на каком-нибудь ящике или тюке, смотрела, как Том мастерит свои произведения искусства, и застенчиво принимала их в подарок. Но в конце концов они подружились.

– А как зовут маленькую мисс? – спросил однажды Том, решив, что время для более близкого знакомства настало.

– Евангелина Сен-Клер, – ответила девочка, – хотя папа и все другие зовут меня просто Евой. А тебя как?

– Меня зовут Том. А в Кентукки детвора называла меня дядей Томом.

– Тогда я тоже буду звать тебя дядей Томом, потому что ты мне нравишься, – сказала Ева. – А куда ты едешь, дядя Том?

– Сам не знаю, мисс Ева.

– Не знаешь?

– Нет. Меня везут продавать. Кому еще я достанусь, бог весть...

– Мой папа может купить тебя, – живо сказала Ева. – А если он купит, тебе будет хорошо у нас. Я сегодня же попрошу его об этом.

– Благодарю вас, моя маленькая леди, – сказал Том.

Пароход остановился у небольшой пристани погрузить топливо. Ева, услышав голос отца, сорвалась с места и убежала. Том пошел помочь грузчикам и вскоре принялся за работу.

Ева стояла с отцом у поручней, глядя, как пароход отваливает от причала. Колесо сделало два-три поворота, и вдруг девочка потеряла равновесие от сильного толчка и, не удержавшись, упала за борт. Отец, едва сообразив, что делает, хотел броситься за ней, но стоявшие позади удержали его, ибо у девочки уже был спаситель, и куда более надежный.

Падая, Ева пролетела как раз мимо Тома, стоявшего на нижней палубе. Он видел, как она ушла под воду, и кинулся за ней не раздумывая. Ему ничего не стоило продержаться на воде несколько секунд, пока девочка не всплыла на поверхность. Тогда он схватил ее и поплыл назад, к пароходу. Десятки рук протянулись им навстречу. Через секунду Ева была уже в объятиях отца, и он понес ее, мокрую, бесчувственную, в дамскую каюту, обитательницы которой засуетились и, казалось, делали все от них зависящее, чтобы помешать друг другу привести девочку в сознание.

* * *

На следующий день, в духоту и зной, пароход подходил к Новому Орлеану. На палубах и в каютах царила обычная в таких случаях суматоха. Пассажиры складывали вещи, стюарды²⁴ и горничные чистили, скребли, убирали красавец пароход, приготавливая его к прибытию в большой город.

Наш друг Том сидел на нижней палубе и время от времени с тревогой посматривал на кор-му.

Он видел там Евангелину, чуть побледневшую после вчерашнего происшествия – никаких других следов оно на ней не оставило. Возле нее, небрежно облокотившись на кипу хлопка и положив перед собой открытый бумажник, стоял элегантный молодой человек. Достаточно было одного взгляда, чтобы признать в нем отца девочки. Та же благородная посадка головы, те же золотистые волосы, большие синие глаза, только взгляд другой – не мечтательный, а ясный, смелый; в уголках красиво очерченного рта то и дело мелькает горделивая, насмешливая улыбка, в каждом движении сквозит непринужденность и вместе с тем чувство собственного достоинства.

Этот молодой джентльмен насмешливо, но добродушно слушал Гейли, расхваливавшего качество своего товара, из-за которого у них шел торг.

– Словом, полный каталог всех христианских добродетелей, переплетенный в черный сафьян! – сказал мистер Сен-Клер, когда Гейли умолк. – Ну хорошо, любезнейший, ближе к делу. Сколько вы за него заломите? Довольно тянуть, говорите!

– Что же, – сказал Гейли, – если назначить тысячу триста долларов, я на этом негре ничего не заработаю. Честное слово!

– Бедняга! – воскликнул молодой джентльмен, насмешливо щуря свои синие глаза. – И все-таки я надеюсь, что вы отдадите негра за эту цену исключительно из особого уважения ко мне.

– Что ж поделаешь! Да и маленькой барышне, как видно, очень хочется, чтобы вы его купили.

– Ну разумеется! Мы только на ваше бескорыстие и рассчитываем. Итак, если вы такой уж бессребренник, говорите, сколько вам не жалко уступить, чтобы сделать одолжение маленькой барышне.

– Да вы посмотрите на него! – воскликнул работороговец. – Грудь колесом, сильный, как лошадь. А лоб какой высокий! По такому лбу сразу видно, что негр смышленный. Я уж это не первый раз замечаю. Да если б такому молодцу бог ума не дал, он и то стоил бы больших денег. А Том, ко всем своим прочим достоинствам, умнейшая голова. Поэтому и цена на него выше. Ведь он – да будет вам известно – управлял у своего хозяина именем. У него сметки на все хватит.

– Скверно, совсем скверно! Что может быть хуже умного негра? – сказал молодой джентльмен с той же насмешливой улыбкой. – Такие умники только и знают, что бегать от хозяев да заниматься конокрадством. И вообще от них, кроме неприятностей, ничего не жди. Придется вам скостить сотню-другую, принимая во внимание его ум.

– Это вы правильно говорите, но ведь он ко всему прочему и благонравный. Я вам покажу, какие у него рекомендации от хозяина. Там сказано, что другого такого смиренного, набожного негра днем с огнем не сыщешь.

– Значит, его можно будет использовать и в качестве домашнего проповедника? Недурно! Тем более что избытка набожности в нашем доме не наблюдается.

– Вы шутите!

– Откуда вы это взяли? Ну хорошо, покажите, какие там у вас бумаги.

Если б работороговец не заметил лукавых искорок, игравших в больших синих глазах джентльмена, и не понял, что в конце концов все эти шуточки обернутся звонкой монетой, терпение у него давно бы лопнуло. Так или иначе, он извлек из кармана засаленный бумажник и начал озабоченно рыться в нем под насмешливым взглядом молодого джентльмена.

– Папа, купи его! Не все ли равно, сколько он стоит! – тихонько шепнула Ева, взобравшись

²⁴ Стюард – слуга.

на ящик и обняв отца за шею. – Ведь я знаю, у тебя много денег, а мне он очень нравится.

– Зачем он тебе, крошка? Что ты с ним будешь делать – играть, как с погремушкой, или скакать на нем, как на деревянной лошадке?

– Я хочу, чтобы ему хорошо жилось.

– Нечего сказать – своеобразный довод!

Но тут Гейли выудил из бумажника рекомендацию, подписанную мистером Шелби. Джентльмен взял ее кончиками своих длинных пальцев и небрежно пробежал глазами.

– Почерк образованного человека, и написано без грамматических ошибок. Однако набожность этого негра меня смущает, – сказал он, снова бросив насмешливый взгляд на Гейли. – Набожные люди – я говорю о белых – привели нашу страну почти на край гибели. Благочестие сейчас в таком ходу среди кандидатов на предстоящих выборах и среди столпов церкви и государства, что просто не знаешь, кому верить, на кого полагаться! Ну, во сколько вы цените набожность своего товара?

– Вам только бы шутить! – улыбнулся Гейли. – Но в ваших словах есть доля правды. Набожный, честный негр ни за какие коврижки не пойдет против собственной совести, а про Тома в письме так и сказано.

– Ну хорошо, приятель, – и молодой джентльмен протянул работоторговцу пачку денег, – получите и пересчитайте.

– Правильно! – Гейли просиял от восторга, вынул из кармана чернильницу, и через минуту купчая крепость на Тома была готова.

– Пойдем, Ева! – Сен-Клер взял дочь за руку, подошел с ней к Тому, тронул его за подбородок и сказал добродушно: – Ну, как тебе нравится твой новый хозяин?

Том поднял голову. Какое иное чувство, кроме удовольствия, можно было испытать, глядя на это веселое, красивое молодое лицо? На глазах у Тома навернулись слезы, и он проговорил с чувством:

– Да благословит вас бог, хозяин!

– Будем надеяться, что благословит. Как тебя зовут? Том? А ты сможешь быть за кучера, Том?

– Я смолоду при лошадях. У мистера Шелби была большая конюшня.

– Ну так вот, сделаем тебя кучером, но при одном условии: напиваться не чаще одного раза в неделю, за исключением особо торжественных случаев.

Том ответил ему удивленным и обиженным взглядом.

– Я непьющий, – сказал он.

– Слыхали мы эти сказки, Том! А впрочем, посмотрим. Если ты говоришь правду, выгода будет обоюдная. Не обижайся, дружок, – добавил он добродушно, глядя на омрачившееся лицо Тома. – Я не сомневаюсь, что ты будешь стараться.

– Да, хозяин, – сказал Том.

– И тебе будет хорошо у нас, – добавила от себя Ева. – Папа всегда над всеми подшучивает. Но на самом деле он добрый.

– Папа весьма тебе обязан за такую рекомендацию, – со смехом сказал Сен-Клер и отошел от Тома.

ГЛАВА XV

О новом хозяине Тома и о многом другом

Скажем несколько слов о людях, с которыми наш скромный герой столкнулся теперь на своем жизненном пути.

Огюстен Сен-Клер был сыном богатого луизианского плантатора. Его отец и дядя, покинув свою родину, Канаду, поселились один на прекрасной ферме в Вермонте,²⁵ другой – на большой

²⁵ Вермонт – штат на северо-востоке США.

плантации в Луизиане.²⁶ Мать Огюстена, предки которой эмигрировали в Луизиану еще в те времена, когда этот штат только заселялся, была француженка. Огюстен назвал в ее честь свою дочку, лстя себя надеждой, что она унаследует от бабушки душевную чистоту и благородство характера. Жена Огюстена ревновала его к дочери, чувствуя, что он отдает ребенку все свое сердце. Рождение Евы сказалось на ее здоровье – ее мучили мигрени, из-за которых она по три дня не выходила из комнаты. Все в доме было брошено на слуг, и Сен-Клер не испытывал радости от такого устройства своего семейного очага. Ева была хрупкая девочка, и ему не давала покоя мысль, что его дочь, лишенная материнского присмотра, может потерять не только здоровье, но и жизнь. Собравшись в Вермонт к дяде, он взял Еву с собой, а там уговорил свою двоюродную сестру, мисс Офелию Сен-Клер, уехать с ними в Новый Орлеан. И теперь они все трое возвращаются домой на пароходе.

Пока шпили и купола Нового Орлеана медленно вырастают вдаль, у нас есть еще время познакомить вас с мисс Офелией несколько ближе.

Тем, кто путешествовал по Новой Англии,²⁷ вероятно, запомнились ее тенистые городки и какой-нибудь большой фермерский дом с чистым, заросшим травой двориком, густая листва раскидистых кленов и тот невозмутимый покой, которым, кажется, от века веет над такими местами. Как там все прибрано, ухожено! Ни один колышек не торчит из ограды, ни соломинки не найдешь на зеленой глади двора, обсаженного кустами сирени. А какая чистота в доме, в этих просторных комнатах, где будто никогда ничего не случается, никогда ничего не делается! Все вещи в них расставлены по своим местам раз и навсегда, и жизнь здесь течет размеренно, с точностью старинных часов. Прислуги в доме не держат, а между тем старушка в белоснежном чепце и в очках проводит день за рукодельем в кругу дочерей, словно никакого другого занятия у них нет и быть не может. Вы застанете их в гостиной в любой час дня. Но не беспокойтесь, вся работа по дому сделана спозаранку. На полу в кухне ни пятнышка, ни соринки; столы, стулья и всевозможные кухонные принадлежности стоят в таком порядке, словно до них никто никогда не дотрагивается, а ведь здесь едят по три, по четыре раза в день, здесь стирают и гладят на всю семью, здесь каким-то таинственным образом, незаметно для глаз, изготавливаются горы масла и сыра.

На такой ферме, в таком доме и в такой семье мисс Офелия провела сорок пять лет своей жизни, до того как двоюродный брат пригласил ее погостить у него на Юге. Мисс Офелия была старшей дочерью в семье, но отец и мать все еще считали, что «дети есть дети», и приглашение в Новый Орлеан обсуждалось в семейном кругу как нечто из ряда вон выходящее. Убеленный сединами отец достал из книжного шкафа атлас и проверил широту и долготу этого города. Старушка мать беспокоилась: «Говорят, Орлеан ужасное место! Ехать туда так же опасно, как на Сандвичевы острова, к язычникам».

Слухи о том, что Офелия Сен-Клер задумала ехать в Новый Орлеан, к двоюродному брату, дошли до священника, доктора и владелицы модной лавки мисс Пибоди, и весь городок принялся с жаром обсуждать это событие. Вскоре стало известно, что Огюстен Сен-Клер отсчитал мисс Офелии пятьдесят долларов на покупку самых лучших нарядов и что из Бостона уже получены два шелковых платья и шляпка. Такого зонтика, какой ей прислали из Нью-Йорка, в здешних местах и не видывали – это было признано всеми, а про одно шелковое платье рассказывали, будто бы его как поставишь на пол, так оно и стоит само и не падает. Поговаривали также о носовых платках. Вы только подумайте – один с мережкой, а другой весь оторочен кружевом и будто бы даже уголки вышиты гладью! Впрочем, последнее сообщение так и осталось не проверенным по сей день.

И вот мисс Офелия – высокая, прямая, угловатая – стоит перед вами в дорожном платье из сурового полотна. Черты лица у нее тонкие, заостренные, губы плотно сжаты, как и подобает

²⁶ Луизиана – штат в нижнем течении Миссисипи.

²⁷ Новая Англия – район на северо-востоке США, заселявшийся выходцами из Англии и включающий шесть штатов, в том числе Вермонт.

женщине, которая имеет совершенно определенное мнение по всем жизненным вопросам, а темные глаза зорко поглядывают по сторонам, словно выискивая, нет ли где беспорядка.

Движения у мисс Офелии резкие, решительные, энергичные; слов она попусту не тратит, но уж если говорит, то веско, с толком. Она являет собой олицетворение порядка, методичности, точности. Она пунктуальна, как часы, в достижении своих целей неуклонна, как паровоз, и относится с величайшим презрением ко всему, что противоречит ее привычкам и образу мыслей.

Самым большим грехом в глазах мисс Офелии, корнем всех зол в мире является «бестолковщина», и это слово часто слетает с ее уст. Она клеймит им все поступки, не имеющие прямого отношения к тому или иному делу. Людей, которые ничего не делают, или не знают в точности, что им делать, или берутся за дело кое-как, мисс Офелия глубоко презирает, выражая свое отношение к ним не столько словами – этим она редко кого удостаивает, – сколько ледяной суровостью взгляда.

Ум у нее ясный, непреклонный, деятельный. Она отличается большой начитанностью в истории и в классической английской литературе и весьма здраво рассуждает о том, что входит в ее ограниченный кругозор. Но основной жизненный принцип мисс Офелии, который руководит всеми ее мыслями и поступками, – это чувство долга. Она покоряется ему рабски. Убедив себя, что «стезя долга» лежит в таком-то направлении, мисс Офелия идет по ней, и ни огонь, ни вода не могут заставить ее свернуть в сторону. Повинуясь долгу, она способна броситься в колодезь, стать грудью перед жерлом пушки. Ее идеалы настолько возвышенны, настолько всеобъемлющи и так мало делается в них уступок человеческим слабостям, что она, несмотря на все свои поистине героические усилия, не может к ним приблизиться и чувствует себя существом недостойным.

Но как же тогда мисс Офелия ладит с беззаботным, рассеянным, непрактичным Сен-Клером – человеком, который со свойственным ему дерзостным вольнодумством попирает все ее самые заветные убеждения и привычки?

Сказать по правде, мисс Офелия любила его. Когда он был мальчиком, на ней лежала обязанность обучать его молитвам, чинить его одежду, причесывать его и вообще следить за ним. А так как в сердце у нее все же был теплый уголок, Огюстен, по своему обыкновению, завладел им, и поэтому теперь ему не стоило большого труда уговорить свою двоюродную сестрицу, что «стезя ее долга» лежит в направлении Нового Орлеана и что она должна взять на себя заботы о Еве и спасти от разрухи дом, хозяйка которого вечно болеет. Мысль о доме, брошенном на произвол судьбы, поразила мисс Офелию в самое сердце. Кроме того, к маленькой Еве нельзя было не привязаться, а к ее отцу она всегда питала слабость и, в глубине души считая Огюстена «басурманом», все же находила его шутки очень забавными и, на удивление всем, мирилась с его недостатками. Прочие сведения о мисс Офелии читатель получит из дальнейшего знакомства с ней.

Сейчас она сидит в своей каюте, окруженная множеством больших и маленьких саквояжей, корзинок, сундуков, и с озабоченным видом закрывает их, запирает на ключ и перевязывает ремнями.

– Ева, ты помнишь, сколько у нас мест? Наверно, нет! Дети никогда ничего не помнят. Вот считай: ковровый саквояж – раз, маленькая синяя картонка с твоей шляпой – два, резиновая сумка – три, моя рабочая корзиночка – четыре, моя картонка – пять, моя коробка с воротничками – шесть и вот этот чемоданчик – семь. Куда ты дела зонтик? Дай я заверну его в бумагу и упакую вместе со своим. Ну, вот так!

– Тетушка, зачем? Ведь мы же скоро будем дома!

– Все должно быть в порядке, дитя мое. Вещи надо беречь, иначе у тебя ничего не сохранится. А наперсток ты спрятала?

– Право, не помню, тетушка.

– Хорошо, я сама проверю, что у тебя делается в рабочей корзинке. Наперсток – вот он, воск, две катушки, ножницы, ножичек, игольник... так, все в порядке. Поставь ее сюда. Просто не представляю себе, как это вы путешествовали вдвоем с папой! Ты, наверное, все теряла.

– Да, кое-что терялось, но потом папа все мне покупал.

– Боже мой! Да разве так делают!

– А почему, тетушка? Это очень удобно, – сказала Ева.

– Бестолковщина! – отрезала мисс Офелия.

– Тетушка, смотрите! Как же теперь быть? Этот сундук так набит, он, пожалуй, не закроется.

– Должен закрыться! – властно заявила тетушка и, умяв сверху вещи, захлопнула крышку и вспрыгнула на нее.

Но и это не помогло – небольшая щель оставалась.

– Ева, становись и ты, – скомандовала мисс Офелия. – Если нужно закрыть, значит, он закроется и будет заперт на ключ.

И сундук, по-видимому, уstraшенный такой решительностью, сдался. Накладка защелкнулась, мисс Офелия повернула ключ в замке и с торжествующим видом положила его в карман.

– Ну вот, теперь все готово. Багаж пора выносить. Где же папа? Ева, пойдй поищи его.

– Папа ест апельсин в мужской каюте, я его отсюда вижу.

– Он, может быть, не знает, что мы уже подъезжаем? – заволновалась тетушка. – Сбегай скажи ему.

– Папа не любит торопиться, – ответила Ева. – Да ведь пристань еще далеко. Тетушка, вы лучше подойдите к борту. Смотрите! Вон наш дом!

Пароход, тяжело вздыхая, словно умявшееся чудовище, пробирался к причалу среди множества других судов. Ева с восторгом показывала тетушке купола, шпили и прочие приметы, по которым она узнавала улицы родного города.

– Да, да, милочка, очень красиво, – сказала мисс Офелия. – Но боже мой, пароход остановился! Где же твой отец?

В каютах и на палубах поднялась обычная в таких случаях суматоха. Носильщики сновали взад и вперед, мужчины тащили сундуки, саквояжи, картонки, женщины сзывали детей – и все толпой валили к сходням.

Мисс Офелия уселась на только что покоренный сундук и, расставив в боевом порядке все свои вещи, видимо, решила защищать их до конца.

– Прикажете вынести сундук, миссис?.. Разрешите взять ваши вещи, миссис?.. Донесем, сударыня?.. – слышалось со всех сторон.

Но мисс Офелия не внимала этим предложениям. Она сидела прямая, точно спица, не выпуская из рук связанных зонтиков, и отпугивала своим мрачно-решительным видом даже носильщиков. Ева то и дело слышала:

– О чем думает твой отец? За борт он, что ли, свалился? Иначе я никак не могу объяснить его отсутствие.

Когда мисс Офелия уже начала приходить в отчаяние, Сен-Клер вошел в каюту своей обычной неторопливой походкой, протянул Еве дольку апельсина и спросил:

– Ну, надеюсь, вы готовы?

– Я уже думала, не случилось ли с вами чего-нибудь! – воскликнула мисс Офелия. – А готова я была час тому назад.

– Вот и молодец! – сказал Сен-Клер. – Ну-с, коляску я нанял, толпа схлынула, и теперь можно без всякой толкотни, чинно и мирно, сойти на берег. Берите вещи, – добавил он, обращаясь к стоявшему сзади вознице.

– Я послежу за ним, – сказала мисс Офелия.

– Ну что вы, кузина, зачем?

– Хорошо, тогда я сама понесу вот это, это и это. – И мисс Офелия отставила в сторону три картонки и маленький саквояж.

– Дорогая моя, бросьте свои вермонтские привычки! Не забывайте, где мы находимся. Если вы так нагрузитесь, вас примут за горничную. Не беспокойтесь за свои вещи, их снесут осторожно, как стекло.

Мисс Офелия бросила отчаянный взгляд на кузена и успокоилась только в коляске, убедившись, что все ее сокровища в целости и сохранности.

– А где Том? – спросила Ева.

– Он на козлах, крошка. Я преподнесу его маме в виде искупительной жертвы за того пьяного бездельника, который опрокинул ее экипаж.

– Том будет прекрасным кучером! – воскликнула Ева. – Он не напьется, я знаю.

Коляска подъехала к старинному особняку, выстроенному в том причудливом стиле – полуиспанском, полуфранцузском, – образцы которого встречаются в некоторых кварталах Нового Орлеана. Со всех четырех сторон его опоясывали галереи на тонких колоннах, украшенных мавританским орнаментом. За аркой ворот открывался внутренний двор с фонтаном посередине. Серебристые струи высоко взлетали в воздух и брызгами падали в мраморный бассейн, окаймленный бордюром из душистых фиалок. В кристально чистой воде, сверкая, словно бриллианты, сновали золотые и серебряные рыбки. Вокруг фонтана шла дорожка, затейливо выложенная галькой, за ней расстился зеленый бархат газона, и все это замыкалось широкой подъездной дорогой. Два развесистых апельсиновых дерева в полном цвету бросали на двор густую тень. Огромные гранаты с глянцевиной листвой и пылающими огнем цветами, темнолистый арабский жасмин, весь усыпанный белыми звездочками, герань, кусты роз, сгибающиеся под своей пышной тяжестью, пряная, как лимон, вербена – все цвело и благоухало, а таинственное алоэ, с мясистыми листьями, словно древний чародей, величаво покоилось среди мимолетной красоты своих соседей.

Когда коляска въехала во двор, Ева, сама не своя от восторга, стала рваться на свободу, точно птичка из клетки.

– Вот он, мой милый, родной дом! Тетушка, посмотрите, как здесь хорошо! – говорила она мисс Офелии. – Правда, хорошо?

– Да, очень красиво, – сказала та, выходя из коляски, – хотя на мой вкус в этой красоте есть что-то варварское.

Вещи внесли в дом, с возницей расплатились. Навстречу хозяину высыпала толпа слуг всех возрастов. Впереди стоял разодетый по последней моде молодой мулат. Этот важный фронт изящно помахивал надушенным батистовым платком, стараясь осадить негров на дальний конец веранды.

– Назад! Назад! Мне стыдно за вас! – покрикивал он. – Хозяин только ступил под сень родного дома, а вы мешаете ему насладиться встречей с близкими!

Все попятились, пристыженные этой пышной речью, и столпились в углу веранды, на почтительном расстоянии от Сен-Клера – все, кроме двух рослых негров, которые взялись за чемоданы и сундуки.

Отпустив экипаж, Сен-Клер никого перед собой не увидел, кроме изящно раскланивающегося мулата в белых брюках и в атласном жилете с пропущенной по нему цепочкой от часов.

– Это ты, Адольф? – сказал он, протягивая ему руку. – Ну, как поживаешь, дружище?

И Адольф разразился приветственной речью, каждое слово которой обдумывалось им в течение последних двух недель.

– Хорошо, хорошо, Адольф, ты молодец, – сказал Сен-Клер своим обычным небрежно-шутливым тоном. – Позаботься о багаже, а я сейчас выйду к людям. – И с этими словами он подвел мисс Офелию к парадной гостиной, выходящей на веранду.

Тем временем Ева птичкой порхнула мимо них в соседний маленький будуар.

Темноглазая, с болезненным цветом лица женщина приподнялась на кушетке навстречу ей.

– Мама! – радостно крикнула Ева и бросилась обнимать ее.

– Осторожней, дитя мое! Довольно, не то у меня опять разболится голова, – сказала мать, томно целуя девочку.

Вошедший следом за Евой Сен-Клер обнял жену и представил ей свою кузину. Мари с любопытством посмотрела на мисс Офелию и приветствовала ее учтиво, но столь же томно. А у дверей будуара уже толпились слуги, и впереди всех стояла почтенная пожилая мулатка, дрожащая от радости и нетерпения.

– Вот и няня! – крикнула Ева, с разбегу бросаясь ей на шею, и принялась целовать ее.

Эта женщина не стала останавливать девочку, ссылаясь на головную боль; напротив, она

прижимала ее к груди, смеялась и плакала от счастья. Ева перелетала из одних объятий в другие, жала протянутые ей руки, со всеми целовалась.

– Гм! – сказала мисс Офелия. – Оказывается, здесь, на Юге, дети способны на такое, о чем я и помыслить бы не могла.

– Что вас так удивило? – осведомился Сен-Клер.

– Одно дело – гуманное, справедливое отношение, но целоваться...

– ...с неграми? – подхватил он. – На это вас не хватит, не так ли?

– Разумеется, нет! Я просто не понимаю Еву!

Сен-Клер рассмеялся на ее слова, вышел на веранду и увидел Тома, смущенно переминавшегося с ноги на ногу под взглядом Адольфа, который, небрежно опершись о перила, с видом заправского денди²⁸ рассматривал его в лорнет.

– Ах ты, щенок! – воскликнул Сен-Клер и выбил лорнет из рук мулата. – Разве так обращаются с новым товарищем? И, насколько я могу судить, Дольф, это моя вещь, – добавил он, ткнув пальцем в узорчатый атласный жилет.

– Хозяин, да ведь он весь залит вином! – Такому важному джентльмену, как вы, не подобает носить грязные жилеты. Я решил, что теперь он может перейти ко мне. Бедному негру не зазорно в нем показаться.

Адольф вскинул голову и грациозно провел рукой по надушенным волосам.

– Ах, вон оно что! – небрежно протянул Сен-Клер. – Ну, хорошо. Сейчас я покажу Тома хозяйке, а потом ты сведешь его на кухню. И не смей задирать перед ним нос. Он стоит двух таких щенков, как ты. Помни это.

– Хозяин любит пошутить, – сказал Адольф со смешком. – Как приятно видеть хозяина в таком хорошем расположении духа!

– Иди за мной, Том, – сказал Сен-Клер, кивнув ему головой.

Том вошел в будуар. Он увидел бархатные ковры, зеркала, картины, статуи, занавеси – и приуныл. Ему даже страшно было шевельнуться посреди всего этого великолепия.

– Вот, Мари, – сказал жене Сен-Клер, – наконец-то я смог выполнить ваш заказ на кучера. Он черен и почтенен, как похоронные дроги, и с такой же скоростью будет возить вас. Ну, откройте глаза и полюбуйтесь на него. Надеюсь, теперь вы не будете жаловаться, что я перестаю о вас думать, как только уезжаю из дому.

Мари открыла глаза и, не поднимаясь с кушетки, осмотрела Тома с головы до ног.

– Он, наверно, пьяница, – проговорила она.

– Нет, мне рекомендовали его как смиренного, непьющего негра.

– Будем надеяться, что это так. Впрочем, я на многое не рассчитываю.

– Дольф! – крикнул Сен-Клер. – Сведи Тома вниз. И не забывайся! Помни, что я тебе говорил.

Адольф грациозными шажками засеменял по веранде, и Том, тяжело ступая, двинулся за ним.

– Настоящий бегемот! – сказала Мари. – У меня с самого утра мигрень, а с вашим приездом в доме поднялся такой шум, что я теперь просто полумертвая.

– Вы подвержены мигреням? – спросила мисс Офелия, возникая из глубины кресла, где она сидела в полном молчании и прикидывала мысленно стоимость обстановки будуара.

– Да, я в этом отношении сушая мученица, – ответила та.

– Настой из можжевельника – отменное средство от мигреней, – сказала мисс Офелия. – По крайней мере, так утверждает Августа, жена дьякона Абраама Перри, а ее совет чего-нибудь да стоит.

– Как только у нас в саду около озера поспеет можжевельник, прикажу оборвать с него все ягоды специально для этой цели, – совершенно серьезным тоном сказал Сен-Клер, дергая за шнурок звонка. – Кузина, вы, наверно, хотите пройти к себе и отдохнуть с дороги... Адольф, – обратился он к вошедшему лакею, – пришли сюда няню.

²⁸ Денди – франт, светский щеголь.

Почтенная мулатка, которой так обрадовалась Ева, вошла в комнату.
– Няня, – сказал Сен-Клер, – поручаю эту леди твоим заботам. Она устала и хочет отдохнуть. Покажи мисс Офелии ее комнату и постарайся угодить ей во всем.
И мисс Офелия вышла из будуара следом за няней.

ГЛАВА XVI

Хозяйка Тома и ее воззрения на жизнь

– Итак, Мари, – сказал Сен-Клер, – для вас скоро наступят блаженные времена. Наша практичная, деловитая кузина снимет с ваших плеч бремя домашних забот, и вы будете наслаждаться жизнью. К церемонии передачи ключей можно приступить сейчас же.

Это было сказано за завтраком спустя несколько дней после приезда мисс Офелии.

– Пожалуйста, – проговорила Мари, томно склоняя голову на руку. – Кузина не замедлит убедиться, что мы, хозяйки, – сущие рабыни у себя в доме.

– Правильно! Она откроет не только эту, но и много других полезных истин, – подтвердил Сен-Клер.

– Можно подумать, что мы держим невольников исключительно ради удобства, – продолжала Мари. – А на самом деле куда спокойнее было бы немедленно отделаться от них.

Евангелина подняла на мать свои большие глаза и спросила в простоте душевной:

– А зачем же ты их держишь, мама?

– Сама не знаю. Вероятно, только затем, чтобы доставлять себе лишние мучения. Это мой крест. Я уверена, что они – главная причина всех моих болезней. И таких ужасных негров, как у нас, больше ни у кого нет.

– Перестаньте, Мари, вы просто сегодня не в духе, – сказал Сен-Клер. – Это неверно. Возьмите, например, няню – чудеснейшая женщина! Что бы вы стали делать без нее?

– Няня лучше других, – согласилась Мари. – Но она такая эгоистка, просто ужас! Впрочем, негры все этим отличаются.

– Да, эгоизм – серьезный недостаток, – сдержанно проговорил Сен-Клер.

– Ну разве это не эгоистично с ее стороны так крепко спать по ночам? – воскликнула Мари. – Она прекрасно знает, что когда у меня бывают приступы мигрени, за мной нужен уход, нужно подходить ко мне каждый час, а попробуйте разбудите ее! Это стоит таких трудов, что, например, сегодня утром я чувствую себя совершенно разбитой.

– Мама, а разве она не дежурила около тебя несколько ночей подряд? – спросила Ева.

– Откуда ты это знаешь? – встрепелась Мари. – Она жаловалась тебе?

– Нет, няня не жаловалась, она просто рассказывала, как ты себя плохо чувствовала последнее время.

– Почему вы не посадите вместо нее Джейн или Розу хотя бы на одну-две ночи? – сказал Сен-Клер. – Няне надо отдохнуть.

– И вы можете предлагать это? – возмутилась Мари. – Благодарю вас за внимание, Сен-Клер! Мои нервы так натянуты, что я просто не перенесу, если меня будут касаться чьи-то другие руки. Когда бы няня действительно заботилась обо мне, она бы спала более чутко. Ах, как я завидую людям, у которых есть преданные слуги! – И Мари тяжело вздохнула.

Мисс Офелия слушала внимательно и строго; судя по ее крепко сжатым губам, она не хотела вступать в этот разговор, не уяснив себе предварительно собственной позиции.

– Няня, в сущности, не так уж плоха, – говорила Мари. – Характер у нее ровный, она почтительна, но этот эгоизм! Она только и знает, что терзаться о своем муже. Когда я вышла за Сен-Клера и переехала сюда, мне, конечно, пришлось взять няню с собой, но ее мужа мой отец не мог отпустить. Он кузнец и, естественно, человек нужный в хозяйстве. Я еще тогда говорила, что им нечего надеяться на совместную жизнь. Надо бы, конечно, выдать няню за кого-нибудь другого, а я не настояла на этом и глупо сделала. Воздух отцовской усадьбы мне вреден, и я не смогу туда ездить. Няня прекрасно это знала и все-таки, несмотря на все мои уговоры, не захотела найти себе другого мужа. Она страшно упрямая, только никто этого не замечает, кроме меня.

– У нее есть дети? – спросила мисс Офелия.

– Да, двое.

– Она, вероятно, тоскует по ним?

– Не стану же я держать их здесь! Они такие чумазые и отнимают у нее массу времени. Но няня до сих пор не может с этим примириться и отказывается выходить замуж. Дайте ей волю, и она завтра же уедет к мужу и не посмотрит, что ее хозяйка совсем слабая и больная. Они все такие эгоисты, все без исключения!

– Прискорбный факт, – сухо сказал Сен-Клер.

Мисс Офелия бросила на него быстрый взгляд и подметила, что он вспыхнул и язвительно скривил губы, стараясь подавить раздражение.

– Няня всегда была моей любимицей, – снова заговорила Мари. – Заглянули бы ваши северные служанки в ее платяной шкаф! Сколько у нее всяких нарядов – и шелк и муслин! Даже батистовое платье есть. Я иногда по целым дням отделяю ей какой-нибудь чепец, перед тем как взять ее в гости. Она понятия не имеет, что такое плохое обращение. Секли ее не больше одного-двух раз за всю жизнь. Кофе и чай она пьет каждый день, и даже с сахаром. Это, конечно, сущее безобразие, но Сен-Клер хочет, чтобы слуги у нас были наравне с господами, и они живут в свое удовольствие. Мы их развратили, и отчасти это наша вина, что они такие эгоисты и ведут себя, как избалованные дети. Я уж устала говорить об этом Сен-Клеру.

– А я устал слушать, – сказал Сен-Клер, берясь за утреннюю газету.

Ева, красавица Ева, сидела, устремив на мать не по-детски серьезный взгляд своих синих глаз. Потом она тихонько подошла к ней сзади и обняла ее за шею.

– Что ты, Ева? – спросила Мари.

– Мама, позволь мне поухаживать за тобой... Ну, хоть одну ночь. Я не буду тебя раздражать и не засну. Я часто не сплю по ночам, лежу и думаю...

– Что за вздор, Ева! – воскликнула Мари. – Какой ты странный ребенок!

– Ну позволь, мамочка! – И Ева робко добавила: – Знаешь, няня, должно быть, нездорова, она все время жалуется на головную боль.

– Вот еще выдумки! Твоя няня не лучше других! Негры все такие: чуть что – голова заболит или палец уколует, – и они уже разохались. Им нельзя потакать, ни в коем случае нельзя! На этот счет я держусь твердых правил. – Она обратилась к мисс Офелии: – Вы сами убедитесь, насколько это необходимо. Позвольте негру хоть раз пожаловаться на какое-нибудь пустяковое недомогание, и все кончено – с ним не оберетесь хлопот. Я, например, никогда не жалею на плохое самочувствие. Никто не знает, какие страдания мне приходится испытывать. Но я считаю своим долгом сносить их молча и сношу без единого слова жалобы.

Мисс Офелия так широко открыла глаза, выслушав это неожиданное заявление, что Сен-Клер не выдержал и расхохотался.

– Стоит мне только намекнуть на свое плохое здоровье, и Сен-Клер не находит ничего лучшего, как смеяться надо мной! – тоном мученицы проговорила Мари. – Придет день, когда он пожалеет об этом. – И она прижала платок к глазам.

Наступило молчание, довольно неловкое. Наконец Сен-Клер поднялся, взглянул на часы и сказал, что ему нужно уйти по делам. Ева выскользнула из комнаты следом за ним. Мисс Офелия и Мари остались наедине.

– Сен-Клер всегда такой, – сказала последняя, резким движением отнимая платок от лица, как только преступник, на которого этот платок должен был воздействовать, скрылся из виду. – Он не отдает себе отчета, он не понимает, не может понять, как я страдаю все эти годы!

Мисс Офелия не знала, что полагается говорить в таких случаях.

Пока она раздумывала над этим, Мари вытерла слезы, оправила перышки, словно голубка после дождя (если такое сравнение дозволительно), и перешла к беседе на хозяйственные темы, посвящая мисс Офелию в тайны буфетов, кладовых, чуланов, комодов и прочих хранилищ, которыми последняя должна была отныне заведовать. Посвящение это сопровождалось таким количеством советов и наставлений, что у другого человека, менее делового и методичного, давно бы голова пошла кругом.

– Ну, кажется, я все вам рассказала, – закончила Мари. – Теперь, когда у меня начнутся приступы мигрени, вы прекрасно обойдетесь без моей помощи. Да, вот еще Ева... за ней нужен глаз да глаз.

– По-моему, Ева прекрасная девочка, – сказала мисс Офелия. – Лучше, кажется, и быть не может.

– Ева очень странный ребенок. У нее столько всяких причуд! Она ни капельки на меня не похожа. – И Мари вздохнула, сожалея о столь прискорбном факте.

Мисс Офелия подумала: «И слава богу!», – но благоразумно оставила эту мысль при себе.

– Ева любит общество прислуги. Некоторым детям это даже полезно. Я, например, всегда играла дома с негритами, и ничего плохого в этом не было. Но Ева держится с ними, как с равными! Я ничего не могу с ней поделать, а Сен-Клер, кажется, поощряет ее чудачества. Вообще он потакает всем в доме, кроме собственной жены.

Мисс Офелия по-прежнему хранила глубокое молчание.

– Прислугу надо держать в строгости, – продолжала Мари. – Я с детства знала, как с ней обращаться. А Ева способна избаловать всех негров без исключения. Что будет, когда она сама станет хозяйкой, просто не представляю! Я не сторонница жестокого обращения с неграми, но они должны знать свое место. Ева не умеет поставить себя с ними. Ей этого никак не втолкуешь. Вы сами слышали – ведь она предлагала дежурить около меня по ночам, чтобы дать няне выспаться. Вот вам пример, на что эта девочка способна, если ее не сдерживать вовремя.

– Ваши негры, как-никак, люди, – резко сказала мисс Офелия, – им тоже требуется отдых.

– Ну разумеется! Но няня всегда найдет время поспать. Я такой сони в жизни не видывала! Она ухитряется дремать сидя, стоя, за шитьем – когда и где угодно. В этом отношении за няню можно не беспокоиться. Но зачем носиться со слугами, будто это какие-то тропические цветы или драгоценный фарфор! – И, сказав это, Мари томно опустилась на широкий, весь в мягких подушках диван и протянула руку к изящному хрустальному флакончику с нюхательными солями.²⁹ – Должна вам признаться, кузина, что мы с Сен-Клером часто расходимся во взглядах, – продолжала она жеманным голосом. – Сен-Клер никогда не понимал меня, не отдавал мне должного. Я думаю, что это и подорвало мое здоровье.

Мисс Офелия, которая, подобно всем уроженкам Новой Англии, обладала немалой долей осторожности и больше всего на свете боялась вмешиваться в чужие семейные дела, почувствовала, что сейчас ей именно такая опасность и угрожает. Поэтому она придала своему лицу выражение полной безучастности, вытащила из кармана длинный-предлинный чулок, который был у нее всегда наготове против наваждений дьявола, имеющего привычку улавливать людей в свои сети в ту минуту, когда руки у них ничем не заняты, и яростно заработала спицами. Ее плотно сжатые губы говорили яснее ясного: «Вы не вырвете из меня ни одного слова. Я ни во что не желаю вмешиваться». Но Мари это не смутило. Наконец-то нашелся человек, с которым можно поговорить, человек, которому следует рассказать все! И, подкрепляя себя время от времени нюхательными солями, она продолжала:

– Когда мы с Сен-Клером поженились, я принесла ему в приданое и капитал и негров, и никто не может лишить меня права распоряжаться моей собственностью. У Сен-Клера есть свое имущество, свои слуги, пусть поступает с ними как угодно, но ему этого мало – он вмешивается в мои дела. Я не могу примириться с такими дикими взглядами на жизнь, а уж что касается его отношения к неграм, так это для меня совершенно непонятно. Он с ними больше считается, чем со мной и даже с самим собой. Они вертят им, как хотят, а ему хоть бы что. Ведь у нас в доме их никто не смеет ударить, кроме него самого и меня. А вы понимаете, к чему это приводит? Сен-Клер пальцем их не тронет, что бы ни случилось, а я... где уж мне! Разве от меня можно требовать такого напряжения сил? Вы ведь знаете, что такое негры – это дети, настоящие дети.

– Я, слава богу, понятия о них не имею, – отрезала мисс Офелия.

– Поживете здесь, будете иметь понятие, и вам это дорого обойдется. Что может быть хуже негров? Они глупые, неблагодарные, беспечные, как дети!

²⁹ Нюхательные соли – порошок с резким запахом, который применялся как средство от дурноты.

Откуда только у Мари брались силы, когда она заводила разговор на эту тему! От ее былой томности не осталось и следа.

– Разве господь не сотворил всех людей одинаковыми? – спросила мисс Офелия:

– Ну что вы! Такие слова смешно слушать! Негры принадлежат к низшей расе. Сен-Клер старается мне внушить, будто няня так же тяжело переживает разлуку с мужем, как переживала бы я, если б нам пришлось жить врозь. Но какое же тут может быть сравнение! Няня неспособна на глубокие чувства, а Сен-Клер не желает этого понять. Его послушать, так получается, будто няня любит своих замарашек не меньше, чем я люблю Еву!

Боясь, как бы не сказать чего-нибудь лишнего, мисс Офелия умолкла и быстро заработала спицами, и будь ее собеседница хоть чуточку понаблюдательнее, она поняла бы всю многозначительность этого молчания.

– Надеюсь, теперь вы понимаете, какой челядью вам придется командовать? Порядка у нас в доме нет, слуги делают все, что им заблагорассудится, и ни в чем не встречают отказа. Я, конечно, стараюсь держать их в узде по мере своих слабых сил и иной раз пускаю в ход плетку, но меня это так утомляет! Вот если б Сен-Клер поступал, как все...

– То есть?

– То есть посылал бы наших негров в каталажку или куда-нибудь еще, где их наказывают плетьюми. Другого выхода нет! Вы сами убедитесь, что с такими негодьями, бездельниками нужна строгость и строгость.

– Старая песня! – сказал Сен-Клер, входя в комнату. – Но вы только подумайте, кузина, – с этими словами он лег на кушетку, – мы подаем нашим слугам такой благой пример, а они почему-то продолжают бездельничать!

– Да, на вас, рабовладельцах, лежит огромная ответственность, – сказала мисс Офелия, – и я ни за какие сокровища в мире не согласилась бы стать на ваше место. Невольников надо учить, с ними надо обращаться, как с разумными существами.

В эту минуту во дворе послышался веселый смех. Сен-Клер поднялся с кушетки, отдернул шелковую штору и тоже рассмеялся.

– Что там такое? – спросила мисс Офелия.

Во дворе на дерновой скамейке сидел Том; в петлицах его куртки торчали веточки жасмина, а весело смеющаяся Ева надевала ему на шею гирлянду из роз. Сделав свое дело, девочка, словно воробушек, вспорхнула Тому на колени и снова залилась веселым смехом.

– Какой ты смешной, дядя Том!

А Том улыбался своей маленькой хозяйке спокойной, доброй улыбкой и был, видимо, не меньше ее доволен всем этим.

– Огюстен, как вы допускаете подобные вещи! – воскликнула мисс Офелия.

– А что тут плохого? – удивился Сен-Клер.

– По-моему, это просто ужасно!

– Вот вы какие, северяне! Я не раз замечал, насколько сильно в вас отвращение к неграм. Признайтесь, кузина, что это так! Вы относитесь к ним с брезгливостью, будто перед вами жаба или змея, и в то же время заступаете за них. Вас возмущает жестокое обращение с неграми, но иметь с ними дело – нет, об этом вы даже думать не можете! Отправить их куда-нибудь с глаз долой, в Африку, а там пусть с ними возятся миссионеры!³⁰ Ну, скажите, прав я или нет?

– Да, – задумчиво проговорила мисс Офелия, – пожалуй, вы правы.

Жизнь Тома складывалась так, что ему как будто не на что было пожаловаться. Ева упростила отца отдать ей нового кучера в полное ее распоряжение, и когда девочку надо было сопровождать на прогулку, Тому разрешалось бросать все другие дела и следовать за мисс Евой. Сен-Клер придавал большое значение внешнему виду своих слуг, и Том был одет хоть куда: костюм тонкого сукна, с белоснежными манжетами и воротничком, кастановая шляпа, лакированные сапоги. На конюшне ему почти ничего не приходилось делать, всю работу выполнял его помощ-

³⁰ Миссионер – проповедник, насаждающий христианскую религию в нехристианских (главным образом колониальных) странах.

ник, ибо хозяйка заявила, что она не потерпит, если от ее кучера будет пахнуть лошадьми.

Однажды в воскресное утро Мари Сен-Клер, одетая по-праздничному, стояла на веранде, застегивая бриллиантовый браслет. Шелк, кружева, драгоценности – всем этим она собиралась блеснуть в церкви. По воскресеньям Мари проявляла особенное благочестие. Сколько грации, сколько изящества было в этой тонкой фигурке, окутанной, словно облаком, кружевной мантилей! Какая плавность движений! Мари чувствовала себя необычайно элегантной и была в прекрасном расположении духа. Мисс Офелия являла собой полную противоположность ей. Не подумайте, что у мисс Офелии не было такого же роскошного шелкового платья, такой же шали и такого же тонкого носового платка, – нет, контраст создавался ее угловатостью и чопорностью, что особенно резко подчеркивало изящество молодой женщины, стоявшей рядом с ней.

– Где Ева? – спросила Мари.

– Она задержалась на лестнице поговорить с няней.

Послушаем, о чем же Ева разговаривает с няней, стоя на лестнице.

– Няня, душечка, у тебя опять болит голова?

– А вы не беспокойтесь, мисс Ева, господь с вами! Ведь у меня теперь голова изо дня в день болит.

– Я рада, что ты поедешь в церковь, няня! – И девочка обняла ее. – Возьми мой флакон, будешь нюхать дорогой.

– Ваш золотой флакон с драгоценными камешками? Да что вы, мисс Ева, разве можно!

– Можно, можно! Тебе он понадобится, а мне нет. Мама всегда нюхает соли, когда у нее болит голова, и тебе тоже полегчает. Ну, сделай мне такое удовольствие, возьми!

– Чего она только не придумает, моя крошечка! – воскликнула няня.

А Ева сунула флакон ей за пазуху, расцеловала ее и помчалась вниз по ступенькам.

– Почему ты задержалась?

– Я дала няне свой флакон с солями, пусть возьмет его с собой в церковь.

– Ева! – Мари сердито топнула ногой. – Отдать свой золотой флакон няне! Когда ты наконец поймешь, что можно делать и чего нельзя! Сию же минуту возьми его назад!

Ева грустно повесила голову и побрела в дом.

– Мари, оставьте ребенка в покое. Пусть поступает, как хочет, – сказал Сен-Клер.

– Кузен, вы поедете с нами в церковь? – спросила мисс Офелия, круто поворачиваясь к нему.

– Нет, благодарю вас, не поеду.

– Сен-Клер, вы хоть бы раз в жизни съездили! – сказала Мари. – В вас нет никакого религиозного чувства. Это просто неприлично!

– Со слугами надо быть приветливой, ровной, Евангелина, – наставляла Мари Сен-Клер свою дочь по дороге в церковь, – но обращаться с ними, как с родственниками, как с людьми, равными нам по положению, совершенно непозволительно! Если б няня заболела, неужели ты бы уложила ее к себе в постель?

– Я бы с удовольствием это сделала, мамочка, – сказала Ева, – потому что тогда мне легче было бы ухаживать за ней, и постель у меня мягче, чем у нее.

Полное отсутствие у дочери моральных устоев привело Мари в отчаяние.

– Что мне сделать, чтобы этот ребенок наконец понял меня?

– Ничего тут не поделаешь, – многозначительно ответила мисс Офелия.

Ева смутилась и приуныла, но к счастью, дети неспособны задерживаться подолгу на одном впечатлении, и через несколько минут она уже весело смеялась над чем-то, глядя в окно кареты.

– Ну-с, чем вас развлекали в церкви? – спросил Сен-Клер, когда вся семья собралась за обеденным столом.

– Проповедь была прекрасная! – ответила Мари. – Вам не мешало бы ее послушать. Проповедник будто повторял все мои мысли!

– Представляю себе, как это было поучительно! – сказал Сен-Клер.

– Да, он доказывал, что все разграничения в обществе созданы по воле божьей и что разли-

чие между высшими и низшими справедливо, ибо одним суждено от рождения повелевать, а другим – повиноваться. Если б вы слышали сегодняшнюю проповедь, вам стало бы ясно, насколько нелепы все возражения против рабства и насколько убедительны все доводы в его защиту, которые приводятся в библии.

– Нет, увольте! – сказал Сен-Клер. – То, о чем вы говорите, я с таким же успехом могу почерпнуть из газет, да еще выкурить при этом сигару, чего в церкви делать не дозволено.

– Но позвольте, Огюстен, – вмешалась в их разговор мисс Офелия, – разве вы не разделяете взглядов проповедника?

– Кто, я? Если б меня попросили изложить свое мнение о системе рабства, я бы сказал честно: «Мы владеем рабами и не собираемся отказываться от своих прав, ибо это отвечает нашим интересам, вот и все». Благодетельная болтовня сводится в конце концов к тому же самому. И я надеюсь, что меня поймут.

– Но все-таки, вы считаете рабство злом или нет?

– Ваша прямолинейность, кузина, просто ужасает меня! Каюсь, я на такое неспособен! – со смехом воскликнул Сен-Клер. – Вы лучше представьте себе на минутку, что цена на хлопок почему-либо упала раз и навсегда и рабовладение становится для нас обузой. Будьте уверены – соответственно с этим изменится и толкование библейских текстов! Церковь не замедлит прозреть истину, призвав на помощь здравый смысл и ту же библию.

– Как бы там ни было, – протянула Мари, ложась на кушетку, – а я благодарю судьбу, что родилась в стране, где существует рабовладение. По-моему, ничего плохого в нем нет, и я не знаю, как бы мы без него жили.

ГЛАВА XVII

Как отстаивают свободу

К вечеру в доме Симеона Хеллидэя начались неторопливые сборы. Рахиль спокойно ходила из комнаты в комнату, отбирая из своих запасов то, что можно было уложить в небольшой баул и дать с собой путникам, которые ночью должны были оставить их дом. Вечерние тени протянулись на восток, багровый шар солнца словно в раздумье медлил на горизонте, засылая свои мягкие желтоватые лучи в маленькую спальню, где сидели Элиза с мужем Джордж держал ребенка на коленях, рука жены лежала в его руке. Лица у них были задумчивые, серьезные, на щеках еще не успели высохнуть слезы.

– Да, Элиза, – говорил Джордж, – в твоих словах сама правда. Ты лучше, гораздо лучше меня. Я постараюсь сделать по-твоему. Постараюсь быть достойным своей свободы.

– Когда мы попадем в Канаду, – сказала Элиза, – я тоже буду работать. Ведь я умею шить, умею стирать и гладить самое тонкое белье. Вдвоем мы как-нибудь перебьемся.

– Да! Пока мы вместе, нам ничто не страшно. Элиза, если б мои враги знали, какое это счастье иметь семью! Я теперь чувствую себя таким богачом, таким сильным, а ведь нам не на что надеяться, кроме как на собственные руки. Я работал всю свою жизнь, но у меня нет ни цента в кармане, ни клочка земли, ни крыши над головой. И все же я ни на что не жалею, лишь бы нас оставили в покое. Я буду работать и заплачу мистеру Шелби за тебя и сына. А мой хозяин давно окупил все свои расходы на меня. Я ему ничего не должен.

– Мы еще не избавились от опасности, – напомнила Элиза, – Канада еще далеко.

– Это верно, но мне уже кажется, что я чувствую ветер свободы у себя на лице, и если б ты знала, сколько у меня теперь сил!

В соседней комнате слышались голоса, потом в дверь постучали. Элиза вздрогнула и пошла открывать.

На пороге стоял Симеон Хеллидэй и с ним какой-то долговязый рыжий детина, судя по виду – человек хитрый и с большой сметкой.

– Это наш друг Финеас Флетчер, – представил его Хеллидэй, – он привез кое-какие новости, важные для тебя и для твоих спутников, Джордж. Послушай, что он рассказывает.

– Да, я кое-что узнал, – сказал Флетчер. – Иной раз бывает невредно держать ушки на ма-

кушке. Нынче ночью заехал я в одну маленькую захолустную гостиницу. Помнишь, Симеон, мы в прошлом году продали там яблоки хозяйке. Она толстая такая, с большими серьгами. Ну вот! С дороги я устал, поужинал поскорее, укрылся буйволовою шкурой и прилег на мешках в углу, куда мне готовили постель. И что вы думаете? Заснул крепким сном!

– А ушки на макушке, Финеас? – спокойно спросил Симеон.

– Нет, часа два я спал как убитый, уж очень умаялся, а потом приоткрыл глаза и вижу – сидит за столом компания, винцо попивает. Дай-ка, думаю, послушаю, о чем у них беседа идет. Один и говорит: «Они здесь неподалеку, в ближайшем поселке». Вот тут-то я и наострил уши и вскорости понял, что речь идет о нас, о квакерах. Мало-помалу они выложили все свои планы и намерения. Молодого мулата, видите ли, надо отправить в Кентукки, к хозяину, который так его проучит, что это и у других рабов отобьет охоту бегать. Его жену двое из этой компании отвезут в Новый Орлеан на рынок и продадут за тысячу шестьсот – тысячу восемьсот долларов, а ребенком завладеет торговец, который его купил. Джима со старухой тоже вернут хозяину в Кентукки. Все это они собираются обделать с помощью двух полисменов из соседнего городка, причем женщину сначала потащат в суд, и там один из этих молодцов, плюгавый такой, зато самый речистый, присягнет, что она принадлежит ему. Они прекрасно знают, какой дорогой мы поедем, и собираются напасть на нас вшестером, а то и больше. Так вот, что же нам теперь делать?

Группа, молча слушавшая Финеаса, поистине была достойна кисти художника. Рахиль Хеллидэй бросила месить тесто и в ужасе воздела кверху белые от муки руки. Симеон стоял, глубоко задумавшись. Элиза обняла мужа и не отрывала глаз от его лица. Джордж стиснул кулаки, глаза у него горели недобрым огнем, но чего же можно ждать от человека, который узнал, что его жену собираются продать с аукциона, а сына – отдать работоторговцу, и все с благословения законов этой «богоспасаемой» страны!

– Что же нам теперь делать, Джордж? – прошептала Элиза.

– Я знаю, что мне делать, – сказал Джордж и, выйдя в соседнюю комнату, стал осматривать свои пистолеты.

– Э-э, Симеон! – Финеас мотнул головой в сторону Джорджа. – Видишь, к чему дело клонится?

– Вижу, – вздохнул тот. – Молю бога, чтобы до этого не дошло.

– Я никого не хочу впутывать в свои дела, – сказал Джордж. – Дайте мне тележку, укажите дорогу, и мы одни доедем до следующей станции. Джим – силач, храбрец, меня тоже никто не назовет трусом...

– Это все хорошо, друг, – перебил его Финеас, – но без провожатого тебе не обойтись. Подрасться ты сможешь, в этом мы не сомневаемся, а что касается дороги – положишься лучше на меня.

– Я не хочу, чтобы у вас были неприятности, – сказал Джордж.

– Неприятности? – повторил Финеас, и в глазах у него мелькнул лукавый огонек. – А ты меня заранее уведоми, когда они начнутся, эти неприятности.

– Финеас человек умный, бывалый, – сказал Симеон. – Послушайся его и... – ласково тронув Джорджа за плечо, он показал на пистолеты, – и не торопись пускать это в ход. Молодая кровь горяча.

– Я не стану нападать первым, – сказал Джордж. – Я прошу только одного: чтобы эта страна отпустила меня с миром. Но... – Он замолчал, сдвинув брови, и лицо его передернулось. – В Новом Орлеане продали на рынке мою сестру, теперь и жену мою ждет та же участь. Неужели же я покорюсь этому? Нет! Я буду бороться за жену и сына до последнего вздоха! И кто из вас осудит меня?

– Тебя никто не осудит, Джордж. Ты повинуешься голосу сердца и крови, – сказал Симеон.

– Так давайте же трогаться в путь, надо торопиться!

– Я поднялся ни свет ни заря и лошадей не жалел. Думаю, что часа два-три у нас есть в запасе, если эти молодцы выедут, как собирались. Во всяком случае, засветло ехать опасно, надо ждать темноты. В поселках, через которые нам придется проезжать, есть дрянные люди. Чего доброго, привяжутся с расспросами. Уж лучше здесь задержаться часа на два, чем в дороге. Я

сейчас сбегая к Майклу Кроссу, скажу, чтобы выезжали немного погодя после нас. Он, если увидит погоню, предупредит. Конь у него добрый, другого такого коня ни у кого нет. Джиму со старухой тоже надо сказать, чтобы собирались, а заодно я и лошадей достану. Время у нас есть, успеем добраться до места без всякой помехи. Так что не беспокойся, друг Джордж. Мне не в первый раз выручать таких, как ты. – И с этими словами Финеас вышел.

– Финеас – стреляный воробей, – сказал Симеон. – Можешь на него положиться, Джордж, он все сделает, что нужно.

– Я только одного боюсь: как бы вас не подвести.

– Сделай мне такое одолжение, друг мой, не говори больше об этом! Мы не можем поступать иначе – так велит нам совесть... Мать, – обратился он к Рахили, – а ты поторапливайся – не отпускать же нам гостей голодными!

И пока Рахиль и дети пекли пирог, жарили курицу, свинину и тому подобную снедь, Джордж и Элиза сидели, обнявшись, в своей маленькой комнатке и говорили так, как могут говорить муж и жена, когда они знают, что им угрожает разлука на всю жизнь.

– Элиза, – говорил Джордж, – люди, у которых есть друзья, дом, земля, деньги, не могут любить друг друга сильнее, чем любим мы с тобой. Ведь у нас больше ничего нет. Меня любили мать и сестра, обе несчастные, истерзанные горем. Я помню Эмили в то утро, когда работорговец должен был увезти ее. Она прокралась ко мне тайком и сказала: «Бедный Джордж, последний твой друг уходит от тебя! Что с тобой станет?» Я обнял ее, заплакал, и она тоже заплакала. И это были последние ласковые слова, которые мне пришлось услышать. За десять лет, что протекали с тех пор, сердце мое очерствело, высохло, но потом я встретил тебя, и твоя любовь дала мне новую жизнь. С тех пор я стал другим человеком. И теперь, Элиза, я буду отстаивать тебя до последней капли крови. Тот, кто захочет отнять у меня жену, должен будет переступить через мой труп.

– Господи, сжался над нами! – рыдая, проговорила Элиза. – Дай нам уйти вместе из этой страны – больше мы ничего не просим!

Вошла Рахиль и, ласково взяв Элизу за руку, повела ее ужинать. Когда все уселись за стол, в дверь негромко постучали. Появилась Руфь.

– Я на минутку, – сказала она. – Принесла чулки мальчику. Вот смотрите – три пары, теплые, шерстяные. Ведь в Канаде холодно. А вам не страшно ехать? – Руфь подошла к Элизе, горячо пожала ей руку и сунула Гарри мятный пряник. – Я ему много напекла таких пряников, – сказала она, вытаскивая из кармана целый пакет. – Дети любят сласти.

– Спасибо вам! Какая вы добрая!

– Руфь, садись поужинай с нами, – сказала Рахиль.

– Нет, никак не могу. Я оставила на попечение Джона ребенка и пирожки. Разве мне можно задерживаться? Пирожки у него сгорят, а малыш непременно объестся сахаром. Прощайте, Элиза, прощайте, Джордж! Счастливого пути! – И с этими словами Руфь упорхнула.

Вскоре после ужина к двери подъехал большой крытый фургон. Ночь была безоблачная, звездная. Финеас спрыгнул с передка в ожидании своих пассажиров. Джордж появился на крыльце вместе с Элизой, неся на руках ребенка. Шаг у него был твердый, взгляд смелый, решительный. Следом за ними вышли Рахиль и Симеон.

– Сойдите на минуточку, – обратился Финеас к тем, кто сидел в фургоне. – Я сначала устрою женщин и ребенка.

– Финеас, возьми вот эти две шкуры, – сказала Рахиль. – Уложи их там поудобнее. Ведь ехать придется всю ночь.

Джим вылез из фургона и заботливо высадил свою старуху мать, которая цеплялась за него, испуганно озираясь по сторонам, словно погоня вот-вот должна была нагрянуть.

– Джим, пистолеты у тебя заряжены? – тихо спросил Джордж.

– Заряжены, – ответил Джим.

– Ты твердо знаешь, что тебе надо делать, если нас настигнут?

– Сомневаться не приходится, – сказал Джим, с глубоким вздохом расправляя свои могучие плечи. – Неужто я расстанусь с матерью во второй раз?

Пока они говорили между собой, Элиза успела проститься со своим добрым другом Рахилью Хеллидэй и, забравшись с помощью Симеона в фургон, села вместе с Гарри в самую его глубь на буйволобые шкуры. Следом за ней усадили старуху; Джим и Джордж поместились на деревянном сиденье лицом к ним, а Финеас вскочил на передок.

– В добрый час, друзья! – крикнул Симеон.

– Да благословит вас бог! – хором ответили ему путники.

Фургон тронулся, гроыхая колесами по подмерзшей дороге. Грохот и тряска не располагали к разговору, и наши беглецы молча ехали темными перелесками, широкими голыми полями, поднимались на холмы, спускались в долины. Часы бежали один за другим. Ребенок вскоре заснул у матери на коленях, несчастная старуха мало-помалу успокоилась, и даже Элиза забыла о своих страхах и закрыла в дремоте глаза. Один Финеас был бодр по-прежнему и коротал время, насвистывая какую-то веселую песенку.

Но часов около трех Джордж уловил вдали быстрое цоканье подков и тронул Финеаса за локоть. Тот остановил лошадей, прислушался и сказал:

– Это Майкл, его лошадь так скачет.

Джордж и Джим, не раздумывая, выскочили из фургона и замерли в напряженном молчании. Цоканье приближалось с каждой минутой. И наконец на вершине холма они увидели всадника.

– Так и есть, он! – сказал Финеас и крикнул: – Майкл!

– Это ты, Финеас?

– Я! Ну, что скажешь – догоняют?

– Совсем близко. Человек восемь-десять, пьяные, горланят, злющие, как волки.

И не успел он договорить, как ветер донес издали еле слышный топот мчащихся во весь опор лошадей.

– Садись, живо! – крикнул Финеас. – Если уж вы решили драться, так надо отъехать по-дальше.

Джордж и Джим в мгновение ока очутились на своих местах. Финеас стегнул лошадей, и фургон в сопровождении Майкла загрохотал по дороге, подскакивая на кочках. Погоня приближалась. Женщины услышали ее и, выглянув из фургона, увидели вдали, на гребне холма, группу всадников, которая четко вырисовывалась на фоне розовеющего неба. Через несколько минут преследователи, очевидно, разглядели фургон с белым брезентовым верхом, и беглецы услышали их торжествующие крики. Элиза, почти теряя сознание, припала к ребенку, старуха с громкими стонами бормотала слова молитв, а Джордж и Джим сжимали в руках пистолеты. Погоня была уже совсем близко. И вдруг фургон круто свернул к подножию отвесной скалы, которая одиноко возвышалась над длинной каменистой грядой, чернея на светлеющем небе. Финеас с давних пор знал это место и спешил добраться до него в надежде, что здесь беглецы найдут спасение.

– Вылезайте! – крикнул он, разом осаживая лошадей и соскакивая на землю. – Все за мной вон на ту скалу. Майкл, привяжи своего коня к фургону, мчись к Амарию, пусть он со своими ребятами гонит сюда – побеседовать с этими молодчиками.

Фургон опустел мгновенно.

– Помогайте женщинам! – командовал Финеас, хватая на руки Гарри. – И бегите, бегите что есть сил!

Уговаривать их не пришлось. Быстрее, чем это можно передать словами, беглецы перелезли через изгородь и бросились к тропинке. Майкл спрыгнул с седла, привязал повод своего коня к задку фургона и пустил лошадей вскачь.

– За мной! – крикнул Финеас, когда при слабом свете тускнеющих звезд перед ними обо-

значилась тропинка, поднимавшаяся между скал.

С ребенком на руках Финеас прыгал с камня на камень, словно горный козел. Джим бежал следом за ним, неся на спине старуху мать, Джордж и Элиза не отставали от них. Верховые с криками и бранью подскакали к изгороди и спешили. Но беглецы были уже у самой вершины каменистой гряды. Отсюда тропинка шла узким ущельем. Они двигались поодиночке, и вдруг перед ними открылась расселина шириной по меньшей мере в три фуга. Финеас легко перепрыгнул через нее и опустил Гарри на поросшую кудрявым белым мхом плоскую вершину скалы.

– За мной! – повторил он. – Прыгайте, кому жизнь дорога!

И все, один за другим, перепрыгнули через расселину. Глыбы камней, окаймлявших площадку, скрыли их с головой.

– Ну, вот и добрались! – сказал Финеас, заглядывая вниз на карабкающихся по тропинке преследователей. – Они хотят изловить нас, ну что ж, посмотрим, что из этого выйдет. Тем, кто сунется сюда, придется идти гуськом между вот этими двумя скалами, и они будут у вас на прицеле, друзья. Видите?

– Вижу, – сказал Джордж, – и поскольку речь идет о нашей судьбе, мы и схватимся с ними, а вы не вмешивайтесь.

– Схватывайся, Джордж, сколько твоей душе угодно, – сказал Финеас, – но ведь полюбоваться на вашу драку не возбраняется? Смотри, они, видно, держат между собой совет, поглядывая сюда, точно куры на нашест. Ты бы лучше предупредил этих молодцев повежливее, что их здесь ждет.

— *Клянусь вам, мы будем биться за нашу свободу до последнего вздоха!..*

Группа на тропинке, ясно различимая теперь, при свете утренней зари, состояла из наших старых знакомцев – Тома Локкера и Мэркса, двух полисменов и нескольких забулдыг, которых нанимают за бутылку спиртного на веселую охоту за неграми.

– Ну, Том, теперь твои черномазые не улизнут, – послышалось снизу.

– Я видел, как они туда карабкались, – сказал Том. – Вот по этой тропинке. Ну, пошли! Оттуда, небось, не спрыгнешь. Мы их всех переловим.

– А что, если они будут стрелять из-за камней? – сказал Мэркс. – Это ведь грозит неприятностями.

– Гм! – хмыкнул Локкер. – Мэркс только о своей шкуре и думает. Не бойся! У этих негров, должно быть, душа в пятки ушла от страха.

– Почему бы мне и не думать о своей шкуре? – сказал Мэркс. – Это лучшее, что у меня есть. А дерутся они иной раз, как черти.

В эту минуту Джордж появился на вершине скалы и заговорил спокойно и отчетливо:

– Джентльмены, кто вы такие и что вам нужно?

– Нам нужны беглые негры, – сказал Том Локкер. – А именно: Джордж Гаррис, Элиза Гаррис, их сын, Джим Селден и старуха негритянка. Мы не одни, а с полисменами, и у нас есть ордер на арест. Слышал? Ты, наверно, и есть Джордж Гаррис, невольник мистера Гарриса из округа Шелби, штат Кентукки?

– Да, я Джордж Гаррис, и некий мистер Гаррис из штата Кентукки действительно считал меня своей собственностью. Но теперь я свободный человек, стою на свободной земле, и со мной здесь моя жена и мой ребенок. Джим с матерью тоже здесь. При нас оружие, и мы будем защищаться. Поднимитесь сюда, если сможете, но предупреждаю вас: первый, кто приблизится к нам на расстояние выстрела, получит пулю, и мы перестреляем вас всех до одного.

– Брось, брось, голубчик! – сказал толстый, коротконогий полисмен, выступая вперед и громко сморкаясь. – Не годится так разговаривать. Мы блюстители порядка. На нашей стороне закон, власть и тому подобное, так что советую тебе не тянуть и сдаваться сразу.

– Я прекрасно понимаю, что закон и власть на вашей стороне, – с горечью воскликнул Джордж. – Вы намереваетесь продать мою жену на новоорлеанском невольничьем рынке, моего сына посадить, как теленка, в загон, а мать Джима отошлете хозяину, который бил ее, издевался над ней, вымещая на старухе свою злобу, потому что не мог добраться до ее сына. Вы хотите, чтобы мы с Джимом покорились тем, кого вы называете нашими господами, и претерпели от них муки. Что ж, таков закон! Но попробуйте возьмите нас! Мы не признаем ваших законов, мы отказываемся от вашей страны. Мы свободные люди и будем отстаивать свою свободу до последней капли крови!

Провозглашая эту декларацию независимости, Джордж стоял у всех на виду. Заря бросала розовые отблески на смуглое лицо молодого мулата, отчаяние и горечь зажгли огнем его темные глаза.

Горделивая осанка, взгляд и голос Джорджа, видимо, произвели впечатление на стоявших внизу, ибо они замолчали. Отвага и решительность действуют даже на самые грубые натуры. Один только Мэркс остался верен себе. Он не спеша взвел курок и выстрелил в Джорджа.

– В Кентукки за него заплатят одинаково – что за мертвого, что за живого, – хладнокровно сказал он, вытирая пистолет о рукав.

Джордж отпрянул назад, Элиза вскрикнула. Пуля пролетела на волосок от них обоих и угодила в ствол дерева.

– Ничего, Элиза, – быстро проговорил Джордж.

– Уж если ты хочешь разглагольствовать, стань так, чтобы тебя не видели! – проворчал Финеас. – С кем ты имеешь дело? С подлецами.

– Ну, Джим, – сказал Джордж, – проверь пистолеты и держи тропинку под прицелом. В первого, кто на ней покажется, стреляю я, во второго – ты, и так далее. По два выстрела на одного тратить нельзя.

– А если ты промахнешься?

– Не промахнусь, – спокойно сказал Джордж.

– Вот это я понимаю – характер! – пробормотал Финеас.

После того как Мэркс выстрелил, внизу наступило некоторое замешательство.

– Кажется, попал, – проговорил кто-то из его подручных. – Мне послышалось, будто крикнули.

– Ну, я полезу, – сказал Том Локкер. – Негров я никогда не боялся и сейчас не испугаюсь. Кто за мной? – И он стал карабкаться вверх по камням.

Джордж ясно слышал эти слова. Он вынул из-за пояса пистолет и прицелился в ожидании первой мишени.

Какой-то смельчак полез на скалу следом за Локкером и показал пример остальным. Прошла минута, и на самом краю расселины выросла грузная фигура Тома.

Джордж выстрелил. Пуля попала Тому в бедро, но он не хотел отступать и, взревев, словно бешеный бык, перепрыгнул через расселину.

– Тебя сюда не звали, приятель, – сказал Финеас, быстро подавшись вперед и толкая его своими длинными руками.

И Локкер полетел в пропасть сквозь кусты, деревья, по острым камням. Падение с высоты тридцати футов кончилось бы для него плохо, но он зацепился одеждой за ветку большого дерева и только благодаря этому и уцелел.

– Помилуй нас бог, да это сущие дьяволы! – крикнул Мэркс и со всех ног бросился вниз,

проявляя при спуске гораздо большую прыткость, чем при подъеме.

Остальные, в том числе и окончательно запыхавшийся толстяк полисмен, гурьбой устремились за ним.

– Знаете что, ребята, – сказал Мэркс, – вы обойдите кругом и подберите Тома, а я поеду за подмогой.

И, не обращая внимания на крики и улюлюканье своих товарищей, он вскочил в седло и был таков.

– Вот прохвост бесстыжий! – возмутился один из полисменов. – Мы сюда по его же милости приехали, а он дал тягу и бросил нас!

– Все-таки того подобрать надо, – сказал другой. – Хотя, по правде говоря, мне все равно, жив он или подох.

Прислушиваясь к стонам и ругани Локкера, они добрались до него сквозь густые заросли кустарника, поваленные деревья и обломки скал.

– Ты что так кричишь, Том? Сильно тебя ранило? – спросил один из них.

– Ох, не знаю... Будь он проклят, этот квакер! Что же вы стали! Поднимите меня!

Поверженного героя подняли с большим трудом и повели под руки к лошадям.

– Помогите мне добраться до гостиницы. Кровь так и хлещет... дайте платок, что ли... перевязать рану.

Выглянув из-за скалы, Джордж увидел, что полисмены стараются посадить Локкера в седло. После двух-трех неудачных попыток тот зашатался и тяжело рухнул на землю.

– Неужели умер? – воскликнула Элиза, которая вместе со всеми наблюдала за тем, что делалось внизу.

– Ну что ж, и поделом ему, – сказал Финеас. – Смотрите! Да они, кажется, решили его бросить!

И в самом деле, постояв несколько минут в нерешительности и посоветовавшись между собой, подручные Локкера и Мэркса вскочили на лошадей и ускакали. Как только они скрылись из виду, Финеас заторопился.

– Я послал Майкла за подмогой, – сказал он. – Надо выйти ему навстречу. В такой ранний час его никто не задержит. Поскорее бы он вернулся! Ведь нам остались сушие пустыки – каких-нибудь две мили. Будь дорога немного получше, они бы нас ни за что не догнали.

Спустившись вниз, к изгороди, беглецы увидели вдали свой фургон и несколько верховых.

– Ну, вот и Майкл, а с ним Амария и Стивен! – радостно воскликнул Финеас. – Теперь наше дело в шляпе!

– Подождите, – сказала Элиза. – Надо помочь этому несчастному. Слышите, как он стонет?

– Давайте донесем его до фургона, – предложил Джордж.

– А потом что же – прикажете выхаживать его? Недурно! Впрочем, дело ваше. Только давайте сначала посмотрим, что с ним. – Финеас опустился на колени рядом с раненым и стал внимательно осматривать его.

– Мэркс! – еле внятно проговорил Том. – Это ты, Мэркс?

– Нет, приятель, это не Мэркс, – сказал Финеас. – Станет он о тебе заботиться! Ему лишь бы свою шкуру спасти. Твой Мэркс давно улепетнул.

– Ну, теперь мне конец, – пробормотал Том. – Собака... Бросил меня на верную смерть. Мать всегда мне пророчила, что так оно и будет.

– Ах ты, господи! У него, у горемыки, мать еще жива! – жалобно проговорила старуха негритянка. – Ну, как ему не посочувствовать!

– Тихо, тихо, приятель, не рычи, не лязгай зубами, – сказал Финеас, когда Локкер сморщился и оттолкнул его руку. – Если кровь не остановить, плохо будет твое дело. – И он принялся мастерить ему повязку из носовых платков, собранных у всех по карманам.

– Это ты меня толкнул вниз? – слабым голосом проговорил Том.

– Я. А спросишь зачем? Затем, чтобы ты сам нас не толкнул, – ответил Финеас. – Стой! Дай наложить повязку. Мы народ не злопамятный, ничего плохого тебе не сделаем. Отвезем к добрым людям, они за тобой ходить будут лучше родной матери.

Том охнул и закрыл глаза.

Тем временем подоспел фургон. Сиденья из него вынули, буйволодые шкуры сложили к одному краю, и четверо мужчин с трудом подняли грузного Тома. Он был уже без сознания. Сердобольная старушка села рядом с ним. Джим и Элиза примостились тут же.

– Тяжелая у него рана? – спросил Джордж, вскакивая на передок рядом с Финеасом.

– Слов нет, глубокая, и растрясло его порядком, пока он валился вниз. Обессилел совсем от потери крови. Да ничего, поправится. Может, это ему на пользу пойдет. Научится уму-разуму.

– Куда же мы с ним денемся?

– Отвезем к Амарии. Там у него есть старушка, по имени Доркас, – великая мастерица за больными ходить.

Примерно через час усталые путешественники подъехали к чистенькой ферме, где их ожидал сытный завтрак. Тома Локкера бережно уложили в такую опрятную и мягкую постель, какой ему, вероятно, за всю свою жизнь не приходилось видеть. Рану промыли, перевязали, и он лежал, глядя сквозь полузакрытые веки на белые занавески и на людей, которые бесшумно двигались около его кровати.

ГЛАВА XVIII

Наблюдения и взгляды мисс Офелии

Бережливость не принадлежала к числу добродетелей Сен-Клера. До сих пор все закупки для дома делал Адольф, который не уступал хозяину в расточительности, и деньги текли у них между пальцев с необычайной быстротой. Том, привыкший беречь хозяйское добро, как свое собственное, огорчился, видя такое мотовство, и иной раз осторожно высказывал то, что он думает по этому поводу.

На первых порах к Тому лишь изредка обращались с какими-нибудь поручениями, но, выполняя их, новый слуга проявил столько здравого смысла и деловитости, что Сен-Клер вскоре переложил на него все хозяйственные заботы.

– Нет, нет, Адольф, – сказал он однажды своему лакею, когда тот начал жаловаться, что власть ускользает из его рук, – оставь Тома в покое. У тебя на уме только твои прихоти, а Том человек бережливый. Мы с тобой должны поручить кому-то свои денежные дела, иначе нас ждет разорение.

Пользуясь неограниченным доверием хозяина, который давал ему деньги не глядя и совал сдачу в карман не считая, Том вполне мог бы плутовать, и только душевная чистота удерживала его от такого искушения.

Но разве можно сравнить заботы, выпавшие на долю Тома, с теми бесчисленными огорчениями, которые испытывала мисс Офелия, взявшись вести хозяйство джентльмена-южанина! У ленивой, ребячливо-беззаботной Мари Сен-Клер слуги были точно такие же. В разговоре с кухней она дала правдивое описание царившего в доме беспорядка, хоть и неверно указала его виновников.

Приступая впервые к своим обязанностям, мисс Офелия поднялась в четыре часа утра, сама убрала комнату, как это было у нее заведено, к немалому удивлению здешних горничных, и приготовилась к сокрушительной атаке на буфеты и чуланы, ключи от которых были вручены ей.

Кладовая, бельевые шкафы, горки с фарфором, кухня, погреб – все это подверглось самому тщательному осмотру. Сколько сокровенных тайн выплыло в тот день на свет божий, к немалой тревоге некоторых обитателей дома, захвативших власть на кухне и в комнатах, и как там перемывались косточки «этим дамам-северянкам»!

Главная повариха Дина, до сих пор безраздельно повелевавшая в своих владениях, вышла из себя, видя во всем этом нарушение ее прав.

Справедливость требует, чтобы мы возможно полнее описали читателю эту яркую личность. Она была прирожденная кулинарка, так же как и тетушка Хлоя, но деятельность последней протекала в весьма хозяйственном доме, где знали, что такое порядок, а Дина руководство

валась во всех своих поступках только вдохновением и, подобно всем гениальным натурам, отличалась крайней самоуверенностью, упрямством, а следовательно, и способностью заблуждаться.

Логика и здравый смысл не существовали для Дины. Она никого не признавала, полагаясь исключительно на собственное чутье. Никакими доводами, никакими уговорами нельзя было сбить эту женщину с раз избранного ею пути или хотя бы добиться от нее малейшей уступки. Так было и при старой хозяйке, матери Мари, а сама «мисс Мари», как называла Дина свою теперешнюю госпожу даже после ее замужества, предпочитала подчиняться поварихе и не оспаривать ее власти.

По части измышления всяческих отговорок Дина была непревзойденной мастерицей. Она твердо верила, что Повариха ошибаться не может, и хранила свою репутацию незапятнанной, ибо на кухне у южан всегда найдутся головы и плечи, на которые удобно свалить любую вину, любой проступок. Если какое-нибудь блюдо в обеденном меню не удавалось, она находила по меньшей мере пятьдесят причин для этого и соответствующее количество виноватых, которым и воздавала по заслугам.

Но такие неудачи случались у Дины редко. Хотя сплошь и рядом она делала все шиворот-навыворот, не сообразуясь ни с временем, ни с местом, хотя кухня у нее обычно выглядела так, словно по ней только что пронесся ураган, хотя для каждой кастрюли, каждой ложки тут имелось столько мест, сколько дней в году, все же, если у вас хватало терпения выждать, когда Дина разрешит подавать на стол, вы вознаграждались такой трапезой, которая могла бы усладить самый изощренный вкус.

Вот вам, дорогой читатель, предварительные сведения о поварихе Сен-Клера, а сейчас вы увидите ее воочию.

Пришла пора начинать неспешные приготовления к обеду Дина, всегда уделявшая немало времени размышлениям и отдыху и любившая устраиваться с удобством, сидела в кухне на полу, попыхивая коротенькой трубочкой, в которой она находила и усладу и неисчерпаемый источник вдохновения.

Вокруг нее разместились кружком негритята, коими избилует каждый богатый дом на Юге. Они лушили горох, чистили картофель, щипали птицу, а Дина, отрываясь время от времени от своих размышлений, угощала их затрещинами или стучала по голове мешалкой, которая лежала около нее наготове.

Закончив ревизию всего дома, мисс Офелия появилась наконец и на кухне. До Дины уже дошли слухи о предстоящих переменах в хозяйстве, и, решив занять оборонительную позицию, она готовилась противодействовать всем новшествам твердо, но втихомолку, не вступая в открытую борьбу.

Просторная кухня была вымощена кирпичом; одну ее стену занимал большой старинный очаг, который Дина, несмотря на все уговоры Сен-Клера, упорно отказывалась сменить на более современную плиту.

Приехав в Новый Орлеан с севера, Сен-Клер хотел оборудовать свою кухню по образцу дядиной, которая пленила его идеальным порядком и чистотой. Льстя себя надеждой, что Дина наладит такой же порядок в своих владениях, он накупил посудных шкафов, ларей и всяких других предметов кухонного обихода. Увы! С тем же успехом он мог бы предоставить все это в распоряжение белки или сороки. Чем больше шкафов и ларей было у Дины, тем больше находила она в них места для тряпок, гребенок, стоптанной обуви, лент, отслуживших свой век искусственных цветов и тому подобного хлама, который был для нее дороже всех сокровищ мира.

Когда мисс Офелия вошла на кухню, Дина не тронулась с места и продолжала курить, делая вид, что наблюдает за своими помощниками, а на самом деле украдкой поглядывая на новую домоправительницу.

Мисс Офелия выдвинула нижний ящик кухонного шкафа.

– Что ты здесь держишь, Дина? – спросила она.

– Да все, что придется, миссис, – последовал ответ.

Так оно и было в действительности. Мисс Офелия извлекла из ящика тончайшую камчат-

ную скатерть, всю в кровавых пятнах.

– Дина, что это! Неужели ты заворачиваешь мясо в такую красивую скатерть?

– Господь с вами, миссис, разве это можно? Просто не было под руками полотенца, вот я и завернула в скатерть, а потом отложила ее в стирку.

«Бестолковщина какая!» – мысленно проговорила мисс Офелия, продолжая рыться в ящике и постепенно извлекая оттуда терку с мускатными орехами, молитвенник, два грязных носовых платка, моток пряжи, вязанье, пачку табаку и трубку, несколько печений, два позолоченных фарфоровых блюдечка с помадой, пару старых башмаков, узелок с мелкими луковичками, полдюжины салфеток камчатого полотна, суровое посудное полотенце, штопальные иголки и груды разорванных пакетов, из которых посыпались сушеные ароматические травы.

– Дина, где ты держишь мускатные орехи? – спросила мисс Офелия, всеми силами стараясь сдержать негодование.

– Да где придется, миссис: в комод, а еще вон в той разбитой чашке.

– И в терке? – сказала мисс Офелия, высыпая орехи на ладонь.

– Ох, верно! Это я их сегодня утром туда положила. Люблю, чтобы все было под руками. Эй, Джек! Опять бездельничаешь? Смотри у меня! И Дина стукнула Джека мешалкой.

– А это что? – мисс Офелия показала ей блюдечко с помадой.

– Как «что»? Мазь для волос. Это тоже всегда должно быть под руками.

– И ты выложила ее в такое блюдечко?

– Второпях куда только не выложишь! Я как раз сегодня думала – надо найти какую-нибудь другую посуду.

– А зачем здесь камчатые салфетки?

– Я их собрала в стирку.

– Неужели у тебя нет другого места для грязного белья?

– Как же, есть! Мистер Сен-Клер купил для белья вот этот ларь, а я приспособилась месить на нем тесто и кое-какие вещи на него ставлю. Ну, как же тут крышку открывать? Ведь неудобно!

– Тесто можно месить на столе.

– Ох, что вы, миссис! Да разве на нем мало грязной посуды? Туда и не приткнешься.

– Посуду надо мыть и убирать на место.

– Мыть? – возопила Дина, забыв о почтительности. – А что вы понимаете в нашем деле! Когда же у меня господа за стол сядут, если я буду все утро мыть посуду? Мисс Мари никогда от меня не требовала, чтобы я с посудой возилась.

– Ну хорошо, а лук как сюда попал?

– Ох, боже, ты мой, вот он где! А я-то его ищу! У нас сегодня будет тушеная баранина, это у меня к ней припасено. Завернула его в тряпочку, да и запомятовала.

Мисс Офелия приподняла дырявые пакетики с ароматическими травами.

– Сделайте мне такое одолжение, миссис, не трогайте их. У меня так все положено, чтобы сразу можно было найти, – твердо сказала Дина.

– А почему они рваные?

– Так удобнее, разворачивать не надо – само сыплется.

– Но ведь ящик полон мусора!

– Да вы, миссис, так все перевероршили, что ничего в этом удивительного нет. Вон сколько просыпали! – проворчала Дина, подходя к шкафу. – Пошли бы вы, миссис, к себе наверх, подождали бы, пока у меня будет уборка. Я не могу, когда господа во все вмешиваются. Сэм! Ты зачем сунул ребенку сахарницу? Вот я тебе задам сейчас!

– Я наведу порядок в кухне раз и навсегда, Дина, и будь добра его поддерживать.

– Бог с вами, мисс Фели! Да разве это господское дело! Я еще не видывала, чтобы леди возились на кухне. Наша старая госпожа и мисс Мари ко мне и не заглядывали.

Дина возмущенно заходила по кухне, а мисс Офелия тем временем пересмотрела посуду, ссыпала сахар из десяти сахарниц в одну, отобрала в стирку скатерти, полотенца, салфетки, собственноручно перемыла и вытерла грязную посуду – и все это с такой ловкостью и быстротой,

что повариха только диву давалась, на нее глядя.

– Господи боже! Да если у них на севере все леди такие, грош им цена! – объявила Дина кое-кому из своих приближенных, удостоверившись предварительно, что никто другой ее не услышит. – Придет время, я сама уберусь, а господам сюда соваться нечего, после них ни одной вещи не найдешь.

Надо отдать Дине справедливость: время от времени на нее вдруг нападала такая любовь к чистоте, что она выворачивала содержимое всех ящиков и ларей прямо на пол, только усугубляя этим общий беспорядок, потом закуривала трубочку, не спеша обзревала свои владения и сажала мелюзгу за чистку оловянной посуды, отчего на кухне в продолжение нескольких часов творилось нечто невообразимое. Когда же посуда была вычищена, столы выскоблены, а мелочь расставана по углам и другим потайным местечкам, Дина надевала нарядное платье, накручивала на голову тюрбан, подвязывала чистый передник и выпроваживала своих подручных из кухни, чтобы они не нарушали ее благолепия.

Эти периодические припадки чистоплотности причиняли немало неудобств, ибо во время их Дина так тряслась над своими сверкающими кастрюлями, что не позволяла пользоваться ими, во всяком случае до тех пор, пока пыл ее не остывал.

За несколько дней мисс Офелия произвела полный переворот в доме, но там, где дело касалось прислуги, все ее труды шли прахом – с ней она ничего не могла поделать.

Как-то под вечер, когда мисс Офелия была на кухне, кто-то из негрят крикнул:

– Смотрите, Прю идет! Вечно она бормочет себе под нос!

Высокая, костлявая негрятка, появившаяся в дверях, несла на голове корзину с сухарями и горячими булками.

– А, опять к нам пожаловала! – сказала Дина.

Лицо у Прю было хмурое, голос хриплый, ворчливый. Она поставила корзинку на пол, опустилась рядом с ней на корточки, уперлась локтями в колени и пробормотала:

– Ох! И когда только меня господь приберет!

– Почему ты так говоришь? – спросила ее мисс Офелия.

– Довольно, намучилась я! – ответила Прю, не поднимая глаз.

– А кто тебе велит пьянствовать и буяннить? – сказала щеголиха горничная, тряхнув коралловыми серьгами.

Старуха бросила на нее угрюмый взгляд.

– Не зарекайся, может, сама тем же кончишь. Вот тогда я порадуюсь, глядя, как ты будешь заливать горе вином.

– Ну-ка, Прю, покажи свой товар, – сказала Дина. – Может, миссис чего-нибудь купит.

Мисс Офелия взяла несколько десятков булок и сухарей.

– Билетики вон в том разбитом кувшине, – сказала Дина. – Джек, слазь, достань.

– Какие билетики? – удивилась мисс Офелия.

– Мы с ней расплачиваемся этими билетиками, а покупаем их у ее хозяина.

– А он потом все подсчитывает, – вставила Прю, – и если заметит нехватку, избивает меня до полусмерти.

– И поделом тебе, – сказала бойкая Джейн, – не пропивай хозяйские деньги!.. Она ведь пьет, мисс Офелия.

– И буду пить, потому что я без этого не могу. Напьешься – и забываешь свою горькую долю.

– Это очень нехорошо, – сказала мисс Офелия. – Разве можно красть у хозяев деньги да еще пропивать их!

– Так-то оно так, да ведь я все равно от этого не отстану. Ох, хоть бы прибрал меня господь! Долго ли мне еще маяться?!

Прю медленно, с трудом выпрямилась, поставила корзинку на голову и устремила взгляд на Джейн, которая стояла перед ней, потряхивая сережками.

– Ишь, надела побрякушки и думает, что красивей ее нет никого на свете! Подожди, доживешь до моих лет, сопьешься и будешь такой же несчастной, дряхлой старухой, как я. И поделом

тебе! – Она злобно хмыкнула и с этим удалилась.

Наш друг Том, присутствовавший при этом разговоре, вышел за старой булочницей на улицу. Она прошла несколько домов, со стоном опустила свою ношу на крыльцо и оправила на плечах старую, выцветшую шаль.

– Дай я понесу корзинку, – участливо сказал Том.

– Зачем это? Я и сама справлюсь.

– Ты больная или, может, горе у тебя какое?

– Ничем я не больна, – отрезала старуха.

– Много бы я дал, чтобы ты послушалась меня и бросила пить, – сказал Том, сочувственно глядя на нее. – Ведь это для тебя гибель!.. Откуда ты родом?

– Из Кентукки. Жила там у одного хозяина, растила детей, а он продавал их всех по очереди. Потом и меня продал перекупщику, а от него я попала к теперешним господам.

– Почему же ты к вину пристрастилась?

– Горе заливаю. Здесь у меня тоже был ребенок, и я думала, хоть он-то при мне останется. Хороший был такой мальчик, здоровенький, спокойный, никогда не кричал... и хозяйка любила с ним возиться. Потом она заболела, я ухаживала за ней, а хворь возьми да на меня и перекинись. Молоко пропало, ребенок отошал – одна кожа да кости. А покупать молоко хозяйка не позволяла – корми, говорит, тем, что сама ешь. Он чахнет день ото дня, плачет-разливается, а она сердится: это, мол, все одни капризы. На ночь мне не позволяли его брать, говорят – ты с ним умаешься и работать не сможешь. Сама-то я спала у хозяйки в комнате, а его выносила на чердак. Как-то утром прихожу, а он мертвый... С тех самых пор и стоит у меня в ушах его крик, а выпьешь – все забываешь...

Том с болью в сердце выслушал этот рассказ, повернулся и пошел домой.

ГЛАВА XIX

Продолжение предыдущей

Через несколько дней с сухарями и булочками пришла другая женщина. Мисс Офелия была в это время на кухне.

– Господи боже! – воскликнула Дина. – А где Прю? Что с ней стряслось?

– Прю больше никогда не придет, – таинственно сказала новая булочница, покосившись на мисс Офелию.

– Почему? Неужто умерла?

– Да мы не знаем... Она ведь в погребке лежит.

Дина пошла проводить ее до дверей.

– Что там у вас случилось? – спросила она.

Новая булочница хоть и побаивалась говорить, но все-таки не утерпела и сказала шепотом:

– Только никому не рассказывай... Прю напилась, и ее посадили в погреб на весь день. Говорят, умерла она, мухи ее всю облепили.

Дина всплеснула руками и вдруг увидела рядом с собой Еву, которая слушала их, широко раскрыв глаза. В лице у нее не было ни кровинки.

– О господи! Мисс Еве дурно! Мы-то хороши, разговорились при ней! Да хозяин нам за это голову с плеч снимет.

– Ничего со мной не будет, Дина, – твердо сказала девочка. – И почему мне нельзя этого слушать? Ты не меня жалеешь, а бедную Прю – ей тяжелее.

– Нет, нет! Вы барышня нежная, деликатная, вам и знать об этом нельзя!

Ева вздохнула и, грустная, медленно пошла вверх по лестнице.

Мисс Офелия встревожилась и пожелала узнать, что случилось с несчастной старухой. Дина рассказала ей все до мельчайших подробностей, а Том добавил к этому рассказу то, что слышал от самой Прю.

– Возмутительная история! Боже, какой ужас! – с этими словами мисс Офелия вошла к Сен-Клеру, который лежал с газетой на кушетке.

– Ну, какое еще беззаконие вы обнаружили? – спросил он.

– Какое беззаконие? Прю заporоли насмерть! – И мисс Офелия, не жалея красок, поведала ему все.

– Я так и знал, что рано или поздно этим кончится, – сказал Сен-Клер, снова берясь за газету.

– Знали? Неужели же вы так это и оставите? – воскликнула мисс Офелия. – Подайте кому-нибудь жалобу! Есть же у вас тут должностные лица, которые могут вмешиваться в подобные дела!

– Заинтересованность владельца в сохранности своего имущества считается у нас достаточной гарантией для негров. Но если владелец собственноручно губит свою собственность, тут ничего не поделаешь. Кроме того, эта несчастная старуха была, кажется, воровка и пьяница. Кто же будет за такую заступаться?

– Это ужасно, Огюстен! Это просто чудовищно!

– Я тут совершенно ни при чем, дорогая моя кузина. Что можно поделать с огрубевшими, жестокими людьми? Они пользуются неограниченной властью и ни перед кем не несут ответа за свои злодеяния. Вмешательство в таких случаях бесполезно. Закон бессилен против них. Нам ничего не остается, кроме как закрыть глаза, заткнуть уши и на том успокоиться.

– Закрыть глаза, заткнуть уши! Да разве можно попустительствовать таким безобразиям!

– Дорогая моя, чего вы, собственно, хотите? Негры – существа невежественные, забитые – отданы в полную, безоговорочную власть самодуров, которые не желают считаться ни с чем, даже с соображениями собственной выгоды, а таких среди нас большинство. Что же остается делать в их среде людям порядочным и гуманным? Только закрывать глаза и мало-помалу ожесточаться. Я не могу скупать всех несчастных рабов, я не странствующий рыцарь, который борется с несправедливостью везде, где бы он ее ни увидел. В нашем городе это занятие бесцельное. Лучшее, что я могу сделать, это держаться в стороне.

Сен-Клер нахмурился, но ненадолго. Через минуту он опять заговорил с веселой улыбкой:

– Полно, кузина, не смотрите на меня так строго. Ведь вы только одним глазком, в щелочку, увидели образчик того, что в той или иной форме творится повсюду на земле. Если вглядываться во все ужасы и бедствия, так и жить не захочется. Это все равно, что слишком внимательно приглядываться к стряпне нашей Дины.

И Сен-Клер снова взялся за газету.

Мисс Офелия села в кресло, вынула вязанье из сумочки и с негодующим видом задвигала спицами. Так прошло несколько минут, и наконец огонь, разгоравшийся в ее груди, вырвался наружу.

– Нет, Огюстен, я не могу примириться с этим и выскажу вам свое мнение напрямик! Меня возмущает, что вы защищаете рабство!

– Как! Вы все еще не успокоились? – сказал Сен-Клер, поднимая голову.

– Да, да! Меня возмущает, что вы защищаете рабство! – с еще большей горячностью повторила мисс Офелия.

– Я защищаю рабство? Да откуда вы это взяли?

– Конечно, защищаете! И не вы один, а все южане. Иначе кто бы из вас стал держать рабов?

– Хорошо, будем говорить серьезно, – сказал Огюстен, – но сначала подвиньте мне корзинку с апельсинами. Итак, дорогая моя кузина, по вопросу о рабовладельчестве двух мнений быть не может, – начал он, и лицо у него сразу приняло вдумчивое выражение. – Плантадоры, которые богатеют на этом, священники, которые угождают плантаторам, и политиканы, которые видят в рабовладении основу своей власти, могут изощряться как им угодно, пускать в ход все свое красноречие и ссылаться на евангелие, но истина останется истиной: система рабства есть порождение дьявола и служит лучшим доказательством того, на что сей джентльмен способен.

Мисс Офелия перестала вязать и устремила недоуменный взгляд на Сен-Клера.

А он, явно довольный тем, что его слова произвели на кузину такое впечатление, продолжал:

– Вы удивлены? Подождите, выслушайте меня до конца. Что такое рабовладение, проклятое богом и людьми? Лишенное всяких прикрас, оно предстанет пред нами вот в каком виде: негр Квэши – существо невежественное и беспомощное, а я образован, и в руках у меня власть, следовательно, ничто не мешает мне обирать его до нитки и уделять ему лишь то, что я найду нужным. Негр Квэши делает за меня всю тяжелую, грязную работу. Сам я не люблю трудиться, поэтому пусть за меня трудится Квэши. Гнуть спину под палящими лучами солнца мало приятно – опять же вместо меня это может делать Квэши. Пусть Квэши зарабатывают деньги, тратить их буду я. Пусть Квэши увязает по пояс в болоте, чтобы я мог пройти посуху. Квэши будет всю жизнь исполнять мою волю, ибо своей воли у него нет. Вот что такое рабство, кузина.

Сен-Клер встал и большими шагами заходил по веранде. На щеках его появился румянец, большие синие глаза метали искры. Мисс Офелия никогда еще не видела его в таком волнении.

– Уверяю вас, кузина, было время, когда я думал так: пусть вся наша страна провалится в тартарары, навеки скрыв от мира пятнающую ее мерзость, и я без тени сожаления погибну вместе с ней. Мне мною приходилось путешествовать по Америке, и, видя, что наши законы позволяют любому негодяю распорядиться судьбой людей, которые куплены на деньги, добытые иной раз нечестным путем, позволяют властвовать над незащитными детьми, девушками и женщинами, я был готов проклясть свою родину, а заодно и все человечество!

– Да, по как же вы – начала было мисс Офелия.

– Как я мог сам погрязнуть в такой мерзости? – перебил ее Сен-Клер. – Вопрос коварный, но я отвечу вам на него. Эти невольники принадлежали раньше моему отцу и моей матери, а теперь они принадлежат мне. Умирая, отец завещал все свое состояние нам с братом. Сначала мы хозяйничали на плантации вдвоем, но года через два я понял, что помощи ему от меня мало. Вы только представьте себе: семьсот невольников, которых ты даже в лицо не знаешь, до которых тебе, в сущности, нет никакого дела, а о них надо заботиться, их надо кормить, с них надо требовать работу, как со скотины. А чего стоят надсмотрщики и неизбежный кнут!

– Я полагала, что вы все здесь оправдываете такое отношение к рабам, – проговорила мисс Офелия.

– Нет! До этого еще никто из нас не дошел, даже мой братец Альфред, закоренелый деспот. Но он утверждает, и, по-моему, не без оснований, что американские плантаторы, правда в несколько иной форме, делают то же, что английская аристократия и английские капиталисты, которые полностью подчинили себе низшие классы. Альфред оправдывает и их и нас, и ему нельзя отказать в последовательности.

– Но ведь это совершенно разные вещи, их даже сравнивать нельзя! – воскликнула мисс Офелия. – Английского рабочего не продашь, не купишь, не разлучишь с семьей, не накажешь плетьюми!

– Он точно так же во всем зависит от воли хозяина. Рабовладелец может запороть своего непокорного раба насмерть, а капиталист заморит его голодом. Что же касается нерушимости семейных уз, то еще неизвестно, что хуже: когда детей твоих продают или когда они умирают у тебя на глазах голодной смертью.

– Такие сопоставления никогда не приходили мне в голову, – сказала мисс Офелия.

– Я был в Англии, и мне легко судить, прав ли Альфред, когда он говорит, что его рабам живется лучше, чем большинству населения Англии.

– Расскажите, почему вы уехали с плантации, – попросила его мисс Офелия.

– Некоторое время мы с Альфредом распорядились там всеми делами вдвоем, но потом он убедился, что плантатора из меня не получится, и посоветовал мне взять мою долю наследства деньгами и поселиться в Новом Орлеане, в нашем фамильном особняке.

– А вам никогда не приходила в голову мысль освободить своих рабов?

– Было такое время, – задумчиво проговорил Сен-Клер, – когда я тешил себя надеждой, что не зря проживу жизнь и совершу благое дело. Я хотел стать освободителем негров, хотел стереть позорное пятно с лица нашей родины. Юношам свойственно носиться с такими мечтами... Однако все сложилось иначе, и я уподобился щепке, плывущей по воле волн. Впрочем, не думайте, что мои взгляды на рабство представляют собой какое-то исключение в нашей среде. Нет, у меня

много единомышленников. Да может ли быть иначе? Ведь наша страна изнывает под этим игом! Оно убийственно не только для раба, но и для рабовладельца. Простым глазом видно, какое это страшное зло, что мы живем среди массы невежественных, нами же развращенных людей. Наши законы весьма решительным образом запрещают давать им хоть самое скромное образование, и это правильно! Обучите грамоте одно поколение негров, и вся система рабства взлетит на воздух. Если мы не дадим им свободы, они сами вырвут ее у нас из рук.

– Чем же все это кончится? – спросила мисс Офелия.

– Не знаю. Мне ясно только одно: народные массы рано или поздно поднимут голову и в Европе и в Америке. И это все, что я могу вам сказать... А вот и звонок к чаю! Пойдемте.

За столом Мари заговорила о Прю.

– Вы, кузина, вероятно, считаете нас варварами, – сказала она.

– Да, это варварство. Но ведь не все же здесь, на юге, варвары!

– Бывают негры, с которыми просто невозможно справиться, – продолжала Мари. – Такие не вызывают у меня никакого сожаления. Вели бы себя как следует, и никто бы их не трогал.

– Мама, но ведь Прю была такая несчастная! Вот почему она пила, – сказала Ева.

– Вздор! Как будто это может служить оправданием! Я тоже несчастная, вероятно, несчастнее ее. Нет, все дело в том, что негры дрянной народ. Среди них попадаются такие, которых никак не образумишь.

У автора возникают опасения, как бы наши знатные герои не заслонили от нас скромную фигуру Тома. Ну что ж, если читатель хочет узнать кое-что о его делах, пусть последует за нами на маленький чердак над конюшней.

Представьте себе скромную комнатку с кроватью, стулом и простым, грубо сколоченным столом, за которым Том сидит сейчас, наклонившись над грифельной доской, и с величайшей сосредоточенностью выписывает на ней какие-то слова.

Тоска по дому довела Тома до того, что он решил попросить у Евы листок писчей бумаги и, собрав все свои скудные познания, почерпнутые на уроках Джорджа, задался дерзкой мыслью написать письмо. И сейчас он составлял на грифельной доске свой первый черновик. Задача эта была не из легких, ибо Том успел забыть, как пишутся некоторые буквы, а те, которые остались у него в памяти, почему-то не складывались в слова. Он тяжело вздыхал, уйдя с головой в свое занятие, как вдруг Ева, словно птичка, впорхнула в комнату и, пристроившись сзади него на стуле, заглянула ему через плечо.

– Дядя Том, какие ты смешные закорючки выводил!

– Задумал послать весточку своей старухе и ребятишкам, мисс Ева, – сказал Том, проводя рукой по глазам, – да что-то ничего не выходит.

– Как бы мне тебе помочь, дядя Том? Я ведь немножко училась, в прошлом году знала все буквы, да, наверно, позабыла.

Ева прислонилась своей золотистой головкой к его голове, и оба они с одинаковой серьезностью и почти с одинаковым знанием дела принялись обсуждать каждое слово этого послания.

– Смотри, дядя Том, как красиво у нас получилось! – сказала Ева, с восхищением глядя на грифельную доску. – Вот они обрадуются-то! Как тебе, наверно, скучно без жены и детей, дядя Том! Подожди, я уговорю папу отпустить тебя домой.

– Миссис обещала выкупить меня, как только у них будут деньги, – сказал Том. – Я крепко на это надеюсь. Мистер Джордж хотел сам за мной приехать и дал мне в залог вот это. – И он вытащил из-за пазухи заветный доллар.

– Ну, значит, приедет, – сказала Ева. – Как я за тебя рада, дядя Том!

– Вот мне и захотелось написать им письмо, чтобы знали, где я, и чтобы не беспокоились. Хлоя, бедняжка, уж очень убивалась, когда меня провожала.

– Ты здесь, Том? – раздался за дверью голос Сен-Клера.

Том и Ева вздрогнули.

– Что это у вас? – спросил Сен-Клер, подходя к столу и глядя на грифельную доску.

– Том пишет письмо, а я ему помогаю, – сказала Ева. – Правда, хорошо получается?

– Не буду вас обоих огорчать, – сказал Сен-Клер, – но советую тебе, Том, обращаться за помощью ко мне. Я вернусь с верховой прогулки, тогда приходи – напишем.

– Это очень важное письмо, – шепнула отцу Ева. – Знаешь почему, папа? Хозяйка Тома обещала прислать за него выкуп. Он сам мне сказал.

Сен-Клер подумал, что это, вероятно, одно из тех никогда не выполняющихся обещаний, на которые не скупятся добрые хозяева, стараясь хоть как-нибудь смягчить горе проданных слуг. Но он не высказал вслух своих соображений и только приказал Тому седлать лошадь.

Письмо от имени Тома было написано в тот же вечер и благополучно доставлено в почтовую контору.

Между тем мисс Офелия, не слагая оружия, продолжала свою полезную деятельность. Все домочадцы, начиная с Дины и кончая последним негритенком, единодушно считали ее «чудачкой», а такой характеристикой невольники на Юге наделяют тех хозяев, которые им не по вкусу. Что же касается персон более важных (Адольфа, Джейн и Розы), то, по их мнению, мисс Офелия была вовсе не из благородных. «Разве благородные столько работают? Да и вида у нее нет никакого. Тоже нашлась родственница у мистера Сен-Клера!» Мари жаловалась, что ей даже смотреть утомительно на свою хлопотливую кухню. И действительно, бурная деятельность мисс Офелии давала некоторые основания для таких жалоб. Она весь день, с раннего утра, строчила, шила что-то, как будто ее побуждала к этому крайняя необходимость, а чуть начинало темнеть, шитье откладывалось в сторону, и в руках у мисс Офелии появлялось неизменное вязанье. Мари Сен-Клер была права: такая деловитость производила удручающее впечатление.

ГЛАВА XX

Топси

Как-то утром, когда мисс Офелия была, по своему обыкновению, погружена в хозяйственные заботы, у лестницы раздался голос Сен-Клера:

– Кухня, сойдите, пожалуйста, сюда! Я хочу кое-что показать вам.

– Что такое? – спросила мисс Офелия, спускаясь по ступенькам с шитьем в руках.

– Я сделал одну покупку, специально для вас. Вот смотрите! – И с этими словами Сен-Клер подтолкнул к мисс Офелии маленькую негритянку лет восьми-девяти.

Такие чернушки редко встречаются даже среди негров. Она стояла, степенно сложив руки на животе, а глазами, поблескивающими, словно бусинки, так и стреляла из угла в угол, дивясь чудесам, которыми изобиловала гостиная ее нового хозяина. Полуоткрытый рот девочки сверкал двумя рядами ослепительно белых зубов, на голове во все стороны торчало множество косичек. Лицо выражало торжественно-печальную строгость, а сквозь нее проглядывали хитреца и живой ум. Всю одежду девочки составляло грязное, рваное платье, сшитое из дерюжки. Она производила очень странное впечатление. «Настоящий чертенок», как выразилась потом мисс Офелия.

– Огюстен! Зачем вы ее привели ко мне? – спросила эта почтенная леди, не скрывая своего крайнего неудовольствия.

– Как зачем? Воспитайте ее, научите уму-разуму. Она очень забавная Топси! – Сен-Клер свистнул девочке, словно собаке. – Ну-ка, спой нам песенку и спляши.

Глазки-бусинки загорелись озорным огоньком, и чернушка запела пронзительным чистым голосом негритянскую песенку, отбивая такт руками и ногами, приплясывая, кружась, хлопая в ладоши, приседая, гортанно вскрикивая – и все это в том капризном ритме, которым отличаются мелодии ее народа. Прыжок, за ним другой, заключительный вопль, не уступающий своей протяжностью паровозному гудку, и плясунья замерла на месте, сложив руки и изобразив всем своим видом необычайное смирение, притворность которого изобличали только ее плутоватые взгляды.

Мисс Офелия не могла выговорить ни слова от неожиданности.

Сен-Клер, чрезвычайно довольный ее растерянным видом, снова обратился к девочке:

– Топси, вот твоя новая хозяйка. Слушайся ее во всем.

– Да, хозяин, – проговорила Топси все с тем же напускным смирением и озорно сверкнула глазами.

– Будь примерной девочкой, Топси, – продолжал Сен-Клер.

– Да, хозяин. – И Топси снова сверкнула глазами, не различая скромно сложенных рук.

– Огюстен, что это за выдумки! – заговорила наконец мисс Офелия. – Ваш дом и так кишит этими сорванцами, от них буквально проходу нет. Утром выйдешь из комнаты – один спит за дверью, другой прикорнул на циновке, оглянешься – из-под стола торчит еще чья-то черная голова. Вечно виснут на перилах, кривляются, скалят зубы, на кухне катаются клубком по полу. Зачем же вы еще эту привели?

– Повторяю: Топси будет вашей воспитанницей. Вы столько говорите о том, как надлежит воспитывать негров, что я решил подарить вам это дитя природы. Испробуйте на ней свои силы, наставьте ее на путь истинный.

– Нет, нет, боже избави! С меня их и так довольно!

– Узнаю истинную христианку! Вам и вам подобным ничего не стоит учредить благотворительное общество и заслать какого-нибудь несчастного миссионера на всю жизнь к язычникам, но чтобы принять к себе в дом вот такую бедняжку – нет, на это вы неспособны! Ведь они грязные, противные и с ними слишком много возни!

– Да, это работа, достойная миссионера, – проговорила мисс Офелия, поглядывая на девочку несколько более благосклонно.

Сен-Клер знал, чем взять кузину: мисс Офелия никогда не уклонялась от выполнения своего долга.

– Хорошо! – сказала она. – Хотя я все-таки не понимаю, зачем вам понадобилось покупать эту девочку. У вас в доме столько негрятят, что все мои силы и уменье могли бы полностью уйти на них.

– Кузина, – сказал Сен-Клер, отводя мисс Офелию в сторону, – простите меня за глупую болтовню. Когда имеешь дело с таким добрым человеком, как вы, она совершенно неуместна. Слушайте, как все было. Это девочка жила у двух пьянчуг, хозяев одного низкопробного трактира, мимо которого я прохожу чуть не ежедневно. Они избивали ее, и мне надоело слушать эти вопли. Девочка очень забавная и, по-видимому, смышленная, над ней стоит потрудиться. И вот я решил купить ее и преподнести вам. Пусть пройдет вашу суровую школу. Посмотрим, что из этого получится. Я, как воспитатель, – полная бездарность, но мне хочется, чтобы вы занялись ею.

– Что могу, сделаю, – сказала мисс Офелия и подошла к своей новой подданной с величайшей осторожностью, словно это был паук, но такой, который вполне заслуживал доброго отношения к себе. – Она ужасно грязная... и, кажется, полуголая!

– Пойдите с ней вниз, пусть ее там вымоют и переоденут.

Мисс Офелия и Топси отправились на кухню.

– Мало мистеру Сен-Клеру своих негрятят! – сказала Дина, весьма недружелюбно разглядывая новое приобретение хозяина. – Не позволю ей вертеться тут у меня под ногами!

– Фи! – брезгливо поморщились Роза и Джейн. – От такой надо держаться подальше. И зачем она, черномазая, понадобилась мистеру Сен-Клеру!

– Ну, вы там, потише! – прикрикнула на них Дина, принявшая последние слова на свой счет. – Сами черномазые!

Мы не будем оскорблять слух нашего читателя, описывая ему, до какого состояния можно довести ребенка, если не следить за ним. Но мисс Офелия была женщина твердая, решительная, и она собственноручно, с героическим самообладанием, приступила к мало приятной процедуре омовения Топси. Особого удовольствия от этого мисс Офелия не испытала, но когда она увидела на плечах и на спине у девочки рубцы и шрамы – неизгладимые следы той воспитательной системы, которая к ней применялась, – сердце у нее дрогнуло от жалости.

Наконец туалет был закончен. Топси одели в хорошее платье, волосы ей коротко подстригли, и мисс Офелия с удовлетворением сказала, что вот теперь этот чертенок приобрел более или менее христианский облик. А в голове у нее уже зрели планы, как приняться за воспитание де-

вочки. Усевшись перед ней, она приступила к расспросам:

– Сколько тебе лет, Топси?

– Не знаю, миссис, – ответила чернушка, сверкнув зубами.

– Не знаешь? Разве тебе никогда этого не говорили? А кто была твоя мать?

– Матери не было, – не переставая улыбаться, ответила девочка.

– Не было? Как же это так? Где ты родилась?

– А я не родилась, – упорствовала Топси и скорчила такую гримасу, что всякая другая женщина приняла бы это странное существо за дьявольское отродье.

Но мисс Офелию, с ее крепкими нервами, здравым смыслом и деловитостью, не так-то легко было сбить с толку.

– Нельзя так отвечать, дитя мое, – строго сказала она. – Я не шучу с тобой. Ну, говори: где ты родилась, кто были твои отец и мать?

– Я нигде не родилась, – еще более решительно повторила Топси. – Матери не было, отца не было... никого не было. Жила я у работорговца, вместе с другими ребятами. А тетушка Сью за нами присматривала.

Девочка, по-видимому, говорила искренне, и Джейн, рассмеявшись, подтвердила ее слова:

– Да вы разве не знаете, миссис? Торговцы скупают их по дешевке совсем маленькими, а потом продают на рынке.

– А у последних своих хозяев ты долго жила?

– Не знаю, миссис.

– Ну все-таки: год или больше?

– Не знаю, миссис.

– Топси, а тебе рассказывали о боге?

Девочка бросила на нее недоуменный взгляд и улыбнулась.

– Ты знаешь, кто тебя сотворил?

– Меня никто не сотворил, – фыркнув, ответила Топси.

Слова мисс Офелии, видимо, показались ей очень забавными, ибо она добавила, озорно прищуриив глаза:

– Никто меня не сотворил. Я сама выросла.

Мисс Офелия решила перевести разговор на более практическую тему:

– А шить ты умеешь?

– Нет, миссис.

– А что ты умеешь? Чем ты занималась у своих хозяев?

– Носила воду, мыла посуду, чистила ножи, прислуживала гостям.

– А хозяева были добрые?

– Ничего, добрые, – сказала девочка и с хитрецей посмотрела на мисс Офелию.

Та встала, решив прекратить эту маловразумительную беседу. Сен-Клер стоял сзади, облокотившись на спинку ее кресла.

– Как видите, кухня, почва совершенно девственная. Вам есть к чему приложить силы.

Воспитательные методы мисс Офелии, как и вообще все ее воззрения на жизнь, отличались четкостью и были в полном согласии с обычаями, которые господствовали в Новой Англии еще сто лет назад, а теперь сохранились только в самых захолустных, не тронутых цивилизацией местах, где нет железных дорог. В сжатом виде они излагались так: учите детей прежде всего слушаться старших; учите их молитвам, рукоделию и грамоте. За каждую ложь – розги.

В семье так и решили, что новая негритянка поступила в полное распоряжение кухни, и поскольку на кухне к Топси относились пренебрежительно, мисс Офелия ограничила сферу ее деятельности своей комнатой. До сих пор она сама стелила постель, сама подметала пол, отказываясь от услуг горничных, а теперь решила пожертвовать собой и обучить этой премудрости Топси.

На следующий же день мисс Офелия привела девочку в свои покои и стала посвящать ее в сложные тайны нового для нее искусства.

И вот Топси, умытая, без косичек, бывших некогда радостью ее жизни, в чистом платьице, туго накрахмаленном переднике, с торжественно-печальной физиономией, точно на похоронах, стоит перед мисс Офелией, почтительно выслушивая ее наставления.

– Итак, Топси, сейчас я научу тебя стелить постель. Я люблю, чтобы она была постлана аккуратно. Пожалуйста, запомни, как это делается.

– Хорошо, миссис, – сказала Топси с глубоким вздохом и устремила на мисс Офелию скорбный взгляд.

– Смотри, Топси. Вот это рубец простыни, вот это ее лицо, это изнанка. Запомнишь?

– Запомню, миссис. – И Топси снова испустила вздох.

– Хорошо! Простыню надо стлать поверх валика для подушки – вот так, и подтыкать ее под матрац, только ровно, чтобы нигде не было ни морщинки. Видишь, как я делаю?

– Вижу, миссис, – ответила Топси, внимательно следя за ее движениями.

– А пододеяльник будешь стелить узким рубцом к ногам и тоже подоткнешь с этого конца, – продолжала мисс Офелия. – Видишь?

– Вижу, миссис, – повторила Топси.

Увы! Мисс Офелия, поглощенная своим делом, не замечала того, что происходит у нее за спиной! А между тем юная ученица, улучив минутку, схватила со стола пару перчаток и ленту, ловко запихала все это в рукава и как ни в чем не бывало опять смиренно сложила ручки.

– Ну, Топси, теперь ты сама постели, – сказала мисс Офелия и, сняв простыни с кровати, села в кресло.

Топси с серьезнейшим видом проделала все, что от нее требовалось – постелила простыню, пододеяльник, разгладила на них каждую морщинку, – и проявила при этом такую сосредоточенность и ловкость, что наставница осталась весьма довольна успехами своей ученицы. Дело уже подходило к концу, как вдруг из рукава Топси высунулся кончик ленты. Мисс Офелия тотчас же углядела его и ринулась к преступнице.

– Это что такое? Ах ты дрянная, испорченная девчонка! Ленту украла!

Ленту извлекли из рукава, но Топси, несколько не смутившись этим, уставилась на нее с неподдельным изумлением.

– Ох! Да ведь это ваша лента, мисс Фели! Как же она попала ко мне в рукав?

– Топси! Но смей лгать! Ты украла ее, дрянная девчонка!

– Да что вы, миссис! Я эту ленту только сию минуточку увидела!

– Топси, – сказала мисс Офелия, – ты разве не знаешь, что лгать грешно?

– Я никогда не лгу, мисс Фели, – с достоинством возразила Топси. – Я вам чистую правду говорю.

– Смотри, Топси, дождешься ты порки!

– Порите меня хоть с утра до вечера, мисс Фели, я все равно ничего другого не могу сказать! – Топси захныкала. – Видом не видала вашей ленты! И как только она ко мне попала? Мисс Фели, наверно, забыла ее на кровати, она завалилась между простынями, а оттуда прямо ко мне в рукав.

Мисс Офелию так возмутила эта наглая ложь, что она схватила Топси за плечи и начала трясти ее что было сил.

Из другого рукава выпали перчатки.

– Ага! – крикнула мисс Офелия. – Будешь теперь отпираться!

Топси призналась, что стащила перчатки, но кражу ленты продолжала упорно отрицать.

– Слушай, дитя мое, – сказала мисс Офелия, – если ты во всем чистосердечно покаешься, я не буду тебя сечь.

Топси призналась в краже ленты и перчаток и заверила хозяйку в своем раскаянии.

– Ну хорошо! Теперь скажи: ты, наверно, еще что-нибудь украла? Ведь вчера я позволила тебе бегать по всему дому. Признавайся, да или нет? Сечь тебя не будут.

– Ох, мисс Фели! Я стащила у мисс Евы красные камешки, которые она носит на шее.

– Вот гадкая девчонка! Еще что?

– Еще сережки у Розы – красные.

– Сию же минуту принеси все сюда!

– Ох, мисс Фели, не могу... Я их сожгла.

– Сожгла? Лжешь! Пойди принеси их, или я тебя высеку.

Топси плакала, стонала и каялась, что не может принести ни сережек, ни ожерелья.

– Я сожгла их, сожгла! – твердила она.

– Почему же ты это сделала? – спросила мисс Офелия.

– Я нехорошая... гадкая, вот почему! Я просто не могу удержаться.

В эту минуту в комнате появилась ничего не подозревающая Ева. На шее у нее было коралловое ожерелье.

– Ева! Где ты его взяла? – воскликнула мисс Офелия.

– Как где? Я весь день в нем хожу, – ответила Ева.

– А вчера?

– И вчера тоже. И, что забавнее всего, тетушка, я забыла его снять вечером и так всю ночь в нем и проспала.

Мисс Офелия была совершенно сбита с толку, тем более что тут, как нарочно, в комнату вошла Роза, неся на голове полную корзину свежевыглаженного белья и потряхивая красными коралловыми сережками.

– Просто не знаю, что мне делать с этим ребенком! – воскликнула мисс Офелия. – Топси, зачем же ты солгала?

– Вы же сами велели мне покаяться, мисс Фели, а мне больше не в чем было каяться, – сказала Топси, утирая кулаками глаза.

– Неужели же я добивалась от тебя признания в том, в чем ты неповинна! – воскликнула мисс Офелия. – Это такая же ложь!

– Ох, миссис! Неужто ложь? – изумилась Топси.

Ева долго смотрела на нее, потом ласково сказала:

– Топси, бедняжка! Зачем тебе воровать? У тебя теперь все будет, что нужно. Да я лучше подарю тебе любую свою вещь, лишь бы ты не воровала!

Это было первое доброе слово, которое девочка услышала за всю свою жизнь. Ласковый голос Евы тронул сердце маленькой дикарки, и в ее круглых черных глазках блеснуло что-то похожее на слезу. Но она тут же фыркнула и показала зубы в своей обычной усмешке. Да, ухо, которое привыкло к одним попрекам и брани, с трудом воспринимает ласку. Слова Евы показались Топси непонятными и смешными. Она не поверила им.

Что было делать с Топси? Мисс Офелия стала в тупик. Ее прежние навыки оказались здесь непригодными. Она решила обдумать как следует свои дальнейшие шаги и, чтобы выиграть время, заперла Топси в темный чулан, веря в благотворное влияние таковых на детскую натуру.

– Просто не знаю, как мне быть, – призналась она Сен-Клеру, – но без розог с этой девочкой не справишься.

– Ну что ж, секите ее, сколько вашей душе угодно. Я даю вам полную свободу действий в этом отношении.

– Детей необходимо сечь, – продолжала мисс Офелия. – Я что-то не слышала, чтобы кого-нибудь воспитали без розог.

– Правильно, – согласился Сен-Клер. – Поступайте, как найдете нужным. Только имейте в виду вот что: эту девочку били кочергой, лопатой, каминными щипцами – всем, что попадалось под руку, и поскольку она привыкла к такому обращению, вам придется применять к ней особенно сильные меры воздействия.

– Таких детей порождает рабство! – воскликнула мисс Офелия.

– Да, я это знаю, но они существуют, и с ними надо что-то делать.

– Хорошо, я постараюсь выполнить свой долг и не пожалею на это сил.

Мисс Офелия взялась за Топси всерьез, назначила определенные часы для занятий с ней и прежде всего стала обучать ее чтению и шитью.

Первое далось Топси без всякого труда. Она выучила буквы мгновенно, точно по волшебству, и вскоре могла читать легкие книжки. Но с рукодельем дело обстояло хуже. Проворная, как кошка, вертлявая, как обезьянка, девочка не могла примириться с этим занятием. Она ломала иголки, швыряла их исподтишка за окно, втыкала в щели; она путала, рвала, пачкала нитки, незаметным броском закидывала катушки куда-нибудь с глаз долой. Движения у нее были быстрые, словно у фокусника, физиономия совершенно невозмутимая, и хотя мисс Офелия прекрасно понимала, что подобные несчастья не могут сыпаться одно за другим, поймать свою воспитанницу на месте преступления ей не удавалось.

Вскоре Топси стала заметной фигурой в доме. Ее талант ко всякого рода шутовству, передразниванию, кривлянью был неистощим. Она плясала, кувыркалась, пела, насвистывала, прекрасно подражала любому звуку. Все дети, в том числе и Ева, бегали за Топси по пятам, когда она была свободна от занятий, и взирали на ее проделки, открыв рот от изумления и восторга. Мисс Офелии не нравилось, что Ева проводит столько времени в обществе Топси, и она не раз просила Сен-Клера положить этому конец.

– Вздор! – говорил Сен-Клер. – Не беспокойтесь за Еву. Дружба с Топси принесет ей только пользу.

– Но Топси такая испорченная! Неужели вы не боитесь, что Ева наберется от нее дурного?

– Топси может испортить кого угодно, только не Еву. Дурное скатывается с нее, как роса с капустного листа.

– Вы так в этом уверены? Я бы не позволила своим детям играть с Топси.

– Ничего, пусть играет, – успокаивал ее Сен-Клер. – Ева давно могла бы испортиться, а ведь пока что этого не заметно.

Первое время слуги рангом повыше посматривали на Топси весьма пренебрежительно. Но им пришлось переменить свое отношение к ней. Мало-помалу обнаружилось, что с теми, кто обижал ее, неминуемо приключались разные беды: то исчезнут серьги или другая любимая безделушка, то вдруг какое-нибудь платье окажется в таком виде, что его больше и надеть нельзя, то кто-нибудь нежданно-негаданно наткнется на ведро с кипятком или попадет во всем параде под струю помоев, выплеснутых откуда-то сверху. Расследования всех этих несчастных случаев оканчивались ничем – виновник не находился. Топси каждый раз вызывали на домашнее судилище, но она выдерживала допрос с непоколебимой серьезностью и разыгрывала полную невинность. Все знали, чьих рук это дело, а прямых улик не было, и чувство справедливости не позволяло мисс Офелии наказывать Топси.

Проказы эти приурочивались так, что виновница их всегда выходила сухой из воды. Например, расплата с горничными Розой и Джейн происходила в те дни, когда они были в немилости у хозяйки, что случалось довольно часто, и не могли рассчитывать на сочувствие с ее стороны. Короче говоря, Топси сумела внушить всем в доме, что с ней лучше не связываться, и в конце концов ее оставили в покое.

Работа так и горела у девочки в руках, и все, чему ее учили, она схватывала с поразительной быстротой. После нескольких уроков Топси так наловчилась убирать комнату мисс Офелии, что даже эта требовательная леди не находила к чему придираться. При желании, которое, кстати сказать, появлялось у Топси не часто, она, как никто другой, могла расстелить покрывало на кровати, взбить подушки, обмести пыль с мебели, прибрать комнату. Но если мисс Офелия, понаблюдав за своей воспитанницей дня три-четыре, наивно предполагала, что уборка стала наконец для Топси привычным делом, и оставляла ее без присмотра, в комнате начиналось нечто невообразимое. Вместо того чтобы стелить постель, Топси зарывалась своей курчавой головой в подушки, предварительно сняв с них наволочки, и вылезала вся в пуху и в перьях, взбиралась на столбики кровати и свешивалась оттуда вверх тормашками, размахивала простынями, наряжала валик в ночную сорочку мисс Офелии и разыгрывала с ним всевозможные представления, строя себе в зеркале рожи, напевая и посвистывая.

— Топси! — закричала мисс Офелия, потеряв терпение. — Как ты смеешь так вести себя?

Однажды мисс Офелия оставила комод незапертым (забывчивость, совершенно ей несвойственная!) и, вернувшись, застала Топси в ту минуту, когда та кривлялась перед зеркалом, накрутив на голову ее красную индийскую шаль.

— Топси! — воскликнула мисс Офелия, доведенная до отчаяния проказами девочки. — Почему ты так безобразно себя ведешь?

— Не знаю, миссис. Должно быть потому, что я гадкая девчонка.

— Что же мне с тобой делать, Топси?

— Да высечь, конечно! Прежняя хозяйка постоянно меня секла. Я только после норки и могу работать.

— Но, Топси, мне вовсе не хочется тебя сечь. Ты и без этого можешь прекрасно все делать. Ну скажи, почему ты отлыниваешь от работы?

— Ох, миссис, да я привыкла к порке. Мне она только на пользу.

Мисс Офелия пробовала и это средство... себе на горе. Топси кричала, стонала, умоляла о прощении, а через полчаса, усевшись на балконные перила и окружив себя толпой восхищенно взиравшей на нее мелюзги, говорила презрительным тоном:

— Разве это порка? Да мисс Фели и комара не убьет! Вот мой старый хозяин порол так по-

рол! Кожу ключьями с меня сдирал!

По воскресеньям мисс Офелия учила Топси катехизису.³¹ Память у девочки была прекрасная, она с легкостью повторяла за своей учительницей целые фразы, приводя ее этим в восторг.

– Неужели ей нужно заучивать наизусть катехизис? – спросил однажды Сен-Клер. – Зачем?

– Кроме пользы, это ничего не принесет. Детям полагается учить катехизис, – ответила мисс Офелия.

– Даже если они не понимают в нем ни слова?

– Вначале не понимают, зато, когда вырастут, вникнут во все как следует.

– А я так до сих пор не вник, – признался Сен-Клер, – хотя в свое время вы потратили немало труда, чтобы вбить мне в голову эту премудрость.

Воспитание Топси продолжалось около двух лет. Мисс Офелия не знала с ней ни минуты покоя и под конец даже привыкла к этим мученьям, как привыкают к невралгии или мигреням.

Что касается Сен-Клера, то он забавлялся Топси, словно это был попугай или собачка. Впав в немилость за свои проделки, она пряталась за его стулом, и он всякий раз выручал ее из беды. На деньги, которые время от времени перепадали Топси от хозяина, она покупала орехов и леденцов и щедрой рукой одаривала ими всех негритят в доме, ибо в чем другом, а в скарденности упрекать эту девочку не приходилось. Сердце у нее было доброе, а озорство служило ей только средством самозащиты.

ГЛАВА XXI В Кентукки

Читатели, вероятно, не откажутся посмотреть вместе с нами на хижину дяди Тома в кентуккийском поместье и узнать, как живут те, с кем он так давно расстался.

Летний день клонился к вечеру, двери и окна гостиной были распахнуты навстречу залетному ветерку. Мистер Шелби сидел рядом с гостиной, в большом зале, который тянулся через весь дом и выходил обоими концами на веранды. Откинувшись на спинку одного кресла и положив ноги на другое, он наслаждался послеобеденной сигарой. Миссис Шелби сидела у раскрытых дверей, с вышиваньем в руках. Она сосредоточенно думала о чем-то и, видимо, выбирала минуту, чтобы поделиться своими мыслями с мужем.

– Вы знаете, Хлоя получила письмо от Тома, – заговорила наконец миссис Шелби.

– Вот как! Значит, у него завелись там друзья. Ну, как ему живется?

– Судя по всему, он попал в очень хороший дом. К нему там прекрасно относятся, работа нетрудная.

– Вот и хорошо, я очень рад за него... искренне рад, – сказал мистер Шелби. – Наш Том так приживется на Юге, что, пожалуй, не захочет возвращаться сюда.

– Напротив, он очень беспокоится, спрашивает, когда его выкупят.

– Вот это я затрудняюсь сказать. Стоит только наделать долгов, и из них, кажется, никогда не выпутаешься. У меня такое ощущение, будто я увязаю в трясине. Сегодня занимаешь у одного, чтобы расплатиться с другим, завтра – у третьего, чтобы расплатиться с первым. Не уснешь передохнуть, выкурить сигару – подходят сроки разных векселей, заемных писем и тому подобной дряни, которая сыплется на тебя со всех сторон.

– Мне кажется, друг мой, что поправить наши дела можно. Давайте продадим всех лошадей, продадим какую-нибудь ферму и расплатимся с долгами.

– Перестаньте говорить вздор, Эмили! Вы прекраснейшая жена, другой такой не найдется во всем Кентукки, но в делах вы ничего не смыслите, как, впрочем, и все женщины.

– Может быть, – сказала миссис Шелби. – Но почему бы вам не поделиться со мной своими заботами? Дайте мне хотя бы список ваших кредиторов и должников, и я сделаю все, чтобы свети концы с концами.

³¹ Катехизис – изложение христианского вероучения, составленное в форме вопросов и ответов.

– Довольно, Эмили! Перестаньте меня мучить! Я и самому себе не могу дать точный отчет о своих затруднениях, а вы так о них говорите, будто это пироги тетушки Хлои, которые она подравнивает и защипывает со всех сторон. Нет, это все не вашего ума дело!

Мистер Шелби даже повысил голос, не найдя лучшего способа убедить жену в своей правоте.

Она замолчала, подавив вздох. Откровенно говоря, характер у нее был гораздо тверже, чем у мужа, и мистер Шелби напрасно не доверял ее женскому уму, ибо она обладала большой практической сметкой и прекрасно разобралась бы в его делах.

Миссис Шелби всей душой хотела выполнить обещание, данное Тому и тетушке Хлое, и эта новая задержка очень ее огорчила.

– Неужели мы не сможем скопить нужную сумму? Бедная тетушка Хлоя! Она так надеется на это!

– Очень жаль! Я поторопился – не надо было давать им никаких обещаний. А теперь, по моему, разумнее всего было бы сказать об этом Хлое. Пусть привыкает к мысли, что Том не вернется. Через год-два он найдет себе другую жену, и Хлое тоже следовало бы подумать о другом муже.

– Мистер Шелби! Я учила наших негров, что их брак священен так же, как и наш, и теперь не осмелюсь дать Хлое подобный совет! Вы только подумайте, друг мой, разве можно забывать обещания, которые мы даем этим беззащитным существам? Если другим путем деньги добыть нельзя, я буду давать уроки музыки. Моих заработков хватит на выкуп.

– И вы пойдете на такое унижение, Эмили? Я не допущу этого!

– Унижение! Для меня гораздо унижительнее, если люди перестанут верить моему слову.

– Я знаю вашу склонность к героизму и несбыточным мечтаниям, – сказал мистер Шелби, – но прежде чем идти на такое донкихотство,³² надо как следует подумать, Эмили.

Их разговор прервала тетушка Хлоя, появившаяся на веранде.

– Будьте так любезны, миссис... – сказала она.

– Ты что, Хлоя? – спросила хозяйка, поднимаясь с кресла.

– Не угодно ли миссис взглянуть на птицу?

Миссис Шелби вышла на веранду и с улыбкой посмотрела на Хлою, которая сосредоточенно разглядывала битых цыплят и уток, разложенных в ряд на земле.

– Я думаю, не приготовить ли нам паштет из цыплят?

– Мне, право, все равно, тетушка Хлоя. Делай, как знаешь.

Хлоя не двигалась с места, рассеянно поворачивая на ладони цыпленка. Ее мысли были, очевидно, заняты чем-то другим. Наконец она собралась с духом, коротко рассмеялась и заговорила:

– Господи, миссис! И зачем только вам с хозяином думу думать, где достать деньги, когда они у вас в руках! – И Хлоя снова рассмеялась коротким смешком.

– О чем ты? Я не понимаю, – сказала миссис Шелби, не сомневаясь, что Хлоя слышала ее разговор с мужем от первого до последнего слова.

– Да вы сами посудите, миссис! – посмеиваясь, ответила та. – Другие господа посылают своих негров на заработки и получают за это немалые деньги. Кому охота держать такую ораву дома, ведь ее прокормить чего стоит!

– Что же ты предлагаешь, Хлоя?

– Я, миссис, ничего не предлагаю. А вот Сэм говорит, будто в Луисвилле есть один... бандитер, что ли, как их там называют... и будто ему нужна хорошая пирожница. Жалованья обещает положить четыре доллара в неделю.

– Ну и что же?

– Вот я и думаю, пора бы вам, миссис, приставить Салли к настоящему делу. Я ведь который год с ней вожусь, кое-чему научила. Если миссис отпустит меня на заработки, вот вам и лишние деньги будут. Я со своими печеньями и пирожками ни перед кем не осрамлюсь, любой

³² Донкихотство – ненужное героизство (по имени героя романа Сервантеса «Дон-Кихот Ламанчский»).

бандитер мной останется доволен.

– Кондитер, Хлоя.

– Ну, кондитер! Никак я это слово не запомню.

– А что же с детьми будет бросишь их?

– Господи, миссис! Да мальчишки-то уж подросли, работать будут, они шустрые. А девочка у меня зря никогда не капризничает, с ней возни немного. Ее Салли к себе возьмет.

– Луисвилл далеко отсюда.

– Да разве меня этим запугаешь? Ведь он вниз по реке? Может, и мой старик где-нибудь в тех местах? – И, сказав это, Хлоя вопросительно посмотрела на миссис Шелби.

– Нет, Хлоя, он еще дальше, на несколько сот миль.

Лицо у Хлои вытянулось.

– Ну, ничего. Все-таки ты будешь ближе к нему. Хорошо, я тебя отпущу, а твои заработки все, до последнего цента, пойдут на выкуп Тома.

Как туча расцветивается серебром, когда ее коснется солнечный луч, так осветилось сейчас темное лицо тетушки Хлои. Она буквально просияла, услышав эти слова.

– Господи, миссис! Какая же вы добрая! Я сама об этом думала. Ведь мне ничего не надо – ни одежды, ни обуви. Я все до цента сберегу. А сколько в году недель, миссис?

– Пятьдесят две, – сказала миссис Шелби.

– Подумать только! И за каждую неделю по четыре доллара! Сколько же это всего будет?

– Двести восемь долларов.

– У-ух ты! – удивленно и радостно протянула Хлоя. – А долго ли мне работать, пока я скоплю все деньги?

– Года четыре, а может быть, и пять. Но тебе не придется отрабатывать всю эту сумму, я и своих денег туда добавлю.

– Чтобы миссис давала уроки? Да кто же это потерпит? Хозяин правильно говорил – не к лицу вам такое занятие.

– Ничего, Хлоя, не беспокойся. Я не уроню чести нашей семьи, – с улыбкой сказала миссис Шелби. – Когда же ты думаешь уезжать?

– Да я еще ничего не думаю. Правда, Сэм везет туда стригунков на продажу, обещал и меня с собой прихватить. Я кое-какие вещи собрала... Если миссис будет угодно, я завтра утром и уеду с Сэмом. Мне только пропуск надо и рекомендацию.

– Хорошо, Хлоя, если мистер Шелби не будет возражать, я все сделаю. Но сначала надо с ним поговорить.

Миссис Шелби поднялась наверх, а Хлоя, радостная, помчалась к себе в хижину готовиться к отъезду.

– Мистер Джордж, а вы ничего и не знаете! Я завтра уезжаю в Луисвилл! – объявила она Джорджу Шелби, когда тот застал ее за разборкой детской одежды. – Надо все пересмотреть, привести в порядок. Да, мистер Джордж, уезжаю... буду получать четыре доллара в неделю, а миссис будет копить эти деньги на выкуп моего старика.

– Фью! Вот здорово! – воскликнул Джордж. – Когда же ты едешь?

– Завтра утром, вместе с Сэмом. А вы, мистер Джордж, сели бы да прописали бы моему старику про наши дела.

– Сейчас напишем, – сказал Джордж. – Вот дядя Том обрадуется, когда получит от нас весточку! Я только сбегаю домой за бумагой и чернилами. Тетушка Хлоя, а про стригунков тоже надо написать, правда?

– Обязательно, мистер Джордж. Ну, бегите, а я приготовлю чего-нибудь закусить. Теперь не скоро вам придется ужинать у вашей бедной старенькой Хлои!

ГЛАВА XXII

«Трава сохнет, цветок увядает»

Незаметно, день за днем, прошли два года. Наш друг Том жил в разлуке с близкими и часто

тосковал по дому, но уныние никогда не овладевало им. Он умел в любой обстановке находить что-нибудь хорошее, а чтение библии поддерживало в нем спокойное и бодрое состояние духа.

На свое письмо, о котором мы уже упоминали, он вскоре получил ответ, написанный старательным почерком Джорджа, таким крупным и четким, что, по словам Тома, его можно было прочитать «с другого конца комнаты». В письме сообщались весьма важные домашние новости, уже известные нашему читателю. Там было сказано, что тетушка Хлоя пошла в услужение к одному кондитеру в Луисвилле и, будучи большой искусницей по части разных пирожков и тортов, зарабатывает немалые деньги, и деньги эти все, до последнего цента, откладываются на выкуп Тома. Моз и Пит процветают, а малютка бегаёт по всем комнатам и находится под присмотром Салли и самих хозяев.

Без тетушки Хлои хижина стоит закрытая, но Джордж не пожалел слов, описывая, как ее отделают и разукрасят, когда Том вернется домой.

В конце письма перечислялись все предметы, которые Джордж проходит в школе, и название каждого из них начиналось с заглавной буквы, снабженной множеством завитушек. Дальше приводились клички четырех жеребят, появившихся на конюшне в отсутствие Тома, а заодно сообщалось, что папа и мама здоровы.

Письмо было написано слогом сухим и сжатым, но Тому оно показалось верхом совершенства. Он не уставал любоваться им и даже советовался с Евой, не повесить ли его в рамке на стену. Привести этот план в исполнение помешало только то, что одной стороны листка тогда не было бы видно.

Дружба между Томом и Евой росла с каждым днем. На рынке он выбирал для нее самые красивые букеты, покупал ей то спелый персик, то апельсин. И сердце его наполнялось радостью, когда он, возвращаясь домой, издали видел ее золотистую головку и слышал детский голосок:

– Ну, дядя Том, покажи, что ты мне принес сегодня!

К тому времени, о котором сейчас идет речь, Сен-Клеры перебрались всем домом на свою виллу на озере Поншартрен. Летний зной заставил всех, кто только мог, бежать из душного города к этим берегам, куда долетал освежающий ветер с моря.

Вилла Сен-Клера, окруженная со всех сторон верандой, выходила окнами на лужайки и в огромный сад, благоухающий тропическими цветами и растениями. Его извилистые дорожки сбегали к самому озеру, широкая гладь которого искрилась серебром в лучах солнца, непрестанно меняясь и становясь час от часу ярче и прекраснее.

День клонился к вечеру. Огненный закат зажег весь горизонт и отражался в воде, неотличимой от неба. По озеру, отливающему золотисто-розовыми бликами, легко, словно призраки, скользили белые паруса лодок, а первые звездочки мерцали высоко в небе, глядя на свое трепетное отражение внизу.

Том и Ева сидели на дерновой скамье в увитой зеленью беседке, у самой воды.

– Знаешь, дядя Том, – сказала девочка, – я скоро уйду туда.

– Куда, мисс Ева?

Она встала и подняла руку, показывая на небо.

Сердце Тома сжалось, и он вспомнил, как часто ему приходилось замечать за последние полгода, что Ева уже не может по-прежнему часами играть и бегать по саду, что ручки у нее становятся все тоньше и тоньше, личико прозрачнее, дыхание короче. Вспомнились ему и жалобы мисс Офелии, что никакие лекарства не помогают Еве от кашля. Да и сейчас щеки у девочки были горячие... Однако мысль, на которую наводили слова этой доброй женщины, до сих пор ни разу не приходила ему в голову.

И как раз в эту минуту вдали послышался встревоженный голос мисс Офелии:

– Ева! Ева! Такая роса, а ты все еще в саду!

Они вышли из беседки и поспешили домой.

Мисс Офелия выходила не одного больного на своем веку. С детства, живя в Новой Англии, она умела распознавать первые признаки того коварного, незаметно подкрадывающегося недуга, который губит столько прекрасных жизней и задолго до конца кладет на них печать

смерти. И мисс Офелия не могла не заметить у Евы легкого сухого кашля и болезненного румянца, не могла обмануться блеском ее глаз и лихорадочной возбужденностью.

Она пробовала высказывать свои опасения Сен-Клеру, но он всякий раз с не свойственной ему раздражительностью отметал их в сторону.

– Будет вам каркать, кузина! Терпеть этого не могу! Неужели вы не понимаете, что ребенок растет? Быстрый рост всегда ослабляет детей.

– А этот кашель?

– Пустяки! Есть о чем говорить! Она, вероятно, простудилась, только и всего.

– Да, но у Элизы Джейн, у Эллен и у Мари Сендерс это начиналось точно так же.

– Перестаньте рассказывать мне всякие ужасы! Вы, так называемые опытные сиделки, всегда готовы перемудрить. Стоит ребенку чихнуть или кашлянуть, и вам уже кажется, что все кончено. Следите за Евой, не выпускайте ее по вечерам из комнат, не давайте ей утомляться, и она скоро поправится.

Сен-Клер только говорил так, а на самом деле его тревога за дочь день ото дня становилась все сильнее. Он с волнением наблюдал за Евой и то и дело твердил, что ребенок совершенно здоров, что это желудочный кашель, который часто бывает у детей, а сам почти не отпускал ее от себя, все чаще и чаще брал с собой на верховые прогулки и чуть не каждый день приносил домой рецепты разных укрепляющих снадобий – «не потому, что девочке они нужны, а просто так... вреда от этого не будет».

А Ева всеми своими помыслами стремилась лишь к тому, чтобы делать добро, чтобы согревать лаской тех, кто в этом нуждался. Сердце у нее всегда было доброе, но теперь все в доме стали замечать в ней необычайно трогательную чуткость к окружающим. Она по-прежнему проводила много времени с Топси и другими негритятами, но была не столько участницей их игр, сколько зрительницей, по-прежнему смеялась над забавными проделками Топси и вдруг умолкала, и по лицу ее пробегала тень, глаза затуманивались, а мысли улетали куда-то далеко-далеко.

– Мама, – обратилась она как-то к Мари Сен-Клер, – почему мы не учим наших негров читать?

– Что за нелепый вопрос, Ева! Этого никто не делает.

– А почему?

– Потому что грамота им совершенно не нужна. Работать лучше они все равно не станут, а ни на что другое негры не годны.

– Мисс Офелия научила Топси грамоте, – стояла на своем Ева.

– Да, но ты видишь, к чему это привело? Более отвратительной девчонки я в жизни не видела!

– А бедная няня! Ей так хочется научиться грамоте. Что она будет делать, когда я не смогу читать ей?

Мари ответила, не прерывая своего занятия (она разбирала вещи в комод):

– Со временем, Ева, у тебя будут другие дела и обязанности. В том, что ты читаешь вслух неграм, ничего плохого нет. Я сама это делала, когда была здорова. Но как только ты начнешь выезжать и думать о нарядах, у тебя не останется ни одной свободной минуты. Вот смотри: эти бриллианты я подарю тебе к твоему шестнадцатилетию. Я тоже надевала их на свой первый бал. Ах, Ева, если б ты знала, какой я тогда имела успех!

Ева взяла футляр, вынула оттуда бриллиантовое кольцо и устремила на него задумчивый взгляд своих больших глаз. Мысли ее витали где-то далеко.

– Какая ты вдруг стала серьезная! – воскликнула Мари.

– Мама, а эти бриллианты дорого стоят?

– Ну еще бы! Папа выписал их мне из Франции. Это целое состояние.

– Как бы мне хотелось, чтобы они были мои, – сказала Ева, – и чтобы я могла сделать с ними все, что захочу!

– А что бы ты с ними сделала?

– Продала бы, купила бы на эти деньги имение в свободных штатах, переселила бы туда всех наших негров, наняла бы учителей, чтобы они учили их читать и писать...

Мари рассмеялась, не дав ей договорить:

– Да это настоящий пансион для негров! А игре на фортепиано и рисованию по бархату ты бы тоже их обучала?

– Они бы у меня научились сами писать и читать письма, – твердо сказала Ева. – Я ведь знаю, мама, как им тяжело. Том страдает от того, что он неграмотный, и няня, и многие другие. По-моему, это очень нехорошо, что их не учат.

– Ах, перестань, Ева! Ты еще совсем ребенок, где тебе разбираться в таких вопросах! – сказала Мари. – И, кроме того, от твоей болтовни у меня разболелась голова.

Мари всегда ссыалась на головную боль, если хотела прекратить разговор, который был ей не по вкусу.

Ева тихонько вышла из комнаты. Но с того самого дня она начала прилежно обучать няню грамоте.

ГЛАВА XXIII

Энрик

Однажды, вскоре после этого разговора, к Сен-Клеру приехал погостить его брат Альфред со своим старшим сыном.

Двенадцатилетний Энрик был стройный темноглазый мальчик, властный не по годам, но очень живой и веселый. Свою кухню он увидел впервые и сразу же пленился ее ангельской красотью и добротой.

У Евы был белый пони, очень покойный на ходу и такой же смирный, как его маленькая хозяйка.

На следующий день после приезда гостей к веранде подали двух оседланных лошадок. Дядя Том вел пони, а красивый мальчик-мулат лет тринадцати – вороного арабского коня, которого только что купили Энрику за большие деньги.

Энрик, по-мальчишески гордый новым конем, внимательно осмотрел его, приняв поводья из рук своего маленького грума, и вдруг нахмурился.

– Додо! Это что такое? Ты, лентяй, не почистил его?

– Почистил, хозяин, – робко ответил Додо, – а он опять запылится.

– Молчать, негодяй! – крикнул Энрик, взмахнув хлыстом. – Смеешь еще разговаривать!

– Мистер Энрик... – начал было мулат.

Энрик наотмашь стегнул его по лицу, схватил за руку, бросил перед собой на колени и принялся бить, не жалея сил.

– Вот получай! Я тебе покажу, как мне перечить! Отведи лошадь в стойло и вычисти ее как следует. Знай свое место, собака!

– Сударь, – сказал Том, – Додо хотел вам объяснить, что лошадь вывалялась в пыли, когда ее вывели из конюшни. Она горячая, вот и разыгралась. А что он чистил ее, это правда, я сам за ним присматривал.

– Молчи, тебя не спрашивают! – крикнул мальчик и, повернувшись на каблуках, взбежал на веранду, где стояла Ева в синей амазонке.³³

– Кузина, прости! Из-за этого болвана тебе придется ждать. Давай посидим здесь, они сейчас вернутся. Но что с тобой? Почему ты такая грустная?

– Зачем ты обидел Додо? Как это нехорошо... жестоко! – сказала Ева.

– Жестоко? – с неприятным удивлением повторил мальчик. – Я тебя не понимаю, милая Ева.

– Я не позволю тебе называть меня милой Евой, если ты будешь так поступать.

– Кузина, ты не знаешь Додо! С ним иначе нельзя. Он лгун, притворщик. Его надо сразу же осадить, чтобы он пикнуть не посмел. Папа всегда так делает.

³³ Амазонка – женский костюм с широкой длинной юбкой для верховой езды.

– Ведь дядя Том сказал, как это все случилось, а он никогда не лжет.

– Ну, значит этот негр какой-то особенный! У моего Додо что ни слово, то ложь.

– Это потому, что ты его запугал.

– Ева, да что ты так беспокоишься о Додо? Смотри, я начну ревновать тебя к нему!

– Он ни в чем не виноват, а ты побил его.

– Ну, пусть ему это зачтется за какую-нибудь следующую провинность. Лишний удар хлыстом Додо не повредит – он своевольный мальчишка. Но если ты принимаешь это так близко к сердцу, я не буду больше бить его при тебе.

Такое обещание не удовлетворило Еву, но все ее попытки убедить кузена в своей правоте были тщетны.

Вскоре появился Додо с лошадьми.

– Ну вот, Додо, теперь я вижу, ты постарался, – более милостивым тоном сказал его юный хозяин. – Подержи пони, а я помогу мисс Еве сесть.

Додо подошел и стал рядом с лошадкой. Лицо у него было грустное, глаза заплаканные.

Энрик, щеголявший своей галантностью, усадил кузину в седло и подал ей поводья. А Ева нагнулась к Додо и сказала:

– Спасибо, Додо, ты хороший мальчик.

Изумленный взгляд мулата остановился на личике Евы. Щеки его залились румянцем, на глаза навернулись слезы.

– Додо! – повелительно крикнул ему хозяин.

Мальчик кинулся к его лошади.

– Вот тебе деньги на леденцы, – сказал Энрик, сев в седло, и поскакал за Евой.

Мальчик долго смотрел вслед удаляющимся всадникам. Один из них одарил его деньгами, другая тем, что было ему во сто крат дороже: добрым, ласковым словом. Додо разлучили с матерью всего несколько месяцев назад. Альфред Сен-Клер купил его на невольничьем рынке, решив, что красивый мулат будет под стать прекрасной арабской лошадке. И теперь Додо проходил выучку у своего молодого хозяина.

Братья Сен-Клер видели из глубины сада всю эту сцену.

Огюстен вспыхнул, но ограничился лишь насмешливо-небрежным вопросом:

– Вот это и называется у нас республиканским воспитанием, Альфред?

– Энрик вспылчив, как порох, – невозмутимо ответил тот.

– И ты считаешь, что такие вспышки ему на пользу? – сухо спросил Огюстен.

– А что с ним поделаешь? Он настоящий бесенок. Мы дома давно махнули на него рукой. Но Додо тоже хорош! Порка ему никогда не повредит.

– И вот так-то твой Энрик усваивает себе первый республиканский завет: «Все люди рождаются равными и свободными!»³⁴

– А! Это все сентиментальный вздор, которого Том Джефферсон³⁵ наслушался у французов, – сказал Альфред. – В наше время просто нелепо вспоминать его болтовню.

– Да, пожалуй, ты прав, – многозначительно проговорил Огюстен.

– Мы прекрасно знаем, – продолжал его брат, – что не все люди рождаются свободными и равными. На мой взгляд, эти республиканские разглагольствования – чистейший вздор. Равными правами могут пользоваться люди образованные, богатые, люди тонкого ума и воспитания, а не жалкая чернь.

– Если бы ты мог внушить черни эти мысли! – воскликнул Огюстен. – А ведь во Франции она однажды показала себя во всей силе.³⁶

³⁴ Слова из «Декларации прав человека и гражданина», провозглашенной французской буржуазной революцией. Пробразом этого документа послужила «Декларация независимости» США (1776), в которой американские колонии объявляли себя независимыми от Англии.

³⁵ Томас Джефферсон (1743–1826) – американский государственный деятель, один из авторов «Декларации независимости» и президент США с 1801 по 1809 год.

³⁶ Речь идет о французской буржуазной революции 1789 года, когда французский народ восстал против дворян-

– Чернь надо держать в повиновении, не ослабляя узды ни на минуту, – сказал Альфред и топнул ногой в подтверждение своих слов.

– Зато когда она поднимает голову, тогда берегись! Вспомни хотя бы, что творилось в Сан-Доминго.³⁷

– Ничего! В нашей стране мы как-нибудь обойдемся без этого. Надо только раз и навсегда положить конец теперешним разговорам о том, что негров следует развивать, неграм следует давать образование и прочее тому подобное. Низшему классу образование ни к чему.

– Ты поздно спохватился, – сказал Огюстен. – Образование они получают, весь вопрос только в том, какое. Наша социальная система ничего, кроме варварства и жестокости, преподать им не может. Благодаря нам негры теряют человеческий облик и превращаются в животных. И если они когда-нибудь поднимут голову, нам несдобровать.

– Никогда этого не будет! Никогда! – пылко воскликнул Альфред.

– Ну что ж, – сказал Сен-Клер, – разведи пары в котле, завинти крышку потуже и сядь на нее. Посмотрим, что с тобой будет.

– Посмотрим! – ответил Альфред. – Если машина работает без перебоев и котел в исправности, сидеть на крышке не страшно.

– Точно так же рассуждало французское дворянство времен Людовика Шестнадцатого,³⁸ а в наши дни так рассуждают Австрия³⁹ и Пий Девятый.⁴⁰ Но в одно прекрасное утро котлы взорвутся, и вы все взлетите на воздух.

– Будущее покажет, кто из нас прав, – со смехом сказал Альфред.

– Помяни мое слово: массы восстанут, и низшие классы возьмут над нами верх.

– Брось твердить эту красную республиканскую чепуху, Огюстен! Ты, я вижу, хочешь стать уличным оратором. Впрочем, у тебя все данные для этого. Но что касается меня, то я надеюсь умереть прежде, чем твоя грязная чернь будет нашей владычицей.

– Грязная или не грязная, а ее день когда-нибудь настанет, и она будет диктовать вам свою волю, – сказал Огюстен. – А какой из нее получится властелин, это зависит только от вас. Французское дворянство навлекло на свою голову санкюлотов,⁴¹ на Гаити народ...

– Брось, Огюстен! Хватит с нас разговоров об этом проклятом Гаити! Если б там были англо-саксы, все повернулось бы по-другому. Англо-саксонская раса – вот кто истинный властелин мира, и так будет всегда. Власть в наших руках, а эта низшая раса останется у нас в подчинении. – Альфред снова топнул ногой. – Не бойся! Мы держим свой порох под надежной охраной.

– Что и говорить! Ваши сыновья, воспитанные подобно Энрику, будут хорошей охраной у порохового погреба – в них столько хладнокровия, выдержки! Вспомни пословицу: «Если не властвуешь над собой, не берись властвовать над другими».

– Да, это серьезный вопрос, – в раздумье проговорил Альфред. – Воспитывать детей при нашей системе нелегко. Она дает слишком большой простор страстям, которые в нашем климате

ства и церкви.

³⁷ Сан-Доминго – восточная часть острова Гаити в Карибском море, негритянское население которого неоднократно восставало против испано-французских колонизаторов.

³⁸ Людовик XVI – король Франции, ненавидимый народом и казненный в 1793 году по постановлению Конвента.

³⁹ Правительство австрийской монархии было в XIX веке одним из самых реакционных в Европе. Национальные меньшинства, чьи территории входили в состав Австрии, а также Италия, находившаяся в то время под австрийским игом, испытывали тяжесть гнета Австрийской монархии.

⁴⁰ Пий IX – римский папа с 1846 по 1878 год; реакционер, подавлявший прогрессивные течения в политической и культурной жизни Италии.

⁴¹ Санкюлоты (в переводе «бесштаные») – презрительное прозвище, которое аристократы в эпоху французской буржуазной революции дали наиболее революционным слоям населения.

и без того горячи. Энрик доставляет мне много беспокойства. Он мальчик великодушный, добрый, но стоит ему вспылить, и с ним буквально нет сладу. Я думаю послать его учиться на Север, где еще не забыли, что такое послушание. Кроме того, там он будет среди равных, а не среди подчиненных.

– Вот видишь! Значит, в нашей системе есть серьезный изъян, если она мешает нам выполнять важнейшую обязанность человечества – воспитание детей.

– Мы с тобой заводили этот разговор сотни раз, Огюстен, и ни к чему не пришли. Давай лучше сыграем партию в шахматы.

Братья поднялись на веранду и сели за легкий бамбуковый столик. Расставляя фигуры на доске, Альфред сказал:

– Если бы я придерживался твоего образа мыслей, Огюстен, я бы не стал сидеть сложа руки.

– Не сомневаюсь! Ты ведь человек действия. Но что бы ты предпринял на моем месте?

– Ну, скажем, занялся бы развитием своих рабов, – с презрительной усмешкой ответил Альфред.

– С таким же успехом ты мог бы навалить на них Этну и потом приказать им распрямить спину под этой тяжестью! Один человек не может пойти наперекор обществу. Образование негров должно взять в свои руки государство, а если нет – так пусть, по крайней мере, не противодействует этому.

– Твой ход, – сказал Альфред.

Братья погрузились в игру и отвлеклись от нее лишь тогда, когда в саду послышался стук лошадиных копыт.

– Вот и дети, – сказал Огюстен, вставая из-за стола. – Посмотри, Альф! Ну что может быть прекраснее этого?

И действительно, картина, открывшаяся их глазам, была прекрасна. Энрик весело смеялся, наклоняясь с седла к своей очаровательной кухне. Щеки девочки разгорелись от быстрой езды, и нежный румянец еще больше подчеркивал золото ее волос, выбившихся из-под синей шапочки.

– Какая она у тебя красавица, Огюстен! – воскликнул Альфред. – Придет время, и сколько сердец будет страдать из-за нее!

– Боюсь, что ты прав! – с неожиданной горечью сказал Сен-Клер и, сбегав вниз по ступенькам, снял дочь с седла. – Ева, радость моя! Ты устала? – Он прижал ее к груди.

– Нет, папа, – ответила девочка.

Но отец не мог не заметить ее прерывистого дыхания.

– Зачем же ты так быстро скакала? Ведь тебе это вредно!

– Я обо всем забыла, папа, мне было так хорошо!

Сен-Клер отнес ее в гостиную и уложил на диван.

– Энрик, ты должен беречь Еву, – сказал он. – Помни, ей нельзя быстро ездить.

– Я всегда буду ее беречь, – сказал мальчик, садясь на диван и беря кухню за руку.

Вскоре Ева стала дышать ровнее. Ее отец и дядя снова занялись шахматами, предоставив детей самим себе.

– Как мне грустно, Ева, что папа не может остаться здесь подольше! Когда я теперь тебя увижу? Если бы мы жили вместе, я бы постарался исправиться, стал бы лучше обращаться с Додо. У меня нет против него зла, просто я очень вспыльчивый. Да он и не может пожаловаться на плохое обращение. Я постоянно даю ему денег, одет он прекрасно. И вообще моему Додо живет неплохо.

– А тебе хорошо бы жилось, если б рядом с тобой не было ни одной любящей души?

– Конечно, нет!

– А ведь ты разлучил Додо с родными, с друзьями, и теперь у него нет ни одного близкого человека.

– Ну, как же быть? Ведь мать к нему не привезешь, а полюбить его сам я не могу.

– Почему? – спросила Ева.

– Полюбить Додо? Да что ты, Ева! Он мне может нравиться или не нравиться, но кто же любит своих слуг?

– Я люблю.

– Вот странно!

– Ведь в библии сказано, что нужно любить всех.

– Ну, в библии... Там много чего сказано, но кому же придет в голову это выполнять?

Ева ничего не ответила и устремила задумчивый взгляд куда-то вдаль.

– И все-таки, Энрик, – сказала она после долгого молчания, – постарайся полюбить Додо, не обижай его... хотя бы ради меня.

– Ради тебя, дорогая кузина, я готов полюбить кого угодно, потому что ты лучше всех на свете! – с жаром воскликнул Энрик.

– Вот и хорошо! – сказала Ева. – Только смотри не забудь своего обещания.

Звонок, приглашающий к обеду, прервал их разговор.

ГЛАВА XXIV Предзнаменования

Через два дня Альфред с сыном уехали, и с этого времени Ева, для которой игры и прогулки в обществе кузена были непосильны, начала быстро слабеть. До сих пор Сен-Клер избегал советоваться с врачами, боясь услышать от них страшную истину, но последние дни Ева чувствовала себя так плохо, что не выходила из комнаты, и он наконец решился вызвать к ней доктора.

Мари Сен-Клер, поглощенная изучением своих новых воображаемых недугов, не замечала состояния дочери. Она твердо верила, что ее муки несравнимы ни с чем, и возмущалась, когда кто-нибудь из домашних осмеливался пожаловаться на недомогание. Это все от лени, от распущенности, утверждала Мари. Побыли бы на ее месте, тогда узнали бы, что такое настоящие страдания!

Мисс Офелия не раз пыталась пробудить в ней материнскую тревогу, но безуспешно.

– Девочка совершенно здорова, – возражала Мари. – Она резвится, играет как ни в чем не бывало.

– Но у нее не проходит кашель.

– Кашель? Ах, что вы мне рассказываете! Я всю жизнь кашляю. Когда я была в возрасте Евы, у меня подозревали чахотку. Няня проводила все ночи у моей постели. А вы говорите, у Евы кашель. Пустяки!

– Она слабеет с каждым днем, у нее одышка.

– Бог мой! Я живу с одышкой годы! Это нервы, и больше ничего.

– А испарина по ночам?

– У меня тоже испарина, вот уже лет десять. Ночные сорочки хоть выжимай! Простыни приходится развешивать для просушки. Разве Ева потеет так, как я?

Мисс Офелия решила на время замолчать.

Но теперь, когда болезнь Евы была несомненна и в доме появился доктор, Мари вдруг круто изменила свою тактику.

Так она и знала, так она и предчувствовала, что ей суждено стать самой несчастной матерью на свете. Единственная, горячо любимая дочь сходит в могилу у нее на глазах, а она сама еле жива! И Мари заставляла няню проводить около себя все ночи напролет, а днем капризничала больше, чем когда-либо, словно черпая силы в своем новом несчастье.

– Мари, дорогая, перестаньте! – успокаивал ее Сен-Клер. – Не надо отчаиваться.

– Где вам понять материнское сердце, Огюстен! Вы и раньше мне не сочувствовали, а теперь и подавно.

– Но зачем приходит в отчаяние, как будто надежды уже нет!

– Я не могу относиться к этому с таким безразличием, как вы, Сен-Клер. Если вас не беспокоит здоровье единственной дочери, то обо мне этого никак нельзя сказать. После всего, что я

вынесла, еще один удар! Да я этого не переживу.

– Ева всегда была хрупкого здоровья, – говорил Сен-Клер. – Кроме того, быстрый рост истощает детей. Ее теперешнее состояние я приписываю летней жаре и приезду Энрика, с которым она столько играла и бегала. Доктор уверяет, что надежда на выздоровление есть.

– Ну что ж, если вы предпочитаете видеть все в розовом свете, воля ваша. Есть же такие счастливицы, которым бог дал черствое сердце! А моя чувствительность несет мне одни страдания. Как бы я хотела обладать вашим спокойствием!

И все домочадцы желали ей того же, ибо Мари использовала свое новое несчастье как предлог, чтобы изводить окружающих. Все, что говорилось, все, что делалось или не делалось в доме, служило ей лишним доказательством того, что она окружена черствыми, бессердечными людьми, равнодушными к материнскому горю. Ева не раз слышала ее причитания и выплакала все глаза, жалея бедную маму и чувствуя себя виновницей ее страданий.

Прошло недели две, и в здоровье девочки наступило заметное улучшение – одно из тех обманчивых затиший, которыми эта безжалостная болезнь так часто усыпляет любящие сердца, сжимающиеся болью за близкого человека. Шаги Евы снова послышались в саду и на веранде. Она снова смеялась, играла. И отец, вне себя от радости, говорил, что скоро девочка будет совсем здорова. Только мисс Офелия и доктор знали истинную цену этой короткой отсрочке.

И еще одно сердце не хотело обманывать себя – сердце маленькой Евы. Его переполняла щемящая нежность ко всем, кого она должна была покинуть. И больше всего к отцу, ибо девочка, не отдавая себе в том ясного отчета, чувствовала, что у отца нет никого дороже ее на всем свете. Она любила и мать и, со свойственной детям безграничной верой в непогрешимость мамы, только печалилась и терялась, чувствуя ее эгоизм.

А как Ева жалела любящих, преданных слуг, в жизни которых она была светлым лучом! Дети не склонны к обобщениям, но этой не по летам вдумчивой девочке глубоко запало в сердце все то зло, которое порождает система рабства. Ей хотелось что-то сделать для негров – и не только для своих, – как-то помочь им, но как, она и сама не знала...

* * *

Однажды вечером Сен-Клер позвал дочь, чтобы показать ей статуэтку, которую он купил ей в подарок. Ева поднялась на веранду. Лучи заходящего солнца окружили сиянием ее тонкую фигурку в белом платье, зажгли золотом ее волосы. И сердце Сен-Клера мучительно сжалось, когда он увидел перед собой эти пылающие щеки и лихорадочно горящие глаза. Он привлек дочь к себе и забыл, зачем звал ее.

– Ева, родная моя, тебе лучше? Правда, лучше?

– Папа, – с неожиданной твердостью сказала Ева, – я давно хочу поговорить с тобой. Давай поговорим сейчас, пока мне не стало хуже.

Сен-Клер, весь дрожа, усадил ее на колени. Она прижалась головой к его груди и сказала:

– Зачем таить это про себя, папа? Я скоро покину вас... покину и больше никогда не вернусь. – И девочка всхлипнула.

– Ева, милая, перестань! – воскликнул Сен-Клер, стараясь сдержать дрожь в голосе. – Это просто нервы, вот ты и приуныла. Гони прочь мрачные мысли. Смотри, что я тебе купил!

– Нет, папа, – сказала Ева, мягко отстраняя его руку, – не обманывай себя. Мне не стало лучше. Я знаю, что скоро уйду от вас. И если б не ты, папа, и не все мои друзья, я была бы очень счастлива. Мне хочется уйти отсюда, очень хочется.

– Дитя мое! Откуда в тебе эта грусть? Я сделал все для твоего счастья.

– Да, папа, но как же мне не грустить, когда вокруг столько горя! И все-таки... все-таки мне больно расставаться с тобой!

– О чем ты говоришь? Что тебя так печалит?

– Многое, папа... Я горюю о наших несчастных невольниках. Они так любят меня, так ласковы со мной... Ах, папа! Если б их можно было освободить!

– Дитя мое! Разве им плохо живется у нас?

– А если с тобой что-нибудь случится, что будет тогда? Таких, как ты, мало. Дядя Альфред совсем другой, и мама тоже другая. А вспомни хозяев несчастной Прю! Какие люди бывают жестокие! – И плечи у Евы вздрогнули.

– Ева! Ты слишком впечатлительна. Как я мог допустить, чтобы при тебе рассказывали все эти истории.

– Вот это меня и огорчает, папа. Ты хочешь, чтобы я жила счастливо, не знала горя и даже никогда не слыхала ничего печального. Это нехорошо: ведь у других людей вся жизнь – сплошное горе, сплошные страдания. Я должна все знать. И вот я думаю, думаю... Папа, а разве нельзя отпустить на волю всех рабов?

– Ты задала мне трудный вопрос, дорогая. Рабство – большое зло, в этом не может быть никакого сомнения. Так думают многие, в том числе и я. Мне очень хотелось бы, чтобы в нашей стране не осталось ни одного раба. Но как это сделать, я не знаю.

– Папа, ты такой благородный и добрый и так хорошо умеешь говорить! Тебе удалось бы убедить других людей отпустить рабов на волю. Когда я умру, папа, подумай обо мне и сделай это ради меня. Я и сама освободила бы наших невольников, если бы могла.

– Когда ты умрешь? Ева, не надо так говорить! – с болью в сердце воскликнул Сен-Клер. – Ты единственное, что у меня есть на свете!

– У бедной Прю тоже был ребенок... единственное ее сокровище. Она слышала, как он плачет, и ничего не могла поделать. Папа, эти несчастные люди любят своих детей не меньше, чем ты любишь меня. Помоги им! Няня постоянно плачет о своих ребятишках. И Том стосковался по родным. А сколько других негров живет в разлуке с семьей! Как это ужасно, папа!

– Ну хорошо, хорошо, дорогая! – ласково сказал Сен-Клер. – Я сделаю все, что ты захочешь, только не огорчайся и не говори о смерти.

– И обещай мне, папа, отпустить Тома на волю, когда я... – она запнулась, потом неуверенно договорила: – когда я уйду...

– Хорошо, моя дорогая. Все будет сделано. Все, о чем ты просишь...

Вечерние тени становились все гуще и гуще. Сен-Клер отнес Еву в спальню, и когда она легла в постель, он высрал из комнаты слуг и сам убаюкал ее.

ГЛАВА XXV

Урок

Был воскресный день. Сен-Клер курил сигару на веранде, откинувшись на спинку бамбукового кресла. Мари лежала на кушетке под легким, прозрачным пологом от комаров и держала в руках изящно переплетенный молитвенник. Она взялась за него только потому, что было воскресенье, и притворялась, будто читает молитвы, а на самом деле нет-нет да и погружалась в сладкую дремоту.

– Огюстен, – сказала она, открыв наконец глаза, – надо послать в город за доктором Пози. Я уверена, что у меня что-то неладное с сердцем.

– Зачем же вам понадобился Пози? Доктор, который пользует Еву, тоже очень знающий.

– Со всякой болезнью к нему не обратишься, а у меня, по-видимому, что-то очень серьезное, – сказала Мари. – Я уж третью ночь об этом думаю. Не могу спать – такие боли, такое странное ощущение в груди!

– Ах, Мари, вы просто не в духе! Я уверен, что никакой болезни сердца у вас нет.

– Ну, разумеется! – воскликнула Мари. – Я была готова к этому. Еве стоит только кашлянуть или чуть прихворнуть, и вы уже вне себя от тревоги, а до меня вам дела нет.

– Если вы хотите во что бы то ни стало иметь больное сердце, я не буду лишать вас такого удовольствия, – сказал Сен-Клер.

– Надеюсь, что вам не придется пожалеть о своих словах, когда будет поздно. Хотите верить, хотите нет, а тревога за Еву и уход за нашей бедной девочкой только обострили эту болезнь. Я-то давно о ней подозревала.

«Трудно догадаться, о каком уходе говорит Мари», – подумал Сен-Клер и, как и подобало

такому «злодею», молча продолжал курить сигару, до тех пор пока к крыльцу не подъехала коляска, из которой вышли мисс Офелия и Ева.

Мисс Офелия проследовала к себе в спальню снять шляпку и шаль, а Ева подбежала к отцу и забралась к нему на колени.

Не прошло и двух минут, как из комнаты мисс Офелии послышался громкий, возмущенный голос.

– Опять Топси натворила каких-то бед! – сказал Сен-Клер. – Бьюсь об заклад, что это она прогневала кузину.

И не успел он договорить, как негодующая мисс Офелия появилась на веранде, таща за руку маленькую преступницу.

– Иди сюда, иди! – приговаривала она. – Я сейчас все расскажу твоему хозяину.

– Ну, что случилось? – спросил Огюстен.

– То случилось, что я отказываюсь от этой девчонки! Сил моих больше с ней нет! Всякому терпению есть предел! Я заперла ее в комнате и велела выучить наизусть один гимн. И как вы думаете, что она натворила? Подглядела, куда я прячу ключ от комода, забралась в ящик, вытащила оттуда шелк для отделки шляпок и разрежала его кукле на платье! Это же неслыханное безобразие!

– Я вам говорила, кузина, что с неграми добром ничего не сделаешь, – сказала Мари. – Будь на то моя воля, – и она бросила укоризненный взгляд на Сен-Клера, – я бы отослала эту девчонку на конюшню и приказала бы как следует ее высечь. Она бы у меня долго этого не забыла.

– Не сомневаюсь, – сказал Сен-Клер. – А еще говорят, что у женщин доброе сердце!

– Ваша сентиментальность, Сен-Клер, здесь совершенно неуместна. Кузина – человек разумный, и она теперь сама убедилась, что иначе ничего не сделаешь.

Мисс Офелия, как женщина аккуратная, не могла не возмутиться хозяйничаньем Топси в комоде. Да многие из наших читательниц отнеслись бы к этому точно так же. Но слова Мари пришлось ей не по вкусу и несколько остудили ее гнев.

– Нет, этого я никогда не допущу, – сказала она. – Но, Огюстен, посоветуйте, что мне делать? Сколько я возилась с этой девочкой! И вразумляла ее, и секла, и как только ни наказывала – и все попусту, будто об стену горох!

– Ну-ка, поди сюда, мартышка, – сказал Сен-Клер, подзывая Топси к себе.

Та подошла к хозяину, боязливо и вместе с тем лукаво поглядывая на него своими блестящими круглыми глазами.

– Почему ты так скверно себя ведешь? – спросил Сен-Клер, еле сдерживая улыбку при виде этой хитренькой рожицы.

– Наверно, потому, что я дрянь девчонка, – смиренно ответила Топси. – Мисс Фели сама так говорит.

– Сколько она для тебя сделала, а ты этого не ценишь!

– О господи! Да со мной всегда так. Уж чего только моя старая хозяйка ни вытворяла! И секла меня – побольнее, чем мисс Фели, и за волосы таскала, и о дверь головой колотила... Да если б мне по волоску все мои космы повыдергали, все равно ничего не поможет. Одно слово – негритянка.

– Нет, я отказываюсь от нее! – сказала мисс Офелия. – Хватит! Не могу больше мучиться.

Ева, которая молча наблюдала за этой сценой, тихонько сделала знак Топси, приглашая ее за собой. Сбоку к веранде примыкала маленькая застекленная комнатка, где Сен-Клер часто сидел с книгой, и обе девочки вошли туда.

– Любопытно, что Ева задумала? – сказал Сен-Клер. – Пойду посмотрю.

Подкравшись на цыпочках к стеклянной двери, он откинул портьеру и заглянул в комнатку. Потом приложил палец к губам и поманил к себе мисс Офелию.

Девочки сидели на полу, лицом друг к другу. Топси хранила свой обычный лукаво-насмешливый вид, а Ева, взволнованная, смотрела на нее полными слез глазами.

– Топси, почему ты такая нехорошая? Почему ты не хочешь исправиться? Неужели ты ни-

кого не любишь, Топси?

– А я не знаю, как это – любят. Леденцы любить и всякие сласти – это еще понятно, – ответила Топси.

– Но ведь отца с матерью ты любишь?

– Не было их у меня. Я вам об этом говорила, мисс Ева.

– Да, правда, – грустно сказала та. – Но, может быть, у тебя были друзья, сестры...

– Никого у меня нет – нет и не было.

– Ах, Топси, если бы ты захотела исправиться, если б ты постаралась...

– Нечего мне стараться, все равно я негритянка, – сказала Топси. – Вот если б с меня содрали кожу добела, тогда еще можно было бы попробовать.

– Это ничего не значит, что ты черная, Топси. Мисс Офелия полюбила бы тебя, если б ты слушалась ее.

Топси рассмеялась резким, коротким смешком, что обычно служило у нее выражением недоверия.

– Ты мне не веришь? – спросила Ева.

– Нет. Она меня терпеть не может, потому что я негритянка. Ей лучше до жабы дотронуться. Негров никто не любит. Ну и пусть, мне все равно, – отрезала Топси и принялась насвистывать.

– Топси, бедная, да я тебя люблю! – от всего сердца сказала Ева и положила свою тонкую, прозрачную ручку ей на плечо. – Я люблю тебя, потому что ты одна, без отца, без матери, без друзей, потому что ты несчастная. Я очень больна, Топси, и мне недолго осталось жить. Как бы я хотела, чтобы ты исправилась... сделай это, хотя бы ради меня. Ведь мы с тобой скоро расстанемся.

Из круглых глаз чернушки так и хлынули слезы. Крупные капли градом падали на ласковую белую ручку.

– Мисс Ева! Мисс Ева! – проговорила она. – Я буду хорошая, обещаю вам, честное слово!

Сен-Клер опустил портьеру.

– Как она напоминает мне мою мать! – сказал он.

– Не могу побороть в себе предубеждения против негров, – вздохнула мисс Офелия. – Что правда, то правда: я брезговала этой девочкой, но мне и в голову не приходило, что она об этом догадывается.

– Ребенка не проведешь, – сказал Сен-Клер. – Он всегда чувствует, как к нему относятся. Если вы питаете отвращение к детям, их благодарность не завоеешь никакими заботами, никакими милостями. Странно, но это так.

– Я ничего не могу с собой поделать, – повторила мисс Офелия. – Негры мне вообще неприятны, а эта девочка в особенности. Отвращение побороть трудно.

– А вот у Евы его нет.

– Это все ее доброта! Как бы я хотела быть такой, как наша Ева! Она многому может научить меня.

– Старшие не в первый раз получают уроки от маленьких детей, – сказал Сен-Клер.

ГЛАВА XXVI

Смерть

Обманчивый прилив сил, поддерживавший Еву последние дни, был на исходе. Все реже и реже слышались ее легкие шаги в саду, все чаще прикладывалась она на маленький диванчик у выходящего на веранду окна и подолгу не сводила с озера задумчиво-печального взгляда.

Как-то днем, лежа с открытой книжкой в руках, она услышала на веранде сердитый голос матери:

– Это еще что за новости! Ты рвешь цветы, негодница!

И до Евы донесся звук шлепка.

– Миссис! Я для мисс Евы! – послышался голос Топси.

– Для мисс Евы! Лжешь! Очень ей нужны твои цветы, негритянское отродье! Убирайся отсюда вон!

Ева вскочила с дивана и выбежала на веранду.

– Мама, не гони ее! Дай мне этот букет!

– Ева, у тебя и так полна комната цветов.

– Чем больше, тем лучше, – сказала девочка. – Топси, поди сюда.

Топси, которая стояла, угрюмо потупившись, подошла к Еве и протянула ей свой букет. Она сделала это нерешительно и робко. Куда девались ее былая живость и смелость!

– Какой красивый! – сказала Ева.

Букет был не столько красив, сколько оригинален. Он состоял из пунцовой герани и одной белой камелии с глянцевыми листьями; этот резкий контраст, по-видимому, и прельстил Топси.

– Ты замечательно умеешь подбирать цветы, – сказала Ева, и Топси осталась очень довольна этой похвалой. – Поставь его вон в ту вазу, она пустая. И теперь носи мне букеты каждый день.

– Странная причуда! – сказала Мари. – Зачем тебе это нужно?

– Ничего, мама, ты только не сердись. Не будешь?

– Конечно, нет, милая. Делай, как хочешь. Топси, ты слышала, что тебе говорят? Смотри же не забудь!

Топси сделала реверанс и снова потупилась, а когда она повернулась к двери, Ева увидела слезинку, блеснувшую на ее черной щеке.

– Мама, я знала, что Топси хочется доставить мне удовольствие, – сказала она матери.

– Вздор! Эта девчонка только и ждет, как бы набедокурить. Ей не позволяют рвать цветы, вот она и нарвала целый букет. Но если тебе это нравится, пожалуйста.

– Мама, а мне кажется, что Топси теперь не такая, как прежде. Она старается быть хорошей.

– Ох! Сколько еще ей надо стараться, чтобы стать примерной девочкой! – с пренебрежительным смешком сказала Мари.

– Но ведь у Топси такая тяжелая жизнь!

– Уж в нашем-то доме ей не на что пожаловаться! Мало ли было возни с этой девчонкой! Да ведь ее ничем не проймешь – ни просьбами, ни уговорами. Какой была, такой и осталась.

– Мама, ты попробуй сравнить нас! Я живу среди родных, среди друзей, у меня есть всё. А Топси? Вспомни, что она вытерпела, прежде чем попала к нам!

– Не знаю... может быть. – И Мари зевнула. – Господи, какая жара!

– Мама, – сказала Ева, – я хочу подстричь покороче волосы.

– Зачем это? – спросила Мари.

– Чтобы раздать локоны друзьям, пока у меня еще есть силы. Позови тетю, пусть она принесет ножницы.

Мари кликнула мисс Офелию из соседней комнаты.

Девочка приподнялась ей навстречу, тряхнув головкой, распустила по плечам свои длинные золотистые кудри и сказала:

– Тетушка, остригите овечку!

– Что такое? – удивился Сен-Клер, входя в комнату с блюдом фруктов для дочери.

– Папа, я решила подстричь волосы, они слишком густые, мне жарко от них, а локоны подарю всем домашним.

– Осторожнее! – сказал Сен-Клер мисс Офелии. – Выстригайте так, чтобы не было заметно. Евины кудри – моя гордость.

Он стоял, нахмутив брови, сжав губы, и смотрел, как ножницы отрезали длинные пряди золотистых волос. Девочка брала их в руки, обвивала вокруг своих тонких пальцев и складывала одну за другой на колени, с тревогой поглядывая на отца.

– А теперь позовите сюда всех наших слуг, – проговорила она наконец. – Мне надо кое-что сказать им.

– Хорошо, – коротко, через силу бросил Сен-Клер.

Мисс Офелия распорядилась, чтобы желание Евы было выполнено, и вскоре все слуги собрались около ее кровати.

Ева лежала с рассыпавшимися по подушке волосами, яркий румянец пятнами выступал у нее на щеках, подчеркивая худобу этого личика и проникновенный взгляд больших синих глаз.

Слуги посматривали друг на друга, вздыхали, грустно покачивали головой. Женщины закрывали лицо передником. Первые минуты в комнате стояло молчание.

Но вот Ева приподнялась с подушек и сказала:

– Милые мои друзья, мне захотелось повидаться с вами, потому что я люблю вас всех. Вы всегда были так добры ко мне! Примите же от своей Евы маленький подарок, и пусть он всегда напоминает вам о ней. Я дам каждому из вас по прядке волос...

Со слезами и рыданиями негры столпились около кровати и приняли из рук больной последний знак ее любви к ним.

Мисс Офелия, опасавшаяся, как бы эта волнующая сцена не повредила девочке, незаметно делала то одному, то другому знак рукой, чтобы они, отходя от кровати, не задерживались в комнате.

Наконец все ушли, остались только Том и няня.

– Дядя Том, – сказала Ева, – вот этот самый красивый локон – тебе. Возьми и ты, няня, моя добрая, дорогая няня! – И она ласково обняла старую мулатку.

– Мисс Ева, как же я останусь без вас? На кого вы меня покидаете, одну-одинешеньку! – обливаясь горькими слезами, проговорила ее верная нянюшка.

Мисс Офелия мягко подтолкнула обоих слуг к двери в полной уверенности, что больше в комнате никого не осталось, но оглянувшись, вдруг увидела перед собой Топси.

– Ты откуда взялась? – удивилась она.

– Я все время здесь стою, – ответила Топси, утирая кулачками глаза. – Мисс Ева! Неужто вы мне ничего не дадите?

– Да, Топси, да! Вот, возьми этот локон и каждый раз, как будешь смотреть на него, вспоминай меня, вспоминай, что я тебя любила и желала тебе добра.

Топси спрятала заветный дар за пазуху, уткнулась лицом в передник и, повинувшись приказанию, вышла из комнаты.

Мисс Офелия, которая украдкой смахнула не одну слезу в продолжение этой сцены, затворила за ней дверь. Сен-Клер сидел в кресле, закрыв рукой глаза.

– Папа! – прошептала Ева, коснувшись его плеча.

Он вздрогнул, но ничего не ответил ей.

– Папа, милый! – повторила девочка.

– А мне ты ничего не подаришь? – с печальной улыбкой спросил он.

– Они все твои! – воскликнула Ева. – Твои и мамины. И тетушка пусть возьмет себе сколько захочет. А моим бедным друзьям я раздала эти подарки сама, потому что... потому что, когда меня не будет, папа, вы, может быть, и не вспомните об этом...

Ева быстро угасала. Никто больше не сомневался в исходе ее болезни. Надежд на выздоровление быть не могло. Мисс Офелия день и ночь проводила у ее постели, и в доме только теперь сумели по-настоящему оценить эту достойнейшую женщину. Опытные руки, наметанный глаз, трезвая голова, умение незаметно справляться с самой неприятной работой по уходу за больными и создавать покой и уют в их комнате, точность, с которой она выполняла предписания доктора, – все это делало мисс Офелию незаменимой сиделкой. Те, кто раньше пожимал плечами, дивясь чудачествам и излишней, на взгляд южан, строгости и дотошности этой леди, теперь признали, что такой человек и нужен около Евы.

Много времени проводил в комнате больной и дядя Том. Девочка не могла лежать спокойно, ей было легче, когда ее носили. И ничто не доставляло такой радости Тому, как держать на руках это истаявшее от недуга тельце, шагая взад и вперед то по комнате, то по веранде. А по утрам, когда девочка чувствовала себя бодрее и с озера веяло прохладным ветерком, он ходил с ней под апельсиновыми деревьями в саду или, сидя на скамье, напевал ее любимые песни.

Сен-Клер тоже часто брал Еву на руки, но он был слабее Тома, и, замечая, что отец устает, девочка говорила:

– Папа, пусть дядя Том со мной походит. Ему, бедному, хочется хоть что-нибудь для меня сделать.

– Мне тоже хочется, Ева, – отвечал Сен-Клер.

– Да, но ты и так столько всего делаешь! Читаешь вслух, сидишь со мной по ночам... А Том может только носить меня на руках да петь. И он сильнее тебя – ему легче.

Не один Том горел желанием помочь Еве. Все негры в доме старались, каждый по мере своих сил, хоть что-нибудь сделать для нее.

Бедная няня всем сердцем рвалась к своей любимице, но у няни не было ни одной свободной минуты, ибо Мари не отпускала ее от себя ни днем, ни ночью, заявляя, что она совершенно потеряла покой. А если Мари теряла покой, то было в порядке вещей, чтобы его лишались и другие. За ночь няня раз по двадцать вставала к хозяйке, которой требовалось то растереть ноги, то положить холодный компресс на голову, то подать носовой платок, то посмотреть, что делается в комнате Евы, то опустить шторы на окнах, потому что слишком светло, то поднять, потому что темно. А днем, когда няня могла бы ухаживать за Евой, Мари ухитрялась придумывать для нее

самые разнообразные дела по хозяйству или держала около себя, так что няня виделась со своей питомицей только украдкой.

– Теперь мне надо особенно беречь свое здоровье, это мой прямой долг, – говорила Мари. – Ведь я буквально через силу ухаживаю за нашей крошкой.

– По-моему, дорогая, кухня освободила вас от этой обязанности, – возражал ей Сен-Клер.

– Так могут рассуждать только мужчины! Как будто с матери можно снять заботы о тяжело больном ребенке! Но что толку спорить? Вы же не представляете себе моих переживаний. Я не могу так легко относиться к этому, как вы.

Сен-Клер улыбался, слушая жену. Простим ему это. В ту пору он еще мог улыбаться, ибо Ева доживала свои последние дни так тихо, так безмятежно, что в ее близкую смерть невозможно было поверить. Девочка не страдала, а чувствовала только слабость, почти незаметно возраставшую день ото дня. Единственный, с кем она делилась своими предчувствиями, утаивая их даже от отца, чтобы не огорчать его, был ее верный друг Том.

Он уже не ночевал больше в своей каморке, а ложился на веранде, готовый вскочить по первому зову.

– Дядя Том, почему это тебе вздумалось спать где попало, как бездомной собачонке? – спросила его однажды мисс Офелия. – А я-то считала, что ты человек обстоятельный, во всем любишь порядок.

– Это все правильно, мисс Фели, – сказал Том, – но сейчас такое время...

– Какое время?

– Тише, мисс Фели, как бы хозяин не услышал... Мисс Фели, сегодня ночью надо кому-нибудь быть настороже.

– А разве мисс Ева жаловалась, что ей хуже?

– Нет... Она только сказала мне сегодня утром, что теперь уже недолго.

Этот разговор происходил между десятью и одиннадцатью часами вечера, когда мисс Офелия пошла запереть на засов входную дверь и обнаружила на веранде Тома.

Чрезмерная нервозность и впечатлительность были чужды мисс Офелии, но Том говорил так проникновенно, что она не могла не внять его словам.

В тот день Ева была бодрее и веселее обычного и даже сидела в постели, перебирая свои безделушки и сокровища и распределяя, кому что отдать. Ее давно не видели такой оживленной, такой разговорчивой.

Вечером Сен-Клер пришел навестить дочь, и ему показалось, что перед ним прежняя Ева. Поцеловав ее на ночь, он сказал мисс Офелии:

– Кухина, может быть, нам удастся спасти нашу девочку. Смотрите, ей стало лучше! – и ушел к себе успокоенный, чувствуя, что у него давно не было так легко на сердце.

Но среди ночи в комнате Евы послышались шаги. Мисс Офелия, решившая бодрствовать до утра, в полночь заметила у больной признаки того, что опытные сиделки называют «переломом». Она вышла на веранду и окликнула Тома, который сразу вскочил на ее зов.

– Том, беги за доктором! Не теряй ни минуты! – сказала мисс Офелия и постучалась к Сен-Клеру: – Огюстен, выйдите ко мне!

Эти слова упали на сердце Сен-Клера, словно комья земли на крышку гроба. Он выбежал из комнаты и через мгновение уже склонился над спящей Евой.

Отчего у него замерло сердце? Что он увидел? Почему они с мисс Офелией не обменялись ни словом? Пусть на это ответит тот, кому пришлось перенести смерть близкого человека, кто видел на его челе еле уловимые, но не оставляющие никаких надежд признаки неотвратимого конца.

Смертная тень еще не коснулась личика Евы – оно было безмятежно и ясно.

Сен-Клер и мисс Офелия в глубоком молчании смотрели на нее. В комнате слышалось только тиканье часов – такое громкое в этой мертвой тишине!

Вошел Том с доктором. Доктор взглянул на Еву и так же, как остальные, молча стал у кровати. Потом спросил шепотом:

– Когда это началось?

– Около полуночи, – ответила мисс Офелия.

Прибежала Мари, разбуженная приходом доктора.

– Огюстен!.. Кузина! Что случилось?

– Тс! – хриплым голосом остановил ее Сен-Клер. – Она умирает.

Няня услышала его слова и кинулась будить слуг. Вскоре весь дом был на ногах – в комнатах замелькал свет, послышались шаги, за стеклянной дверью веранды виднелись заплаканные лица.

Но Сен-Клер ничего этого не замечал – перед ним было только лицо спящей дочери.

– Неужели она не проснется, не скажет хоть одно слово! – проговорил он наконец и, нагнувшись над Евой, шепнул ей на ухо: – Ева, радость моя!

Огромные синие глаза открылись, по губам девочки скользнула улыбка. Она хотела поднять голову с подушки, хотела заговорить...

– Ты узнаешь меня? Ева!

– Папа, милый! – чуть слышно сказала она и из последних сил обвила руками его шею.

А потом руки ее упали и по лицу пробежала смертная судорога. Она заметалась, лоя губами воздух.

– Боже мой! – воскликнул Сен-Клер и, отвернувшись, не сознавая, что делает, стиснул Тома руку: – Том, друг мой! Я не вынесу этого!

По черному лицу Тома катились слезы.

– У меня разрывается сердце! Боже, молю тебя, сократи ее страдания!

– Они кончились, слава создателю! Хозяин, посмотрите на нее!

Девочка лежала, глубоко дыша, словно от усталости. Остановившийся взгляд ее синих глаз был устремлен ввысь. И в этом лице было такое величавое спокойствие, что горестные рыдания стихли. Все молча, затаив дыхание, столпились около кровати.

– Ева! – прошептал Сен-Клер.

Но она уже ничего не слышала. Светлая улыбка озарила ее лицо, и Евы не стало.

ГЛАВА XXVII Прощание

Картины и статуи в комнате Евы были затянуты белыми простынями, шторы на окнах припущены. Сдержанные вздохи и приглушенные шаги не нарушали царившей там тишины.

Кровать тоже была накрыта белым, и на ней лежала маленькая Ева, уснувшая навеки.

Ее одели в скромное белое платье, которое она носила при жизни. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь розовые шторы, бросали теплые отсветы на мертвенно-холодные щеки, оттененные пушистыми ресницами. Головка ее была повернута набок, словно она и вправду спала.

Сен-Клер стоял, сложив руки на груди, и не сводил глаз с умершей дочери. Кто знает, о чем он думал? Вокруг него раздавались негромкие голоса, к нему обращались с вопросами, он отвечал на них. Но когда его попросили назначить день похорон и выбрать место для могилы, он нетерпеливо сказал:

– Мне все равно.

Комната, как и прежде, была полна белых цветов – нежных, благоухающих. На столике, покрытом белой скатертью, стояла любимая ваза Евы и в ней полураспустившийся белый розан. Полог над кроватью и оконные шторы были собраны в густые складки, Адольф и Роза положили на это немало труда и выполнили свое дело с тем большим вкусом, который присущ неграм.

И сейчас, когда Сен-Клер стоял у постели дочери, погруженный в глубокое раздумье, Роза снова вошла в комнату с корзиной белых цветов. Она почтительно остановилась на пороге, но, убедившись, что хозяин не замечает ее, стала убирать цветами умершую. Сен-Клер видел, словно во сне, как Роза вложила ветку жасмина в безжизненные тоненькие пальцы и разбросала остальные цветы по кровати.

Дверь снова открылась: вошла Топси с опухшими от слез глазами. Она прятала что-то под передником. Роза замахала на нее руками, но Топси шагнула вперед.

– Ступай отсюда! – сердито шепнула Роза. – Нечего тебе здесь делать!

– Пусти меня! Я принесла цветок – смотри, какой красивый! – И Топси вытащила из-под передника чайную розу. – Я положу ее туда... Ну, позволь!

– Ступай, ступай! – еще более решительно повторила горничная.

– Оставь ее! – вдруг сказал Сен-Клер и топнул ногой. – Пусть войдет.

Роза отступила назад, а Топси подошла к кровати, положила свой цветок к ногам умершей и вдруг, отчаянно зарыдав, упала на пол.

Мисс Офелия, прибежавшая на крик, бросилась поднимать и успокаивать девочку, но все ее старания так ни к чему и не привели.

– Мисс Ева! О, мисс Ева! Я хочу умереть, я тоже хочу умереть!

Краска разлилась по мертвенно-бледному лицу Сен-Клера, когда он услышал этот пронзительный, дикий вопль, и на глазах его впервые после смерти Евы навернулись слезы.

– Встань, дитя мое, встань, – мягко сказала мисс Офелия. – Не плачь, не надо. Мисс Еве теперь хорошо.

– Я больше не увижу ее, никогда не увижу! – не унималась Топси.

Сен-Клер и мисс Офелия молчали.

– Она любила меня! Она сама мне так говорила. Господи! Что же теперь со мной будет? Никого у меня не осталось!

– Это верно, – сказал Сен-Клер. – Кузина, прошу вас, успокойте ее как-нибудь, бедняжку.

– И зачем я только родилась! – причитала Топси. – Я не хотела родиться, не хотела!

Мисс Офелия ласковой, но твердой рукой подняла девочку и повела к себе, смахивая набегающие на глаза слезы.

– Топси, бедная, – сказала она, оставшись с ней наедине, – не отчаивайся. Я тоже буду любить тебя, хоть мне и далеко до нашей бесценной Евы, – буду любить и помогу тебе стать хорошей девочкой.

Голос мисс Офелии выражал больше чувства, чем ее слова, а еще убедительнее были слезы, катившиеся у нее по щекам. И с этого дня несчастная, одинокая Топси привязалась к ней всей душой.

В комнате Евы слышались осторожные шаги и сдержанный шепот – слуги один за другим приходили прощаться со своей любимицей. А потом внесли гроб, к дому начали подъезжать экипажи, из них выходили друзья, знакомые. Белые шарфы, ленты, черный траурный креп... Сен-Клер двигался, говорил, но слез у него больше не было. Он видел перед собой только одно – золотистую головку в гробу. А потом ее накрыли покрывалом, на гроб опустили крышку... Сен-Клер в толпе провожающих пошел в конец сада; там, около дерновой скамьи, где Ева так часто сидела с Томом, разговаривая, слушая его песни или читая ему вслух, теперь была вырыта могила. Сен-Клер остановился, безучастно глядя вниз, в зияющую перед ним яму. Он видел, как туда опустили гроб, и когда над могилой вырос холмик, ему все еще не верилось, что Ева навсегда ушла от него.

А потом все вернулись в дом, который никогда больше не услышит ни ее голоса, ни ее шагов. В комнате Мари опустили шторы. Она лежала на кровати и, громко рыдая, поминутно звала к себе то няню, то горничных. Им, бедным, и поплакать-то не пришлось. Да разве слуги способны плакать? Мари твердо верила, что только она одна может испытывать такое глубокое горе. Другим его не понять, не почувствовать!

– Сен-Клер не пролил ни слезинки! – говорила Мари. – Такая черствость просто уму непостижима! Хоть бы он мне посочувствовал!

Внешние проявления горя так часто обманывают людей, что многие из слуг и в самом деле считали, будто их хозяйка тяжелее всех переносит смерть дочери. К тому же у Мари началась истерика, и, вообразив, что конец ее близок, она послала за доктором. И тут поднялась такая суматоха, столько понадобилось бутылок с горячей водой, горячих припарок и холодных компрессов, что горевать слугам было уже некогда!

А Том всем сердцем тянулся к Сен-Клеру. Куда бы хозяин ни пошел, он грустно следовал за ним по пятам. И когда Сен-Клер, бледный, безмолвный, сидел в комнате Евы, Том чувствовал,

что неподвижный взгляд этих сухих глаз говорит о таких муках, которые неведомы Мари, сколько бы она ни плакала, сколько бы ни причитала.

Через несколько дней Сен-Клеры вернулись в город. Огюстен, не находивший себе места от горя, решил переменить обстановку, чтобы хоть немного рассеяться. Они покинули виллу и сад со свежей могилой и уехали в Новый Орлеан.

Сен-Клер почти не сидел дома, пытаясь заглушить сердечную боль повседневной деловой суетой, новыми впечатлениями. Те, кто встречал этого человека на улице или в кафе, догадывались о его утрате только по трауру на шляпе, ибо он улыбался, разговаривал, читал газеты, рассуждал о политике, занимался делами. И кому из его знакомых могло прийти на ум, что эта беззаботная внешность – только маска, под которой таится могильный холод и мрак опустошенной души!

– Сен-Клер такой странный человек! – жаловалась Мари мисс Офелии. – Мне думалось раньше, что если ему вообще кто-нибудь дорог, так это наша бедная Ева. Но он ее почти забыл. Его не заставишь даже поговорить о ней. Я никак не ожидала, что мой муж окажется таким бесчувственным.

– Тихие воды глубоки, – многозначительно сказала мисс Офелия.

– А! Не верю! Это все одни слова. Глубину чувства не скроешь, она так или иначе даст о себе знать. Но те, кто способен глубоко чувствовать, – самые несчастные люди. Я завидую Сен-Клеру: ему мои страдания неведомы.

– От хозяина осталась одна тень, миссис. Слуги говорят, он ничего не ест, – вмешалась в их разговор няня и добавила, утирая слезы: – Да разве ему забыть мисс Еву! И никто ее не забудет, нашу крошку!

– Ну, не знаю... Во всяком случае, меня он совершенно не жалеет, – сказала Мари. – Я не слышала от него ни одного участливого слова, а ведь материнское сердце не чета отцовскому.

– Чужая душа потемки, – строго проговорила мисс Офелия.

– Совершенно верно! Того, что я чувствую, никто не знает. Одна только Ева меня понимала, но ее больше нет со мной! – Мари откинулась на спинку кресла и горько расплакалась.

Между тем в кабинете Сен-Клера происходил совсем другой разговор.

Том, не спускавший глаз с хозяина, видел, как тот удалился к себе, и, прождав его напрасно несколько часов, тихонько вошел к нему в кабинет. Сен-Клер лежал на диване, уткнувшись лицом в подушку. Том стал рядом, не решаясь окликнуть его, но Сен-Клер вдруг поднял голову. Увидев перед собой это исполненное любви и грусти лицо, поймав на себе этот умоляющий взгляд, он взял Тома за руку и прижался к ней лбом.

– Том, друг мой, весь мир для меня опустел!

– Я знаю, хозяин, знаю, – сказал Том. – Но веруйте в бога, он поможет вам снести это горе.

– Спасибо тебе, друг мой! Иди, оставь меня одного. Мы еще поговорим с тобой, только не сейчас.

И Том молча вышел из кабинета.

ГЛАВА XXVIII Не суждено!

Неделя проходила за неделей. Волны жизни снова сомкнулись над пучиной, поглотившей маленькую ладью, ибо повседневность не считается с нашими чувствами и властно заставляет нас покоряться своей воле.

Все интересы и надежды Сен-Клера незаметно для него самого сосредотачивались раньше вокруг дочери. Ради Евы он устраивал свои денежные дела; применяясь к ней, распределял свое время. Все делалось для Евы, и Сен-Клер так привык к этому, что теперь, когда ее не стало, ему нечем было заняться, не о чем было думать.

Но теперь он более трезво и серьезно смотрел на свое отношение к невольникам и вскоре после переезда в Новый Орлеан начал хлопоты об освобождении Тома. Оставалось проделать только кое-какие формальности, и Том был бы свободен. А тем временем Сен-Клер все больше и

больше привязывался к своему слуге, видя в нем живое напоминание о Еве. Он почти не отпускал его от себя и при всей своей скрытности и замкнутости чуть ли не думал при нем вслух.

– Ну, Том, – сказал он на другой день после того, как ходатайство об освобождении было подано, – скоро ты будешь свободным человеком, так что складывай свои вещи в сундучок и готовься к отъезду в Кентукки.

Радость, вспыхнувшая в глазах Тома, и его возглас «Слава создателю!» неприятно удивили Сен-Клера. Он не ожидал, что его слуге будет так легко расстаться с ним.

– Не понимаю, чего ты так возликовал! Разве тебе плохо живется у нас? – сухо спросил он.

– Нет, что вы, хозяин! Не в том дело. Я радуюсь, что стану свободным человеком.

– Да тебе будет хуже на свободе.

– Нет, никогда, мистер Сен-Клер! – горячо воскликнул Том.

– Ты не сможешь одеваться и кормиться на свои заработки так, как тебя кормят и одевают у меня.

– Я это знаю, мистер Сен-Клер, знаю. Но лучше ходить в отрепьях и жить в лачуге, только чтобы это было мое, а не чужое. Ничего не поделаешь, хозяин, такова, видно, природа человеческая.

– Может статься, ты прав, Том... Ну так вот, через месяц-другой мы с тобой расстанемся.

На этом их разговор был прерван, так как Сен-Клеру доложили о приезде гостей.

Мари чувствовала утрату дочери, насколько ей вообще дано было чувствовать что-либо, а так как она не умела страдать в одиночестве и обладала способностью делать несчастными всех вокруг себя, ее слуги имели все основания вспоминать Еву, которая своим заступничеством столько раз спасала их от нападок деспотической и придирчивой хозяйки. Что же касается бедной няни, оторванной от семьи и находившей единственное утешение в своей любимице, так для нее смерть Евы была неизбывным горем. Она плакала день и ночь и не могла с прежней расторопностью ухаживать за хозяйкой, чем непрестанно навлекала ее гнев на свою беззащитную голову.

Смерть Евы не прошла даром и для мисс Офелии. Эта суровая леди стала прислушиваться к голосу сердца, стала мягче, добрее. Она еще усерднее принялась учить Топси, поборов в себе прежнюю неприязнь к ней. Топси не сразу превратилась в ангелочка, но пример Евы и ее смерть произвели в девочке заметную перемену. Прежнее холодное равнодушие ко всему на свете уступило место новым интересам, надеждам. Правда, став на этот путь, Топси часто сбивалась с него и принималась за старое, но не надолго.

– Девочка с каждым днем становится все лучше и лучше, – сказала однажды мисс Офелия Сен-Клеру. – Я возлагаю на нее большие надежды. Но, Огюстен... – и она коснулась его плеча, – мне все-таки хочется выяснить, чья Топси: моя или ваша?

– Я же подарил ее вам, – ответил Сен-Клер.

– Да, но ведь это нигде не записано, а я хочу, чтобы она принадлежала мне по всем правилам и чтобы ее можно было увезти в свободные штаты и там отпустить на волю. Составьте дарственную запись или выдайте мне на руки какой-нибудь другой документ, имеющий законную силу.

– Хорошо, хорошо! Что-нибудь придумаем, – сказал Сен-Клер и взялся за газету.

– Я прошу вас, сделайте это сейчас.

– Почему вдруг такая спешка?

– Потому что никогда не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, – сказала мисс Офелия. – Вот вам бумага, чернила, перо. Садитесь и пишите.

Сен-Клер по складу своего характера терпеть не мог, когда от него требовали немедленных действий, и настойчивость мисс Офелии пришлась ему не по вкусу.

– Да что случилось? – воскликнул он. – Неужели вы не верите мне на слово?

– Я хочу, чтобы это было наверняка, – сказала мисс Офелия. – Вы можете умереть, разориться, и тогда ничего не поделаешь – Топси продадут с аукциона.

– Однако вы предусмотрительны! Ну что ж, раз уж я попался в лапы янки,⁴² придется про-

⁴² Янки – прозвище, данное европейцами американцам, уроженцам США.

явить покорность.

Сен-Клер, хорошо знавший все юридические тонкости, без труда написал дарственную и поставил внизу свою размашистую подпись с росчерком чуть ли не в полстраницы.

– Ну-с, уважаемая кузина, вот вам – черным по белому, – сказал он, протягивая бумагу мисс Офелии.

Она улыбнулась.

– Умница! Но, по-моему, это надо еще скрепить свидетельской подписью.

– Ах ты господи! И в самом деле! Сейчас! – И он открыл дверь в комнату жены. – Мари! Кузина желает получить ваш автограф. Распишитесь, пожалуйста.

– Что это? – спросила та, пробегая глазами бумагу. – Боже мой! А я-то думала, что благочестие не позволяет кузине заниматься такими предосудительными делами. Впрочем, если вы так уж прельстились этой девчонкой, я не возражаю, – и она небрежно нацарапала свою подпись.

– Ну вот, теперь Топси ваша и душой и телом, – сказал Сен-Клер, вручая кузине документ.

– Душа и тело Топси как были свободными, такими и останутся, – возразила мисс Офелия. – Но теперь, по крайней мере, я смогу взять ее под свою защиту.

– Хорошо! Значит, она принадлежит вам только на бумаге, – усмехнулся Сен-Клер и, взяв газету, ушел в гостиную.

Мисс Офелия, не очень-то любившая проводить время в обществе Мари, направилась следом за ним, предварительно спрятав у себя в комнате только что полученный документ.

Она просидела несколько минут молча, с вязаньем в руках, потом вдруг спросила:

– Огюстен, вы сделали какие-нибудь распоряжения на случай своей смерти?

– Нет, – ответил Сен-Клер, не поднимая головы от газеты.

– Тогда вся ваша снисходительность к невольникам может дорого им обойтись в дальнейшем.

Сен-Клер и сам часто думал об этом, но сейчас он ответил небрежным тоном:

– Да, завещание надо составить.

– Когда?

– Как-нибудь на днях займусь этим.

– А если вы умрете раньше?

– Что случилось, кузина? – воскликнул он, откладывая газету в сторону. – Почему вы с таким усердием принялись за устройство моих посмертных дел? Разве у меня появились признаки холеры или желтой лихорадки?

– Смерть часто настигает нас неожиданно-негаданно, – сказала мисс Офелия.

Сен-Клер встал, бросил газету на пол и, чтобы положить конец этому неприятному разговору, вышел на веранду. «Смерть!» – машинально повторил он. Потом облокотился о перила и, глядя невидящими глазами на серебристые струи фонтана, на цветы, деревья и вазы во дворе, снова произнес это слово, такое обычное в наших устах и вместе с тем полное такое грозной силы: «Смерть!»

Он выпрямился и стал ходить взад и вперед по веранде, погруженный в глубокое раздумье. Прозвонил звонок к чаю, но Сен-Клер ничего не слышал и очнулся от своих мыслей только тогда, когда Том окликнул его во второй раз.

За столом Сен-Клер был рассеян и задумчив. После чая он, Мари и мисс Офелия, почти не обменявшись ни словом, перешли в гостиную.

Мари расположилась на кушетке, затянутой шелковым пологом от комаров, и вскоре уснула крепким сном. Мисс Офелия молча вязала Сен-Клер сел за рояль, взял несколько аккордов, но тут же опустил голову на руки, посидел так несколько минут, поднялся и заходил взад и вперед по комнате.

– Бедная моя маленькая Ева! – проговорил он. – Это ты вывела меня на правильный путь. С твоей смертью я потерял все, а тот, кому нечего больше терять, обретает смелость и отвагу.

– Что же вы собираетесь делать теперь? – спросила мисс Офелия.

– Выполнить свой долг по отношению к несчастным, беззащитным людям, – ответил Сен-

Клер. – И прежде всего начну с наших слуг. А впоследствии, кто знает, может, мне удастся спасти Америку от позора, который унижает ее в глазах всего цивилизованного мира.

– Неужели вы думаете, что рабовладельцы добровольно откажутся от своих прав?

– Не знаю... Может быть, среди нас все-таки найдутся люди, неспособные расценивать честь и справедливость на доллары и центы.

– Сомневаюсь, – сказала мисс Офелия.

– Но если мы освободим своих рабов, кто займется ими, кто научит их использовать дарованную им свободу на благо самим себе? – продолжал Сен-Клер. – Мы слишком ленивы и непрактичны, чтобы воспитать в бывших невольниках любовь к труду, без которой они не станут настоящими людьми. Им придется двинуться на Север, но признайтесь мне откровенно: много ли найдется людей в Северных штатах, которые захотят взять на себя роль их воспитателей? У вас не жалеют денег на миссионеров, но что вы скажете, когда в ваши города и поселки хлынут чернокожие? Вот что меня интересует! Если Юг освободит своих рабов, соизволит ли Север заняться их воспитанием? Много ли семейств в вашем городе пустит к себе в дом негра или негритянку? Если я посоветую Адольфу стать приказчиком или изучить какое-нибудь ремесло, найдутся ли торговцы и мастера, которые возьмут его к себе в услужение? Сколько школ в Северных штатах примут Розу и Джейн? Я хочу, кузина, чтобы о нас судили справедливо. Наше положение не из легких. Мы угнетаем негров – это факт совершенно очевидный, но, может быть, им не менее тяжело сносить предрассудки, которые так распространены на Севере!

Он прошелся по комнате раз-другой и сказал:

– Пойду погулять немножко и кстати узнаю, какие новости в городе, – и, взяв шляпу, вышел.

Том проводил хозяина до ворот и спросил, не пойти ли ему вместе с ним.

– Нет, друг мой, – сказал Сен-Клер. – Я через час вернусь.

Был тихий лунный вечер. Том сидел на веранде, смотрел на взлетающие ввысь струи фонтана и, прислушиваясь к их плеску, думал о семье, о своем скором возвращении домой. Он получит свободу, будет много работать и выкупит жену и детей. Он потрогал свои мускулистые руки и радостно улыбнулся. Только бы стать хозяином самому себе, а тогда не пожалеешь сил, чтобы вызволить семью из рабства!

Думая свои думы, Том задремал, уже видел сны и вдруг очнулся от звука голосов на улице и громкого стука в ворота. Он открыл их, быстро сбежав с веранды. Во двор осторожно внесли носилки. На них лежал человек, прикрытый плащом. И когда свет фонаря упал на его лицо, Том в ужасе вскрикнул и бросился вслед за носильщиками, двигавшимися к дверям гостиной, где с вязаньем в руках все еще сидела мисс Офелия.

Что же произошло? Сен-Клер зашел в кафе посмотреть вечернюю газету, и пока он сидел там, двое подвыпивших джентльменов затеяли драку. Посетители кинулись разнимать дерущихся, и Сен-Клер, пытаясь отнять у одного из них нож, был смертельно ранен в бок.

Трудно себе представить, что поднялось в доме. Слуги с плачем метались по веранде, рвали на себе волосы, катались по полу Мари билась в истерике. Только мисс Офелия и Том сохраняли присутствие духа среди всеобщего смятения. Мисс Офелия распорядилась, чтобы Сен-Клера положили в гостиной, и ему наскоро приготовили там постель. Он лишился чувств от боли и сильной потери крови.

Приехал доктор, осмотрел раненого, и все поняли по выражению его лица, что надежды нет. Но он спокойно перевязал рану с помощью мисс Офелии и Тома, словно не слыша стонов и причитаний негров, толпившихся у дверей и окон гостиной, а когда перевязка была закончена, сказал:

– Уведите их отсюда. Ему нужен покой, иначе я ни за что не ручаюсь.

Сен-Клер открыл глаза и пристально посмотрел на своих плачущих слуг, которых мисс Офелия и доктор старались выпроводить с веранды.

– Несчастные! – сказал он голосом, полным горького раскаяния.

Слуги наконец-то вняли увещаниям мисс Офелии, повторявшей, что их стоны и плач могут стоить жизни хозяину, и удалились.

Сен-Клер лежал молча, с закрытыми глазами. Так прошло некоторое время. Вдруг он коснулся руки Тома, стоявшего на коленях возле дивана, и сказал:

– Бедный мой друг!

– Что вы, хозяин?

– Я умираю... – тихо проговорил Сен-Клер, сжимая руку Тома.

И силы изменили ему. Мертвенная бледность разлилась по его лицу, и оно стало спокойным, как у засыпающего ребенка. Через мгновение он открыл глаза, вдруг озарившиеся внутренним светом, прошептал: «Мама!» – и умер.

ГЛАВА XXIX

Беззащитные

Ужас и смятение царили в осиротевшем доме. Смерть настигла молодого хозяина внезапно, в полном расцвете сил, и слуги не переставали оплакивать свою потерю.

Когда муж умирал, Мари, не отличавшаяся стойкостью духа, лежала в обмороке, и тот, с кем она была связана узами брака, ушел от нее навсегда, не успев даже сказать ей последнее «прости».

Но мисс Офелии мужество не изменило, и она до последней минуты оставалась у постели умирающего, стараясь как только можно облегчить его страдания.

Том сначала не подумал, что этот неожиданный удар обрекает его на беспросветное рабство. Но вот отошли пышные похороны, на которых не было недостатка ни в траурном крене, ни в молитвах, ни в торжественно-печальных лицах. Холодные, мутные волны повседневности снова сомкнулись над опустевшим домом, и перед всеми его обитателями встал неизбежный суровый вопрос: что же теперь делать?

В один прекрасный день вопрос этот встал перед Мари, которая, сидя в кресле и окруженная толпой слуг, отбирала образцы крепа и черных тканей, присланные из магазина. Встал он и перед мисс Офелией, уже начинавшей подумывать о возвращении домой, на Север. Задавались им и слуги, хорошо знавшие жестокий, деспотический нрав своей хозяйки, во власти которой они остались. Все они прекрасно понимали, что прежние милости исходили не от нее, а от хозяйина и что теперь никакая сила не защитит их от произвола женщины, которую еще больше ожесточило перенесенное горе.

После похорон прошло около двух недель. Как-то днем мисс Офелия услышала осторожный стук в дверь. Она открыла ее и увидела молоденькую горничную-квартирерку Розу, которая стояла на пороге растрепанная, с опухшими от слез глазами.

– Мисс Фели, – вскричала девушка, падая перед мисс Офелией на колени и цепляясь за подол ее платья, – пойдите к мисс Мари, умоляю вас! Будьте моей заступницей! Мисс Мари посылает меня на порку. Вот, смотрите! – И она протянула мисс Офелии сложенную вдвое бумажку.

Это была записка, написанная изящным почерком Мари и адресованная специальному заведению для порки рабов, с просьбой дать подательнице сего пятнадцать ударов плетью.

– В чем же ты провинилась? – спросила мисс Офелия.

– Ах, мисс Фели, вы же знаете, какой у меня скверный характер! Я примеряла мисс Мари платье, и она ударила меня по лицу... А я, не подумавши, наговорила ей дерзостей. Мисс Мари сказала, что она больше не желает этого терпеть и приструнит меня раз и навсегда, чтобы я не смела зазнаваться. И вот написала эту записку и велит мне самой отнести ее. Уж лучше бы она убила меня на месте!

Мисс Офелия молчала, размышляя, как ей поступить.

– Если бы вы или сама мисс Мари меня высекли, это еще ничего, я стерплю, – продолжала Роза. – Но, мисс Фели, вы подумайте – мужчина будет меня сечь! Срам-то какой!

Мисс Офелия знала о существовании специальных заведений, куда посылают на порку женщин и молодых девушек. Но одно дело знать, а другое видеть перед собой несчастную, которая дрожит от страха в ожидании такого позора. И сердце мисс Офелии забилося от негодования, щеки ее вспыхнули. Однако обычная выдержка не изменила ей, она овладела собой и, сжав за-

писку в руке, сказала Розе:

– Побудь здесь, дитя мое, а я пойду поговорю с хозяйкой.

«Чудовищно! Позор! Неслыханный позор!» – восклицала она мысленно, направляясь в гостиную.

Мари с распущенными волосами полулежала в кресле, няня причесывала ее, а Джейн, сидя на полу, растирала ей ноги.

– Как вы себя чувствуете сегодня? – спросила мисс Офелия.

Мари испустила глубокий вздох, закрыла глаза и, выдержав паузу, ответила:

– Ах, кухня, я и сама не знаю! Лучше мне, вероятно, уже никогда не будет! – И она поднесла к лицу батистовый платочек, обшитый широкой траурной каймой.

– Я пришла... – начала мисс Офелия, покашливая тем сухим, коротким кашлем, которым обычно предваряют неприятный разговор. – Я пришла поговорить с вами относительно бедняжки Розы.

Мари сразу открыла глаза, и ее бледные щеки вспыхнули.

– А что такое? – резко спросила она.

– Роза раскаивается в своем поступке.

– Ах, вот как! Рано она об этом заговорила. Получит по заслугам, тогда еще больше будет раскаиваться. Я не намерена терпеть наглость этой девчонки. Она за все теперь заплатит и впредь будет умнее!

– Неужели нельзя придумать ей какое-нибудь другое наказание, не такое позорное?

– Пусть терпит позор! Пусть! Я этого и хочу. Она зазналась! Возомнила себя невесть какой деликатной барышней, забыла, кто она такая! А теперь я ее проучу как следует.

– Вы ответите перед богом за такую жестокость! – горячо воскликнула мисс Офелия.

– Жестокость? Я приказала дать ей только пятнадцать ударов, да и то не очень сильных! И вы называете это жестокостью?

– А как же это назвать? Я уверена, что всякая девушка на ее месте скорее согласится пойти на смерть, чем терпеть такой позор!

– Не судите об этих тварях по себе. Для них это дело привычное. С ними только так и можно управляться, а дай им волю, они тебе на голову сядут. Нет! Довольно церемониться со служанками! Я их всех до единой туда отправлю, если они будут со мной вольничать. Пусть так и знают! – И Мари с победоносным видом огляделась по сторонам.

Джейн съезжилась и вобрала голову в плечи, как будто эта угроза относилась непосредственно к ней. Минуту мисс Офелия сидела с таким видом, словно она проглотила какое-то взрывчатое вещество и ее того и гляди разорвет на части. Потом, поняв всю бесполезность этого разговора, решительно сжала губы, поднялась и вышла из комнаты.

Нелегко было мисс Офелии признаться Розе, что ее заступничество ни к чему не привело. А вскоре в комнату заглянул один из негров и, сказав, что хозяйка велела ему проводить Розу в заведение для порки, увел несчастную девушку, несмотря на все ее мольбы и слезы.

Прошло еще несколько дней. Том стоял, задумавшись, на веранде, когда к нему подошел Адольф, безутешный после смерти Сен-Клера. Адольф всегда чувствовал, что мисс Мари относится к нему с неприязнью, но при жизни хозяина его это мало тревожило. Зато теперь он дрожал за свою судьбу, не зная, что его ждет в ближайшем будущем. Мари уже несколько раз совещалась со своим поверенным и, списавшись с братом Сен-Клера, решила продать дом и всех невольников мужа, а тех, которые принадлежали ей лично, увезти с собой на отцовскую плантацию.

– Знаешь, Том, ведь нас всех продадут, – сказал Адольф.

– Откуда ты это слышал? – спросил Том.

– Я спрятался за портьерой, когда хозяйка разговаривала со своим адвокатом. Через несколько дней нас отправят на аукцион.

– Все в руках божьих! – тяжело вздохнул Том.

– Такого хозяина у нас больше не будет, – уныло продолжал Адольф. – Да пусть продают, все лучше, чем оставаться без него у нашей хозяйки.

Том отвернулся. Сердце у него сжалось от боли. Надежда на свободу, мысли о далекой жене и детях мелькнули в его сознании и тут же погасли. Так моряк видит с гибнущего у родных берегов корабля крыши своего селенья, церковный шпиль... они мелькают перед ним на миг, а потом навсегда скрываются за бурной волной. Он стиснул руки, стараясь подавить горькие слезы, просившиеся на глаза. Как это ни покажется странным, но несчастного Тома обуревала такая жажда свободы, что ему нелегко было перенести этот удар, и чем больше он твердил «все в руках божьих», тем тяжелее становилось у него на душе.

Он отправился на поиски мисс Офелии, которая после смерти Евы относилась к нему с особенным уважением.

– Мисс Фели, – сказал Том, – мистер Сен-Клер обещал отпустить меня на свободу. Он говорил, что все бумаги уже поданы. Если б вы, мисс Фели, были так добры и напомнили об этом хозяйке, может быть, она исполнила бы волю покойного.

– Хорошо, Том, я поговорю и сделаю все, что в моих силах, – сказала мисс Офелия. – Хотя, если это зависит от миссис Сен-Клер, ты лучше не тешь себя надеждой. Но попробовать все-таки надо.

Этот разговор происходил через несколько дней после случая с Розой, когда мисс Офелия уже начала готовиться к отъезду домой, на свой родной Север.

Поразмыслив как следует, она пришла к заключению, что слишком погорячилась, заступаясь за Розу, и решила на сей раз умерить свою резкость и проявить как можно больше миролюбия. И вот эта добрая душа захватила с собой вязанье и, призвав на помощь все свои дипломатические способности, отправилась в комнату Мари вести переговоры о Томе.

Мари покоилась на диване, подложив под локоть подушку, и рассматривала образчики черного газа, которые Джейн принесла из магазина.

– Пожалуй, надо взять вот этот, – сказала она, откладывая в сторону один кусок. – Только не знаю, годится ли такая материя для траура.

– Да что вы, миссис! – затараторила Джейн. – Генеральша Дербеннон, как овдовела прошлым летом, так и сшила себе такое платье. И очень красивое получилось!

– Что вы скажете? – обратилась Мари к мисс Офелии.

– Я не знаю, как у вас здесь принято, – ответила та. – Вам лучше об этом судить.

– Мне совершенно нечего надеть, а решать надо как можно скорее, потому что на будущей неделе я отсюда уеду, – сказала Мари.

– Как, уже?

– Да. Брат Сен-Клера пишет, что обстановку и слуг надо продать с аукциона, а дом оставить на попечение поверенного.

– Как раз об этом я и хотела с вами поговорить, – сказала мисс Офелия. – Огюстен обещал отпустить Тома на свободу и успел предпринять кое-какие шаги к этому. Я надеюсь, что вы доведете начатое им дело до конца.

– И не подумаю! – отрезала Мари. – Том один из самых ценных невольников. Я не могу позволить себе такую роскошь. И вообще, что он будет делать на свободе? Ему так гораздо лучше живется.

– Том мечтает стать свободным человеком, тем более что хозяин обещал ему это, – сказала мисс Офелия.

– Ну еще бы! – воскликнула Мари. – Они все об этом мечтают, вечно всем недовольны! А я принципиально против освобождения негров. Когда у них есть хозяева, они и живут по-человечески и от рук не отбиваются. Но стоит только отпустить негра на волю, и кончено! Он сопьется, перестанет работать и превратится в бездельника, в бродягу. Таких примеров сотни! Свобода не доводит их до добра.

– Но Том такой работающий, смирный, набожный!

– Ах, что вы мне рассказываете! Будто я не знаю этих негров! Они хороши до тех пор, пока не уйдут из-под крылышка хозяина.

– Если вы продадите его с аукциона, еще неизвестно, в какие руки он попадет. Об этом тоже следует подумать, – сказала мисс Офелия.

– А, вздор! Почему это вдруг хороший негр достанется плохому хозяину? Плохих хозяев не так уж много. Это все одни разговоры. Я родилась и выросла на Юге и что-то не припомню, чтобы к неграм относились хуже чем они того заслуживают. Чего другого, а этого опасаться нечего!

– Хорошо, допустим, – твердо сказала мисс Офелия. – Но ведь освобождение Тома было предсмертным желанием вашего мужа! Он обещал отпустить его умирающей Еве, и, по-моему, вам следовало бы считаться с этим.

Мари закрыла лицо платком, разрыдалась и начала усердно нюхать флакон с солями.

– Все против меня! – сквозь слезы причитала она. – Такая нечуткость! Уж от вас-то я совсем не ожидала, что вы будете лишний раз напоминать мне о моем горе! Хоть бы кто-нибудь меня пожалел! Кому еще приходилось терпеть такие испытания! Была у меня единственная дочь – и она умирает. Был муж, который умел понимать мою сложную натуру, – и его тоже уносит смерть! Вы знаете, как я тяжело перенесла эти утраты, и все-таки не боитесь напоминать мне о них! Это жестоко! Намерения у вас были, вероятно, добрые, но это такая нечуткость с вашей стороны... такая нечуткость!

Мари совсем зашла от слез и крикнула няне, чтобы та распахнула окна, принесла ей камфору, положила холодный компресс на голову и расстегнула платье. Поднялась обычная в таких случаях суматоха, и мисс Офелия поспешила скрыться к себе в комнату. Она сразу поняла, что дальнейшие разговоры ни к чему не приведут и только вызовут очередной припадок. После этого стоило кому-нибудь напомнить Мари об отношении ее мужа и Евы к слугам, как она устраивала истерику. И мисс Офелия помогла Тому лишь тем, что написала письмо миссис Шелби, где сообщала о его невзгодах и настоятельно просила как-нибудь помочь ему.

На другой день Тома, Адольфа и еще нескольких негров отправили в невольничий барак, в распоряжение одного работорговца, который подбирал партию к предстоящему аукциону.

ГЛАВА XXX Невольничий барак

Невольничий барак! При этих словах некоторые из моих читателей, вероятно, нарисуют себе страшную картину. Перед их мысленным взором предстанет мрачное, смрадное логово. Но вы ошибаетесь, простодушные мои друзья! Живой товар высоко ценится на рынке, следовательно, за ним нужен уход, его надо хорошо кормить и содержать в чистоте, так, чтобы он лоснился. Невольничий барак в Новом Орлеане мало чем отличается от всякого другого торгового склада. Подойдя к нему, вы увидите под навесом у входа несколько негров и негритянок, выставленных там в качестве образца товара, имеющегося в самом помещении.

Вам вежливо предложат пройти внутрь и покажут мужей, жен, братьев, сестер, отцов, матерей и маленьких ребятишек, которых «можно приобрести поштучно и оптом, в зависимости от желания покупателя», можно нанять на время, заложить в банк или обменять на любой другой товар, пользующийся спросом на рынке.

Дня через два после разговора мисс Офелии с Мари Адольфа, Тома и еще нескольких негров Сен-Клера поручили заботам некоего мистера Скеггса, содержателя барака, откуда их должны были повести на аукцион.

Том, как и остальные его товарищи, взял с собой солидных размеров сундучок с одеждой. На ночь их поместили в длинную комнату, обитатели которой – негры всех возрастов, всех оттенков кожи – предавались безудержному веселью и то и дело раздражались громкими взрывами хохота.

– Я вижу, вы, ребята, не скучаете. И правильно делаете, – сказал мистер Скеггс, входя в барак. – У меня негры всегда веселятся. Молодец, Сэмбо! – обратился он к огромному детине, который кривлялся и паясничал на потеху своим собратьям.

Несчастному Тому, как вы легко можете вообразить, было не до веселья, и, поставив свой сундучок подальше от этой шумной компании, он сел на него и прислонился головой к стене.

Торговцы живым товаром обычно из кожи вон лезут, стараясь поддерживать среди неволь-

ников бесшабашное веселье, ибо это лучший способ отвлечь их от мыслей о своем положении. Люди, которые вершат судьбу негра с той минуты, как его продают на Севере, и до тех пор, пока он не попадет на Юг, прилагают немало усилий к тому, чтобы сделать свой товар ко всему равнодушным, бесчувственным, грубым. Работоторговец собирает партию невольников в Виргинии или Кентукки и гонит их в какую-нибудь здоровую местность на откорм. Сыты они там бывают по горло и все-таки нет-нет, да и затоскуют, а чтобы не тосковали, к ним приставляют скрипача и велят плясать и веселиться под музыку. Но попадаются среди них такие, кому пляски и пение не идут на ум, кто не перестает думать о жене, детях, о родном доме. И этих считают строптивыми, опасными и обращаются с ними соответственно. А какого обращения можно ждать от работоторговцев – людей жестоких и к тому же ни перед кем не отвечающих за свои действия! «Будь молодцом – веселым, бойким, особенно когда ты на виду, – внушают негру, – иначе не попасть тебе к хорошему хозяину, да и от работоторговца влетит, если он не сбудет тебя с рук».

– А что этот негр здесь делает? – сказал Сэмбо, когда мистер Скеггс вышел из комнаты. Сэмбо был черный-пречерный, огромного роста, очень живой и проказливый, как обезьяна. – Ты что тут делаешь? – И он шутливо ткнул Тома пальцем в бок. – Никак, размечтался?

– Меня продадут завтра с аукциона, – негромко ответил Том.

– Продадут с аукциона? Хо-хо! Ребята, видали, каков шутник? Мне бы научиться так людей веселить! И этого тоже завтра продадут? – И Сэмбо бесцеремонно хлопнул Адольфа по плечу.

– Прошу ко мне не лезть! – свирепо огрызнулся тот и выпрямился, выказывая всем своим видом крайнее отвращение.

– Ого! Полюбуйтесь-ка, ребята! Белый негр! Что твои сливки, белый! А надушился-то как! – И Сэмбо потянул носом, принюхиваясь к Адольфу. – Такому место только в табачной лавке! От него весь табак пропахнет, покупатели валом будут валить.

– Говорю тебе, не лезь! – повторил взбешенный Адольф.

– Ишь ты, какие мы, белые негры, недотроги! Полюбуйтесь-ка на нас! И Сэмбо стал кривляться, передразнивая Адольфа. – Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты! Сразу видно – в хорошем доме жил.

– Правильно! – сказал Адольф. – Мой хозяин за вас всех ломаного гроша бы не дал.

– Ишь ты, поди ж ты, – не унимался Сэмбо, – какие мы важные джентльмены!

– Мои хозяева были Сен-Клеры! – гордо заявил Адольф.

– Да что ты говоришь! Вот они, наверно, радуются, что избавились от такого чучела! Думают, сбуть бы его поскорее с рук вместе с битой посудой и прочей дребеденью! – сказал Сэмбо с издевательской ухмылкой.

Адольф, окончательно выйдя из себя, бросился на своего обидчика с кулаками. В комнате поднялся такой крик и хохот, что на шум прибежал мистер Скеггс.

– Что у вас тут делается? Ну, тихо! – крикнул он, взмахнув длинным бичом.

Негры бросились врассыпную. Один только Сэмбо, успевший завоевать благоволение Скеггса своими шутовскими выходками, остался на месте и, гримасничая, увертывался от ударов его бича.

– Да что вы, сударь! Мы народ смирный. Это вон они, новенькие. Такие задиры оказались, все время к нам привязываются.

Мистер Скеггс налетел на Тома с Адольфом и, не разбираясь особенно, кто из них прав, кто виноват, наградил обоих тумаками, затем велел всем ложиться спать и удалился.

Теперь, читатель, давайте оставим мужскую половину барака и посмотрим, что делается в помещении, отведенном для женщин. Войдя туда, вы увидите спящих на полу негрятенок всех оттенков кожи, всех возрастов. Тут есть и черные, как смоль, и почти белые, и маленькие дети, и старухи. Вот лежит хорошенькая девочка лет десяти. Мать ее вчера продали, и она долго плакала втихомолку и наконец заснула. Вот дряхлая старуха. Посмотрите на ее мозолистые ладони и высохшие руки – сколько она потрудилась на своем веку! А завтра ее продадут за бесценок, лишь бы нашелся покупатель. И еще сорок-пятьдесят женщин лежат в этой комнате, закутавшись с головой кто в одеяло, кто в шаль. А в углу, поодаль от остальных, сидят две негрятенки, сразу

бросающиеся в глаза своим не совсем обычным видом. Одна из них мулатка лет пятидесяти, с мягким взглядом темных глаз, с приятным лицом. Платье на ней добротное, хорошо сшитое, на голове – высокий тюрбан из цветастого шелка. Сразу видно, что она жила у заботливых хозяев. Тесно прижавшись к ней, сидит девушка лет пятнадцати – это ее дочь. Судя по светлому оттенку кожи, она квартеронка, но очень похожа на мать. Те же ласковые темные глаза, только ресницы длиннее; те же вьющиеся волосы, только каштановые, а не черные. Одетая девушка не менее опрятно, ее нежные белые руки, видимо, не знали тяжелой работы. И мать и дочь в той же партии, что и слуги Сен-Клера, и завтра их тоже продадут с аукциона. А джентльмен, которому они принадлежат, проживает в Нью-Йорке и считается добрым христианином. Он получит деньги после торгов, преспокойно пойдет в церковь и даже не помянет этих двух женщин в своих благочестивых молитвах.

Обе они – мы будем называть их Сусанной и Эммелиной – были в услужении у одной добрейшей новоорлеанской леди, которая относилась к ним с большой душевностью и даже научила их читать и писать. И если жизнь в неволе может быть счастливой, Сусанне и Эммелине жилось хорошо. Но делами их благодетельницы управлял ее единственный сын, человек ветреный и любивший сорить деньгами. Мало-помалу он промотал матушкино имение и оказался несостоятельным должником. Одним из самых крупных его займодавцев была солидная нью-йоркская фирма «Б. и К°». Поверенный «Б. и К°» в Новом Орлеане, получив соответствующее распоряжение от своих доверителей, наложил арест на имущество должника, самыми ценными статьями которого были эти две женщины да негры с плантации. Мистер Б., будучи, как мы уже говорили, добропорядочным сыном церкви и гражданином свободного штата, несколько смутился, получив письмо от своего поверенного. Он не одобрял торговли рабами принципиально не одобрял! – но речь шла о тридцати тысячах долларов, а тридцать тысяч долларов слишком крупная сумма, чтобы жертвовать ею ради принципа. И вот, поразмыслив как следует и посоветовавшись с людьми, в чьей поддержке он не сомневался, мистер Б. написал поверенному, чтобы тот распорядился делами по своему усмотрению, а затем переслал в Нью-Йорк вырученную сумму.

В положенный срок письмо пришло в Новый Орлеан, и на другой же день Сусанну и Эммелину препроводили в невольничий барак, откуда наутро их должны были повести на аукцион.

Прислушаемся же к разговору этих двух женщин, которые еле виднеются в лунном свете, льющемся сквозь забранное решеткой окно. Обе они плачут, но плачут тихо, так, чтобы никто их не услышал.

– Мама, положи голову мне на колени, поспи немножко, – говорит девушка, стараясь сдержать слезы.

– Где уж тут спать, Эмми! Ведь это последняя наша ночь, завтра мы расстанемся.

– Кто знает, может быть, нас продадут вместе...

– Ах, Эмми, я так боюсь потерять тебя, что уже ничему не верю! Но если нас разлучат завтра, обещай мне не забывать, чему тебя наставляли с детских лет.

Так говорит несчастная мать, ибо она знает, что завтра любой, самый жестокий, самый подлый человек сможет стать хозяином ее дочери, если только у него найдутся деньги на такую покупку.

Но вот наступило утро, и в бараке все пришло в движение. У почтеннейшего мистера Скегса немало хлопот, так как товар надо подготовить к аукциону. Он наспех оглядывает одежду невольников, приказывает им смотреть веселее и выстраивает их в круг для окончательной проверки перед тем, как вести на биржу.

* * *

Под величественными сводами биржи по мраморным плитам круглого зала расхаживает множество людей. В разных концах его для аукционистов приготовлены небольшие помосты. Два из них уже заняты блистательными ораторами, которые, мешая английский язык с французским, превозносят качество своего товара. Возле свободного помоста толпятся невольники, ожидающие начала торгов. Среди них мы видим слуг Сен-Клера – Тома, Адольфа и еще несколько

человек. Тут же стоят Сусанна и Эммелина, испуганные, печальные. Будущие покупатели, а может быть, просто любопытные, ощупывают, разглядывают этот товар со всех сторон, обсуждая его качества вслух, точно жокеи, оценивающие статьи скаковых лошадей.

– Альф! А ты как сюда попал! – воскликнул какой-то щеголеватый молодой человек, хлопая по плечу другого такого же щеголя, который разглядывал Адольфа в монокль.

– Мне нужен лакей, я услышал, что сен-клеровские негры идут с торгов, и решил посмотреть, может быть...

– Покупать негров Сен-Клера! Да упаси тебя боже! Они избалованные, наглые.

– Я этого не боюсь! – сказал первый. – Если какой-нибудь из них попадет ко мне, живо из него дурь выбью. Со мной шутки плохи, я не Сен-Клер. Нет, в самом деле, надо купить этого молодца. Он мне нравится.

– Да ты с ним разоришься вконец! Ведь он, наверно, счета деньгам не знает.

– У меня узнает! Посидит разок-другой в каталажке и образумится. Будь покоен, я этому милорду покажу, где раки зимуют! Нет, решено, покупаю!

Том тоскливо поглядывал на мелькающие перед ним лица, думая, кого же из этих людей ему бы хотелось назвать своим хозяином. И если б вам, уважаемый сэръ, пришлось вместе с Томом выбирать себе полновластного господина, вы бы убедились, как трудно найти в людской массе такого человека, которому можно безбоязненно доверить свою судьбу. Том видел перед собой людей рослых, широкоплечих, горластых; людей маленьких, щуплых, писклявых; людей подтянутых, вылощенных, холодных и множество представителей той братии, для которой ближний все равно что щепка: понадобится – бросай ее в огонь, не понадобится – оставляй в корзине. Похожих на Сен-Клера среди них не было.

Незадолго до начала аукциона какой-то коренастый, небольшого роста человек с деловым видом протолкался сквозь толпу, бесцеремонно работая локтями, и приступил к осмотру невольников. Том сразу почувствовал к нему отвращение, возраставшее с минуты на минуту. Человек этот, несмотря на свой небольшой рост, вероятно, отличался необычайной силой. Круглая, как шар, голова, зеленоватые глаза навывкате, косматые белесые брови и выцветшие лохмы волос все это, надо признаться, не располагало в его пользу. Он жевал табак и то и дело сплевывал густую жижу, утирая свои мясистые губы волосатой, веснушчатой ручищей с грязными ногтями. Осмотр невольников продолжался, очередь дошла до Тома. Незнакомец схватил его за челюсть, осмотрел ему зубы, заставил показать бицепсы, повернуться кругом, подпрыгнуть.

– Откуда родом? – коротко спросил он.

– Из Кентукки, сударь, – ответил Том, беспомощно озираясь по сторонам.

– На какой работе был?

– Управлял хозяйством у господ.

– Ври больше! – бросил незнакомец, отходя от него.

Он задержался на минуту около Адольфа, сплюнул табачную жижу прямо на его начищенные сапоги и, презрительно хмыкнув, двинулся дальше. Теперь перед ним стояли Сусанна и Эммелина. Он поднял свою тяжелую грязную лапу, потрогал руки девушки, посмотрел, какие у нее зубы, и оттолкнул к Сусанне, на лице которой отражались все муки, перенесенные материнским сердцем за эти несколько минут.

Испуганная Эммелина разрыдалась.

– Молчать, тварь! – крикнул аукционист. – Торги начинаются, а она хныкать вздумала!

И торги начались.

Адольф достался за солидную сумму тому самому молодому джентльмену, который и хотел купить его. Остальных невольников Сен-Клера разобрали другие покупатели.

– Ну, теперь твоя очередь. Слышишь? – окликнул Тома аукционист.

Том поднялся на помост, бросая вокруг тревожные взгляды.

Том поднялся на помост и испуганно огляделся по сторонам. Все звуки слились для него в неясный гул – голос аукциониста, расхваливающего свой товар по-английски и по-французски, выкрики покупателей с мест... и вдруг молоток стукнул в последний раз... Том расслышал только слово «долларов» и понял, что он продан!

Его столкнули с помоста. Коренастый человек с круглой головой грубо схватил свою покупку за плечо и крикнул:

– Стань здесь!

Том почти не сознавал, что с ним происходит. А торги продолжались. Снова стукнул молоток – Сусанна продана! Она сходит с помоста, задерживает шаги, с тоской оглядывается назад. Дочь протягивает ей руки. Сусанна обращает страдальческий взгляд на человека, который купил ее. Это почтенный пожилой джентльмен, с добрым лицом.

– Сударь, умоляю вас, купите мою дочь!

– Я бы охотно это сделал, да, боюсь, денег не хватит, – говорит тот и с жалостью смотрит, как Эмелина поднимается на помост, испуганно и робко озираясь по сторонам. Кровь приливает к ее бледным щекам, глаза загораются лихорадочным огнем.

– Я постараюсь что-нибудь сделать, по мере своих возможностей, – говорит добрый джентльмен, пробираясь к помосту, и вступает в торг.

Впрочем, его хватает ненадолго. Предложения так высоки, что он быстро выбывает из строя. Аукционист горячится, но покупатели умолкают один за другим. Остались двое: какой-то старик весьма важного вида и наш коренастый знакомец с круглой, как шар, головой. Старик набавляет цену, презрительно поглядывая на своего конкурента. Но у коренастого, по-видимому, и упорства больше и кошелек набит туже. Еще минута, и торг закончен. Стук молотка... девушка досталась ему!

Ее хозяина зовут мистер Легри. Он владелец хлопковой плантации на Красной реке. По его приказанию, Эммелина становится рядом с Томом и двумя другими неграми и вместе с ними уходит, обливаясь горькими слезами.

Добрый джентльмен огорчен. Впрочем, такие вещи происходят чуть не каждый день. Ни одного аукциона не обходится без слез – плачут матери, плачут дети. Что поделаешь! Такова жизнь... и так далее и тому подобное. И он удаляется со своей покупкой в другую сторону.

А через два дня поверенный уважаемой фирмы «Б. и К°» высылает своему клиенту в Нью-Йорк причитающуюся ему сумму денег.

ГЛАВА XXXI

В пути

На нижней палубе захудалого суденышка, плывущего вверх по Красной реке, сидел Том. Он был скован по рукам и ногам, но тяжелее этих оков был камень, который лежал у него на сердце. Ясное небо, прежде расстилавшееся над ним, затянулось мглой. Луна, звезды – все померкло. Все уплыло, как уплывают сейчас мимо вот эти деревья на берегу, с тем чтобы никогда больше не возвратиться. Родной угол в Кентукки, жена, дети, добрые хозяева, богатый дом Сен-Клера и сам он – красавец, гордец, казалось бы ко всему равнодушный, но в глубине души такой сердечный, мягкий, золотая головка Евы, привольная, полная досуга жизнь – все это исчезло навсегда. А что осталось взамен?

Одним из самых страшных обстоятельств, связанных с рабством, является то, что негр, привыкший жить в богатом доме, у добрых хозяев, в любую минуту может попасть в руки жестокого и грубого тирана, – точь-в-точь как стол, когда-то украшавший роскошную гостиную, доживает свой век в грязном трактире. Существенная разница состоит лишь в том, что стол ничего не чувствует, тогда как у человека, несмотря на закон, гласящий, что он «приравнивается к домашнему имуществу», нельзя отнять его душу, его воспоминания и привязанности, желания и страхи.

Хозяин Тома мистер Саймон Легри купил в Новом Орлеане еще нескольких негров, сковал их в четыре пары и отвел на пароход «Пират», который уже стоял у причала, готовый к отплытию.

Как только судно отошло от пристани, Легри, человек весьма деловитый, явился осмотреть своих негров. Он остановился перед Томом, которому велели одеться к аукциону во все лучшее – в суконный костюм, накрахмаленную сорочку, начищенные сапоги, – и коротко распорядился:

– Встань!

Том встал.

– Сними галстук!

Кандалы мешали Тому, и Легри сам сорвал галстук у него с шеи и сунул его в карман.

Потом он открыл сундук Тома, уже подвергавшийся предварительному осмотру, вынул оттуда старые штаны и потрепанную рабочую куртку и, сняв с Тома кандалы, мотнул головой на проход между ящиками, нагроможденными на палубе.

– Вон там переоденешься.

Том взял одежду и через несколько минут вернулся.

– Сапоги тоже сними, – скомандовал Саймон.

Том выполнил и это приказание.

– Вот тебе взамен.

К его ногам упала пара грубых башмаков, какие обычно носят невольники.

Снова надев на Тома кандалы, Легри приступил к тщательному осмотру карманов на снятом костюме. Он извлек оттуда шелковый носовой платок и тут же завладел им. Несколько мелких вещичек, которые Том хранил на память о Еве, были с презрительным смешком выброшены за борт.

Покончив с карманами, Легри отнес сундучок Тома на бак, где его тут же обступили матросы. Под всеобщий хохот и шуточки по адресу негров, которые «мнят себя джентльменами», гардероб Тома был быстро распродан, а пустой сундучок пущен с аукциона. Все находили очень забавным, что вещи уплывают одна за другой на глазах у их владельца, а когда дело дошло до сундучка, веселью и остроумию конца не было.

Но вот распродажа закончилась, и Саймон снова подошел к своему невольнику:

– Ну, Том, как видишь, я избавил тебя от лишнего багажа. А эту одежду береги пуще глаза – другую не скоро получишь. Я своих негров приучаю к бережливости. Одна смена в год – такой уж у меня порядок.

И, отвернувшись от Тома, Легри направился к Эммелине, которая была скована в паре с пожилой мулаткой.

– Смотри веселей, красавица! – крикнул он, потрепав девушку за подбородок.

Ее взгляд, полный невольного отвращения и ужаса, не ускользнул от внимания Легри. Он нахмурился.

– Брось капризничать! Изволь улыбаться, когда хозяин с тобой разговаривает! Слышишь? А ты что постную рожу скорчила, старая крыса! – И он толкнул мулатку. – Чтоб я больше этого не видел!.. Эй, вы! – Легри отступил назад. – Смотрите на меня... в глаза, в глаза мне смотрите! – говорил он, топая ногой.

И все невольники, словно замороженные, уставились в яростно сверкающие глаза Саймона.

– Вот это видали? – Он потряс своим огромным, как кузнечный молот, кулаком. – Тяжелый? – Кулак опустился на плечо Тома. – А мослы какие, видите? Железные! А почему у меня такой кулак? Потому что я бью им негров. С одного удара замертво валятся все как один. – И Легри так близко поднес кулак к лицу Тома, что тот зажмурился и отпрянул назад. – Управляющих я не держу. Мне этого добра не надо – один справлюсь. И зарубите себе на носу: слушаться меня с первого слова. Со мной только так и можно ладить. Миндальничать с вами я не собираюсь. Запомните это раз и навсегда.

Женщины не удержались и охнули, и все невольники, все восемь человек уныло опустили головы. А Саймон повернулся на каблуках и направился в буфет выпить стаканчик виски.

– Вот так я начинаю обучение своих рабов, – сообщил он солидному джентльмену, который слышал его речь, обращенную к неграм. – Их надо сразу же припугнуть, пусть знают, что церемониться с ними никто не станет.

– В самом деле? – сказал джентльмен, разглядывая его с таким интересом, словно это был зверь какой-то невиданной доселе породы.

– Да, да! Я не таковский, как ваши плантаторы-белоручки, которые нянчатся с неграми и позволяют негодьям управляющим обжудивать себя на каждом шагу. Полнубуйтесь на мои кулаки – каменные, это я на неграх тренировался. Да вы не стесняйтесь, пощупайте!

Его собеседник дотронулся пальцем до этого приспособления для расправы с неграми и сказал:

– Да, действительно! И сердце у вас тоже такое... закаленное?

– Смею думать, что закаленное! – И Саймон расхохотался. – Разжалобить его трудно. Меня

ничем не проймешь – ни слезами, ни лестью.

– А невольники у вас все как на подбор.

– Да, жаловаться не на что. Взять хотя бы Тома – вон того, высокого. Мне говорили, что таких негров днем с огнем не сыщешь. Я за него малость переплатил, ну да ничего, он у меня будет кучером или надсмотрщиком. Только сначала ему надо мозги вправить, чтобы забыл начисто, как с ним нянчились прежние хозяева. А вон на той мулатке меня надули. Она, видно, хворающая, но все-таки, думаю, себя окупит. Протянет годик-другой, и ладно. Стоит ли беречь этих негров? Одного использовал, покупай другого – и хлопот меньше и в конечном счете дешевле обходится. – Саймон отхлебнул виски из стакана.

– А на сколько их хватает в среднем? – спросил джентльмен.

– Да как вам сказать... все зависит от здоровья. Кто покрепче, и шесть и семь лет протянет, а хилым срок года три, не больше. Я сначала бог знает как с ними возился, все хотел, чтобы они подольше мне служили. Бывало заболели, лечишь их, и одеваешь хорошо, и одеяла им даешь. Ни к чему все это! Сколько денег зря просадил, уж не говоря о хлопотах. А теперь у меня такой порядок: здоров ли, болен – все равно работай. Помрет, покупаю другого. Это и дешевле и проще.

Его собеседник отвернулся и подсел к молодому человеку, который с явным неудовольствием прислушивался к их разговору.

– Вот мерзавец! – сказал первый.

– Да, мерзавец! Однако ваши законы позволяют таким мерзавцам вершить судьбы человеческих существ, которые во всем зависят от их воли. А так называемые гуманные люди потакают им. Если б не их попустительство, эта бесчеловечная система не продержалась бы и часа.

– Я советую вам говорить потише, – сказал первый джентльмен, – здесь среди пассажиров есть такие, которым подобные разговоры могут не понравиться.

Молодой человек покраснел, улыбнулся и предложил своему собеседнику сыграть партию в шахматы.

Тем временем на нижней палубе происходил другой разговор. Беседовали скованные вместе Эммелина и пожилая мулатка. Как и следует ожидать, они рассказывали друг другу о себе.

– У кого ты жила? – спросила Эммелина.

– У мистера Эллиса, на Леви-стрит. Ты, может, знаешь этот дом?

– А как он с тобой обращался?

– Пока не заболел, хорошо. А как слег в постель на полгода, так замучились мы с ним. Покая нам не давал ни днем, ни ночью. Ничем на него не угодишь. День ото дня все злее и злее становился. Я под конец с ног стала валиться, хожу, как сонная муха. Как-то ночью не выдержала и заснула. Что тут поднялось! Света божьего не взвидели! Кричать на меня стал. Я, говорит, тебя продам, такого хозяина тебе подыщу, что не обрадуешься! А ведь раньше обещал отпустить меня на волю после своей смерти.

– А близкие у тебя есть? – спросила Эммелина.

– Есть муж. Он кузнец. Хозяин всегда посылал его на заработки. Я с ним и повидаться не успела... И дети у меня есть – четверо. Ох, горе мое горькое! – И она закрыла лицо руками.

Когда слышишь рассказы о чужих бедах, слова утешения невольно просятся на язык, но Эммелина ничем не могла умерить горе несчастной женщины. Да разве утешения тут помогут? И, словно сговорившись, обе они даже не обмолвились о страшном человеке, который стал теперь их полновластным господином.

А «Пират» все дальше и дальше влачил свой скорбный груз по излучинам Красной реки, катившей мутные волны среди унылого однообразия крутых глинистых берегов, на которые с такой тоской были устремлены глаза пассажиров нижней палубы. Наконец он остановился у маленького городка, и здесь Легри со своими неграми сошел на пристань.

ГЛАВА XXXII Проклятые места

Том и его товарищи устало брели по неровной дороге следом за катившимся перед ними фургонном.

В фургоне восседал Саймон Легри, а обе женщины, все еще прикованные друг к другу, пристроились среди багажа в самом его задке. Вся эта процессия направлялась к плантации Легри, а путь до нее был дальний.

Заброшенная дорога вилась то среди унылых, поросших соснами равнин, по которым со свистом гулял ветер, то среди бесконечных болот, где кипарисы, увитые траурными гирляндами черного мха, печально шумели ветвями над зыбучей трясинной, вплотную подступавшей к бревенчатой гати. Под ногами у путников то и дело шныряли ядовитые змеи, гнездившиеся среди гнилых сучьев и пней.

Любой путник загрустит на такой дороге, даже тот, кто едет на добром коне и у кого кошелек набит деньгами. Но какой же безнадежной и мрачной кажется она рабам, которые, ступая по ней, с каждым шагом удаляются от того, что дорого их сердцу!

Так подумал бы каждый, взглянув на угрюмые черные лица этих людей, поймав тоскливые, но полные бесконечной покорности взгляды, которыми они провожали все, что попадалось им на их скорбном пути.

Впрочем, Саймон, по-видимому, чувствовал себя отменно и время от времени вытаскивал из кармана бутылку и подкреплялся глотком виски.

– Эй, вы! – крикнул он, оглянувшись и увидев печальные лица невольников. – Заводи песню, ребята! Ну!

Негры молча переглянулись, и Саймону пришлось повторить свое «Ну!», сопроводив его на сей раз щелканьем бича.

После второго окрика один из негров затянул излюбленную рабами бесхитростную песню:

Енота поймать нелегко, нелегко!
Хай-хай-эй-хо!
Хозяин смеется, а луна высоко
Хай-хай-эй-хо!
Хай-эй-хай-хо!

Запевала отчеканивал ритм песни, не особенно заботясь о словах, а остальные подтягивали ему хором:

Хай-эй-хай-хо!
Хай-эй-хай-хо!

Пели громко, с напускной веселостью, но никакой самый жалобный вопль не мог бы выразить столько тоски и горя, сколько слышалось в этом разудалом припеве.

– Ну, милочка, – сказал Саймон, поворачиваясь к Эммелине и кладя руку ей на плечо, – вот мы скоро и дома.

Когда Легри злобствовал и бранился, Эммелина дрожала от страха, но она согласилась бы терпеть от него побои, лишь бы не слышать этого умильного голоса, не чувствовать прикосновения этой грубой руки. Она промолчала и только теснее прижалась к соседке, ища у нее защиты, словно у матери.

– Ты серег никогда не носила? – спросил Легри, касаясь своими заскорузлыми пальцами ее маленького уха.

– Нет, хозяин, – чуть слышно проговорила Эммелина, дрожа всем телом и не глядя на него.

– Вот подожди – приедем домой, я тебе такие сережки подарю, если будешь умницей! Не бойся, работать я тебя не заставлю, ты у меня по-барски заживешь.

Выпитое виски настроило Легри на благодушный лад, тем более что путь их приближался к концу: вдали виднелась изгородь его плантации.

Поместье это когда-то принадлежало весьма состоятельному и обладавшему к тому же

большим вкусом джентльмену, который положил немало труда на украшение своей усадьбы. Но после его смерти она была продана за долги и досталась Саймону по дешевке, а он думал только об одном – как бы выжать из нее побольше денег. С годами усадьба приняла совершенно запущенный вид, и все старания ее прежнего владельца пошли прахом.

Газон перед домом, некогда обсаженный декоративным кустарником, зарос сорной травой; часть его, у коновязей, была вытоптана лошадьми. Повсюду валялись дырявые ведра, обглоданные кукурузные початки и прочий мусор. Кусты жасмина и жимолости еще цеплялись кое-где за покосившиеся гипсовые столбики, к которым теперь привязывали лошадей. Большой цветник тоже глушили сорняки, сквозь них еле пробивались одинокие головки редкостных садовых растений. Стекла в оранжерее были выбиты, а на ее зеленых от плесени полках стояли горшки с высохшими палочками вместо цветов.

Фургон свернул на заглохшую аллею, обсаженную ясенями, которые по-прежнему были покрыты густой листвой, и кажется, единственные здесь не боялись никаких невзгод.

Дом, большой, красивый и, как и большинство помещичьих домов на Юге, двухэтажный, был опоясан широкими верандами, куда выходили двери всех комнат; нижняя веранда покоилась на кирпичных подпорках. Однако он тоже казался нежилым. Несколько окон в нем было забито досками, в других не хватало стекол, ставни висели на одной петле – все говорило о полном запустении.

Во дворе повсюду валялись щепки, клочья соломы, разошедшиеся бочки, ящики. Четыре свирепых пса с лаем выскочили откуда-то на стук колес, и если бы подоспевшие слуги не отогнали их, Тому и его товарищам пришлось бы плохо.

– Только осмелитесь бежать отсюда – вот, смотрите, что вас ждет! – сказал Легри, лаская собак. – Они у меня натасканы ловить беглых негров. И оглянуться не успеете – загрызут. Зарубите это себе на носу. Ну, Сэмбо, – обратился он к оборванному негру в шляпе без полей, который угодливо юлил около него, – как тут у вас дела?

– Лучше некуда, хозяин.

– Квимбо! – окликнул Легри другого такого же оборванца, всячески старавшегося попасться ему на глаза. – Ты все выполнил, что тебе было приказано?

– Я да не выполняю!

Эти два негра были старшими работниками на плантации. Хозяин выдрессировал их не хуже своих бульдогов, и они, пожалуй, не уступали им в свирепости. Подобно многим повелителям, о которых говорится в истории, Легри властвовал над своими рабами, сея между ними раздор. Сэмбо и Квимбо яростно ненавидели друг друга, все остальные невольники ненавидели их, и, пользуясь этим, хозяин мог быть уверенным, что в доносчиках у него недостатка не будет.

От скуки Легри приятельствовал со своими двумя подручными. Впрочем, эти приятельские отношения каждую минуту грозили им бедой, потому что оба они только и ждали, как бы оговорить друг друга перед хозяином.

– Сэмбо, – сказал Легри, – отведи этих молодцов в поселок. А вот эту красавицу я привез тебе. – Он снял кандалы с мулатки и толкнул ее к нему. – Я своих обещаний не забываю.

Мулатка в ужасе отпрянула от Сэмбо.

– Что вы, хозяин! У меня муж остался в Новом Орлеане!

– Подумаешь, важность! Я тебе другого дам. Не рассуждать! Ступай! – крикнул Легри, замахиваясь на нее бичом.

– А ты пойдешь со мной, – обратился он к Эммелине.

Чье-то смуглое, искаженное злобой лицо мелькнуло в окне дома, и когда Легри распахнул дверь, ведущую с веранды в комнаты, там раздался властный женский голос. До Тома, с тревогой смотревшего вслед Эммелине, донесся сердитый окрик хозяина:

– Молчать! Что хочу, то и делаю!

Но больше он ничего не расслышал, так как Сэмбо погнал их всех в поселок.

Сердце у Тома сжалось, когда перед ним показались два ряда убогих, ветхих лачуг, стоявших далеко от господского дома. Он утешал себя мыслью, что ему дадут хижину, пусть бедную, но такую, где можно будет навести порядок и спокойно проводить свободные от работы часы. А

в этих лачугах ничего не было – четыре стены и куча грязной соломы на земляном полу, утоптанном ногами их прежних обитателей.

– В какой же я буду жить? – покорно спросил он Сэмбо.

– Не знаю... Да вот хоть в этой, – ответил тот. – Здесь, кажется, одно место не занято. Остальные битком набиты. И куда я вас всех дену, просто ума не приложу!

* * *

Был уже поздний вечер, когда измученные тяжелой работой, оборванные, грязные невольники потянулись с полей домой. Они оглядели новоприбывших неприветливо, хмуро. Маленький поселок ожил – всюду звучали злобные гортанные голоса. То там, то здесь вспыхивала перебранка из-за ручных мельниц, на которых каждый должен был смолоть свою жалкую порцию кукурузы. На ужин у невольников были только лепешки из этой муки. Все они уходили в поле чуть свет и работали допоздна под надзором вооруженных бичами Сэмбо и Квимбо. Сбор хлопка был в самом разгаре, а Легри не церемонился со своими рабами и выжимал из них все, что мог.

Том приглядывался к лицам этих людей, тщетно стараясь найти среди них хоть одно приветливое, дружеское. Он видел только хмуро насупившихся, озлобленных мужчин и запуганных, изможденных женщин.

Кукурузу мололи до поздней ночи. Мельниц не хватало, и те, кто был послабее, получали их в последнюю очередь.

– Эй, ты! – крикнул Сэмбо, подходя к мулатке и бросая к ее ногам мешок с кукурузой. – Как тебя зовут?

– Люси, – ответила та.

– Так вот, Люси, раз ты моя жена, изволь смолоть это зерно да напеки мне лепешек к ужину. Слышишь?

– Я тебе не жена и никогда твоей женой не буду, – сказала Люси с тем мужеством, которое рождается в человеке только в минуту отчаяния. – Оставь меня.

– Смотри, изобью! – крикнул Сэмбо, занося ногу для удара.

– Бей меня, бей! Чем скорее убьешь, тем лучше. Мне жизнь не дорога!

– Ты что, рабов вздумал калечить? Ну подожди, я все расскажу хозяину, – вмешался Квимбо, который только что отогнал двух негрятенок от мельницы и сам стал на их место.

– А я ему пожалуюсь, что ты не даешь женщинам молоть зерно, – сказал Сэмбо. – И не суйся не в свое дело, дьявол!

Том проголодался за дорогу и еле стоял на ногах от усталости.

– Вот, получай, негр! – крикнул Квимбо, швыряя ему маленький мешочек с кукурузой. – Да смотри, поаккуратней ее расходуй. Это тебе на неделю.

Тому долго пришлось дожидаться мельницы, а когда наконец его очередь подошла, он пожалел двух измученных женщин, смолот сначала их зерно, подбросил хворосту в костер и только тогда подумал о себе. Уж, казалось бы, невелика услуга, но здешнему народу всякое доброе дело было в диковинку. Женщины сразу прониклись благодарностью к Тому и просветлели лицом. Они замесили ему тесто и принялись печь лепешки.

Оставшись один, Том долго сидел у костра, бросавшего красноватые отблески на его лицо, и смотрел в небо, где светила спокойная, ясная луна. Потом он встал и побрел в свою лачугу. Негры уже спали там вповалку на полу; воздух был спертый. Том хотел было устроиться где-нибудь под открытым небом, но побоялся росы. Он остался в лачуге и, закутавшись в рваное одеяло, которое должно было заменить ему постель, вытянулся на соломе и уснул.

ГЛАВА XXXIII

Касси

Том вскоре же понял, чего следует опасаться и на что можно надеяться, живя у такого хо-

зяина, как Легри. Любая работа горела у него в руках, а по складу своего характера он был человек старательный и добросовестный. И со свойственным ему миролюбием Том решил, что усердный труд хотя бы в какой-то мере оградит его от преследований и мучений, а там – кто знает, может быть, ему удастся спастись отсюда.

Легри не мог не оценить своего нового невольника, но он испытывал к нему то смутное чувство неприязни, которое обычно возникает у всякого дурного человека к человеку хорошему. От Легри не укрылось, что Том осуждает его жестокое обращение с беззащитными рабами, а осуждение, хоть и молчаливое, неприятно чувствовать, даже когда оно исходит от подвластного существа. К своим товарищам Том относился с непривычными для них лаской и участием, и Легри злобствовал, видя это. Он купил Тома с тем расчетом, чтобы сделать из него впоследствии нечто вроде надсмотрщика и поручать ему все хозяйство на время своих отлучек. Но от невольника, занимающего такую должность, прежде всего требуется жестокость. Легри решил выработать в нем это ценное качество и через несколько недель приступил к выполнению своего замысла.

Как-то утром перед выходом в поле Том с удивлением заметил в поселке новую женщину, которая сразу обратила на себя его внимание. Высокая, стройная фигура, изящные руки и ноги, хорошее платье резко выделяли ее в толпе невольников. Ей могло быть лет тридцать пять – сорок, а лицо ее, которое, раз увидев, трудно было забыть, говорило о бурной, полной горя жизни. Чистый лоб, резко очерченные брови, правильный нос, прекрасная линия рта, горделивая посадка головы – все свидетельствовало о том, что когда-то эта женщина была очень красива. Теперь же лицо ее бороздили глубокие морщины, проведенные на нем страданиями и муками уязвленной гордости. Черты его заострились, кожа, обтягивавшая резко обозначенные скулы, отливала нездоровым, желтоватым оттенком. Но заметнее всего были в этом лице глаза – большие, сумрачно-темные, опущенные длинными черными ресницами и полные безысходного отчаяния. Дикая гордость и надменность сквозили в уголках губ, в каждом движении незнакомки, только подчеркивая страшный контраст, который являл собой ее взгляд, выражавший бесконечную душевную муку.

Кто она была, откуда взялась, Том не знал. Она выросла рядом с ним в серых предрассветных сумерках и, гордо подняв голову, зашагала в поле. Но остальные невольники, видимо, знали ее. Они оборачивались, поглядывали на эту женщину, явно взбудораженные ее появлением среди них.

- Нашлась и на нее управа! И поделом! – сказал кто-то.
- Хи-хи-хи! – послышался другой голос. – Теперь, небось, хлебнешь горя, белоручка!
- Посмотрим, как она будет работать!
- Глядишь, вечером всыпят ей горячих заодно с нами!
- Вот бы посмотреть, как ее будут пороть!

Незнакомка не обращала внимания на эти издевки, словно не слыша их, но надменная, злобная усмешка не сходила с ее лица. Том сразу почувствовал, что эта женщина знавала лучшие времена. Но каким образом она очутилась теперь в таком унижительном положении, он не мог понять. Незнакомка ни разу не взглянула на него, не сказала ему ни слова, хотя всю дорогу шла рядом с ним.

Вскоре они пришли в поле, но Том и здесь то и дело оглядывался на свою соседку. Ему сразу стало ясно, что благодаря врожденной ловкости и сообразительности ей легче справляться с работой, чем другим. Она собирала хлопок быстро, аккуратно и продолжала все так же надменно усмехаться, словно презирая и эту работу и унижительность своего положения.

В середине дня Том перешел ближе к мулатке, которую Легри купил вместе с ним. Люси, видно, совсем выбилась из сил, еле волочила ноги и все время стонала и охала. Он улучил минуту и, не говоря ни слова, переложил несколько горстей хлопка из своей корзины в ее.

- Зачем? Не надо! – сказала она, растерянно взглянув на него. – Тебе за это попадет.

И тут откуда ни возьмись около них вырос Сэмбо, у которого был зуб против этой несчастной женщины. Он крикнул свирепым гортанным голосом:

- Ты что это, Люси? Мошенничать вздумала? – и ударил ее тяжелым башмаком, а Тома

хлестнул бичом по лицу.

— Вот как! — орал Сэмбо... — И ты тоже мошенничаешь? Берегись, не то испляшешь у меня!

Том, не промолвив ни слова, снова принялся за работу, а Люси, и без того еле державшаяся на ногах, замертво упала на землю.

— Ничего, сейчас очухается! — со злобной усмешкой сказал Сэмбо. — Мое лекарство лучше всякой камфоры. — С этими словами он вытащил из обшлага булавку и по самую головку вонзил ее в ногу женщины. Та охнула и приподнялась с земли. — Вставай, подлая! Слышишь? Не то хуже будет!

Мулатка сделала нечеловеческое усилие, встала и начала с лихорадочной быстротой собирать хлопок.

— Больше не отлынивай! — крикнул Сэмбо. — Жизни будешь не рада, если что замечу.

— А зачем мне жизнь? — сказала женщина, и вскоре до Тома снова донесся ее голос: — Сколько еще можно терпеть? Господи, помоги нам, что же ты оставил нас?

Не думая о том, чем это грозит ему, Том подошел к Люси и переложил в ее корзину весь свой хлопок.

— Не надо! Не надо! Ведь с тобой бог знает что сделают.

— Что бы ни сделали, мне будет легче это перенести, чем тебе, — ответил Том и вернулся на свое место. Все это заняло у него не больше минуты.

И вдруг незнакомка, которая работала неподалеку и слышала их разговор, устремила на Тома тяжелый взгляд своих темных глаз, взяла охапку хлопка из стоявшей перед ней корзины и переложила к нему.

– Не стал бы ты так делать, если б знал здешние порядки, – сказала она. – Поживешь у нас с месяц, тогда забудешь, как другим помогать. Лишь бы своя шкура была цела.

– Да хранит меня от этого бог, миссис! – воскликнул Том.

– Бог в наши места не заглядывает, – с горечью ответила ему женщина, принимаясь за работу, и губы ее снова искривились в презрительной усмешке.

Но Сэмбо с другого конца поля видел, что она сделала, и зашагал прямо к ней, размахивая бичом.

– Это что такое! – закричал он торжествующим голосом. – И ты туда же! Мошенничать! Ну, берегись! Теперь я над тобой хозяин.

Словно молния сверкнула в черных глазах женщины. Она выпрямилась, круто повернувшись к Сэмбо, губы у нее задрожали, ноздри расширились, во взгляде, устремленном на него в упор, вспыхнули ярость и презрение.

– Посмей только тронуть меня, мерзавец! Да мне стоит слово сказать, и затравят тебя собаками, сожгут заживо, разорвут на клочки! Это еще в моей власти!

– Зачем же ты в поле вышла? – пробормотал Сэмбо, явно струхнув, и нехотя отступил от нее. – Да разве я что плохое хотел сделать, мисс Касси?

– Тогда отойди подальше, чтоб духу твоего здесь не было!

И Сэмбо покорно отправился в дальний конец поля, где у него сразу нашлись какие-то дела.

Женщина снова принялась собирать хлопок, и работа шла у нее так быстро, что это казалось настоящим колдовством. К вечеру ее корзина была набита верхом, а за день она ухитрилась еще несколько раз подбросить хлопка и Тому.

Уже совсем затемно измученные невольники, неся корзины на голове, потянулись к сараю, где взвешивался и хранился собранный хлопок. Там их ждал Легри, деловито переговаривавшийся о чем-то со своими подручными.

– С этим Томом никакого сладу нет: все время подкладывает Люси хлопок. Если хозяин не даст ему хорошей острастки, он у нас всех негров перемутит, – сказал Сэмбо.

– Вот черт! – возмутился Легри. – Ну что ж, ребята, придется нам образумить этого прохвоста.

Оба негра свирепо ослабились.

– Уж будьте спокойны! Мистер Легри кого хочешь образумит. В этих делах ему сам дьявол в подметки не годится, – сказал Квимбо.

– Так вот, я решил – поручу Тому порку негров. Это лучшее средство выбить у него всякую дурь из головы. Небось, образумится!

– Нелегкое дело вы задумали, хозяин.

– Ничего, я своего добьюсь, – сказал Легри, заправляя языком табак за щеку.

– А уж эта Люси! Вот дрянь-то! Второй такой твари на всей плантации не найдется, – ввернул Сэмбо.

– Что ты на нее взъелся, Сэм? Подозрительно!

– Да ведь она вашего же приказания ослушалась, не пошла ко мне в жены.

– Выпороть ее, так послушалась бы, – сказал Легри, сплевывая. – Да сейчас не до этого, очень уж время горячее. Сейчас каждый работник на счету. На вид-то она хлипкая, а такие самый упрямый народ. До полусмерти придется запороть, пока не образумится.

– Она лодырничает, да вдобавок дерзкая такая, только и знает, что брюзжать. Том за нее нею работу делает.

– Вот как? Ну что ж, пусть он сам собственноручно Люси и высечет. Во-первых, ему надо привыкать, а во-вторых, он все-таки не переусердствует. Не то что вы, дьяволы!

– Ха-ха-ха! – загоготали оба негодя, подтверждая своим злобным хохотом отзыв, который дал им Легри.

– Вот увидите, хозяин, как Том и мисс Касси постарались. Корзина-то у Люси будет полная.

– Я сам ее взвешу, – многозначительно сказал Легри.

Оба надсмотрщика снова расхохотались.

– Так... Значит, мисс Касси полный день работала?

– Да еще как работала! Будто в нее дьявол вселился со всеми своими чертями!

– Они всегда при ней, и дьявол и черти, – сказал Легри и, злобно выругавшись, пошел в сарай.

* * *

Измученные, примолкшие люди медленно один за другим входили в сарай и со страхом ставили свои корзины на весы.

Легри отмечал принятый хлопок на грифельной доске, к которой была приклеена сбоку полоска бумаги с именами невольников.

Корзина Тома потянула хорошо, и он отошел в сторону, с тревогой глядя на Люси.

Шатаясь от усталости, она подошла к весам и поставила на них свою корзину. Легри сразу увидел, что придраться не к чему, и все-таки закричал, притворившись разгневанным:

– Ах ты тварь ленивая! Опять недовес! Ну, подожди! Это тебе даром не пройдет!

Люси застонала и в отчаянии опустила на скамью.

Настала очередь женщины, которую называли мисс Касси. Она выступила вперед и с надменной усмешкой небрежно поставила свою корзину на весы.

Легри насмешливо, но пытливо заглянул ей в глаза. Она ответила ему твердым взглядом и проговорила что-то по-французски, еле заметно шевельнув губами. Никто не понял ее слов, один только Легри, услышав их, изменился в лице. Он занес руку, словно собираясь ударить ее, но она смерила его презрительным взглядом, повернулась и вышла из сарая.

– А теперь, Том, пойдی сюда, – сказал Легри. – Помнишь, я говорил, что не затем я тебя покупал, чтобы ты работал наравне с остальными. Ну, так вот, получишь повышение: будешь у меня надсмотрщиком. Сегодня с вечера и приступай к своим новым обязанностям. Возьми вон ту женщину и высеки ее. Ты ведь видал, как это делается. Справишься?

– Прошу прощения, хозяин, – сказал Том, – увольте меня от этого. Я к такому делу не привык, никогда этим не занимался... и не смогу, рука не подымется.

– Ты у меня к такому привыкнешь, то тебе раньше и во сне не снилось! – крикнул Легри, схватил ремень и ударил им Тома наотмашь по щеке – раз, другой, третий. – Ну! – сказал он, остановившись, чтобы перевести дух. – Все еще отказываешься?

– Отказываюсь, хозяин, – ответил Том и утер рукой кровь, струйкой сбегавшую по лицу. – Я готов работать день и ночь, работать до последнего вздоха, но против совести своей не пойду, хозяин, никогда не пойду.

Голос у Тома был мягкий, ровный, держался он всегда почтительно, и поэтому Легри считал его покладистым, трусоватым. Последние слова Тома так поразили невольников, что они охнули, как один человек. Несчастная мулатка стиснула руки и прошептала:

– О господи!

Остальные переглянулись между собой и затаили дыхание, готовясь к неминуемой грозе.

Легри оторопел от неожиданности, но быстро пришел в себя и рявкнул:

– Ах ты скотина черномазая! Ему, видите ли, совесть не позволяет выполнить хозяйскую волю! Да вам, тварям, и думать об этом не полагается! Ты что о себе возмечтал? В господу метишь? Мистер Том указывает хозяину, что справедливо и что несправедливо! Так тебе совесть не позволяет высечь эту ведьму?

– Не позволяет, хозяин, – сказал Том. – Она совсем больная, слабая. Разве можно быть таким жестоким? Я никогда на это не соглашусь. Хозяин, если вы хотите меня убить, убейте, а руки я на нее не подниму. Мне смерть и то легче.

Том говорил тихо, но в этом тихом, мягком голосе слышалась несокрушимая воля Легри

трясло, словно в лихорадке, его зеленоватые глаза так и сверкали, он весь оцетинился от ярости.

– Ах ты святоша! Учить нас, грешников, вздумал? А что в библии написано, забыл? «Рабы, повинуйтесь господам вашим». А кто твой господин? Я! Кто заплатил за тебя, собаку, тысячу двести долларов? Ты теперь мой, и душой и телом! – И Легри изо всех сил ударил Тома сапогом.

Но эти слова пробудили ликующую радость в измученном сердце Тома. Он выпрямился и, подняв к небу залитое слезами и кровью лицо, воскликнул:

– Нет, нет, хозяин! Мою душу не купишь ни за какие деньги! Вы над ней не вольны!

– Не волен? – со злобной усмешкой повторил Легри. – Сейчас посмотрим. Эй, Сэмбо, Квимбо! Высыпать этому псу, да так, чтобы он месяц очухаться не смог!

Оба великана, словно исчадия ада, со злобным ликованием схватили свою жертву. Мулатка в ужасе вскрикнула, остальные невольно поднялись с мест, глядя вслед Тому, который покорно дал вывести себя из сарая.

ГЛАВА XXXIV История квартирнки

Поздно ночью Том, весь окровавленный, лежал один в чулане при хлопкоочистительной мастерской, заваленном поломанными инструментами, отходами хлопка и прочим мусором, скопившимся здесь за много лет.

Ночь была сырая и душная; укусы комаров, тучами круживших в чулане, бередили его раны, а жгучая жажда – самая страшная из всех пыток – еще больше усиливала и без того нестерпимую боль, не дававшую ему ни минуты покоя.

– Господи! Обрати взор свой на меня! Дай мне сил одолеть это испытание, укрепи дух мой! – молился несчастный Том.

В чулане послышались чьи-то шаги, и свет фонаря ударил ему в глаза.

– Кто это? Ради создателя... пить!

Касси – это была она – поставила фонарь на пол, налила в кружку воды из принесенного с собой кувшина и приподняла Тому голову. Он с лихорадочной жадностью делал глоток за глотком.

– Пей, пей, – говорила она. – Я знала, что тебе нужно. Мне не в первый раз носить сюда воду по ночам.

– Благодарю вас, миссис, – сказал Том, утолив наконец жажду.

– Не зови меня так. Я несчастная рабыня, ничем не лучше тебя... может быть, даже хуже, – с горечью проговорила Касси. – А теперь попробуй лечь вот сюда. – Она вытащила из-за двери узкий матрац и накрыла его простыней, смоченной в холодной воде.

Избитому Тому стоило величайших трудов перебраться на матрац, но когда он все-таки сделал это, ему сразу стало легче от прикосновения к телу прохладной простыни.

Касси, давно привыкшая ухаживать за жертвами своего хозяина, приложила примочки к ранам Тома, и страдания его немного утихли.

– Вот, – сказала она, подсунув ему под голову хлопок вместо подушки, – это все, чем я могу тебе помочь.

Том снова поблагодарил ее, а она села рядом с ним на пол, обняла колени руками и застыла так, сумрачно глядя прямо перед собой. Чепец у нее сбился на затылок, длинные волнистые волосы рассыпались из-под него, обрамляя черной рамкой это необычное трагическое лицо.

– Все твои старания напрасны, – заговорила наконец Касси. – Ты ничего не добьешься. У тебя есть мужество, и правда на твоей стороне, и все-таки бороться ты не сможешь. Ты попал в лапы к дьяволу, он сильнее тебя. Покорись, ничего другого не остается!

Покорись! А разве в минуты слабости, изнемогая от мук, он не слышал голоса, шептавшего ему то же самое? Тот вздрогнул, глядя на эту женщину с безумными глазами, казавшуюся ему сейчас воплощением того соблазна, с которым он боролся всю ночь.

– Боже мой! Боже! – простонал несчастный. – Как я могу покориться?

– Нечего взывать к богу, он не услышит, – твердо сказала Касси. – Да его, наверно, и нет, а

если есть, он против нас. Все против нас – и земля и небо. Нам уготована одна дорога – в ад. Стоит ли с нее сворачивать?

Том вздрогнул и закрыл глаза – в такой ужас привели его эти слова.

– Ты ведь здешней жизни еще не знаешь, – продолжала она. – А я знаю. Я пять лет живу под пятой этого человека и ненавижу его лютой ненавистью. Ты только подумай: наша плантация в глуши, кругом болота, до соседних поместий миль десять, не меньше. И ни одного белого поблизости, который мог бы показать под присягой, что тебя сожгли заживо, сварили в кипятке, запороли, изрезали на куски, бросили на растерзание собакам или вздернули на сук. Здесь для нас нет закона, ни божеского, ни человеческого, а хозяин наш... он на все способен, на любую жестокость. Если рассказать, чего я здесь насмотрелась, у тебя волосы станут дыбом от страха. Нет, борьба бесполезна. Я прожила у этого человека пять лет, и за все эти пять лет не было такой минуты, когда бы я не проклинала свою жизнь. А теперь он привез молоденькую, совсем девочку, ей всего пятнадцать лет. – И Касси рассмеялась надрывным, горестным смехом, жутко прозвучавшим в этом ветхом чулане.

Том стиснул руки на груди. Как страшно, какой непроницаемый мрак окружает его!

А Касси продолжала тем же суровым голосом:

– Разве эти жалкие псы заслуживают, чтобы ты страдал из-за них? Да они предадут тебя при первой же возможности. Что у них на уме? Одна подлость, одна жестокость. Ты их оберегаешь, идешь из-за них на муки! Не стоят они того!

– Несчастные! – сказал Том. – Что их так ожесточило? А если я сдамся, я тоже притерплюсь к этой жизни и стану таким же, как они? Нет, нет, мисс Касси! Я потерял все – жену, детей, родной дом, доброго хозяина... а ведь он дал бы мне вольную, если б прожил хоть на неделю дольше! Я потерял все в этом мире, так неужели же мне еще и озлобиться?

– А что поделаешь? Завтра за тебя снова примутся. Я наперед все знаю. Страшно подумать, что будет! Волей-неволей покоришься.

– Господи! – воскликнул Том. – Укрепи душу мою, дай мне сил!

– Сколько раз я слышала эти мольбы, и никому они не помогали, все сдавались. Вот и Эмелина пытается бороться, и ты. А какой смысл в вашей борьбе? Все равно сдадитесь или умрете медленной смертью.

– Ну что ж, пусть лучше смерть! – сказал Том. – Как ни растягивай пытку, смерть все равно придет. А тогда я уж буду не в их власти. Я спокоен, я знаю, что господь поможет мне одолеть все муки!

Касси ничего не ответила; она сидела, не поднимая глаз.

– Может быть, так и надо, – прошептала она, словно размышляя вслух. – Ведь тем, кто покорился, надеяться не на что. Мы погрязаем в мерзости и становимся противны самим себе. Смерть кажется нам желанным гостем, а покончить с этой жизнью у нас нет сил. Да, надежды нет, нет!.. А эта девочка... ведь я тогда была в ее возрасте! Погляди на меня! – вдруг быстро затворила она, обращаясь к Тому. – Вот какая я стала. А ведь меня растили в роскоши. Первое, что я помню, – богатый дом, я бегаю, резвлюсь, нарядная, словно куколка. У нас много гостей, и все мною любят. Окна зала выходили в сад, где я играла с братьями и сестрами в прятки под апельсиновыми деревьями. Потом меня отдали в монастырь. Чему нас только не учили там – музыке, французскому языку, рукоделью... А в четырнадцать лет я приехала домой на похороны отца. Он умер скоропостижно, и когда его дела стали приводить в порядок, выяснилось, что все пойдет на покрытие долгов. Кредиторы описали его имущество, в эту опись внесли и меня: моя мать была рабыней. Отец давно собирался дать мне вольную, но не успел, поэтому так и вышло. Я и раньше знала свое положение, но как-то не задумывалась над этим. Кому могло прийти в голову, что такой здоровый, крепкий человек, как мой отец, скоро умрет? Он был на ногах за четыре часа до смерти... и вдруг холера – один из первых случаев эпидемии, вспыхнувшей тогда в Новом Орлеане. На другой день после похорон жена моего отца уехала вместе со своими детьми к родителям, на их плантацию. Мне показалось странным, как со мной обошлись, но я не придавала этому особого значения. Все дела были поручены молодому адвокату, который приходил к нам в дом каждый день и обращался со мной очень почтительно. Как-то раз он привел с собой

молодого человека... Такого красавца мне еще не приходилось видеть. Я никогда не забуду тот вечер! На сердце у меня лежала тоска, а он был так ласков, так нежен со мной. Он говорил, что видел меня еще до моего отъезда в монастырь, признался мне в любви, просил разрешения стать моим другом, защитником. Короче говоря, этот молодой человек заплатил за меня две тысячи долларов, и я стала его собственностью, но тогда я этого не знала. Мне было хорошо с ним, потому что я любила его. Любила! – повторила Касси и на минуту умолкла. – Как я любила этого человека! Я и сейчас его люблю и всегда буду любить, пока во мне теплится жизнь. Он был такой красивый, такой умный, такой благородный! Я жила в прекрасном доме, богато обставленном, полном слуг. У меня был свой выезд, у меня было много нарядов. Мой Генри дал мне все, что только можно купить за деньги. Но я ничем этим не дорожила. Мне нужен был только он. Я любила его больше всего на свете, я бы душу свою за него отдала! Я покорялась ему во всем!

Мне хотелось только одного: чтобы он стал моим мужем. Я думала, если этот человек действительно любит и ценит меня так, как говорит, он должен обвенчаться со мной и сделать свою жену свободной женщиной. Но он уверял, что это невозможно.

За те семь лет, которые мы прожили вместе, разве я не угождала ему во всем, не стараясь отгадать малейшее его желание? Он заболел желтой лихорадкой, и я – я одна! – двадцать дней и двадцать ночей не отходила от него, давала ему лекарство, ухаживала за ним. Он называл меня своим ангелом-хранителем, говорил, что я спасла ему жизнь. У нас было двое детей. Старшего, мальчика, мы в честь отца назвали Генри. Он был весь в него – такие же прекрасные глаза, высокий лоб, волнистые волосы, такой же веселый, с такими же богатыми способностями. Малютка Эльси была похожа на меня. Генри так гордился и мной и детьми, говорил, что по красоте мне нет равной во всей Луизиане. Бывало, я наряжу малышей, и он повезет нас кататься по городу в открытом экипаже. Все восхищаются нами, а Генри рад и потом повторяет мне, кто что сказал. Какие это были счастливые дни! Казалось, что большего счастья и быть не может. И вдруг все изменилось. В Новый Орлеан приехал двоюродный брат Генри, Батлер, которого он считал лучшим своим другом. Но я, сама не знаю почему, с первого же взгляда почувствовала, что этот человек разрушит наше счастье. Генри часто уходил с ним куда-то и возвращался домой не раньше двух-трех часов ночи. Я боялась сказать ему слово – ведь он был такой вспыльчивый. Они ходили в игорные дома, и мой Генри пристрастился к картам и уже не мог бросить их. А потом этот злодей Батлер познакомил его с другой женщиной, и вскоре я поняла, что для меня все кончено. Сердце мое разрывалось на части, но я молчала. И все тот же Батлер уговорил Генри продать ему и меня и детей, чтобы распутаться с карточными долгами и жениться... Генри продал нас. Однажды он сказал мне, что ему надо уехать по делам недели на две, на три. Такой ласки в голосе я у него уже давно не слышала, но это не обмануло меня. Я поняла, что час мой пробил, и словно окаменела – не пролила ни слезинки, не сказала ему ни слова. Он поцеловал меня, долго обнимал детей и ушел. Я видела, как он вскочил в седло, как скрылся за углом, а потом упала, потеряв сознание.

На другой день пришел тот – негодяй. Пришел заявить права на свою собственность. Он показал мне купчую крепость на меня и на детей. Я крикнула: «Будьте вы прокляты! Да мне лучше умереть, чем идти к вам!»

А он сказал: «Это как твоей душе угодно, но если ты не образумишься, детей своих тебе больше не видать, я их продам». И потом негодяй признался мне, что он решил завладеть мной с первого дня нашего знакомства и нарочно втянул Генри в карточную игру, чтобы тот запутался в долгах и продал меня. «А твои капризы и слезы мне не страшны, я своего добьюсь», – добавил он.

И я покорила судьбе, потому что у меня были связаны руки. Мои дети оказались во власти этого Батлера, он, чуть что, грозил продать их, я уступала ему во всем. Что это была за жизнь! Сердце мое разрывалось от боли и все-таки продолжало любить, любить, несмотря ни на что, а мне приходилось мириться с присутствием ненавистного человека. В былое время с какой радостью я читала Генри вслух, играла, пела ему, танцевала с ним. А теперь все это стало тяжелым бременем. Но отказать Батлеру я не смела ни в чем. Он обращался с детьми грубо, свысока. Эльси была робкая, застенчивая девочка, а Генри – весь в отца, горячий, непокорный. Этот чело-

век придирался к моему мальчику, не прощал ему ни малейшей провинности, и я жила в вечном страхе за него. Ведь дети были мне дороже самой жизни. Я старалась внушить Генри уважение к Батлеру, старалась, чтобы они реже попадались друг другу на глаза. Но это ничему не помогло. Батлер продал их. Как-то днем этот негодяй повез меня кататься, а когда я вернулась домой, детей моих уже не было. Он сказал, что продал их обоих, он похвалялся деньгами, которые получил за них, – похвалялся ценой их крови! И тут разум оставил меня. Я пришла в бешенство, я осыпала проклятиями и бога и людей и, кажется, напугала Батлера. Но он продолжал стоять на своем. Он повторил, что дети мои проданы, а увижу ли я их когда-нибудь – это зависит от меня: если я не перестану безумствовать, им же будет хуже.

Ну что ж, ради детей женщина пойдет на все. Батлер заставил меня покориться своей воле. Я лелеяла надежду, что, может быть, он действительно выкупит Эльси и Генри. Миновала неделя, другая. Как-то днем я проходила мимо тюрьмы. Вижу, у ворот ее собралась толпа. И вдруг до меня донесся детский крик. Это был голос моего Генри. Он вырвался из рук мужчин, которые держали его, и вцепился мне в платье. За ним кинулись с бранью, и один человек – я в жизни не забуду его лица! – крикнул: «Нет, шалишь, от нас не уйдешь! В тюрьме так тебя проучат, что ты век будешь помнить!» Я просила, я умоляла их не трогать моего мальчика, но они только смеялись на все мои мольбы. Генри плакал, заглядывал мне в лицо, цеплялся за меня, и когда его все-таки оторвали, у него в руках остался клочок от моей юбки. Он кричал: «Мама! Мама!», пока дверь тюрьмы не захлопнулась за ним.

Только один человек из всей толпы смотрел на меня с сочувствием. Я кинулась к нему, умоляла его вступить за моего сына, предлагала все деньги, которые были при мне. Но он покачал головой и сказал, что хозяин Генри жаловался на его строптивость и говорил, что такого дрянного мальчишку может исправить только тюрьма. Я повернулась и побежала, и мне всю дорогу слышались сзади крики моего сына. Подбегаю к дому и не переводя дыхания, – прямо в гостиную, где сидел Батлер. Взмолилась: «Спасите Генри!» А он рассмеялся и сказал, что мальчишка получил по заслугам: «Его надо обломать как следует, и чем скорее это будет сделано, тем лучше. Не понимаю, чего ты хочешь!»

И тогда в голове у меня помутилось от ярости, перед глазами пошли круги. Помню только, я увидела большой охотничий нож на столе, схватила его и бросилась с ним на Батлера. А потом все вдруг заволкло туманом, и дальше я уже ничего не сознавала.

Так прошло немало дней. Но наконец я очнулась и увидела, что лежу в какой-то чужой хорошей комнате. За мной ухаживала старушка негритянка, меня навещал доктор. Пожаловаться я ни на что не могла. А потом выяснилось, что Батлер уехал из Нового Орлеана и велел меня продать. Вот почему обо мне так заботились в этом доме.

Я не хотела выздоравливать и призывала к себе смерть. Но болезнь моя прошла, силы вернулись, пришлось встать. И тогда мне было велено наряжаться каждое утро и выходить к разным господам, которые разглядывали меня, покуривая сигары, заставляли отвечать на их вопросы и приценились ко мне. Но кому была нужна угрюмая, молчаливая женщина? Наконец мне сказали: «Если не будешь веселее и любезнее, высечем». И вот в один прекрасный день в этот дом пришел джентльмен, по фамилии Стюарт. Он, видно, сжалился надо мной, почувствовав, что у меня какое-то страшное горе, и стал часто ходить к нам. Мы виделись с ним наедине, и, уступив наконец его просьбам, я рассказала ему все. Вскоре Стюарт купил меня и пообещал вернуть мне моих детей. Он пошел в гостиницу, где работал Генри, но там ему сказали, что мальчика продали какому-то плантатору с Жемчужной реки. Больше я ничего не слышала о своем сыне. Потом Стюарт узнал и о судьбе Эльси. Она жила у одной пожилой женщины. Стюарт предложил за нее громадные деньги, но ему ответили отказом. Батлер проведал, кто хочет ее купить, и написал мне, что я никогда не увижу свою дочь. У капитана Стюарта я жила очень хорошо. Он увез меня на свою плантацию. Через год у нас родился сын. Как он был дорог мне! Как он был похож на моего несчастного Генри! Но я решила твердо: ему незачем жить – и, обливаясь слезами, покрывая поцелуями его личико, дала ему, двухнедельному крошке, опия, и он уснул навсегда у меня на руках. Как я горевала, как оплакивала своего сына! Все, разумеется, решили, что тут произошла ошибка. И это один из немногих моих поступков, которым я не перестаю гордиться. Хоть

одного ребенка мне удалось уберечь от страданий. Смерть – лучший удел для него... А потом Стюарт заболел холерой и умер. Все, кому хотелось жить, все умирали, а я сама звала к себе смерть и не могла дозваться ее. Меня опять продали, и я стала переходить от одного хозяина к другому. Молодость моя прошла, появились морщины, а тут еще лихорадка... И в конце концов я попала вот сюда, к этому негодю.

Касси умолкла. Она рассказала историю своей жизни быстро, горячо, то обращаясь к Тому, то забывая о нем и говоря сама с собой. И в словах этой женщины было столько страсти и покоряющей силы, что Том уже не чувствовал собственных страданий и, приподнявшись на локте, следил, как она беспокойно шагает из угла в угол и как длинные темные волосы тяжелой волной переливаются у нее за плечами.

Вдруг она остановилась и снова заговорила:

– Ты мне сказал, что на небе есть бог, который смотрит на землю и видит все, что здесь творится. Так почему же он допускает такое? Нет, я не буду дожидаться его помощи, я сама отомщу за себя и за своих детей, и скоро отомщу! – Она сжала кулаки, и ее черные глаза вспыхнули, как у безумной. – Я его отправлю куда следует, а там пусть меня хоть сожгут заживо!

Прошла минута-вторая. Несчастливая женщина успокоилась и, подойдя к Тому, спросила:

– Чем я могу тебе помочь, бедняга? Хочешь еще воды?

Жалость, звучавшая в ее голосе, мягкость ее движений так не вязались с недавней одержимостью!

Том выпил воды, хотел сказать что-то, но Касси остановила его:

– Молчи, не надо говорить. Попробуй лучше заснуть.

Она поставила кувшин поближе к нему, оправила его жалкую постель и вышла из чулана.

ГЛАВА XXXV

Талисман

Гостиной в доме Легри служила длинная, просторная комната с большим камином. Когда-то она была оклеена дорогими пестрыми обоями, но теперь от них остались только бесцветные клочья, свисавшие с покрытых плесенью стен. В воздухе стоял тот нездоровый запах сырости, пыли и запустения, которым обычно бывают пропитаны заброшенные старые дома. На обоях виднелись пивные и винные пятна, какие-то записи мелом и длинные столбики цифр, словно кто-то занимался тут арифметикой. В камине была поставлена жаровня с тлеющими углями, так как в этой огромной комнате даже в теплую погоду по вечерам чувствовались сырость и холод. Кроме того, Легри всегда надо было иметь под рукой угли, чтобы закуривать сигару и греть воду для пунша. Жаровня бросала багровые блики по стенам, обнаруживая всю неприглядность этой гостиной, заваленной седлами, уздечками, сбруей, кнутами и разной одеждой, на которой с удобством располагались уже известные нам собаки.

Легри готовил себе пунш и, наливая в стакан горячую воду из треснувшего, с отбитым носиком кувшина, ворчал:

– Пропади он пропадом, этот Сэмбо! Натравил меня на новых невольников в такое горячее время! Теперь Том с неделю будет в лежку лежать.

– Пеняй на себя! – послышался голос позади его кресла.

Это сказала Касси, незаметно прокрадываясь в комнату.

– А, чертовка, вернулась?

– Да, вернулась, – холодно ответила она. – И опять примусь за свое.

– Врешь! Как я сказал, так и будет. Возьмись за ум, а не возьмешься, проваливай в поселок и работай вместе со всеми и харч получай там же.

– Да мне в тысячу раз лучше валяться в грязной лачуге, чем жить под твоим копытом! – воскликнула Касси.

– От моего копыта никуда не денешься, – сказал Легри и схватил ее за руку.

– Берегись, Саймон Легри! – крикнула Касси, бешено сверкнув глазами. – А все-таки ты меня боишься, – насмешливо добавила она, – и неспроста боишься: ведь во мне сидит сатана.

Так будь же осторожней!

— А, ты боишься меня, Сэймон! — продолжала она решительно.

Последние слова Касси проговорила свистящим шепотом в самое ухо Легри.

— Перестань! Ты и вправду с сатаной спуталась! — крикнул он, отталкивая ее от себя. Взгляд у него был испуганный. — Слушай, Касси! Давай будем друзьями, как прежде!

— Друзьями?! — повторила она и не могла больше выговорить ни слова от нахлынувшей на нее ярости.

Легри всегда ощущал над собой власть Касси — власть сильного, безудержного в своих чувствах существа, которое способно покорять даже самые грубые натуры. Но за последнее время, изнемогая под страшным гнетом рабства, Касси стала беспокойной и вспыльчивой, как никогда. Вспыльчивость ее иной раз граничила с безумием, что приводило в трепет Легри, который, подобно всем невежественным людям, питал суеверный страх перед сумасшедшими. Когда в доме появилась Эммелина, чувство, глубоко таившееся в окаменевшем сердце Касси, вспыхнуло ярким пламенем, она вступилась за девушку и с яростью набросилась на Легри. Тот, выведенный из себя, пригрозил послать Касси на полевые работы, если она не образумится. Касси гордо ответила, что это ее не страшит. И, как мы уже видели, проработала в поле до позднего вечера, выказав этим свое пренебрежение к угрозам хозяина.

Весь тот день Легри было не по себе, ибо Касси все время занимала его мысли. Когда она

поставила свою корзину на весы, у него мелькнула надежда на примирение, и он заговорил с ней, стараясь полунасмешливо задобрить строптивную женщину, но из этой попытки ничего не вышло.

Зверская расправа с несчастным Томом окончательно взбесила Касси, и она вернулась домой только для того, чтобы отчитать Легри за его бесчеловечность.

– Перестань буйствовать, Касси, – сказал он, – будь благоразумной.

– И ты смеешь говорить о благоразумии! А сам что натворил? Кто искалечил лучшего работника на всей плантации? И нашел время, когда это делать, – в самую горячую пору! Вот до чего тебя твоя злоба доводит!

– Что верно, то верно. Не следовало мне, дураку, с ним связываться, – сказал Легри. – Однако если раб заартачится, ему нельзя потворствовать, надо его образумить.

– Ну, Тома тебе не удастся образумить.

– Не удастся? – крикнул Легри, вскакивая с кресла. – А вот посмотрим! Нет таких негров на свете, которые устоят передо мной. Я ему все кости переломлю, а своего добьюсь.

В эту минуту дверь приоткрылась, и за ней показался Сэмбо. Он с поклоном протянул Легри какой-то маленький сверток.

– Что это у тебя? – спросил тот.

– Талисман, хозяин.

– Что за талисман?

– Это такая штука, которую негры достают у колдуний. Она отводит боль. С ней им любая порка не страшна. А Том носил ее на шее на черном шнурке.

Подобно многим невежественным и жестоким людям, Легри был суеверен. Он взял бумажный сверток у Сэмбо из рук и с опаской развернул его.

Оттуда выпал серебряный доллар и длинная золотистая прядь волос, которая, словно живая, обвилась вокруг пальца Легри.

– Проклятие! – крикнул он, в бешенстве топая ногами и швыряя локон в камин. – Где ты взял его? Сжечь, сжечь немедленно!

Сэмбо смотрел на хозяина с разинутым ртом, а Касси остановилась на пороге, не понимая причины такой ярости.

– Не смей больше приносить мне всякую чертовщину! – Легри замахнулся кулаком на Сэмбо, потом схватил серебряный доллар и вышвырнул его в окно.

Сэмбо был рад унести ноги. Когда дверь за ним захлопнулась, Легри, видимо, устыдившись своей вспышки, сел в кресло и стал молча потягивать пунш, а Касси тем временем незаметно выскользнула из комнаты и пошла навестить несчастного Тома, о чем мы уже рассказывали.

Что же произошло с Легри? Почему столь невинная вещь, как прядь светлых волос, привела в такой ужас человека, которого, казалось бы, ничем нельзя было смутить? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны познакомить читателя с его прошлым.

Было время, когда погрязший в пороках Саймон знал материнскую ласку и засыпал, младенцем, в объятиях матери. Эта кроткая женщина с терпением и любовью растила своего единственного сына, но он, не внимая ее советам, ее уговорам, пошел по стопам деспотичного, жестокосердного отца, рано покинул материнский кров и отправился искать счастья в море.

С тех пор Саймон побывал дома только раз. И мать, не перестававшая любить свое беспутное детище, сделала все, чтобы отвлечь его от греховной жизни и наставить добру.

Легри колебался, готовый склониться на ее мольбы, но порочность взяла в нем верх. Он стал пьянствовать и однажды ночью, когда несчастная женщина в порыве отчаяния упала перед ним на колени, ударил ее ногой, с проклятиями выбежал из дому и вернулся на свой корабль.

Прошло немало времени, прежде чем Саймон снова вспомнил свою мать. Как-то раз в самый разгар кутежа ему подали письмо. Он распечатал конверт; оттуда выпал длинный локон – выпал и обвился вокруг его пальцев. А в письме было сказано, что мать Саймона Легри умерла и что, умирая, она простила сына и послала ему свое благословение.

Легри сжег и письмо и локон, но глядя, как огонь пожирает их, он внутренне содрогался,

думая об адском пламени. С тех пор чем он только ни пытался заглушить в себе воспоминания об этом – попойками, разгулом, богохульством, – ему ничто не помогало. И по ночам, когда среди глубокой тишины Саймон оставался наедине со своей беспокойной совестью, перед ним вдруг вставал бледный призрак матери, он чувствовал, как ее локон мягко обвивается вокруг его пальцев, и, весь в холодном поту, вскакивал с постели.

– Проклятый негр! – бормотал Легри между глотками пунша. – Где он достал эту штуку? Ни дать ни взять тот самый... Уф! Я думал, все забыто, да где тут забыть! Ох, тоска какая! Эмми, что ли, позвать? Она ненавидит меня, да я на это не посмотрю, заставлю ее спуститься вниз!

Он вышел в большой вестибюль, в дальнем конце которого виднелась лестница во второй этаж. И лестница и вестибюль, когда-то пышно убранные, были теперь завалены всяким хламом, заставлены ящиками. Голые ступеньки уходили во тьму. В разбитое полукруглое окно над дверью лился слабый лунный свет. Воздух здесь был затхлый, в нем чувствовалась пронизывающая сырость словно в склепе.

Легри остановился у лестницы и прислушался. Наверху кто-то пел. Как странно и жутко было слышать пение в этом запущенном старом доме! А может, у него просто нервы разгулялись? Тсс!..

Сильный и нежный голос пел песню, излюбленную рабами:

Слезы, слезы,
Плач и слезы у престола господня.

– Вот проклятая! Придушить ее мало! – пробормотал Легри. Потом крикнул: – Эмми! Эмми!

Но ответом ему послужило эхо, насмешливо повторившее его зов. А звонкий девичий голос продолжал:

Расстанутся навеки,
Расстанутся навеки
Мать и сын у престола господня.

Легри поднялся на одну ступеньку и снова замер. Он постыдился бы признаться в этом самому себе, но крупные капли пота выступили у него на лбу, сердце ёкнуло от страха. Ему показалось даже, будто во тьме перед ним мелькнуло что-то белое. Уж не призрак ли это покойной матери?

– Теперь мне ясно одно, – прошептал он, нетвердыми шагами возвращаясь в гостиную, – этого негра надо оставить в покое. Тут без колдовства не обошлось. Иначе с чего бы меня так знобило и прошибало потом! Откуда он взял этот локон? Неужто тот самый? Да нет, не может быть! Ведь тот я сжег, сжег собственными руками. Не из пепла же он возродился!.. Довольно вам спать! – Легри засвистал и топнул ногой на собак.

Но те сонно повели на него глазами и не двинулись с места.

– Сэмбо и Квимбо, что ли, позвать? – продолжал Легри говорить сам с собой. – Пусть спляшут, повеселят меня, разгонят эти черные мысли.

Он надел шляпу, вышел на веранду и затрубил в рог, призывая к себе своих верных приспешников.

Когда Легри бывал в хорошем расположении духа, он часто призывал к себе Квимбо и Сэмбо и, предварительно напоив этих головорезов, развлекался их пением, плясками или дракой – в зависимости от настроения.

Возвращаясь от Тома около двух часов ночи, Касси услышала несущиеся из дома дикие крики, посвист и улюлюканье вперемешку с оглушительным лаем собак.

Она поднялась на веранду и заглянула в окно гостиной. Легри и оба надсмотрщика, вдребезги пьяные, горланили песни, орали, метались по комнате, опрокидывая стулья, и строили друг другу нелепые и страшные рожи.

Касси отвела рукой створку ставни и долго смотрела на то, что творилось в гостиной. Ее темные глаза горели страхом, презрением и яростной злобой.

– Неужели грешно избавить мир от такого мерзавца? – прошептала она.

Потом круто повернулась, вошла в дом с черного хода и, поднявшись по лестнице, постучалась к Эммелине.

ГЛАВА XXXVI Эммелина и Касси

Касси открыла дверь и увидела, что Эммелина, бледная от страха, сидит, забившись в дальний угол комнаты. Девушка вздрогнула, но, узнав Касси, бросилась к ней, схватила ее за руку и сказала:

– Касси! Как я рада! Я думала, что... Боже мой, если б ты знала, что там делается весь вечер!

– Мне ли не знать! – сухо сказала та. – Я не в первый раз это слышу.

– Касси! Если бы убежать отсюда! Все равно куда: на болота, где змеи, – куда угодно! Неужели нам отрезаны все пути?

– Отсюда только один путь – в могилу, – сказала Касси.

– И ты никогда не пробовала убежать?

– Другие пробовали, а я видела, чем это кончалось.

– Я готова скитаться по болотам, глотать древесную кору. Пусть там змеи! Лучше жить среди змей, чем около этого человека! – волнуясь, говорила Эммелина.

– Многие так думали, – ответила ей Касси. – Но на болотах долго не пробудешь: выследят с собаками, приведут обратно, а потом... потом...

– А что он сделает, если поймает? – Девушка жадно всматривалась ей в лицо, дожидаясь ответа.

– Спроси лучше, чего он не сделает, – сказала Касси. – Этот человек изучил свое подлое ремесло среди пиратов в Вест-Индии. Ты потеряешь сон, если послушаешь, что мне приходилось видеть здесь, и узнаешь, как он похвастается своими подвигами. У меня, бывало, по неделям стояли в ушах вопли его жертв. Ты еще не видела пустырь за поселком, не видела сухое дерево с обуглившимся стволом, а под ним горы золы. Спроси, кого хочешь, что там делалось, и тебе никто не посмеет сказать правду.

– Какую правду?

– И я тебе не скажу. Мне даже вспомнить об этом страшно. А что будет завтра, если Том не покорится ему?

– Боже мой! – прошептала Эммелина, и лицо ее побелело от ужаса. – Что же делать, Касси?

– То, что делаю я: пить! Сначала мне тоже было трудно привыкнуть к этому, а теперь не могу без вина. Надо же иметь какую-то радость в жизни. Выпьешь, и кажется, что не так уж все страшно вокруг.

– Моя мать предостерегала меня: никогда не пей, – сказала Эммелина.

– Мать тебя предостерегала! – с горечью воскликнула Касси. – Кому нужны материнские наставления! Нас покупают, за нас платят деньги, и мы не принадлежим самим себе. Вот так-то! Пей, Эммелина, пей, сколько сможешь, и тебе станет легче.

– Касси, Касси, пожалей меня!

– Пожалеть? А разве я не жалею? Ведь у меня тоже была дочь! Где она? Кто над ней сейчас властвует, одному богу известно. Наверно, пошла по стопам своей матери. И ее детей ждет та же участь. И не будет этому конца, ибо над нами тяготеет вечное проклятие!

– Лучше бы мне не родиться на свет божий! – воскликнула Эммелина.

– Я тоже не раз говорила это и давно наложила бы на себя руки, да вот только решимости не хватает, – сказала Касси, устремив в темноту тяжелый, полный отчаяния взгляд.

– Это большой грех, – прошептала Эммелина.

– А разве не грех жить так, как мы живем?

Эммелина отвернулась от нее и закрыла лицо руками.

Пока обе женщины разговаривали наверху, попойка в гостиной кончилась, и мертвецки пьяный Легри успел заснуть.

Сон у него был беспокойный, полный странных видений. Вот перед ним вдруг выросла женская фигура, закутанная в саван. Холодная рука легко коснулась его лба. Он узнал, кто это, узнал, не видя лица, и задрожал всем телом. Потом все тот же локон обвился вокруг его пальцев, скользнул выше и, словно петлей, сдавил ему шею, не давая дышать. Послышался леденящий кровь шепот. И вдруг перед ним разверзлась бездна, чьи-то руки толкали его туда, он отбивался от них, не помня себя от ужаса, и, оглянувшись, увидел Касси. Она смеялась и тоже протягивала к нему руки, а за ее спиной стоял тот призрак... но уже без савана, и это была его мать. Она медленно отвернулась от своего сына, и он, не удержавшись на краю бездны, полетел вниз под дьявольские визги, крик и хохот.

Ночь миновала. Розовый свет спокойной утренней зари уже проникал в окна. Легри открыл глаза и прежде всего выругался. Разве для него свершалось ежедневное чудо утра, разве для него играли золотом и пурпуром лучи восходящего солнца? Не замечая всего этого, он встал, пошатываясь, со своего ложа, налил себе стакан коньяку и опорожнил его до половины.

– Ну и ночка выдалась! – пожаловался он Касси, которая в эту минуту вошла в гостиную.

– Это не последняя. Таких ночек у тебя еще много будет, – сухо сказала она.

– Почему это?

– Скоро узнаешь почему, – тем же тоном ответила Касси. – А теперь, Саймон Легри, послушайся моего совета.

– Очень они мне нужны, твои советы!

– Послушайся меня и оставь Тома в покое, – продолжала Касси, прибирая комнату.

– А почему ты о нем заботишься?

– Почему? Да я сама не знаю почему. Если тебе ничего не стоит искалечить в самое горячее время работника, за которого уплачено тысяча двести долларов, то меня это и подавно не касается. Я все, что могла, для него сделала.

– Вот как! А кто тебя просит вмешиваться?

– Никто не просит. Я не первый раз выхаживаю твоих невольников, спасаю тебе немалые деньги, и вот какая меня ждет благодарность! Проиграешь ты свое пари, еще как проиграешь!

У Легри, подобно многим из его братьев, была только одна цель в жизни: снять как можно больше хлопка со своих полей, и он держал пари с другими плантаторами, что у него будет самый богатый урожай в этом году. Таким образом, Касси с чисто женской хитростью затронула в нем самую чувствительную струнку.

– Ну ладно, на сей раз с него хватит, – сказал Легри, – только пусть попросит у меня прощения и даст слово больше не дурить.

– Этого он не сделает, – сказала Касси.

– Не сделает?

– Нет.

– А позвольте узнать почему? – с величайшим презрением спросил Легри.

– Потому что он поступил правильно и прекрасно знает это. Выходит, каяться ему не в чем.

– А какое мне дело, знает он или не знает? Негру как велено, так он и должен говорить, не то...

– ...не то этот негр не сможет работать, и ты проиграешь пари.

– Да он живо пойдет на попятный! Что я, негров не знаю? Сегодня же утром будет скулить, как собака.

– Не будет, Саймон. Таких людей ты еще не встречал. Том умрет медленной смертью, а не покается.

– Посмотрим. Где он? – спросил Легри, выходя из гостиной.

– В чулане при мастерской, – ответила Касси.

Легри хоть и хорохорился в присутствии Касси, но ее благоразумные советы, а также кошмар, не дававший ему покоя ночью, возымели на него свое действие. Он решил повидаться с То-

мом без свидетелей и отложить расправу с ним на более подходящее время в том случае, если этот непокорный негр будет стоять на своем.

Торжественная провозвестница дня – утренняя звезда – заглянула в маленькое оконце чулана, и, подняв на нее глаза, Том спокойно, без дрожи услышал шаги своего мучителя.

– Ну, друг мой любезный, как поживаешь? – начал Легри и ударил Тома ногой. – Хороший урок получил? Небось, не понравилось! Ты будто присмирел со вчерашнего дня! Проповеди бедным грешникам больше читать не будешь?

– Ну, парень, – сказал Легри, презрительно пнув Тома ногой, – как поживаешь?

Том молчал.

– Встань, скотина! – крикнул Легри, снова пиная его ногой.

Трудно было избитому, ослабевшему Тому выполнить это приказание, и, глядя на его тщетные попытки подняться, Легри громко захохотал.

– Что это ты такой вялый? Уж не простудился ли вчера?

Том наконец встал и замер в неподвижности, глядя на хозяина.

– Вот дьявол! Да ты еще держишься на ногах? – Легри смерил его взглядом. – Значит, мало тебе всыпали! Ну, Том, становись на колени и проси у меня прощения за вчерашнее.

Том не шелохнулся.

– На колени, собака! – крикнул Легри, стегнув его плетью.

– Хозяин, – сказал Том, – мне не в чем каяться. Я поступил по совести. И в следующий раз поступлю точно так же, что хотите со мной делайте.

– Ты еще не знаешь, что я могу с тобой сделать, любезнейший. Вчерашнее – пустячки. Это даже в счет не идет. Ну, а что ты, например, скажешь, если тебя привяжут к дереву и будут поджаривать на медленном огне? Приятно, правда?

– Хозяин, – ответил Том, – вы купили меня, и я буду вам верным, работающим слугой. Мои силы, мое время – это все ваше. Но над моей душой вы не властны. Вы можете запороть меня, уморить голодной смертью, сжечь заживо. Ну что ж, мне умирать не страшно!

– Собака! – крикнул Легри, одним ударом сбив его с ног.

Чья-то холодная мягкая ладонь легла на руку Легри. Он оглянулся. Это была Касси. Но ее прикосновение напомнило ему кошмар, мучивший его ночью, и прежние страхи снова овладели им.

– Не строй из себя дурака, – сказала она по-французски. – Что я тебе говорила? Оставь его. Поручи мне уход за ним, и он снова сможет работать.

Легри подумал и решил оставить Тома в покое – на время.

– Ладно, делай, как знаешь, – буркнул он. Потом взглянул на Тома. – А ты запомни: сейчас мне некогда с тобой возиться – рабочие руки нужны, но я ничего не забываю. Когда-нибудь мы с тобой расквитаемся. Я на твоей черной шкуре все вымещу. Так и знай!

Он повернулся и вышел из чулана.

– Подожди, – зловеще бросила ему вслед Касси, – придет и твой час!.. Ну, как ты, бедняга?

– Ангел господень усмирил льва до поры до времени, – ответил Том.

– Да, только до поры до времени, – сказала она. – Но теперь берегись, он злопамятный. Он, как собака, будет преследовать тебя изо дня в день, будет капля по капле пить твою кровь. Я его знаю!

ГЛАВА XXXVII

Свобода

А теперь оставим нашего Тома в руках его мучителей и займемся судьбой Джорджа и Элизы, которых мы видели в последний раз на чистенькой придорожной ферме в штате Огайо.

Том Локкер, если вы помните, стонал, лежа в белоснежной постели, под материнским оком тетушки Доркас, не замедлившей убедиться, что ухаживать за таким пациентом так же легко, как за большим бизоном.

Представьте себе дородную, полную достоинства женщину в белом чепце на серебристых волосах, разделенных пробором и обрамляющих высокий чистый лоб, – это и есть тетушка Доркас. Взгляд ее серых глаз умный, сосредоточенный; на груди крест-накрест повязана белая косынка; коричневое платье уютно шуршит при каждом ее движении.

– Фу ты, черт! – рычит мистер Локкер, сбрасывая с себя простыню.

– Слушай, Томас, очень тебя прошу – не бранись! – говорит ему тетушка Доркас и спокойно оправляет его постель.

– Ладно, бабушка, постараюсь. Только как тут не ругаться – жарко мне, дышать нечем!

– А этот мулат с женой тоже здесь? – сердито спрашивает он после паузы.

– Здесь, здесь, – отвечает тетушка Доркас.

– Им надо скорее добираться до озера, – продолжает Том. – Нечего время терять.

– Они, наверное, так и сделают, – говорит тетушка Доркас и с безмятежным видом принимается за вязанье.

– И слушай, что я тебе скажу, – говорит Том. – Теперь уж мне нечего скрывать. Наши подручные в Сандаски следят за посадкой на пароходы. Надеюсь, что они прозевают этого Гарриеса со всей его компанией. И пусть прозевают назло Мэрксу, будь он проклят!

– Томас Локкер! – останавливает его Доркас.

– Э-э, бабушка! Если ты будешь затыкать мне рот, меня разорвет на части, как засмолен-

ную бутылку... А насчет его жены вот что скажу: пусть оденется как-нибудь по-другому, так, чтобы и узнать было нельзя. Ее приметы известны в Сандаски.

– Мы об этом подумаем, – с полной невозмутимостью говорит Доркас.

Прощаясь с Томом Локкером, скажем напоследок, что раны и горячка продержали его в квакерском домике около трех недель, после чего он встал значительно поумневшим и остепенившимся и, бросив охоту на беглых негров, обосновался в одном из отдаленных поселков, где его таланты нашли себе такое прекрасное применение в ловле медведей, волков и других обитателей лесных чащ, что это принесло ему немалую славу.

Предупрежденные Томом об опасности, грозящей им в Сандаски, беглецы решили разделиться. Первыми выехали из поселка Джим со своей старухой матерью, а на третью ночь отправились в Сандаски и Джордж с Элизой и ребенком. Там их приютила одна гостеприимная семья, и они стали готовиться к последнему этапу своего пути – переезду через озеро.

Ночь близилась к концу, утренняя звезда – звезда их свободы – сияла высоко в небе. Свобода! Заветное слово! Что такое свобода для молодого человека, который сидит сейчас, скрестив руки на груди, устремив куда-то вдаль сосредоточенный взгляд горящих глаз? Что такое свобода для Джорджа Гарриса? Свобода для него – это право быть человеком, а не рабочим скотом; право называть любимую женщину своей женой и ограждать ее от насилия и беззакония; право защищать и воспитывать своего ребенка; право жить с ними под одной кровлей, жить по своей воле, независимо от воли другого.

Джордж склонил голову на руку и задумчиво посмотрел на жену, переодевавшуюся в мужское платье, которое должно было изменить ее хрупкую фигурку до неузнаваемости.

– И теперь последнее, – сказала Элиза, глядя на себя в зеркало и распуская свои волнистые иссиня-черные волосы. – Жалко Джордж, правда? – И она подняла на ладони густую шелковистую прядь. – Да, жалко с ними расставаться.

Джордж грустно улыбнулся и ничего не ответил.

Элиза снова повернулась к зеркалу. Ножницы блеснули в ее руке, и тяжелые пряди одна за другой упали на пол.

– Вот и все! – сказала она, берясь за головную щетку. – Теперь я буду прихорашиваться... Ну, как тебе нравится этот молодой человек? – Элиза повернулась к мужу, смеясь и заливаясь румянцем.

– Твоей красоте ничто не страшно, – сказал Джордж.

– Почему ты такой грустный? – Опустившись перед Джорджем на колени, она коснулась его руки. – Еще сутки, и мы будем в Канаде. Один день и одна ночь на пароходе, а потом... потом...

– В том-то и дело, Элиза! – сказал Джордж, обнимая ее. – Теперь все висит на волоске. Подумай только: быть так близко, почти видеть перед собой берега Канады, и вдруг потерять все! Я не перенесу этого!

– Не бойся! – с надеждой в голосе прошептала его жена.

– Да благословит тебя бог, дорогая! – воскликнул Джордж, крепко прижимая ее к груди. – Но неужели эта горькая жизнь скоро кончится? Неужели мы будем свободны?

– Я уверена в этом, Джордж. – Элиза подняла на него глаза, и слезы восторга блеснули на ее длинных темных ресницах.

– Ты меня убедила, Элиза! – Джордж быстро встал с кресла. – Я верю тебе. Идем! Пора собираться!.. А ведь и правда, – сказал он вдруг, отстраняя от себя жену и с восхищением разглядывая ее. – Какой очаровательный юноша! И как к тебе идут эти кудри! Надень шляпу... нет, вот так: немного набекрень. Да ты никогда не была такой красавицей!.. Однако пора посылать за ко-

ляской. И надо узнать, как там миссис Смит – успела она переодеть Гарри?

В эту минуту дверь открылась, и в комнату вошла почтенного вида пожилая женщина, ведя за руку маленького Гарри, одетого в платьице.

– Какая из него получилась прелестная девочка! – воскликнула Элиза, осматривая сына со всех сторон. – Мы будем звать его Гарриет – самое подходящее имя!

Ребенок, удивленный странным нарядом матери, поглядывал на нее исподлобья и глубоко вздыхал.

– Гарри не узнал свою маму? – сказала Элиза и протянула к сыну руки.

Он застенчиво прижался к миссис Смит.

– Не надо, Элиза, не приваживай его. Ты же знаешь, что ему нельзя будет даже подойти к тебе на пароходе.

– Да, правда! Но зачем он отворачивается от меня? Каково матери терпеть это! Ну хорошо! Где мой плащ? Вот он! Джордж, покажи мне, как их носят.

– Вот так, – сказал Джордж, набросив плащ себе на плечи.

– Так? – спросила Элиза, подражая ему. – И что еще я должна делать? Ходить большими шагами, топтать и дерзко поглядывать на всех?

– Смотри не перестарайся, – усмехнулся Джордж. – Бывают на свете и скромные юноши. Такая роль тебе больше подходит.

– Боже мой, ну и перчатки! Да я в них утону!

– Тем не менее советую тебе не снимать их с рук, – сказал Джордж. – Твои нежные лапки могут выдать нас всех... Итак, миссис Смит, не забудьте: вы тетушка Гарри и едете под нашей охраной.

– Говорят, на пристань приходили какие-то люди и предупредили всех капитанов, что надо выследить мужчину, который путешествует с женой и ребенком, – сказала миссис Смит.

– Вот как! – воскликнул Джордж. – Ну что ж, если они попадутся нам на глаза, мы немедленно сообщим об этом.

К дверям подъехала коляска, и радушные хозяева вышли проститься со своими гостями.

Беглецы послушались советов Тома Локкера и пошли на хитрость, рассчитывая обмануть сыщиков. Миссис Смит, почтенная женщина, возвращавшаяся в тот поселок в Канаде, куда они держали путь, согласилась взять на себя роль тетушки Гарри, и мальчика отдали на ее попечение, чтобы он успел привыкнуть к ней за эти два дня. Ласки, подкрепленные немалым количеством мятных пряников, сделали свое дело, и юный джентльмен всей душой привязался к своей новоявленной родственнице.

Коляска остановилась у пристани. Двое молодых людей поднялись по сходням на пароход. Один из них – это была Элиза – галантно вел под руку миссис Смит, а другой – Джордж – нес вещи.

Подойдя к капитанской каюте за билетами, Джордж услышал разговор двух мужчин, остановившихся сзади него.

– Я присматривался ко всем пассажирам. Ручаюсь, что на нашем пароходе их нет.

Это говорил один из корабельных служащих, а его собеседником был наш давнишний знакомый Мэркс, который со свойственным ему упорством добрался до Сандаски, надеясь изловить здесь свою ускользнувшую добычу.

– Женщину почти не отличишь от белой, – сказал Мэркс, – а мужчина – мулат, тоже совсем светлый, и на руке у него должно быть клеймо.

Рука Джорджа, державшая билеты и сдачу, едва заметно дрогнула, но он спокойно повернулся, равнодушно глянул на говорившего и как ни в чем не бывало пошел в дальний конец палубы, к поджидавшей его там Элизе.

Миссис Смит сразу же удалилась с маленьким Гарри в дамскую каюту, где красота девочки-смуглянки исторгла восхищенные возгласы у всех пассажиров.

Колокол зазвонил в последний раз, Мэркс спустился по сходням на берег, и Джордж вздохнул всей грудью, видя, что расстояние между ним и этим человеком с каждой минутой становится все больше и больше.

День был чудесный. Голубые волны озера Эри плясали и весело искрились в солнечных лучах. С берега веял прохладный ветерок, и величавое судно смело несло вперед, к берегам Канады. О, сколько неведомого таится в каждом человеческом сердце! Кто, глядя на Джорджа, спокойно разгуливавшего по палубе бок о бок со своим застенчивым спутником, мог угадать, какие чувства жгли ему грудь? Счастье, которое ждало его в недалеком будущем, казалось несбыточным! Оно было слишком прекрасно, слишком сказочно. И Джордж не знал ни минуты покоя, боясь, что какая-нибудь злая сила выхватит это счастье у него из рук.

Но часы бежали, и вот вдали показался маленький канадский городок Амхерстберг. Джордж задыхался от волнения. Глядя прямо перед собой ничего не видящими глазами, он молча сжал маленькую ручку, дрожавшую в его руке. Зазвонил колокол; пароход остановился. Едва сознавая, что он делает, Джордж разыскал свой багаж, созвал своих спутников, и, сойдя на берег, они, предводительствуемые миссис Смит, сразу же отправились к одному священнику, который принял их как добрых знакомых.

Кто сможет выразить словами всю сладость первого дня на воле? Какое блаженство двигаться, говорить, дышать, ходить куда вздумается, не боясь никого и ничего! А кто передаст радость матери, которая не сводит глаз со своего спящего ребенка, ставшего ей во сто крат дороже после всех невзгод и опасностей! Разве могли они с Джорджем заснуть в эту ночь, потрясенные своим счастьем? А ведь у них, у этих счастливых, не было ни клочка земли, ни крыши над головой, ни денег... И все-таки радость, наполнявшая их сердца, не давала им сомкнуть глаз до утра.

ГЛАВА XXXVIII

Победа

Когда Том, стоя лицом к лицу со своим мучителем, слушал его угрозы и ждал смерти, отважное сердце не изменило ему, и он готовился принять любые страдания, любые пытки. Но лишь только Легри ушел, лишь только волнение Тома улеглось, в его избитом теле снова проснулась боль, и он снова почувствовал всю свою беспомощность и одиночество.

Легри не стал дожидаться, когда раны Тома заживут, и вскоре приказал ему выходить на работу. Потянулись дни, полные непосильного труда, мучений, издевательств.

В горячее время уборки Легри заставлял своих невольников выходить в поле и по воскресеньям. Что с ними церемониться! Скорее уберешь хлопок – и выиграешь пари! А если несколько человек замучаются насмерть, вместо них можно купить других, посильнее.

Еще несколько недель назад, вернувшись с работы, Том, бывало, прочитывал при свете костра одну-другую страницу из библии, но теперь он приходил в поселок такой измученный, что в ушах у него стоял звон, перед глазами все плыло, и ему хотелось лишь одного – поскорее лечь и заснуть рядом с товарищами.

Он вспомнил о письме мисс Офелии его бывшим хозяевам в Кентукки и молил у бога избавления. Но дни текли один за другим, а за ним никто не приезжал, и в его душе поднималась горечь, заглушить которую было нелегко.

Изредка ему удавалось повстречать Касси, изредка, когда его звали за чем-нибудь в дом, он видел мельком поникшую, печальную Эммелину, но их мимолетные встречи проходили большей частью молча – разговаривать было некогда.

Как-то вечером, измученный, упавший духом, Том сидел у костра, на котором варился его скудный ужин. Огонь догорал. Он подбросил хвороста на угли, чтобы стало светлее, и вынул из кармана свою потрепанную библию. Вот отмеченные любимые места, раньше так восхищавшие его. Что же, неужели слово утратило свою силу, или оно уже не властно над его притупившимися чувствами? С тяжелым вздохом он спрятал библию в карман. И вдруг чей-то грубый хохот заставил его поднять голову. Перед ним стоял Легри.

– Ну что, старик? – сказал Саймон. – Благочестие-то больше не помогает? Значит, я добился своего, убедил тебя в этом?

Том молчал.

– Дурак ты, дурак! – продолжал Легри. – Я же тебя облагодетельствовать хотел! Ты бы за-

жил припеваючи, лучше Сэмбо и Квимбо, и вместо того чтобы получать порцию плетей чуть ли не каждый день, мог бы сам над другими неграми начальствовать и выпивать с хозяином. Возьмись за ум, старик, послушайся доброго совета.

– Нет, нет, упаси меня боже! – воскликнул Том.

– Ну, не дурак ли! – Легри плюнул Тому в лицо, ударил его ногой, но, прежде чем уйти, сказал: – Ладно! Я еще тебя поставлю на колени, вот увидишь!

Том долго сидел у костра, борясь с самим собой. И вдруг глаза у него застлало туманом, он протянул руки в темноту и упал без чувств.

Сколько времени продолжалось это забытие, Том не знал. Когда он очнулся, костер уже потух, одежда на нем промокла насквозь от росы, но все сомнения исчезли, и душу его осеняла такая радость, что теперь ему ничто не было страшно – ни голод, ни холод, ни унижения, ни одиночество.

Когда предрассветные сумерки разбудили остальных невольников и они потянулись в поле, в этой жалкой, дрожащей от холода толпе был один человек, который шел твердым шагом, высоко подняв голову.

Перемену, происшедшую в Томе, заметили все. К нему вернулись его бывшая бодрость духа, бывшее спокойствие, и ничто – ни издевательства, ни побои – не могло поколебать их.

– Что такое сделалось с Томом? – спросил Легри у Сэмбо. – Последнее время ходил как в воду опущенный, а теперь будто его подменили!

– Не знаю, хозяин. Может, бежать задумал?

– Пусть только попробует! – злобно усмехнулся Легри. – Любопытно, как это у него получится, а, Сэмбо?

– Ха-ха-ха! – заржал тот. – Пусть попробует, а мы посмотрим, как он будет вязнуть в болоте, продирается сквозь заросли, улепетывать от собак. Когда ловили Молли, я чуть было со смеху не помер – так и думал, собаки ее в клочья издерут! У нее ведь до сих пор остались отметины от их зубов.

– Она с ними в могилу ляжет, – сказал Легри. – Но теперь, Сэмбо, гляди в оба, не зевай! Если Том действительно задумал побег, шкуру с него содрать мало!

– Уж будьте спокойны, хозяин, ему не поздоровится! Ха-ха-ха!

Этот разговор происходил в ту минуту, когда Легри сел в седло, собираясь съездить в соседний город.

Вернувшись обратно уже затемно, он свернул к невольничьему поселку – проверить, все ли там в порядке.

Была светлая лунная ночь. Тени ясеней тонким узором лежали на траве; кругом стояла глубокая, нерушимая тишина. Подъезжая к лачугам, Легри еще издали услышал пение. Это было настолько необычно здесь, что он остановил лошадь и прислушался. Мягкий мужской голос пел:

Пусть враг не пощадит меня,
Я все стерпеть готов.
Я полон веры, сердцем чист
И не страшусь оков.

«Ага! Вот он как расхрабрился!» – мысленно проговорил Легри и, подъехав к Тому, замахнулся на него плеткой.

– Эй ты, негр! Тебе спать пора, а ты тут гимны распеваешь! Заткни глотку, и марш на место!

– Слушаю, хозяин, – спокойно ответил Том, поднимаясь с земли.

Это спокойствие привело Легри в такую ярость, что он направил свою лошадь прямо на Тома и стал хлестать его плеткой по голове и плечам.

– Вот тебе, собака! Будешь теперь благодушествовать!

Удары причиняли боль Тому, но сердце его билось ровно, и Легри не мог понять, что ему не удастся по-прежнему властвовать над этим негром.

Том болел душой за несчастных людей, окружавших его, и пытался хоть как-нибудь облегчить их страдания. Правда, возможностей для этого у него было мало, но все же по дороге в поле и обратно в поселок и во время работы ему кое-когда удавалось протянуть руку помощи усталым, измученным, павшим духом. Сначала эти жалкие, почти потерявшие человеческий облик существа не понимали Тома, но неделя шла за неделей, месяц за месяцем, и наконец в их сердцах заговорили давно умолкшие струны. Молчаливый, полный терпения, непонятный человек, который всегда был готов помочь другому, не требуя помощи для себя, всегда довольствовался самым малым и делил это малое с теми, кто нуждался больше него, человек, который в холодные ночи уступал свое рваное одеяло какой-нибудь больной женщине, а в поле подкладывал слабым хлопок в корзины, не боясь, что у него самого будет недовес, – человек этот мало-помалу возымел над ними странную власть. И даже полупомешанная Касси обретала душевный покой в его присутствии.

Эта несчастная женщина лелеяла мысль отомстить своему мучителю Легри – отомстить за все зло, которое он причинял другим и ей самой.

Однажды ночью, когда в лачугах все уже спали, Тома разбудил легкий шорох, и он увидел в окне лицо Касси. Она молча поманила его, вызывая на улицу.

Том встал и вышел из лачуги. Было около двух часов; ночь стояла тихая, лунная. Глаза Касси горели огнем – куда девался ее тяжелый, неподвижный взгляд!

– Поди сюда, дядя Том, – прошептала она, кладя руку ему на плечо и с силой, необычной для такой маленькой руки, увлекая его за собой. Поди сюда, мне надо кое-что сказать тебе.

– Что случилось, миссис Касси? – тревожно спросил он.

– Том, ты хочешь получить свободу?

– Я получу ее, когда придет время, миссис Касси, – ответил Том.

– Нет, сегодня, сейчас! – с силой воскликнула она. – Пойдем со мной!

Том колебался.

– Пойдем! – снова повторила Касси, не сводя с него пристального взгляда своих темных глаз. – Пойдем! Он спит крепко. Я подсыпала ему снотворного в стакан, да жалею, что мало, надо было побольше – тогда ты бы мне не понадобился. Но идем! Дверь в его комнату не заперта... Там у меня припрятан топор... Я бы и сама это сделала, да боюсь, сил не хватит. Идем!

– Нет, миссис Касси, нет! – твердо сказал Том, удерживая ее.

– Подумай, сколько несчастных получит свободу! – воскликнула она. – Мы уйдем отсюда, отыщем какой-нибудь островок среди болот и будем жить там. Я знаю, так делали другие, до нас. А ты скажи: разве может быть что-нибудь хуже той жизни, которую мы ведем здесь?

– Нет! – так же твердо повторил Том. – Нет! Зло никогда не породит добра! Да я лучше отрублю себе правую руку, чем пойду на такой грех!

– Тогда я сделаю это сама! – сказала Касси.

– Миссис Касси! – воскликнул Том, падая перед ней на колени. – Молю вас, не продавайте душу дьяволу! Надо терпеть и ждать!

– Ждать! – повторила она. – Я уж столько времени ждала, что у меня помутился разум и сердце готово разорваться на части. Ты говоришь – терпеть! Мало ли все мы от него терпели? А ты сам – ведь он высасывает из тебя кровь капля за каплей! Нет, я исполню свой долг – его час пробил!

– Не надо! – Том взял ее судорожно стиснутые руки в свои. – Не надо! Не берите греха на душу! Господи, научи нас любить врагов наших!

– Любить! – Касси сверкнула на него глазами. – Любить таких врагов? Да ведь это противно природе человеческой!

– Верно, миссис Касси, верно! Но господь милостив, он дарует нам победу над самими собой!

Проникновенные слова Тома, его мягкий голос, слезы, сверкавшие в глазах, словно благодатная роса, пали на измученную, смятенную душу несчастной женщины. Взгляд ее смягчился. Она опустила голову, и Том почувствовал, как слабеют ее руки.

– Том, друг мой, у меня нет сил молиться. С того самого дня, как продали моих детей, я за-

была молитвы и знаю вместо них одни проклятья... проклятья и ненависть!

– Миссис Касси, – нерешительно заговорил Том после долгого молчания, – если это возможно... если вам удастся убежать отсюда, бегите – бегите вместе с Эммелиной, но да упасет вас господь от смертоубийства!

– А ты... ты согласен бежать с нами?

– Нет, – ответил он. – Теперь уже нет. Я останусь с моими несчастными братьями и буду нести крест свой до конца. Вы – другое дело. Вам здесь гибель... Спасайтесь, если сможете.

– А что нас спасет? Одна могила, – сказала Касси. – У зверя есть берлога, у птицы – гнездо. Змеи и те находят себе пристанище, а нам нет места на земле. Собаки отыщут наши следы в глубине болот. Все против нас – и звери и люди. Куда же нам бежать?

Том долго молчал, а потом сказал ей:

– Попробуйте, миссис Касси. Я буду молиться за вас.

Почему это бывает так, что иная мысль, отброшенная, как случайно попавшийся под ноги камень, вдруг предстанет пред нами в новом свете и засверкает подобно бриллианту?

Касси много раз обдумывала все возможности побега и отказывалась от них, как от безнадежных и неосуществимых. Но сейчас в уме у нее возник план, такой простой и ясный во всех подробностях, что она сразу загорелась надеждой и шепнула Тому:

– Хорошо, друг мой, я попытаюсь.

– Да хранит вас бог! – сказал Том.

ГЛАВА XXXIX Хитрый замысел

Чердак в доме Легри, как почти все чердаки в старых домах, утопал в пыли, паутине и всяческом хламе. У богатой семьи, жившей на плантации в дни ее расцвета, была прекрасная обстановка, часть которой хозяева увезли с собой, а часть так и осталась в заброшенных, отсыревших комнатах да на чердаке. Вдоль стен его стояли два огромных упаковочных ящика, в которых когда-то сюда была прислана мебель. Слабый свет, пробиваясь сквозь мутные стекла крошечного слухового оконца, падал на стулья с высокими спинками и покрытые пылью столы, знававшие когда-то лучшие времена. Короче говоря, на чердаке было неуютно и даже страшно, а среди суевренных негров о нем ходила дурная слава, что еще больше увеличивало ужас, который внушало всем обитателям плантации это таинственное место. Не сколько лет назад Легри посадил туда одну негритянку, чем-то провинившуюся перед ним. Что там с ней случилось, никто не знал – негры только перешептывались между собой, строя разные догадки на этот счет. Но через месяц несчастную женщину снесли оттуда мертвую и поспешили похоронить. С тех пор, как все утверждали, на заброшенном чердаке постоянно раздавались проклятия, грубая брань, звуки ударов, прерываемые отчаянными воплями и стонами.

Услышав как-то ненароком эти толки, Легри пришел в ярость и пригрозил, что первый же негр, который будет рассказывать всякие небылицы о чердаке, получит полную возможность разгадать его тайны, просидев там неделю на цепи. Одного такого посула было достаточно, чтобы разговоры прекратились, но дурной славы чердака это не поколебало.

Боясь как бы невольно не нарушить хозяйский запрет, обитатели дома стали обходить не только лестницу, ведущую наверх, но и коридор, куда она выходила, и легенда о чердаке мало-помалу забылась. И вдруг Касси осенила мысль: воспользоваться суеверностью Легри с тем, чтобы освободиться самой и освободить свою товарку по несчастью – Эммелину.

Спальня Касси приходилась как раз под чердаком. В один прекрасный день, не посоветовавшись с хозяином, она вдруг решила перебраться в другую комнату, в дальнем конце дома. Слуги носились взад и вперед, таская ее вещи и мебель, и суматоха была в самом разгаре, когда Легри вернулся домой.

– Эй, Касси! – крикнул он. – Что ты затеяла?

– Ничего особенного. Хочу сменить комнату, только и всего, – отрезала она.

– А позвольте вас спросить: почему?

- Просто так.
- Врешь! Говори, что у тебя на уме!
- Хочу спокойно спать по ночам.
- Спать? А кто тебе мешает?
- Что ж, если хочешь послушать, расскажу.
- Говори, дрянь! – крикнул Легри.

– Да, ты, вероятно, спал бы как ни в чем не бывало, а мне это покоя не дает. Каждую ночь только и слышишь на чердаке какую-то возню, кто-то там катается по полу, стонет, и так до самого утра.

– Кто же это, по-твоему: люди, что ли? – с деланным смешком сказал Легри. – Откуда же им там взяться, Касси?

Она так и пронзила его пристальным взглядом своих темных глаз.

– В самом деле, Саймон, откуда бы им взяться? Впрочем, тебе это лучше знать.

Легри с бранью замахнулся на нее хлыстом, но Касси увернулась от удара и, метнувшись к двери, бросила ему через плечо:

– Переночуй в моей комнате, тогда сам услышишь, что делается на чердаке. Очень тебе это советую. – И, выскочив за дверь, она заперла ее снаружи на ключ.

Легри бушевал, бранился, грозил сломать замок, но потом утих и нерешительными шагами направился в гостиную. Касси поняла, что ее стрела попала в цель, и с того самого часа решительно принялась за дело, пустив в ход всю свою изобретательность. Она отыскала в стене чердака отверстие и вставила туда отбитое горлышко бутылки, которое при малейшем ветерке издавало заунывно-тоскливые стенанья, переходившие подчас в такой пронзительный вой, что люди суеверные вполне могли принять это за человеческий голос, полный ужаса и отчаяния.

Эти звуки доходили иной раз и до слуха негров, и старая легенда о привидении, поселившемся на чердаке, вспомнилась всем. В доме воцарился страх, и хотя никто не смел даже заикнуться об этом в присутствии Легри, он чувствовал, что общая тревога обволакивает и его словно туманом.

Дня через два после разговора с Касси Легри сидел в гостиной у камина, огонь которого бросал дрожащие, робкие блики на стены. Ночь была беспокойная, на дворе бушевала буря. Каких только звуков не рождает ветер в запущенных старых домах! Оконные стекла дребезжали, ставни хлопали, в трубе что-то завывало, ухало, и время от времени из камина врывались в комнату клубы дыма и золы, словно предвеляя появление целого сонма злых духов. Легри уже не один час подводил какие-то счета, потом читал газету, а Касси молча сидела в углу и не сводила хмурого взгляда с огня. Наконец Легри отложил газету в сторону, взял со стола книгу, которую он видел в руках у Касси в начале вечера, и стал листать ее. Это был дешевенький, с аляповатыми картинками сборник страшных рассказов о кровавых убийствах, привидениях и духах.

Легри фыркал, хмыкал, но читал страницу за страницей, не в силах оторваться от этой книжонки. В конце концов он выругался и швырнул ее на пол.

– Ты ведь не веришь в привидения, Касси? – спросил он, помешивая щипцами угли в камине. – Такой умнице стыдно бояться шума на чердаке.

– Какое тебе дело, во что я верю! – угрюмо сказала Касси.

– Меня, бывало, на море все старались запугать разными ужасами, – продолжал Легри, – да я не поддавался на такую чепуху.

Касси пристально посмотрела на него из темноты. Ее глаза поблескивали тем странным огоньком, от которого Легри всегда становилось не по себе.

– Что там может быть, на чердаке? Крысы бегают да ветер завывает. Крысы иной раз такую возню подымут, ушам своим не веришь. Я помню, что они вытворяли в трюме. А ветер! Господи боже, да к нему только прислушайся, невесть что померещится!

Касси знала, как неприятен хозяину ее загадочный взгляд, и продолжала безмолвствовать, не сводя с него глаз.

– Ну, скажи хоть слово, что же ты! – не выдержал Легри.

– Разве крысы могут спускаться вниз с чердака и открывать двери, запертые на ключ и

припертые изнутри стулом? – заговорила наконец Касси. – А потом подкрадываться к твоей постели... все ближе, ближе и вдруг касаться тебя рукой – вот так?

Взгляд Касси пронизывал, и Легри, словно в кошмаре, не мог оторваться от ее сверкающих глаз. Когда же она дотронулась своей холодной, как лед, ладонью до его руки, он с проклятием отпрянул в сторону.

– Что ты несешь чепуху! Быть этого не могло!

– Ну, разумеется, нет! А разве я говорю, что это было? – презрительно усмехнулась она.

– А ты... ты видела что-нибудь? Признавайся, Касси!

– Переночуй в той комнате, если хочешь проверить мои слова.

– И оно спускается с чердака?

– «Оно»? О чем это ты?

– Да ты только что сама говорила...

– Я ничего не говорила, – сурово отрезала Касси.

Легри взволнованно зашагал по комнате.

– Я это все выясню. Сегодня же ночью выясню. Возьму пистолеты и...

– Ну что ж выясняй! – сказала Касси. – Ложись спать в моей комнате, пали из пистолетов, а я посмотрю, чем это кончится.

Легри топнул ногой и злобно выругался.

– Не бранись, – сказала Касси. – Почему знать, кто может услышать твое богохульство... Стой! Что это?

– Что? – пролепетал Легри, дрожа всем телом.

Старинные голландские часы, стоявшие в углу, медленно пробили двенадцать.

Сам не зная почему, Легри замер, объятый ужасом. А Касси не сводила с него насмешливо сверкающих глаз и вслух считала удары.

– Полночь. Сейчас начнется. – Она открыла дверь в коридор и стала на пороге, прислушиваясь.

– Вот... вот! Что это?

– Это ветер, – пробормотал Легри. – Слышишь, как завывает?

– Поди сюда, Саймон, – прошептала Касси, беря его за руку и увлекая за собой к лестнице на чердак. – А это что по-твоему? Слушай!

Где-то наверху раздался пронзительный вопль. У Легри задрожали колени, он побелел от ужаса.

– Где же твои пистолеты? – с леденящей кровью усмешкой спросила Касси. – Надо же в конце концов выяснить, что там делается! Поднимись наверх, сейчас самое время!

– Не пойду, – пробормотал Легри.

– Почему? Ведь привидений не бывает! Идем! – Касси легко взбежала по ступенькам винтовой лестницы и засмеялась, глядя сверху на Легри. – Ну, иди за мной.

– Ты сама дьявольское отродье! – крикнул он. – Вернись, ведьма! Вернись! Не смей туда ходить!

Но Касси хохотала, как одержимая, и поднималась все выше и выше. Вот она открыла дверь на чердак. Сумасшедший порыв ветра потушил свечу, которую Легри держал в руке, а человеческие крики и вопли теперь буквально оглушили его.

Обезумев от ужаса, Легри бросился в гостиную, куда вскоре явилась и Касси – бледная, но спокойная и холодная, как дух мщения, с горящими страшным огнем глазами.

– Ну, надеюсь, других доказательств тебе не надо? – сказала она.

– Будь ты проклята, Касси! – еле выговорил Легри.

– За что? Я только поднялась наверх и закрыла дверь. А все-таки, Саймон, что у нас происходит на чердаке?

– Не твое дело! – огрызнулся Легри.

– Не мое, так не мое. Тем не менее я не буду больше спать в той комнате и очень этому рада.

Касси еще с утра предвидела, что ветер к ночи усилится, и, поднявшись заблаговременно

на чердак, открыла слуховое окно. Когда она распахнула дверь, сквозняк, как и следовало ожидать, потушил свечу. Вот и вся разгадка этого таинственного происшествия.

Подобными хитростями Касси довела своего хозяина до того, что он скорее согласился бы сунуть голову в львиную пасть, чем обследовать чердак. А тем временем, действуя по ночам, когда все спали, она постепенно перетаскивала туда запас провизии и одежду. Все было готово к побегу, и они с Эммелиной только ждали подходящего случая, чтобы привести свой замысел в исполнение.

Воспользовавшись минутой, когда Легри был в хорошем расположении духа, и подольстившись к нему, Касси уговорила его взять ее с собой в соседний город, стоявший на самом берегу Красной реки. Наблюдательность, обострившаяся теперь до предела, помогла ей запомнить каждый поворот дороги, и она точно высчитала в уме, сколько понадобится времени, чтобы пройти этот путь пешком.

А теперь, когда беглянкам приспело время действовать, заглянем, читатель, за кулисы и проследим оттуда за ходом событий.

Приближался вечер. Легри уехал верхом на соседнюю плантацию. Последнее время Касси была так предупредительна к нему и так покорна, что лучшего он и желать не мог.

Пройдем же теперь за ней в комнату Эммелины и послушаем, о чем они говорят, связывая свои вещи в два маленьких узелка.

– Больше ничего не возьмем, – сказала Касси. – Одевайся, пора идти.

– Еще светло, как бы нас не увидели.

– Пускай видят, – преспокойно ответила Касси. – Я на это и рассчитываю. Вот как все будет, слушай. Мы выйдем из дому черным ходом и побежим мимо лачуг к болотам. Сэмбо или Квимбо обязательно нас увидят, бросятся в погоню. Но на болота одним идти страшно, значит, надо поднимать тревогу, спускать собак. Начнется суматоха, бестолковая беготня – я же их знаю! – а мы тем временем спустимся к ручью, войдем в воду и вернемся обратно к черному крыльцу. Собаки потеряют наш след, в доме никого не останется – все побегут за нами. Один миг – и мы будем на чердаке, а там у меня уже приготовлена постель в ящике. Сколько нам придется прятаться, не знаю, должно быть долго, потому что Легри перевернет все вверх дном, лишь бы найти нас. Он позовет на подмогу всех надсмотрщиков с соседних плантаций и устроит настоящую облаву, обшарит с ними каждую кочку на болотах. Ведь наш хозяин похвается тем, что от него еще ни одному негру не удалось убежать. Ну и пусть охотится на здоровье.

– Касси! Как ты хорошо все придумала! – воскликнула Эммелина. – Какая ты умница!

Эти восторженные слова не обрадовали Касси. Она бросила на девушку взгляд, полный отчаянной решимости, взяла ее за руку и сказала:

– Пойдем!

Беглянки бесшумно вышли из дому и в сгущающихся сумерках свернули к поселку. Полумесяц, словно серебряная пряжка сиявший в небе, задерживал наступление полной темноты. Касси была уверена, что как только они подойдут к болоту, начинавшемуся за плантацией, их сразу окликнут. Так оно и вышло. Но это был не Сэмбо, а сам Легри, который с бранью кинулся за ними вдогонку. Услышав его голос, пугливая Эммелина растерялась и, отпустив руку своей спутницы, прошептала:

– Касси! Мне дурно!

– Бежим, или я тебя убью! – крикнула та и, выхватив из-за пазухи маленький кинжал, взмахнула им перед глазами девушки.

Угроза подействовала. Эммелина овладела собой и вместе с Касси устремилась в мрачные дебри болот, куда Легри не решился последовать за ними без подмоги.

– Ладно! Все равно попались, голубушки! Из этой западни не уйдете, а у меня с вами разговор будет короткий, – пробормотал он со злобной усмешкой и побежал к поселку.

Как раз в это время невольники возвращались с поля.

– Эй, Сэмбо, Квимбо! – закричал Легри. – Всех сюда! Две женщины убежали на болота. Пять долларов тому, кто их изловит! Спустить собак! Тигра, Бестию – всех спустить!

Негры бегали взад и вперед. Кто зажигал факелы из смолистых веток, кто отвязывал собак,

чей свирепый хриплый лай еще больше усиливал всеобщую суматоху.

– Хозяин, а если не поймает, стрелять вдогонку? – осведомился Сэмбо, принимая из рук Легри ружье.

– Стреляй в Касси, туда ей и дорога, а молоденькую не тронь. Ну, ребята, не зевайте! Кто поймает, тому пять долларов, а остальным – по стакану спирта.

Размахивая пылающими факелами, крича, улюлюкая, подуськивая яростно воющих псов, погоня устремила к болотам, а за ней туда же ринулись и остальные негры. Дом опустел, и обе женщины, никем не замеченные, проскользнули в комнаты с черного хода. Крики и улюлюканье их преследователей явственно доносились сюда, и, глядя из окна гостиной, Касси и Эммелина видели, как факелы цепочкой растянулись вдоль кромки болот.

– Смотри, смотри! – говорила Эммелина. – Облава началась. Вон сколько огней! А это собаки... Слышишь? Боже мой, что бы с нами было, если б мы остались там! Умоляю тебя, спрячемся! Скорей, скорей!

– Торопиться некуда, – хладнокровно ответила ей Касси. – В доме ни души – все там. Это же для них развлечение на целый вечер. Всему свое время, пойдем и на чердак, а пока что, – она не спеша вынула ключ из кармана куртки, которую Легри второпях бросил на пол, – пока что надо запастись на дорогу.

Вслед за этим Касси отперла ящик письменного стола, вынула оттуда пачку денег и быстро пересчитала их.

– Что ты! Не надо! – остановила ее Эммелина.

– Почему не надо? – сказала Касси. – Что, по-твоему, лучше: умереть голодной смертью на болотах или добраться на эти деньги до свободных штатов? С деньгами, милая, нам все пути открыты. – И она сунула всю пачку за пазуху.

– Но ведь это воровство! – тоскливо прошептала Эммелина.

– Воровство? – Касси презрительно рассмеялась. – Здесь каждый доллар украден – украден у несчастных, голодных людей, из которых наш хозяин вытягивал последние силы, лишь бы нажать побольше. Пусть он попрекнет меня воровством! Ну, пора, пойдем наверх. Я запаслась свечами и кое-какими книжками, чтобы не скучать. Уж туда-то они за нами не явятся, будь спокойна! А если кто и посмеет сунуть нос, я сама превращусь в привидение.

Поднявшись на чердак, Эммелина увидела там огромных размеров упаковочный ящик, повернутый открытой стороной к стене, или, вернее, к наклонному скату крыши. В ящике были положены два небольших тюфяка и подушки. Тут же рядом стояла корзина со свечами, провизией и одеждой, которую Касси, готовясь в путь, ухитрилась связать в два крохотных узелка.

– Вот наше теперешнее жилье, – сказала она, вешая светильник на крюк, предусмотрительно вбитый в стенку ящика. – Как оно тебе нравится?

– А чердак не станут обыскивать? Ты в этом уверена?

– Я бы много дала, чтобы увидеть, как Саймон Легри полезет сюда! – сказала Касси. – Да нет, он к этому чердаку близко не подойдет, а негров и вовсе под страхом смерти сюда не загоишь!

Немного успокоившись, Эммелина откинулась головой на подушку.

– Касси, зачем ты сказала, что убьешь меня? – простодушно спросила она.

– Чтобы тебе не стало дурно, – ответила Касси. – И моя угроза помогла. А впредь так и знай: что бы ни случилось, падать в обморок нельзя. Если б не я, этот негодяй давно бы тебя настиг.

Эммелина содрогнулась.

Наступило молчание. Касси взялась за французскую книжку, а Эммелина, обессиленная волнениями этого страшного дня, задремала. Ее разбудили громкие голоса, цоканье подков, собачий лай. Она слабо вскрикнула и приподняла голову.

– Вернулись, – спокойно сказала Касси. Не бойся. Посмотри в щелку. Видишь, все здесь. Саймон решил прекратить поиски до утра. Погляди, какая у него лошадь – вся в тине. Собаки тоже еле плетутся. Да, друг мой Саймон, хлопот у тебя будет много. Не там ты охотишься за своей дичью, где следует!

– Молчи! – шепнула Эммелина. – Вдруг услышат?

– Услышат, еще больше стухнут, – сказала Касси. – Не тревожься. Мы можем шуметь сколько угодно, нам же на руку держать их в страхе.

Мало-помалу в доме и на дворе все стихло. Проклиная свою неудачу, Легри завалился спать с твердым намерением завтра же довести поиски до конца.

ГЛАВА XL Мученик

Побег Касси и Эммелины привел в бешенство и без того озлобленного Легри, и гнев его, как и следовало ожидать, пал на беззащитную голову Тома.

Когда он прибежал в поселок с вестью о случившемся, глаза у Тома радостно засияли, руки невольно дрогнули, и это не ускользнуло от внимания Легри. Заметил он также, что Том не присоединился к погоне. Но принуждать его к этому силой сейчас было некогда и, помня непреклонный характер своего невольника, Легри решил повременить с расправой.

Неудача, которую ему пришлось потерпеть на болоте, с новой силой разожгла его давнюю ненависть к непокорному рабу. Ведь этот негр с первого дня бросил вызов своему хозяину! Ведь его молчаливое упорство нет сил терпеть!

– Я ненавижу тебя, мерзавец! – крикнул Легри, вскакивая среди ночи с кровати. – Ненавижу! Ты принадлежишь мне, ты моя вещь! Да я не знаю, что с тобой сделаю! И кто с меня за это спросит? Никто! – Он сжал кулаки, словно стараясь раздавить что-то живое.

Но Том был ценный работник, и хотя Легри еще больше ненавидел его за это, все же соображения выгоды брали в нем верх над ненавистью.

На следующее утро он решил созвать соседей с ружьями и собаками, оцепить болота со всех сторон и начать облаву по всем правилам. Если поиски увенчаются успехом – прекрасно! Если же нет, он призовет Тома, и тогда – у него кровь закипала при одной только мысли об этом! – тогда он либо сломит упорство проклятого негра, либо...

* * *

– Ну вот, – сказала Касси, посмотрев в глазок, – все начинается сначала.

На лужайке перед домом гарцевало несколько всадников; негры еле сдерживали и своих и чужих собак, которые оглушительно лаяли и рвались в драку.

Верховые были двое надсмотрщиков с соседних плантаций и городские приятели Легри, завсегдаи одного с ним кабачка, не пожелавшие пропустить такое развлечение, как облава на беглых негров. Компания собралась как на подбор – один хуже другого. Хозяин похаживал среди гостей и обносил их водкой.

Ветер дул по направлению к дому, донося на чердак обрывки разговора во дворе. Хмурая усмешка пробежала по лицу Касси, когда она слышала, как там обсуждают план действий, делятся на партии, похваляются достоинствами собак, дают неграм распоряжения, в каком случае пускать в ход оружие и что делать с беглянками, если они будут пойманы.

И под конец Касси не выдержала. Она отпрянула от щели в стене, сжала руки на груди и в глубоком волнении воскликнула:

– Боже милостивый! Все мы грешники, но как смеют эти люди так обходиться с нами! Чем они лучше нас! – Потом добавила, глядя на Эммелину: – Если б не ты, дитя, я бы выбежала к ним и благословила того, кто пристрелил бы меня. Стоит ли такой, как я, добиваться свободы? Разве она вернет мне детей, разве я смогу стать тем, чем была раньше?

Простодушная, как ребенок, Эммелина побаивалась Касси, когда на ту находили припадки отчаяния. Услышав сейчас эти слова, она растерялась, не нашлась что ответить и только ласково коснулась ее руки.

– Не надо, – сказала Касси, отшатнувшись от нее. – Я дала зарок никого больше не любить, а ты искушаешь мое сердце.

– Касси, бедная! – прошептала Эммелина. – Гони от себя эти мысли. Если господь дарует нам свободу, может быть, он вернет тебе и дочь. А если нет, я стану твоей дочерью. Мне, верно, уже не суждено встретить мою несчастную мать. Касси, хочешь ты этого или не хочешь, а я люблю тебя!

Кроткая, бесхитростная душа победила. Касси села рядом с Эммелиной, обняла ее и стала тихонько гладить мягкие каштановые волосы девушки.

– Эмми! Эмми! – говорила она. – Если б ты знала, как изголодалось мое сердце! Как оно вянет, не зная, на кого излить материнскую любовь! – Она ударила себя рукой в грудь. – Здесь пусто, здесь все умерло!

– Не надо отчаиваться, Касси! – сказала Эммелина. – Надежда на спасение – вот наша путеводная звезда!

* * *

Облава затянулась, участники ее не жалели сил, но вернулись домой ни с чем. Касси с ядовитой, ликующей усмешкой смотрела на хозяина, когда он, усталый и совершенно обескураженный, слез с лошади у крыльца.

– Эй, Квимбо! – крикнул Легри, развалившись на диване в гостиной. – Приведи-ка сюда Тома. Это он во всем виноват, старый плут. Я с него шкуру спущу, а дознаюсь, в чем тут дело!

Сэмбо и Квимбо, ненавидевшие друг друга, сходились только в одном: в острой ненависти к Тому. Легри говорил им, что собирается сделать нового негра старшим надсмотрщиком на время своих отлучек из дому, и этого было достаточно, чтобы они почувствовали в нем соперника. Когда же Том впал в немилость у Легри, ненависть, горевшая в их рабских душонках, вспыхнула с еще большей силой. Вот почему Квимбо с такой охотой бросился выполнять распоряжение хозяина.

Том сразу догадался, зачем его зовут. Он был посвящен в план побега и знал, где спрячутся Эммелина и Касси. Знал он и деспотическую натуру человека, к которому его вели. И все-таки ему легче было бы пойти на смерть, чем выдать беззащитных женщин.

Он поставил корзину меж рядов хлопка и пошел за Квимбо.

– Ну, теперь берегись! – говорил великан негр, подгоняя свою жертву пинками. – Хозяин просто рвет и мечет. Теперь не отвертись. Так тебе всыпят, что не скоро очухаешься! Наперед будешь знать, как побегу устраивать!

Легри вышел им навстречу.

– Ага, дождался, голубчик! – сквозь стиснутые зубы прошипел он, хватая Тома за шиворот. – До того ты меня довел, что я решил тебя убить!

– Что ж, хозяин, убивайте, – покорно ответил Том.

– Да... я решил... убить... тебя, – продолжал Легри с ужасающим спокойствием, – и убью, если ты не признаешься мне во всем. Где они?

Том молчал.

– Слышишь? – словно разъяренный лев, взревел Легри и топнул ногой. – Признавайся!

– Мне нечего вам сказать, хозяин, – медленно и твердо проговорил Том.

– И ты смеешь отпираться?

Том стоял молча.

– Говори сию же минуту! – рявкнул Легри, ударив его кулаком по лицу. – Ты знаешь, где они?

– Знаю, хозяин, но сказать ничего не могу. Убейте меня, я готов к смерти.

Легри тяжело перевел дух, стараясь сдержать ярость, схватил Тома за локоть и прохрипел ему в самое лицо:

– Слушай, Том, ты думаешь, на этот раз тебе тоже все сойдет с рук? Нет, ошибаешься! Теперь я решил твердо и даже с убытками не посчитаюсь. Ты всегда шел мне наперекор. Больше я этого не потерплю! Одно из двух: либо я подчиню тебя своей воле, либо убью. Вся кровь из тебя выпущу каплю за каплей, а на своем настою. – И в полном неистовстве он одним ударом сбил

Тома с ног.

Описание жестокостей оскорбляет нас, наполняет гневом наше сердце. Нам неприятно знать о мерзких поступках других людей. Но, увы, Америка, такие злодеяния совершаются под защитой твоих законов! Знает о них и церковь – знает и, по сути дела, безмолвствует!

* * *

– Будто и не дышит, хозяин, – сказал Сэмбо, против воли тронутый долготерпением Тома.

– Бей его, бей, пока не признается! – крикнул Легри.

Том открыл глаза и посмотрел на него.

– Несчастный! – прошептал он. – Ты все равно ничего со мной не сделаешь, – и потерял сознание.

– Ну, кажется, подох! – Легри наклонился к нему. – Так и есть. Что ж, по крайней мере замолчит теперь на веки вечные. И то хорошо.

Но Том был жив. Его непоколебимое мужество поразило очерствевшие сердца Сэмбо и Квимбо, и как только Легри ушел, они сняли несчастного мученика со скамьи и сделали все, чтобы вернуть его к жизни, думая в невежестве своем, что оказывают ему величайшее благодеяние.

– Что же мы наделали! Вот грех-то! – сказал Сэмбо. – А кто будет отвечать за это на том свете? Пусть хозяин и отвечает, с нас нечего спрашивать.

Они обмыли ему раны, положили его на подстилку из хлопка. Один из них сбегал в дом, выпросил у Легри коньяку, будто в награду за труды, и, вернувшись, заставил очнувшегося Тома выпить стакан до дна.

ГЛАВА XLІ Молодой хозяин

Два дня спустя в ясеновой аллее, ведущей к дому Легри, появилась тележка, в которой сидел какой-то молодой человек. Он остановился у крыльца, бросил вожжи на спину лошади, спрыгнул с сиденья и спросил, можно ли видеть хозяина плантации. Это был Джордж Шелби. Но для того чтобы читатель узнал, как он попал сюда, нам придется нарушить ход повествования и вернуться немного назад.

Письмо мисс Офелии к миссис Шелби волею случая провалялось месяца два в какой-то захолустной почтовой конторе, а когда оно дошло наконец по адресу, след Тома уже затерялся в глуши болот, тянущихся вдоль берегов Красной реки.

Письмо взволновало миссис Шелби до глубины души, но в то время ей ничего не удалось предпринять: она проводила дни и ночи у постели мужа, лежавшего в горячке. Единственной ее опорой и единственным помощником, который вел все дела по имению, был сын Джордж, успевший превратиться за это время из мальчика в высокого, стройного юношу. Мисс Офелия со свойственной ей предусмотрительностью не забыла сообщить в своем послании фамилию поверенного Сен-Клеров, и миссис Шелби сразу же обратилась к нему с просьбой известить ее о судьбе Тома. Но несколько дней спустя новые заботы всецело поглотили мать и сына, ибо мистер Шелби умер.

В завещании он назначил жену своей душеприказчицей, оказав таким образом полное доверие ее уму, и она с присущей ей энергией принялась распутывать клубок оставшихся после мужа долгов. Проверка бумаг, векселей, продажа имущества отнимали все время у нее и у Джорджа, так как им хотелось расплатиться со всеми кредиторами, чего бы это ни стоило, и привести дела покойного в надлежащий порядок.

Поверенный Сен-Клеров не замедлил ответить на письмо миссис Шелби. Однако он мог сообщить ей только то, что негр Том был продан с торгов, деньги за него были получены, а дальнейшая его судьба неизвестна.

Такой ответ не удовлетворил ни миссис Шелби, ни ее сына, и полгода спустя Джордж, от-

правившись по поручению матери на Юг, решил захватить в Новый Орлеан, навести там справки о Томе, попытаться найти его и привезти домой.

Бесплодные поиски длились несколько месяцев, и вдруг Джордж совершенно случайно встретился в Новом Орлеане с одним человеком, который дал ему все нужные сведения. Наш герой запасся деньгами и отправился на пароходе вверх по Красной реке с твердым намерением разыскать и выкупить своего старого друга.

Слуга-негр ввел его в гостиную, где сидел Легри.

Саймон принял гостя насколько умел приветливо.

– Мне известно, – начал юноша, – что вы приобрели в Новом Орлеане негра, по имени Том. Он принадлежал когда-то моему отцу, и я хотел бы выкупить его.

Легри сразу нахмурился и не дал Джорджу договорить.

– Да, верно, есть у меня такой негр. Я за него только зря деньги заплатил, за негодяя. Он наглец, бунтовщик, побегу устраивал другим неграм. Двух женщин у меня как не бывало, а им цена каждой по восемьсот, по тысяче долларов. Сам признался, что это его рук дело, а где они прячутся, не говорит. Под плетью и то молчал, а уж, кажется, здорово ему всыпали. Я так еще никого не порол, как этого Тома. Теперь он прикинулся, что умирает, да я ему не верю.

– Где он? – вырвалось у Джорджа. – Я хочу его видеть! – Щеки юноши залились краской, глаза вспыхнули, но он еще сдерживал себя.

– Том в чулане, – раздался за окном голос негритенка, который держал лошадь Джорджа.

Легри рывкнул на мальчика, а Джордж, не говоря ни слова, повернулся и вышел из комнаты.

Том лежал в чулане уже вторые сутки, большей частью в забытьи, не испытывая боли, ибо истязания той страшной ночи притупили в нем всякую чувствительность. Несчастные рабы пробирались к нему тайком под покровом темноты и, урывая время от считанных часов отдыха, старались хоть чем-нибудь отплатить своему товарищу за ту ласку, с которой он относился к ним. Чем они могли помочь ему? Подать кружку холодной воды – и только! Но с какой любовью это делалось!

Касси тоже узнала о жертве, принесенной ради нее и Эммелины. Не посчитавшись с опасностью, она вышла накануне вечером из своего убежища и прокралась в чулан. И те прощальные слова, которые Том еще мог прошептать этой озлобленной, во всем отчаявшейся женщине, растопили лед, сковывающий ее душу, и она расплакалась впервые за долгие годы.

Когда Джордж вошел в чулан, сердце у него мучительно сжалось, перед глазами поплыли круги.

– Не может быть... не может быть! – проговорил он, опускаясь на колени перед Томом. – Дядя Том, друг мой!

Знакомый голос достиг слуха умирающего. Он чуть повел головой и улыбнулся.

Слезы, делающие честь мужественному сердцу юноши, хлынули у него из глаз, когда он склонился над смертным одром своего несчастного друга.

– Дядя Том! Очнись... скажи хоть слово! Посмотри на меня! Я Джордж! Ты узнаешь своего маленького Джорджа?

– Мистер Джордж... – чуть слышно прошептал Том, открывая глаза и растерянно озираясь по сторонам. – Мистер Джордж!

Мало-помалу сознание вернулось к нему, его взгляд прояснился, лицо осветила счастливая улыбка, пальцы мозолистых рук переплелись на груди, по щекам побежали слезы.

– Слава создателю! Больше мне ничего... ничего не нужно! Меня помнят... не забыли! Как хорошо стало на сердце... Теперь я могу спокойно умереть.

– Ты не умрешь, дядя Том, и не думай об этом! Тебе нельзя умирать. Я выкуплю тебя, увезу домой! – горячо воскликнул Джордж.

– Поздно, мистер Джордж, теперь уже поздно!

– Дядя Том, не умирай! Я не перенесу этого. Сколько ты страдал! И где я нашел тебя! В грязном чулане, всеми брошенного!

Том коснулся его руки:

– Только не рассказывайте об этом Хлое. Зачем ее огорчать, бедную! А ребяташки мои!.. Как подумаю о них, так сердце разрывается на части... Поклон от меня передайте, мистер Джордж, хозяйину и хозяйке... добрая у нее душа... и всем... всем...

В эту минуту Легри подошел к дверям чулана, с притворным безразличием заглянул внутрь и отвернулся.

– Дьявол! – крикнул Джордж, не в силах сдержать негодование. – Одно утешение: поплатится он когда-нибудь за свои грехи!

Радость свидания с молодым хозяином, казалось, вдохнула новые силы в сердце умирающего Тома... но ненадолго. Он вытянулся, тяжело вздохнул всей грудью – раз, другой... А потом на губах его появилась улыбка, и словно сон смежил ему веки.

Юноша, не шелохнувшись, долго смотрел на бездыханное тело. Чувство благоговения охватило его. Он закрыл мертвые глаза своего друга, выпрямился и, обернувшись, увидел позади себя Легри.

Смерть, свидетелем которой Джордж был всего лишь минуту назад, обуздала в нем юношескую горячность. Присутствие этого человека внушало ему только чувство омерзения, и он решил покончить с ним, не тратя лишних слов.

– Вы получили с него все, что могли. Больше он вам не понадобится, – сказал юноша, твердо глядя Легри в глаза. – Сколько вам заплатить за мертвого? Я хочу похоронить его.

– Я мертвецами не торгую, – угрюмо буркнул Легри. – Хороните, пожалуйста.

– Ребята! – властным голосом сказал Джордж, обращаясь к трем неграм, которые молча смотрели на бездыханного Тома. – Помогите мне донести его до тележки и достаньте где-нибудь заступ.

Те сразу бросились выполнять приказание: один побежал искать заступ, двое других подняли тело.

Джордж словно не замечал Легри, а тот, не решаясь прекословить ему, засвистал с напускным равнодушием и отправился следом за всеми к дому.

Джордж вынул из тележки сиденье, постлал на освободившееся место свой плащ и помог осторожно опустить на него мертвого. Потом он повернулся к Легри и заговорил, изо всех сил стараясь сдержать себя:

– Я еще ничего не сказал вам о вашем злодеянии. Сейчас не время и не место обсуждать это. Но, сэр, правосудие покарает вас за невинно пролитую кровь. Вы совершили убийство, и я этого так не оставлю. Дайте мне только доехать до ближайшего города! Властям все будет известно!

– Ну и пусть! – крикнул Легри, презрительно щелкая пальцами. – Посмотрим, что у вас получится из этой затеи. Свидетели есть? Кто подтвердит ваши показания? Что, взяли?

Легри хорохорился неспроста. Джордж понял это сразу. Кроме них двоих, на плантации не было ни одного белого чело века, а с показаниями негров в суде не считаются. Джорджу хотелось крикнуть так, чтобы небо содрогнулось: «Где же справедливость?» Но он знал, что это ничему не поможет.

– Негр сдох – подумаешь, важность! – сказал Легри.

Эти слова были искрой, упавшей в пороховой погреб. Благоразумие не принадлежало к числу добродетелей кентуккийского юноши. Он бросился на Легри с кулаками, и тот, как подкошенный, упал ничком на землю.

Некоторым людям побои явно идут на пользу. Эти люди немедленно проникаются уважением к тому, по чьей милости им пришлось уткнуться носом в грязь. Так было и с Легри. Он встал, отряхнул пыль с куртки и проводил почтительным взглядом медленно удаляющуюся тележку. Проводил – заметьте! – не вымолвив ни слова ей вслед.

Здесь Джордж вырыл могилу для своего друга.

Выехав за границу усадьбы, Джордж увидел небольшой песчаный пригорок, на котором росло два-три дерева. Там он и велел вырыть могилу.

– Плащ с собой возьмете, сударь? – спросили негры, когда могила была готова.

– Нет, нет, похороните его в нем! Что я могу тебе дать, бедный мой друг? Возьми хоть мой плащ!

Тело опустили в могилу, и негры, храня глубокое молчание, стали забрасывать ее землей, потом насыпали холмик и обложили его свежим дерном.

– Теперь можете идти, – сказал Джордж, сунув каждому по монете.

Но они медлили, переминаясь с ноги на ногу.

– Если бы сударь купил нас... – начал один из них.

– Тяжко нам здесь, сударь! – подхватил другой. – Будьте милостивы, купите нас.

– Не могу, не могу! – с трудом выговорил Джордж и махнул рукой. – Не просите, это невозможно.

Бедняги понурились и молча побрели прочь.

– Боже милостивый! – воскликнул юноша, опускаясь на колени у могилы. – Призываю тебя в свидетели! Клянусь тебе, что с этой самой минуты я отдам все свои силы на то, чтобы стереть позорное клеймо рабства с моей страны!

ГЛАВА XLII

Доподлинная история, героем которой является привидение

Все это время слуги Легри по каким-то непонятным причинам то и дело вспоминали старую легенду о привидении.

Шепотом из уст в уста передавалось, что глубокой ночью в доме слышатся чьи-то шаги – сначала на чердачной лестнице, потом в комнатах. Верхнюю дверь заперли на ключ, но это не помогло: у привидения либо была отмычка в кармане, либо оно пользовалось привилегией, испокон веков дарованной этим таинственным существам, и проникало сквозь замочные скважины, наводя на всех ужас своими ночными прогулками.

Свидетели этих прогулок несколько расходились в своих показаниях относительно внешности привидения, главным образом потому, что у негров, а насколько нам известно, и у белых, при встречах с существами сверхъестественными принято крепко-накрепко зажмуривать глаза, лезть с головой под одеяло или накрываться юбкой, а также другими предметами туалета, годными для этой цели. Ни для кого не секрет, что когда телесные очи бездействуют, очи духовные приобретают необычайную зоркость и проницательность. Так было и на сей раз, вследствие чего возникла целая галерея достовернейших портретов привидения, но, как это часто наблюдается и в живописи, они сильно разнились между собой, совпадая лишь в одной детали, а именно: в наличии белого савана, без которого привидения, по-видимому, обойтись не могут.

Как бы там ни было, а мы имеем все основания утверждать, что в положенные для привидений часы чья-то высокая, закутанная в белый саван фигура действительно появлялась в доме Легри – открывала двери, бродила по комнатам, исчезала, возникала вновь и наконец скользила вверх по лестнице на заклятый чердак. А утром все двери оказывались запертыми на ключ, как будто ничего такого и не было.

Легри не мог не слышать всех этих пересудов, и чем тщательнее негры старались скрыть их от хозяина, тем больше они на него действовали. Он стал все чаще и чаще выпивать, на людях храбрился, осыпал всех бранью, а по ночам его мучили кошмары.

На другой день после того, как Джордж Шелби увез тело Тома, Легри уехал в город и закутил там вовсю. Домой он вернулся поздно, заперся в спальне, приставил изнутри стул к двери, зажег ночник на столике и положил рядом с ним пару пистолетов. Потом проверил, закрыты ли окна, и со словами: «Теперь мне сам дьявол не страшен!» лег в кровать.

Умаявшись за день, Легри спал крепко. Но вот какая-то тень мелькнула в его снах, сжав ему сердце предчувствием беды. Это Касси, и она держит в руках саван – саван его матери. Вдали послышались крики, стоны... Он знал, что все это снится ему, с трудом открыл глаза и, полусонный, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой от ужаса, почувствовал, как дверь распахнулась и кто-то вошел в комнату. Страхнув с себя оцепенение, он круто повернулся на другой бок. Да, дверь открыта настежь... еще секунда, и погас ночник – его потушила чья-то рука.

В окно, пробиваясь сквозь туман, льется мутный свет луны... Что это? Кто-то в белом скользит по комнате!.. Слышен легкий шелест призрачных одежд. Привидение остановилось у кровати, коснулось ледяными пальцами его руки. Зловещий, приглушенный голос проговорил трижды одно и то же слово: «Идем! Идем! Идем!»

Легри лежал, обливаясь холодным потом, и вдруг все исчезло. Он вскочил с кровати, рванул на себя дверь и, убедившись, что она заперта, без чувств грохнулся на пол.

После этой ночи Легри запил, не зная удержу, забыв всякую меру. Вскоре на соседних плантациях и в городе разнесся слух, что «Саймон при смерти». И это была правда. Пьянство довело его до белой горячки. Он метался, кричал, и бред его был так страшен, что в комнату к нему никто не решался заходить. И все время ему чудилось, будто возле кровати стоит грозное привидение в белом саване, повторяющее одно и то же слово: «Идем! Идем! Идем!»

По странной случайности, наутро после той ночи, когда призрак впервые появился в комнате Легри, дверь на веранду оказалась открытой, а кое-кто из негров видел, как по ясеневой аллее, ведущей к дороге, пробежали две белые фигуры.

Эммелина и Касси только на рассвете остановились передохнуть в небольшой рощице недалеко от города.

Касси оделась, как одеваются креолки,⁴³ – во все черное. Густая вуаль на маленькой черной шляпе совершенно скрывала ее лицо. Беглянки условились, что Касси будет выдавать себя за знатную даму, а Эммелина – за ее служанку.

Касси ничего не стоило сыграть эту роль. Воспитанная в богатом доме, она умела хорошо держаться, знала французский язык, а от прежних времен у нее остались еще кое-какие наряды и драгоценности.

На окраине города они купили дорогой чемодан, наняли носильщика, и наша важная дама появилась в маленькой городской гостинице в сопровождении мальчика, катившего на тачке ее тяжелую поклажу, и нагруженной свертками Эммелины.

Первый, кого она там встретила, был Джордж Шелби, остановившийся в той же гостинице в ожидании парохода.

Касси разглядела этого молодого человека еще в свой глазок на чердаке, видела, как он увез тело Тома, и с тайным злорадством наблюдала за его стычкой с Легри. Разгуливая по дому в образе привидения, она подслушала разговоры негров, узнала, кто он, какое отношение имеет к Тому, и сразу прониклась к нему чувством доверия. А теперь, к ее радости, выяснилось, что они поедут на одном пароходе.

Внешность Касси, ее осанка и манеры, а больше всего деньги, которые она тратила не скупясь, были способны усыпить любое подозрение на ее счет. Люди вообще склонны смотреть сквозь пальцы на тех, кто хорошо платит, и, зная это, Касси предусмотрительно запаслась солидной суммой на расходы.

В сумерках на реке послышались гудки. Джордж Шелби с галантностью, свойственной всем кентуккийцам, посадил Касси на пароход и устроил ее в хорошей каюте.

Пока шли по Красной реке, Касси не появлялась на палубе, сказавшись больной, а ее преданная служанка ни на шаг не отходила от постели своей госпожи.

Но вот добрались до Миссисипи. Джордж узнал, что незнакомка тоже собирается ехать вверх по реке, и, посочувствовав ее слабому здоровью, предложил достать для нее отдельную каюту на одном пароходе с ним.

И в тот же день все трое пересели на большое судно «Цинциннати», которое понеслось на всех парах вверх по Миссисипи.

Касси быстро оправилась от своего нездоровья. Она сидела на палубе, выходила к общему столу и привлекала к себе взгляды всех пассажиров, говоривших между собой, что в молодости эта женщина, вероятно, была красавицей.

Джордж с первой же встречи с Касси уловил в ней смутное сходство с кем-то, но никак не мог вспомнить, с кем именно. Сидя за столом в салоне или у дверей своей каюты, Касси то и дело чувствовала на себе его взгляд, который он скромно отводил в сторону, встречаясь с ней глазами.

В сердце ее закралось сомнение – уж не заподозрил ли чего-нибудь этот юноша? И наконец она решила положиться на его великодушие и поведала ему все.

Джордж был готов прийти на выручку любому беглецу с плантации Легри, о которой он не мог ни говорить, ни думать спокойно, и со свойственным его возрасту пренебрежением к возможным последствиям своих поступков обещал обеим женщинам сделать все, лишь бы помочь им.

Каюту рядом с Касси занимала француженка, мадам де-Ту, путешествовавшая с очаровательной девочкой лет двенадцати.

Услышав, что Джордж уроженец Кентукки, эта дама проявила явное желание познакомиться с ним, и знакомство вскоре состоялось, чему немало способствовала ее хорошенькая дочка, которая могла у кого угодно прогнать скуку, навеянную двухнедельным пребыванием на паро-

⁴³ Креолы – потомки выходцев из Испании, Португалии и Франции, заселивших колонии этих стран в Северной и Южной Америке.

ходе.

Джордж часто сидел у дверей каюты мадам де-Ту, и Касси слышала с палубы их беседы. Француженка подробно расспрашивала своего собеседника о Кентукки, где она, по ее словам, жила когда-то. Джордж с удивлением узнал, что они были почти соседями, а в дальнейших разговорах юношу все больше и больше поражала осведомленность, которую выказывала мадам де-Ту, вспоминая многие события и многих обитателей его родных мест.

– А среди ваших соседей нет плантатора по фамилии Гаррис? – спросила как-то француженка.

– Да, есть такой старикан и живет недалеко от нас, – ответил Джордж. – Впрочем, мы с ним редко встречаемся.

– Он, кажется, крупный рабовладелец? – продолжала мадам де-Ту, небрежностью тона явно стараясь скрыть, насколько ее интересует этот вопрос.

– Совершенно верно, – подтвердил Джордж, удивляясь, почему она так волнуется.

– Вам, может быть, приходилось слышать... у него был невольник... мулат Джордж... Вы не знаете такого?

– Джорджа Гарриса? Прекрасно знаю. Он женился на служанке моей матери, но потом убежал в Канаду.

– Убежал? – живо переспросила мадам де-Ту. – Слава богу!

Джордж в недоумении воззрился на нее, но промолчал.

И вдруг мадам де-Ту закрыла лицо руками и расплакалась.

– Это мой брат, – сказала она.

– Что вы говорите! – воскликнул Джордж вне себя от изумления.

– Да! – Мадам де-Ту горделиво вскинула голову и утерла слезы. – Да, мистер Шелби, Джордж Гаррис мой брат!

– Боже мой! – Юноша отодвинул стул и во все глаза уставился на свою собеседницу.

– Меня продали на Юг, когда он был еще мальчиком, – продолжала мадам де-Ту. – Но я попала к доброму, великодушному человеку. Он увез меня в Вест-Индию, дал мне свободу и женился на мне. Я овдовела совсем недавно и решила съездить в Кентукки на поиски брата. Я хочу выкупить его.

– Да, да, припоминаю! Джордж говорил, что у него была сестра Эмили, которую продали на Юг.

– Вот она, перед вами, – прошептала мадам де-Ту. – Расскажите мне, какой он...

– Ваш брат – очень достойный молодой человек, хотя он и вырос рабом, – сказал Джордж. – Его уму и твердости характера все отдавали должное. Я хорошо его знаю, потому что он взял жену из нашего дома.

– А что вы скажете о ней? – с живостью спросила мадам де-Ту.

– Ну, это настоящее сокровище! Красавица, умница и такая приветливая, ласковая! Она воспитывалась у моей матери, как родная дочь. Чему только ее не учили! И читать, и писать, и рукодельничать!.. А как она прекрасно пела!

– Она у вас в доме и родилась? – спросила мадам де-Ту.

– Нет. Мой отец купил ее в одну из своих поездок в Новый Орлеан и привез в подарок матери. Ей было тогда лет восемь-девять. Отец так и не признался, сколько он за нее заплатил, но недавно, роясь в его бумагах, мы нашли купчую. Сумма, скажу вам, была огромная. Вероятно, потому, что девочка отличалась необычайной красотой.

Джордж сидел спиной к Касси и не мог видеть, с каким напряженным вниманием она прислушивается к их разговору.

Когда он дошел до этого места в своем рассказе, Касси вдруг тронула его за плечо и, бледная от волнения, спросила:

– А вы не помните, у кого ее купили?

– Если не ошибаюсь, сделку совершал некий Симмонс. Во всяком случае, купчая крепость подписана его именем.

– Боже мой! – воскликнула Касси и без чувств упала на пол.

Джордж и мадам де-Ту в смятении вскочили с мест. Наш герой в пылу человеколюбия опрокинул графин с водой и разбил один за другим два стакана. Дамы, услышав, что кому-то стало дурно, столпились в дверях каюты, так что свежий воздух уже не мог туда проникнуть. Одним словом, все, что полагается делать в таких случаях, было сделано.

А бедная Касси, придя в себя, отвернулась лицом к стене и заплакала, как ребенок. Матери! Может быть, вам понятны ее чувства? А если нет, знайте: Касси уверовала, что судьба смиловилась над ней и что она увидит свою дочь.

Несколько месяцев спустя они свиделись... Впрочем, мы слишком торопимся, не будем забегать вперед!

ГЛАВА XLIII

Наше повествование подходит к концу

Нам осталось досказать совсем немного. Джордж Шелби, как и подобает человеку молодому, горячо заинтересовался этой романтической историей и, следуя побуждению своего доброго сердца, не замедлил переслать Касси документ о продаже Элизы, дата которого и подпись «Симмонс» подтверждали то, что она знала о своей дочери. Теперь Касси оставалось только отыскать ее следы, ведшие в Канаду.

Общая судьба, столь неожиданно столкнувшая мадам де-Ту и Касси на их жизненном пути, сблизила обеих женщин. Они отправились в Канаду и стали наводить справки на станциях подпольной дороги, где обычно находили пристанище беглые невольники. В Амхерстберге их направили к тому доброму священнику, в дом которого Джордж и Элиза попали прямо с парохода, и, следуя его совету, они поехали в Монреаль.

Наши беглецы жили на свободе уже пять лет. Джордж работал в мастерской у одного механика, и его жалованья вполне хватало на содержание семьи, успевшей увеличиться за это время, так как у Элизы родилась дочь.

Маленький Гарри, красивый, умный мальчик, ходил в школу; ученье давалось ему легко.

Почтенный священник, приютивший в свое время Джорджа и Элизу, проникся таким сочувствием к Касси и мадам де-Ту, что внял просьбам последней, обещавшей к тому же взять на себя все дорожные расходы, отправился вместе с ними в Монреаль.

А теперь, читатель, представьте себе небольшую чистенькую квартирку на окраине этого города. Приближается вечер. В очаге весело потрескивает огонь. На столе с белоснежной скатертью все уже готово к ужину. В дальнем углу комнаты стоит еще один стол, покрытый зеленым сукном, на нем – письменные принадлежности, бумаги; тут же на стене прибита полочка с книгами.

Этот уголок служит Джорджу кабинетом. Тяга к знанию, побудившая молодого мулата еще в прежние, тяжелые годы жизни тайком от хозяина выучиться грамоте, и теперь заставляет его отдавать весь досуг ученью.

Он сидит за письменным столом и делает выписки из какой-то толстой книги.

– Джордж! – говорит ему Элиза. – Тебя весь день не было дома. Кончай свои занятия, и давай поговорим.

И маленькая Элиза приходит ей на помощь. Она подбегает к отцу, отнимает у него книгу и карабкается к нему на колени, не спрашивая, доволен ли он такой заменой.

– Ах ты проказница! – говорит Джордж, покоряясь столь властному требованию.

– Вот и хорошо! – говорит его жена, нарезая хлеб.

Наша Элиза немножко постарела, стала полнее, солиднее, но каким спокойствием, каким счастьем дышит ее лицо!

– Ну что, дружок, решил задачу? – спрашивает Джордж, глядя сына по голове.

Гарри давно расстался со своими длинными кудрями, но глаза и ресницы у него прежние, и лоб все такой же чистый и высокий. Он заливается румянцем и отвечает торжествующим голосом:

– Решил, папа! Сам решил, мне никто не помогал!

– Молодец! – говорит Джордж. – Полагайся только на самого себя, сынок, и пользуйся тем, что можешь учиться. У твоего отца такого счастья не было.

В эту минуту раздается стук в дверь. Элиза идет открыть ее. Слышен радостный возглас: «Как! Это вы?» Джордж бежит в переднюю и радостно приветствует доброго священника из Амхерстберга. Следом за ним входят две женщины, и Элиза приглашает их садиться.

Сказать по чести, добрейший священник заранее обдумал программу этого свидания и всю дорогу убеждал обеих женщин не нарушать ее стройного порядка.

Сначала все шло как по писаному. Священник усадил своих спутниц, вынул из кармана платок, вытер лицо и только хотел начать давно заготовленную речь, как вдруг – о ужас! – мадам де-Ту, расстроив все его планы, кинулась Джорджу на шею со словами:

– Джордж! Ты не узнаешь меня? Я твоя сестра Эмили!

Касси все еще держала себя в руках, и она справилась бы со своею ролью до конца, если бы перед ней вдруг не появилась маленькая Элиза – точная копия той Элизы, которая осталась у нее в памяти. Малютка во все глаза уставилась на незнакомую женщину, и Касси не выдержала, схватила внучку на руки, прижала к груди и воскликнула, не сомневаясь в правоте своих слов:

– Радость моя! Я твоя мама!

Что и говорить, трудно в таких случаях придерживаться заранее установленного порядка! Однако в конце концов священник кое-как успокоил всех и произнес свою запоздалую речь, которая так ему удалась, что его слушатели обливались слезами, а это, согласитесь, могло польстить самолюбию любого оратора и древних времен и наших дней.

И вот хозяева и гости садятся за стол и заводят беседу. Все настроены радостно, если не считать маленькой Элизы, которая полна недоумения: незнакомая тетя держит ее на коленях, то и дело прижимает к груди и вдобавок отказывается от пирога, уверяя, будто у нее есть что-то такое, что лучше всяких лакомств.

Проходит день, другой, и читатель, пожалуй, не сразу узнает Касси – такая перемена произошла в ней за этот короткий срок. Ее взгляд, прежде полный безграничного отчаяния, смягчился, затеплился лаской. Она обрела семью, и дорогу к ее сердцу, истомившемуся без любви, прежде всего нашли дети. Маленькая Элиза была ей ближе родной дочери, ибо Касси видела в этом ребенке двойника той девочки, которую она потеряла много лет назад. И малютка послужила связующим звеном между матерью и дочерью, которые с ее помощью узнали и полюбили друг друга.

На следующий день после встречи с братом мадам де-Ту более подробно посвятила его в свои дела. Покойный муж оставил ей немалое состояние, которое она великодушно предложила разделить с семьей Джорджа. На ее вопрос, как лучше всего распорядиться этими деньгами, Джордж ответил:

– Дай мне возможность получить образование, Эмми. Это всегда было моей заветной мечтой. А остального я добьюсь сам.

По зрелом размышлении было решено на несколько лет переехать всей семьей во Францию, что они и сделали, взяв с собой Эммелину.

В пути прелестная девушка покорила сердце первого помощника капитана и, когда они сошли на берег, обвенчалась с ним.

Джордж четыре года прилежно учился в одном французском университете и достиг своей цели – стал образованным человеком.

Свои убеждения и чувства он лучше всего выразил сам в письме к одному другу.

«Будущее мое все еще неясно, – писал Джордж. – Правда, ты говоришь, что белые согласятся терпеть в своем обществе человека с таким цветом кожи, как у твоего покорного слуги, – тем более что жена и дети у меня совсем светлые. Ну что ж, может быть... Но, представь себе, я вовсе этого не жажду! Все мои симпатии на стороне того народа, к которому принадлежала моя мать. Когда я вспоминаю то, что она выстрадала, вспоминаю муки, выпавшие на мою долю, на долю моей героини-жены и моей сестры, проданной на невольничьем рынке в Новом Орлеане, у меня нет ни

малейшего желания выдавать себя за американца или иметь что-то общее с ними...

«Но, – возразишь ты, – наш народ имеет такое же право на существование в американской республике, как, скажем, ирландцы, немцы, шведы!» Допустим, что это так. Нам должны дать равные права со всеми, независимо от цвета нашей кожи, независимо от кастовых признаков. И те, кто лишает нас этих прав, изменяют принципу всеобщего равенства – принципу, который они якобы исповедуют. Мы особенно много должны требовать именно от Америки, ибо она повинна во всех наших несчастиях. Но я опять повторяю: мне не нужно от нее воздаяний за прошлые несправедливости. Я хочу жить в своей стране, среди своего народа...

Ты назовешь меня фантазером. Ты скажешь, что Либерия,⁴⁴ куда я стремлюсь, овеяна для меня дымкой романтических мечтаний. Но это неверно. Я все учел, все обдумал. Я буду работать там, не боясь никаких препятствий и неудач, буду работать всю жизнь, до последнего вздоха. И я уверен, что мне не придется раскаяться в своем решении.

Джордж Гаррис».

Через несколько недель Джордж с женой, матерью жены, сестрой и детьми уехал в Африку.

Нам осталось сказать несколько слов о мисс Офелии и Топси, а заключительную главу мы посвятим Джорджу Шелби.

Мисс Офелия привезла Топси в Вермонт, к великому неудовольствию своего сурового и чопорного семейства. На первых порах Топси считали явной помехой, нарушающей размеренный ход жизни в доме. Однако мисс Офелия так неукоснительно выполняла свой долг по отношению к Топси и добилась таких успехов в ее воспитании, что девочка вскоре снискала расположение не только родных и домочадцев своей наставницы, но и всех их соседей.

Быть может, некоторым из наших читателей будет приятно узнать, что розыски сына Касси, предпринятые мадам де-Ту, увенчались успехом. Этот весьма смелый и предприимчивый юноша бежал на Север несколькими годами раньше, чем его мать, и с помощью тех, кто всегда готов поддержать угнетенных, получил там образование. Пройдет еще немного времени, и он тоже уедет в Африку, где его ждет семья.

ГЛАВА XLIV Освободитель

Джордж Шелби сообщил матери о дне своего приезда в двух-трех словах. У него не хватило духу написать домой о смерти Тома. Юноша несколько раз брался за перо, но все эти попытки кончались тем, что он, задыхаясь от подступающих к горлу слез, разрывал письмо на клочки, вытирал платком глаза и убегал куда-нибудь успокоиться.

В тот день в доме Шелби царило радостное оживление: все ждали приезда молодого мистера Джорджа.

Миссис Шелби сидела в уютной гостиной у камина, жаркий огонь которого разгонял холодок осеннего вечера. Стол, накрытый к ужину под наблюдением нашей старой приятельницы, тетушки Хлои, сверкал серебром и хрустальными бокалами.

Разодетая в пух и прах – новое ситцевое платье, белоснежный передник и высокий, туго накрахмаленный тюрбан, – Хлоя без всякой нужды похаживала вокруг стола, выискивая предлог, чтобы поболтать с хозяйкой, а ее глянцеви́то-черная физиономия так и сияла от радости.

– Хочу, чтобы все было как надо, – сказала она. – Его прибор поставлю поближе к камину – он любит тепленькое местечко. Ох, да что же это! Почему Салли не подала новый чайник, тот, что мистер Джордж подарил вам к рождеству! Пойду принесу его... – И, помедлив, вдруг спро-

⁴⁴ Либерия – страна на западном побережье Африки.

сила: – А письмоцо мистер Джордж все-таки прислал?

– Прислал, Хлоя. Всего несколько слов. Пишет: если удастся, приедет сегодня вечером. Вот и все.

– А про моего старика там ничего не сказано? – допытывалась Хлоя, передвигая чашки с места на место.

– Нет, Хлоя. Больше он ни о чем не пишет. Обещает рассказать все по приезду.

– Да ведь мистер Джордж всегда так. Страсть как любит сам все выложить! Я его повадки знаю. А по правде сказать, на вас, белых, только диву даешься! И охота вам писать письма! Возня-то какая!

Миссис Шелби улыбнулась.

– Я все думаю, не узнает мой старик своих ребятишек: Поллито совсем большая стала, и какая бойкая! Она у меня дома сейчас сидит, присматривает за пирогом. Я своему старику его любимый пирог замесила, точно такой же, какой он ел в тот день, когда прощался с нами. Господи милостивый, как я тогда убивалась!

Миссис Шелби вздохнула, почувствовав тяжесть на душе при этом воспоминании. Беспкойство не оставляло ее с тех самых пор, как от Джорджа было получено письмо. Она подозревала, что сын неспроста пишет так коротко, словно умалчивая о чем-то.

– Миссис Шелби, а деньги мои вы приготовили? – спохватилась вдруг Хлоя.

– Приготовила, приготовила.

– Пусть мой старик посмотрит, сколько я заработала. А знаете, что он мне сказал, этот бандитер? «Хлоя, – говорит, – оставайся, не уходи». А я ему отвечаю: «Спасибо, – говорю, – я бы с удовольствием осталась, да вот только мой старик скоро вернется и хозяйке без меня трудно». Так и сказала, честное слово! А он хороший человек, этот мистер Джонс.

Хлоя с первого дня службы у кондитера мечтала, что когда-нибудь Том убедится собственными глазами в заслугах своей жены, увидев те самые деньги, которыми ей выплачивали жалованье. Миссис Шелби охотно согласилась выполнить ее желание и сохранила их до последнего цента.

– Не узнает он Полли, ни за что не узнает. Господи, ведь, ни много ни мало, пять лет прошло с тех пор, как его увезли! Она тогда совсем крошка была, едва на ногах стояла! А помните, как мой Том радовался, когда дочка начала ходить? О господи, господи!

Вдали послышался стук колес.

– Мистер Джордж! – крикнула тетушка Хлоя, кидаясь к окну.

Миссис Шелби выбежала на веранду и попала прямо в объятия сына. Тетушка Хлоя стала рядом с ними, напряженно вглядываясь в темноту.

– Бедная моя! – проникновенным голосом сказал Джордж и сжал ее мозолистую черную руку в своих. – Я бы отдал все, чтобы привезти его домой, но он ушел от нас.

Миссис Шелби горестно вскрикнула. Хлоя же не произнесла ни слова.

Все троим они вошли в гостиную. Деньги, которыми так гордилась тетушка Хлоя, по-прежнему лежали на столе.

– Возьмите, миссис, – сказала она, собирая их со стола и дрожащей рукой протягивая хозяйке. – Глаза бы мои не глядели на эти деньги! Чуюло мое сердце, что так и будет... Продали его, а там ему и смерть пришла... уморили.

Хлоя повернулась и, гордо вскинув голову, зашагала к двери. Миссис Шелби догнала ее, взяла за руку, усадила в кресло и сама села рядом.

– Бедная ты моя, хорошая! – сказала она.

Хлоя уронила голову ей на плечо и проговорила сквозь горькие рыдания:

– Простите меня, миссис... Я сама не своя, сердце разрывается на части.

Наступило долгое молчание. Они плакали все трое. Наконец Джордж сел, взял тетушку Хлою за руку и бесхитростными, трогательными в своей простоте словами рассказал ей о смерти Тома, повторив его полный любви прощальный привет близким.

* * *

Прошло около месяца, и вот однажды утром всех негров, живших в поместье Шелби, созвали в большой зал господского дома послушать, что им скажет молодой хозяин.

К их немалому удивлению, мистер Джордж появился с кипой бумаг в руках, и эти бумаги оказались не чем иным, как вольными, которые он читал вслух под радостные возгласы и рыдания и вручал каждому негру в отдельности.

– Друзья мои! – начал Джордж, когда ему наконец удалось восстановить тишину в зале. – Я не гоню вас отсюда. Нам по-прежнему нужны работники и в доме и на полях. Но вы теперь свободные люди. Вы будете получать жалованье за свой труд – о размерах его мы еще договоримся. Если же я запутаюсь в долгах или умру – все может случиться, – вас никто не обидит, никто не продаст. Я по-прежнему буду управлять поместьем и научу вас пользоваться своими новыми правами, ибо это дается человеку не сразу. Позвольте же мне надеяться, что мои старания не пропадут даром. А напоследок я хочу сказать вам еще несколько слов. Помните ли вы нашего доброго дядю Тома? Так вот знайте: на его могиле, друзья мои, я поклялся, что у меня не будет больше ни одного раба. Я поклялся, что никто из вас не разлучится по моей вине со своим родным домом, со своими близкими, никто не умрет на чужой стороне, как умер дядя Том. Радуюсь свободе, не забывайте, какому прекрасному человеку вы обязаны ею, и оплатите за это добром его жене и детям. И пусть хижина дяди Тома всякий раз напоминает вам, что среди вас нет рабов. Цените же свою свободу и постарайтесь быть такими же честными и верными, каким был наш дядя Том.